PERTY OF THE
LIBRARY OF THE
MAY 8 1961
W MAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3

МОСКВА·1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/voprosy-istorii_1961-03_3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 3 МАРТ 1961 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. Б. Княжинский, В. Г. Трухановский — Проблема войны и мира в современной истории 3
И. Б. Берхин — Некоторые вопросы историографии новой экономической политики в СССР 28
Л. В. Фокин — Из истории борьбы изобретателей и рационализаторов Москвы за технический прогресс 45
Л. В. Данилова — Русское средневековье в современной историографии США 63
Г. П. Морозов (Ленинград) — Профессиональные организации рабочих Парижа и Коммуна 1871 года 92

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Работы в области исторических наук, выдвинутые на соискание Ленинских премий 1961 года 107

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

В. К. Яцунский — Академик Николай Михайлович Дружинин (К 75-летию со дня рождения) 110
Ю. В. Бромлей — Основные итоги научной деятельности учреждений Отделения исторических наук АН СССР за 1960 год 112
М. И. Михайлов — Научная сессия, посвященная 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса 130
Г. А. Фавстов — III Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы 135

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. Н. Владимирцев, Ю. У. Томашевич — «Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий. 7 мая — 25 июля 1917 г. Т. 2 145
Л. С. Семенов (Ленинград) — А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX века 148
В. М. Кулаков — В. М. Кулиш. Второй фронт. Операции в Западной Европе в 1944—1945 гг. 153

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

К. Н. Сербина (Ленинград) — А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.); А. Ф. Шульговский — «Очерки новой и новейшей истории Мексики»; С. Д. Чхартишвили (Тбилиси) — И. М. Табагуа. Русско-французские отношения перед первой мировой войной 158
Новые книги 166
Статьи в советских исторических журналах 169

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В. Н. Поспелова, И. А. Энгельгардт — Научные сессии в связи со 140-летием со дня рождения Ф. Энгельса 173
Хроникальные заметки 175
Список тем докторских диссертаций, утвержденных в 1954—1960 годах 177

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. З. Дробижев, Ю. И. Игрицкий — Извращение истории совнархозов в англо-американской буржуазной литературе 182

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. Н. Виноградов — В. Ливяну. 1918 год. Из истории революционной борьбы в Румынии; Я. И. Дразнинас (Чита) — Ж. Дотри, Л. Шелер. Центральный Республиканский Комитет двадцати округов Парижа (Сентябрь 1870 г.— май 1871 г.); Н. Н. Болховитинов — Маркус Канлифф. Формирование американской нации. 1789—1837 187

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 196
Заметки о статьях 198
Рецензии на книги советских авторов 215

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

А. И. Данилов — О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки 216

Резюме статей на английском языке 218

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 222

СТАТЬИ

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

В. Б. Княжинский, В. Г. Трухановский

В истории есть немало примеров, когда решение проблемы войны и мира определяющим образом сказывалось на судьбе отдельных народов и стран. Ныне, в середине XX в., наступило время, когда от решения этого вопроса зависит судьба всего человечества. В наш век бурного развития науки и техники, проникновения в космос и овладения тайнами атомной энергии небывало стремительными темпами возрастает способность человека преобразовывать лицо земного шара. Но эти же величайшие достижения человеческого гения породили в связи с сохранением в части мира сил империализма, милитаризма и агрессии зловещий призрак опустошительной ракетно-ядерной войны, могущей принести гибель и страдания сотням миллионов людей всех континентов. Обеспечение всеобщего мира стало самой жгучей современной проблемой, которая находится в центре внимания человечества. Естественно также, что в современную эпоху великих общественных преобразований эта проблема является предметом ожесточенной идеологической борьбы, которая ведется и в области исторической науки.

Вопрос о возможности предотвратить нависшую над человечеством катастрофу и добиться того, чтобы достижения научного и технического прогресса были обращены исключительно на благо людей, ставится историками и социологами различных стран, придерживающимися различных взглядов на характер развития человеческого общества. Глубокий пессимизм, неверие в способность людей предотвратить бедствия войны сквозят в работах большинства представителей буржуазных общественных наук. Верой в торжество человеческого разума, в способность народов положить конец войнам проникнуты выводы марксистско-ленинской науки. В этой борьбе мнений отражается диаметральная противоположность мировоззрений ученых-марксистов и буржуазных исследователей в их подходе к проблеме войны и мира.

Буржуазные ученые обычно рассматривают войны в отрыве от социально-экономических условий жизни общества, не подходят к анализу этого явления конкретно-исторически. Происхождение войн они объясняют с позиций всякого рода субъективно-идеалистических и вульгарно-материалистических теорий. Одни реакционные ученые усматривают причины войн в биологических свойствах человека. Так поступает, например, англичанин Дж. Фуллер, повторяющий вымыслы своего известного соотечественника Гоббса о якобы присущих людям воинственных инстинктах[1]. Другие, как, например, американский социолог Г. Моргентау, французский социолог Раймон Арон, английский социолог Дж. Шварценбергер, видят причины войн в существовании национальных государств[2]. Культ национализма требует от своих последователей во все возраста-

[1] J. Fuller. The Decisive Battle of the Western World. London. 1954, p. XI.

[2] H. Morgenthau. Politics among Nations. New York. 1948; R. Aron. La société industrielle et la guerre. Paris. 1959; G. Schwarzenberger. Power Politics. London. 1950.

ющих масштабах междоусобных войн, разрушительность которых возрастает в геометрической прогрессии» [3],— пишет видный английский историк А. Тойнби, ссылаясь на развитие событий с конца XVIII в. до второй мировой войны. Кроме того, реакционными учеными приводятся мальтузианские и тому подобные трактовки происхождения войн [4]. Но при всем разнообразии теоретических выкладок о войнах для буржуазных авторов характерны неспособность или нежелание понять ни подлинные причины, ни исторически преходящий характер этого общественного явления.

Реакционные идеологи обычно не оспаривают ставшую классической формулу немецкого военного теоретика прошлого века Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами. Но они игнорируют тот факт, что сама политика достижения определенных социальных целей средствами насилия возникла лишь с разделением общества на антагонистические классы и свойственна только антагонистическому обществу. Так, бывший государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес, подвизавшийся в качестве теоретика американского империализма, подчеркивал в 1957 г. в предисловии ко второму изданию своей книги «Война или мир», что война является вечной исторической категорией, органически присущей человеческому обществу. Он ссылался на книгу «История войн» американского социолога Куинси Райта, подсчитавшего, что за последние пять веков было около трехсот войн. «...Мы должны помнить, что в конечном итоге нельзя обеспечить прочный и длительный мир, если не обеспечены законность и справедливость»,— писал Даллес. Указав на произвольность и субъективность понимания «законности и справедливости», он отмечает, что «даже, если устранить эти несправедливости, то создавшееся положение не сохранится вечно. Изменение — закон жизни. В конечном счете существующие несправедливости толкают на применение силы...» [5]. Возводя в ранг вечных законов закономерности, присущие отживающему эксплуататорскому обществу, реакционные буржуазные теоретики прививают людям чувство беспомощности перед лицом исторических процессов, неверие в возможность избежать войны.

Марксистско-ленинская наука давно уже разоблачила несостоятельность подобных метафизических «обобщений» отдельных эпизодов истории. Марксизм-ленинизм раскрыл диалектику истории, в соответствии с которой антагонистический общественный строй, несущий войны, закономерно порождает силы, призванные похоронить его и ликвидировать войны. Эта высокая миссия возлагается историей на пролетариат. «...Наша цель,— писал В. И. Ленин,— достижение социалистического общественного устройства, которое, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устранит всякую возможность войн вообще» [6]. Таким общественным устройством, как указывал К. Маркс, будет социалистическое общество, «международным принципом которого будет — м и р, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — т р у д!» [7].

Основоположники марксизма-ленинизма раскрыли закономерность участия все более широких народных масс в решении исторических судеб мира. «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем» [8],— писал В. И. Ленин задолго до Октябрьской революции. Тем самым была показана возможность соз-

---

[3] A. Toynbee. A Study of History. Vol. IX. Oxford. 1954, p. 408.
[4] См. E. Pendell. Population on the Loose. New York. 1951.
[5] J. F. Dulles. War or Peace. New York. 1957, p. X.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 363.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М. 1952, стр. 449.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 491.

нательного воздействия народных масс на решение проблемы войны и мира и неизбежность возрастания этого воздействия. Марксистско-ленинская постановка вопроса о войне и мире, основанная на глубоком познании объективных исторических закономерностей, мобилизует массы на борьбу за избавление мира от ужаснейшего из бедствий. Весь ход исторического процесса свидетельствует о неуклонном нарастании сил, призванных положить конец войне.

★

Первые организованные движения протеста против опустошительных войн возникли в некоторых странах в начале XIX века. Развитие военной техники, возрастание масштабов войн, затрагивавших одновременно все больше стран и народов, а также вовлечение в общественную деятельность все большей части населения привели к росту числа пацифистских организаций и созданию в конце XIX в. в Берне их международного объединения — «Бюро мира». Но многочисленные конгрессы пацифистов тщетно взывали к гуманным чувствам правящих кругов и правительств, принимая резолюции с благими пожеланиями о запрещении войн и разоружении. Буржуазные интеллигенты, руководившие пацифистскими организациями, не понимали истинных причин войн и шли по неправильному пути. Это был период, когда во всем мире безраздельно господствовал капитализм с присущими ему международными отношениями грабежа и насилия. В условиях капитализма, отмечал В. И. Ленин, «самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент»[9]. Никакие призывы к гуманности и прочие увещевания пацифистов не могли повлиять на политику капиталистических государств. В мире в то время еще не возникли объективные и субъективные предпосылки предотвращения войн.

Образование первых массовых политических партий рабочего класса в конце XIX в. открыло новую страницу истории борьбы народов против войн. Агрессивная война глубоко враждебна классовой природе пролетариата, ее ликвидация является одной из его классовых целей. Передовые рабочие понимали, что причина войн кроется в природе капитализма, который, по выражению французского социалиста Жореса, «несет в себе войну, как туча грозу». Поэтому борьба против войны неизбежно должна была связываться с борьбой против порождающего ее эксплуататорского строя. Это подчеркивалось на конгрессах II Интернационала в Штутгарте (1907 г.), в Копенгагене (1910 г.) и в Базеле (1912 г.). Но в ту пору международное рабочее движение не было достаточно массовым и политически зрелым, в его руководстве преобладали правые социал-демократы, которые в решающий момент поддержали империалистическую политику; поэтому оно оказалось не в силах помешать развязыванию первой мировой войны. В тех исторических условиях война была неизбежна.

Однако в крупнейшей стране мира — в России — борьба рабочего класса за мир и свободу, поддержанная усилиями всех трудящихся масс, пробила в октябре 1917 г. первую брешь в мировой системе капитализма; с началом общего кризиса капитализма начался и кризис созданной им системы международных отношений, порождавшей военные конфликты.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открыв новую эпоху в истории человечества — эпоху перехода от капитализма к социализму, навсегда покончила с безраздельным господством империалистической политики на международной арене. Впервые в истории воз-

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 454.

никло государство, в котором с ликвидацией эксплуататорских классов исчезли социальные группы, заинтересованные в войне. Мир является необходимым условием построения социализма и коммунизма — главной исторической задачи, ставшей перед рабочим классом и всеми трудящимися Советской России. Поэтому вполне закономерно, что первым внешнеполитическим актом Советского государства был ленинский «Декрет о мире», пламенный призыв к народам и правительствам положить конец войне. Империалистической международной политике угнетения и насилия, отвечающей интересам эксплуататорских классов, была противопоставлена социалистическая политика мира и дружбы между народами. Она провозгласила неслыханные ранее принципы мирного урегулирования международных споров, равноправия больших и малых государств и их взаимовыгодного сотрудничества, уважения национального суверенитета и прав народов самим определять свою судьбу. Эта политика отвечала жизненным интересам не только советского народа, но и трудящихся масс всего мира. Таким образом, с образованием первого социалистического государства начался новый этап в развитии международных отношений, характеризующийся существованием двух принципиально противоположных курсов в международной политике.

Реакционные ученые стремятся затушевать принципиальное отличие социалистической внешней политики от политики империалистической. Они тщетно пытаются приписать Советскому государству и его внешней политике агрессивные намерения. У фальсификаторов истории уже стало штампованным приемом выдергивать из контекста и превратно толковать высказывания классиков марксизма-ленинизма для «обоснования» своих лживых утверждений об «агрессивности» социалистических государств в отношении их капиталистических соседей. К такому средству прибегает, например, Р. Арон, приписывая советской дипломатии такие «специфические черты», как стремление к «неограниченному территориальному расширению» путем «экспорта революции», «постоянным конфликтам» и т. п.[10]. В том же духе выступает американский военный теоретик Дж. Гэвин, который, цитируя высказывание В. И. Ленина о возможности столкновений социалистического государства с капиталистическими в случае империалистической агрессии[11], выдает эти слова за «доказательство» невозможности их мирного сосуществования[12]. Эти злонамеренные вымыслы опровергаются историческими фактами.

В. И. Ленин неоднократно указывал на невозможность навязать силой какую-либо идеологию, решительно отвергал «экспорт революции». Разоблачая авантюристическую политику «левых» коммунистов в период брестских переговоров, В. И. Ленин писал по поводу их резолюции: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир... Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»[13].

В. И. Ленин выступал против войн также и по соображениям гуманизма. В речи на VIII Всероссийском съезде Советов он говорил, что ему «был задан во время дискуссии такого рода вопрос: «Выходит, — как писал один товарищ,— что мы втравливаем в войну Японию и Америку, но воевать будут рабочие и крестьяне. И хотя это империалистиче-

---

[10] R. Aron. Указ соч., стр. 104, 107.
[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 133.
[12] J. Gavin. War and Peace in the Space Age. London. 1959, pp. 119—120.
[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 49.

ские державы, но нам, социалистам, разве пристало втравливать в войну две державы и приводить к пролитию крови рабочих?». Я на это ответил, что, если бы мы действительно втравливали в войну рабочих и крестьян, это было бы преступлением. Но вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне... Таким образом, наша политика не состоит в натравливании в войну» [14].

В. И. Ленин теоретически обосновал неизбежность одновременного существования в период перехода от капитализма к социализму двух противоположных общественных систем и показал, что мирное сосуществование является в этих условиях единственным правильным принципом международных отношений. В. И. Ленин подчеркивал стремление Советского правительства к мирным отношениям со всеми государствами. «Мы за союз со всеми странами, никого не исключая» [15],— писал он. Принцип мирного сосуществования противоположных общественных систем стал генеральной линией внешней политики нашего государства с момента его основания. Не «экспорт революции» из Советской страны, а попытки экспорта контрреволюции со стороны капиталистических держав в Советский Союз, попытки империалистических кругов вооруженной силой повернуть вспять ход истории угрожали миру.

Что же касается вымышленной Р. Ароном и его единомышленниками версии о якобы присущей советской дипломатии склонности к «постоянным конфликтам», то опыт истории свидетельствует, что Советский Союз всегда стремился и стремится к мирным отношениям с капиталистическими государствами и сохранению мира на всей земле. Интернациональный долг трудящихся Советского Союза, который реакционные историки превратно истолковывают как намерение сеять раздоры и конфликты в целях «экспорта революции» [16], состоит как раз в предотвращении бедствий войны, от которых страдают прежде всего трудящиеся. Не случайно именно Советский Союз еще в 1922 г. начал борьбу за всеобщее и полное разоружение, а когда в 1933 г. в связи с приходом гитлеровцев к власти создалась реальная угроза фашистской агрессии, Советское правительство выступило с предложениями заключить конвенцию об определении агрессии, создать действенную систему коллективной безопасности. Только Советский Союз выступил в 1923 г. против интервенции французского империализма в Руре, только он требовал принятия эффективных мер для пресечения фашистской агрессии в 1935 г. в Эфиопии, в 1936—1939 гг.— в Испании. Советское правительство решительно осудило мюнхенский сговор. Советская страна была единственным государством, которое выразило готовность прийти на помощь Чехословакии, ставшей жертвой агрессии германского фашизма. Приписывая советской дипломатии стремление сеять военные конфликты, фальсификаторы истории игнорируют эти и многие другие исторические факты.

Вся история периода, когда Советский Союз был единственным социалистическим государством в капиталистическом окружении, наполнена настойчивой борьбой миролюбивой советской политики против попыток империалистических держав путем агрессии найти выход из углублявшихся и обострявшихся противоречий империализма. Провозглашенные Советским Союзом подлинно демократические принципы международной политики, его конкретные предложения и мероприятия по обеспечению всеобщего мира, пробивая завесу лжи, созданную империалистической пропагандой, находили отклик в сердцах трудящихся всего мира и неизбежно оказывали возрастающее воздействие на разви-

---

[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 440.
[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 341.
[16] См. W. Kulski. Peaceful Coexistence. Chicago. 1959, pp. 99—110.

тие международных событий. Сила воздействия Советского государства на международные отношения обусловливается прежде всего тем, что впервые в истории государственная политика стала строиться с учетом действия объективных исторических закономерностей. Советское правительство всегда вело и ведет активную борьбу против опасности войн, порождаемых империализмом, действием объективных законов буржуазного общества. Но законы общественного развития проявляются через целенаправленные действия людей. Как отмечал Н. С. Хрущев, «война — это не только экономическое явление. В вопросе о том, быть или не быть войне, имеет большое значение соотношение классовых, политических сил, организованность и сознательная воля людей» [17]. Усилия первого социалистического государства были направлены на мобилизацию и объединение всех сил, заинтересованных в обеспечении мира.

Существенным фактором в борьбе за мир была и остается ненависть трудящихся всех стран к империалистическим войнам, приносящим народам смерть и нищету. Империалистические правительства отстраняли и пытаются отстранять народы от участия в решении вопросов войны и мира. Втайне от масс эти вопросы решались буржуазными правительствами в министерских кабинетах. В этой связи, подчеркивал В. И. Ленин, «надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...» [18]. Советская дипломатия, осуществляя подлинно народную политику, действовала и действует открыто, выдвигая конкретные, понятные для широчайших масс предложения по обеспечению мира. Поэтому внешняя политика социалистического государства пользуется сочувствием и поддержкой трудящихся капиталистических стран и в особенности международного рабочего движения, служит для них мобилизующим фактором в борьбе за мир.

Советский Союз в своих действиях в защиту мира стремится максимально использовать все благоприятные для этого условия, возникающие в капиталистических странах. В. И. Ленин, говоря об отношениях Советского государства с соседними странами, указывал, что «мы вполне рассчитываем на мирные чувства не только рабочих и крестьян..., но и громадной части благоразумных представителей буржуазии и правительств» [19].

Важным вкладом в дело мира является установление Советским государством подлинно равноправных, дружественных отношений с рядом стран Востока. Великая Октябрьская социалистическая революция дала могучий толчок развитию здесь национально-освободительного движения. Народы Востока, стремившиеся к обеспечению и укреплению своей национальной независимости, поддерживали усилия Советского Союза в его борьбе против развязывания империалистической агрессии.

На протяжении всех лет своего существования Советский Союз неуклонно прокладывает народам путь к миру. Миролюбивая политика Советского Союза, завоевавшая ему горячие симпатии и поддержку со стороны народных масс капиталистических государств, уже в первые годы его существования вынуждала многие империалистические государства маскировать агрессивные тенденции в своей политике и ратовать на словах за мир. Пацифистский концерт дипломатического хора, певшего в Лиге Наций гимны миру и разоружению, был призван заглушить бряцание оружием в ходе подготовки империалистических держав к войне. Борьба Советского Союза против империалистической политики подготовки войн раскрывает народам глаза на происхождение войн, на оберегаемые империалистами тайны международной полити-

[17] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М. 1956, стр. 39.
[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 409.
[19] Там же, стр. 114.

ки, разоблачает буржуазные правительства, отказывающиеся осуществить конкретные мероприятия по обеспечению мира. Первое социалистическое государство самим фактом своего существования и своей миролюбивой внешней политикой всегда способствовало росту в капиталистических странах политической сознательности широких народных масс и их активности в вопросах международной политики.

Историческое развитие, весь ход общественного прогресса в новое и новейшее время ведут к превращению народных масс из объекта международной политики в ее субъекта. Уже в XIX в. общественное мнение для английского министра иностранных дел Каннинга «было большей силой, чем все те силы, которые были приведены в действие на протяжении человеческой истории». Премьер-министр Англии второй половины XIX в. Пальмерстон признавал, что «мнения сильнее армий. Мнения, если они основаны на правде и справедливости, в конце концов осилят штыки пехоты, огонь артиллерии и атаки кавалерии» [20].

Воздействие народных масс на международные отношения после Великой Октябрьской социалистической революции неуклонно возрастает, препятствуя проведению империалистами агрессивной политики. В период иностранной интервенции и гражданской войны в Советской России успехам героической борьбы советского народа в немалой степени содействовала борьба народных масс в капиталистической Европе против политики империалистических правительств. Движение рабочего класса под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» препятствовало осуществлению агрессивных антисоветских планов империалистов в 20-х годах. Массовое движение английского народа против попыток развязать в 1920 г. войну между Англией и Советским государством заставило правительство Ллойд-Джорджа отступить. Военный министр этого правительства У. Черчилль писал позднее о результатах движения «Руки прочь от Советской России!»: «Общественное мнение в Англии и во Франции находилось в полной прострации. Всякая военная интервенция была невозможна. Ничего не оставалось, кроме слов и бессильных жестов... Под давлением общественного мнения Ллойд-Джордж был вынужден уведомить польское правительство, что... британское правительство не сможет предпринять ничего против Советской России» [21]. В отчете лейбористской партии Англии говорилось по этому вопросу: «Нет никакого сомнения в том, что именно рабочее движение в начале августа воспрепятствовало объявлению войны России» [22].

В 30-х годах, когда на международном горизонте в связи с поисками империалистическими кругами выхода из мирового экономического кризиса стали обрисовываться контуры новой мировой войны, в ряде капиталистических стран возникло широкое общественное движение в защиту мира. По инициативе Р. Роллана и А. Барбюса в августе 1932 г. в Амстердаме был созван Всемирный антивоенный конгресс, на который прибыло свыше двух тысяч представителей рабочих, культурных, профсоюзных организаций 29 стран. Конгресс разработал программу борьбы с военной опасностью. В манифесте, принятом конгрессом, содержался призыв к народным массам всего мира сплотить ряды в борьбе против войны. «В силу мандата, данного ему со стороны массы делегатов различных политических направлений, собравшихся со всех частей света, но единых в искреннем и пламенном желании мира...— говорилось в манифесте,— конгресс призывает массы, как единственную непреодолимую силу в ужасающем хаосе современности, к тому, чтобы подняться сомкнутыми дисциплинированными рядами про-

---

[20] См. Г. Никольсон. Дипломатия. М. 1941, стр. 50.
[21] У. Черчилль. Мировой кризис. М. 1931, стр. 180—181.
[22] «World News», Vol. VII, № 31, London. 1960.

тив этого хаоса и возвысить против него свой мощный голос»[23]. Международные антивоенные конгрессы созывались в 1934 г. в Чикаго, в 1935 г.— в Париже. Своеобразной формой проявления антивоенной активности масс был организованный в 1935 г. в Англии обществом друзей Лиги Наций плебисцит мира, в котором участвовало 11 млн. человек. Под лозунгом объединения народов всего мира для действенной борьбы против агрессии проходила в Париже в мае 1939 г. Всемирная конференция в защиту мира, демократии и социализма, на которой присутствовало около пятисот делегатов от 25 стран.

Выдающуюся роль в организации антивоенного движения народных масс капиталистических стран играло резко усилившееся после Великой Октябрьской социалистической революции международное рабочее движение во главе с коммунистическими партиями, вооруженными опытом борьбы советских трудящихся за мир. Коммунисты срывали маски с мнимых пацифистов, пытавшихся дезориентировать народы, раскрывали массам глаза на виновников военной угрозы и направляли трудящихся на верный путь борьбы за сохранение мира. Коммунисты указывали на опасность войны, которой был чреват приход к власти фашистов в ряде стран, особенно в Германии. В этой связи коммунистические партии Германии, Франции, Англии, Италии и ряда других стран выступили в апреле 1935 г. с заявлением, в котором они выражали решимость «одновременно мобилизовывать трудящиеся массы в каждой стране против военных провокаций фашистских руководителей Германии; против тех, кто готовит новую империалистическую войну; против их союзников и против всех, кто способствует воинственным происках германского империализма»[24]. Под лозунгом объединения всех сил мира и демократии против войны и фашизма прошел в 1935 г. VII конгресс Коммунистического Интернационала. «Антивоенная борьба масс, стремящихся к сохранению мира,— говорилось в резолюции конгресса,— должна теснейшим образом сочетаться с борьбой против фашизма и фашистского движения. Необходимо вести не только общую пропаганду за мир, но и в первую очередь против главных поджигателей войны»[25]. Коммунистические партии капиталистических стран призывали народные массы добиваться от правительств совместных с Советским Союзом действий по обеспечению коллективной безопасности.

Ярким проявлением роста политической сознательности и активности народных масс в борьбе за мир было международное движение солидарности с республиканской Испанией, ставшей жертвой фашистской агрессии. Прибывшие в Испанию из 53 стран десятки тысяч добровольцев интернациональных бригад, придерживавшиеся самых различных политических взглядов, воплощали стремление народов сражаться с оружием в руках в защиту мира от фашистской агрессии. Обращаясь к добровольцам в сентябре 1936 г., руководство интернациональных бригад подчеркивало, что «против зачинщиков новой войны, против тех, кто извлекает из войны громадные прибыли, выступают борцы за мир и братство между народами. Поэтому ваша борьба является борьбой всех народов, стремящихся к миру, свободе и благосостоянию»[26].

Раскольнические действия правого руководства социал-демократических партий, помешавшие объединению международного рабочего движения против фашизма и войны, воспрепятствовали мобилизации и сплочению народных сил, которые могли бы заставить буржуазные

---

[23] «Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932)». Сборник документов. М. 1960, стр. 498; см. также стр. 13, 435—437, 485.

[24] См. Морис Торез. Избранные произведения. Т. I. М. 1959, стр. 75.

[25] «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М. 1935, стр. 41.

[26] Л. Лонго (Галло). Интернациональные бригады в Испании. М. 1960, стр. 44.

правительства преградить путь фашистской агрессии. Правительства Англии, Франции, США и других буржуазных государств, стремившиеся использовать фашистскую агрессию для сокрушения ненавистного им социализма, игнорировали требования масс. Так, в июле 1939 г. во время опроса, произведенного Британским институтом общественного мнения среди населения Англии по вопросу о заключении пакта коллективной безопасности с Советским Союзом, 87% опрошенных высказались за немедленное заключение такого пакта[27]. Однако правительство Чемберлена не только перед войной, но и после ее начала пыталось достигнуть антисоветского сговора с Гитлером. Силы единственного боровшегося за сохранение мира государства — Советского Союза — в сочетании с антивоенными выступлениями народных масс капиталистических стран оказались достаточны, чтобы не допустить развязывания войны до осени 1939 г.; их оказалось достаточно, чтобы помешать осуществлению планов империалистов, пытавшихся сколотить империалистическую коалицию против Советского Союза. Но империализм со всеми присущими ему закономерностями все еще доминировал на мировой арене, оказывал преобладающее влияние на характер развития международных отношений. В результате вторая мировая война не была предотвращена.

Анализ международной обстановки 30-х годов дает все основания утверждать, что развязывание гитлеровской Германией агрессии в Европе можно было предотвратить. Для этого существовали объективные возможности, состоявшие в том, что государства, интересам которых угрожала агрессия со стороны Германии, Италии и Японии, имели над блоком агрессивных держав большое превосходство в силах. Совместное выступление СССР, США, Англии и Франции в защиту мира, союз между ними, а также другими государствами, выступавшими против фашизма, могли бы преградить путь гитлеровской агрессии и предотвратить вторую мировую войну. Это признают как исторический факт и историки и государственные деятели. «Предположим,— говорил в 1944 г. министр иностранных дел Англии А. Иден,— что накануне этой войны мы четверо (СССР, США, Англия и Франция) находились бы в полном согласии. В этом случае немцы никогда не были бы в состоянии перейти в наступление против всего мира»[28]. Известный деятель английской либеральной партии Давид Ллойд-Джордж, выступая в 1942 г. в парламенте по поводу подписания союзного договора между СССР и Англией, заявил: «Если бы договор был заключен несколько лет тому назад... эта война никогда не могла бы случиться»[29].

Вторую мировую войну предотвратить не удалось. Однако борьба Советского Союза и прогрессивных сил в капиталистических странах против империалистической войны не прошла бесследно. Она позволила массам накопить большой опыт борьбы против фашистской агрессии, научила их лучше разбираться в вопросах международной политики. Опыт интернациональных бригад в Испании широко использовали бойцы движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах. Уроки борьбы за коллективную безопасность пошли на пользу при образовании антигитлеровской коалиции. Вопреки намерениям империалистических политиков западных держав война приняла ярко выраженный антифашистский характер и завершилась разгромом главного инициатора войны и ударной силы империалистической агрессии — германского фашизма и его сообщников.

В итоге полного разгрома агрессоров силам империализма был на-

[27] См. Г. Поллит. Избранные статьи и речи. Т. I. М. 1955, стр. 345.

[28] См. W. P. and Zelda K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. Vol. II. 1943—1950. London. 1958, p. 51.

[29] W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London. 1943, p. 715.

несен непоправимый урон. Широкое развитие получило международное рабочее и демократическое движение. Народы ряда стран Европы и Азии свергли капиталистический строй. Новый размах приобрело национально-освободительное движение, один за другим стали сбрасывать оковы колониализма порабощенные империализмом народы Азии и Африки и создавать свои национальные суверенные государства. Таким образом, закономерности развития капитализма, которые привели к новому мировому конфликту, вызвали к жизни могучие силы, определившие крах эксплуататорского строя в ряде стран Европы и Азии и прекращение там действия этих закономерностей. Итогом и последствиями развязанной империализмом войны были наступление второго этапа общего кризиса капитализма, ослабление мировых позиций капитализма и уменьшение его влияния на развитие международных событий.

★

Выход социализма за рамки одной страны и образование мировой социалистической системы, ознаменовавшие начало второго этапа в развитии современной эпохи, коренным образом изменили всю международную обстановку. Соотношение сил мира и сил войны стало совершенно иным, чем до второй мировой войны.

Навсегда канули в вечность те времена, когда Советский Союз был островом мира, который грозили затопить волны империалистической агрессии. Сплочение социалистических государств в единый лагерь, крепнущее единство и растущая мощь этого лагеря обеспечивают в рамках социалистической системы в целом полную победу социализма. Вместе с СССР по пути строительства социализма и коммунизма идут ныне страны Европы и Азии с населением в 800 млн. человек. Уже не двенадцатая часть, а треть человечества живет в обществе, основным внешнеполитическим принципом которого является мир. Мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. Империализм перестал быть доминирующей силой на международной арене.

Сбылось предвидение В. И. Ленина о превращении «диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)» [30]. Ход развития человеческого общества в современную эпоху убедительно показывает превосходство социализма над капитализмом и ведет к неуклонному изменению соотношения сил в пользу социализма.

Производительные силы в социалистических странах развиваются невиданными и недоступными для капитализма темпами. С 1937 по 1959 г. объем промышленного производства в странах, ныне составляющих социалистический лагерь, возрос в 6 раз, а в капиталистических странах — немногим более чем в 2 раза. В 1959 г. социалистические страны, на долю которых приходится 26% территории и около трети населения земного шара, производили свыше трети мировой промышленной продукции; их доля в производстве угля достигала 49,8%, чугуна — 35,5%, стали — 30,9% [31]. В том же году на долю социалистических стран приходилось 47% мирового сбора зерновых. Советский Союз уже продемонстрировал свое первенство перед наиболее развитыми капиталистическими странами в решающих отраслях науки и техники.

Решающими победами в социалистическом строительстве и миро-

[30] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 126.
[31] «Проблемы мира и социализма», 1960, № 11. Приложение, стр. 5, 6, 7.

любивой внешней политикой страны социалистического лагеря оказывают определяющее воздействие на мировое общественное развитие. «Укрепление и развитие социалистической системы,— отмечается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г.,— оказывают все возрастающее влияние на борьбу народов капиталистических стран. Силой своего примера мировая система социализма революционизирует умы трудящихся капиталистического мира, вдохновляет их на борьбу против капитализма, в огромной мере облегчает условия этой борьбы. В странах капитала умножаются и крепнут внутренние силы, призванные отстоять мир и национальную независимость, обеспечить торжество демократии, победу социализма» [32]. История последних десятилетий особенно ярко показывает безнадежность попыток империализма приостановить поступательное развитие человеческого общества.

Социалистический лагерь, обладающий мощными средствами материального и морального воздействия на международную политику, превратился в несокрушимый оплот мира, прогресса и свободы народов. Усилия врагов социализма изобразить развитие социалистической системы и уверенность коммунистов в неизбежности гибели капитализма как якобы главный источник военной опасности в мире отражают лишь бессильную злобу идеологических оруженосцев империалистических агрессоров. Такого рода вымыслы имеют целью свалить на социалистические государства ответственность за международную напряженность. В действительности международная напряженность является результатом агрессивной политики империализма, тщетных попыток империалистических кругов остановить общественный прогресс, разрешить противоречия капитализма за счет Советского Союза и стран народной демократии.

Что же касается идеологической борьбы, то коммунисты никогда не отождествляли ее с войной. Как подчеркивал Н. С. Хрущев, «если мы говорим о том, что наш строй победит, т. е. победит социализм, это не значит, что мы будем свой строй навязывать войной, кому бы то ни было. Боже упаси! Мы считаем, что он победит и завоюет умы народов. Но строй каждой страны должен устанавливаться таким, каким его желает народ данной страны... Война — это такая цена, что не следует прибегать к этому средству» [33]. Уверенность коммунистов в грядущей гибели капиталистического строя основана на познании исторических закономерностей, которые неуклонно ведут к победе социализма. Неизбежность социалистической революции обусловлена обострением социальных противоречий внутри каждой капиталистической страны. Мир — верный союзник социализма, ибо время работает на социализм, против капитализма. И если коммунисты ведут непримиримую классовую борьбу против империализма, то они вместе с тем прилагают все усилия, чтобы эта борьба не приняла форму военного конфликта. Коммунисты всего мира единодушно и последовательно выступают за мирное сосуществование социалистической и капиталистической систем, за предотвращение войны.

Для народов социалистических стран, все усилия которых направлены на подъем экономики и культуры в целях неуклонного повышения жизненного уровня, блага мира превыше всего. Только откровенные апологеты империализма или ревизионисты типа Э. Карделя могут усматривать в экономическом и социальном строе социалистических стран какие-либо предпосылки для агрессивных тенденций [34]. Даже враждебные

---

[32] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва. Ноябрь 1960 года». Госполитиздат. 1960, стр. 9.

[33] Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное сосуществование. М. 1958, стр. 58—59, 60.

[34] См., например, E. Kardelj. Socialisam i rat. Beograd. 1960, str. 42, 44.

социализму буржуазные ученые, если они проявляют минимум объективности в оценке событий, признают несовместимость успешного строительства социализма и коммунизма с ведением войны. Так, видный американский социолог У. Хокинг, отметив «несовместимость войны с любым экономическим планированием», писал о «единодушной поддержке народом» Советского Союза разработанной XXI съездом КПСС программы развития народного хозяйства. Хокинг подчеркивал в своем «Послании к Соединенным Штатам, стоящим лицом к лицу с СССР», что советский народ «никоим образом не требует насильственного ниспровержения нашей капиталистической системы. Эти очевидные для нас настроения народа являются осязаемым доказательством того, что программа Хрущева о сосуществовании и соревновании является подлинной целью СССР, из чего мы и должны исходить» [35]. Проводя политику мирного сосуществования и сотрудничества со всеми странами, Советский Союз и государства народной демократии завоевали огромный международный авторитет и объединили вокруг себя все силы, выступающие за сохранение и упрочение мира во всем мире.

В борьбе двух принципиально противоположных направлений в международных отношениях политика мирного сосуществования, провозглашенная с рождением первого социалистического государства, все более одерживает верх над империалистической политикой.

Ныне принципы мирного сосуществования не только являются краеугольным камнем политики социалистических государств, но и воплощаются в политике другой большой группы стран — новых суверенных государств в Азии и Африке. Возникновение этих государств — результат крушения системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения. Крушение системы колониального рабства — второе по своему историческому значению явление после образования мировой социалистической системы. Пробуждение некогда отсталых и угнетенных народов и освобождение их от гнета империализма, ускоряемое воздействием сил мирового социализма,— одна из главных черт современной эпохи. Добившись путем долгой и упорной борьбы национального освобождения, эти народы направляют свои усилия на преодоление экономической и культурной отсталости — последствий длительного господства колонизаторов. Отсюда вполне закономерна их активная поддержка проводимой социалистическими государствами политики сохранения мира, уважения национального суверенитета и развития равноправного взаимовыгодного сотрудничества. Положения, принятые Бандунгской конференцией в 1955 г., показывают, что эти государства глубоко заинтересованы в мире.

Образование на международной арене группы молодых национальных государств сузило сферу действия агрессивной империалистической политики. Освободившиеся от цепей колониализма народы этих государств понимают, какую угрозу национальному суверенитету представляют попытки империалистов вовлечь эти страны в агрессивные военные блоки вроде СЕАТО или СЕНТО, навязать им кабальные соглашения под флагом экономической «помощи», новые формы колониального господства под видом «взаимозависимости». «...Никакое африканское государство не должно вступать в союзы военного характера с какой-либо неафриканской державой»,— подчеркивал в этой связи в своей речи на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Ганы К. Нкрума. Он подчеркнул решимость своего правительства «помешать созданию или сохранению на африканском континенте военных баз» [36]. Печальный опыт прошлого и беспросветная нищета народов тех слаборазвитых в

[35] W. Hocking. Strength of Men and Nations. A Message to the USA vis-à-vis the USSR. New York. 1959, pp. 136—140.

[36] «Правда», 25 сентября 1960 года.

экономическом отношении государств, которые оказались в путах империалистических блоков, убеждает общественность молодых национальных государств в необходимости проведения нейтралистской политики и борьбы за сохранение мира. «Мы все должны бороться за то, чтобы на земле был мир,— указывал в своей речи в ООН глава правительства Кубы Ф. Кастро.— Ибо если мы, слаборазвитые страны, хотим догнать остальные страны света, то мы должны бороться за разоружение, потому что на те средства, которые тратятся на оружие, можно было бы разрешить многие проблемы»[37]. Таким образом, в результате исторически закономерного процесса распада колониальной системы многие страны, которые некогда служили резервом в агрессивной политике империализма, превратились в важный фактор противодействия этой политике, фактор борьбы за мир. «Мы полны решимости не допускать, чтобы судьба мира, который является нашим миром, решалась через наши головы или по нашим телам,— заявил в своем выступлении в ООН президент Индонезии Сукарно.— Она будет решаться при нашем участии и сотрудничестве»[38].

Угроза интервенции, политическое и экономическое давление со стороны империалистических держав не страшат народы нейтралистских стран. Надежным щитом их независимого развития стал социалистический лагерь. Решительное противодействие Советского Союза и других социалистических стран покушениям империалистов на независимость молодых национальных государств не раз приводило к банкротству империалистическую агрессивную политику.

Сфера действия агрессивной политики империализма сузилась после второй мировой войны не только территориально. Рост и укрепление мировой системы социализма оказывают глубокое воздействие на развитие и в странах, где господствует монополистический капитал, на соотношение сил войны и мира внутри этих стран. С началом нового этапа на пути перехода человечества от капитализма к социализму в капиталистических государствах происходит ускоренный рост общественных и политических сил, противодействующих проведению правительствами этих государств агрессивной политики.

После второй мировой войны международное рабочее и коммунистическое движение приняло огромный размах. Резко возросли численность коммунистических партий и их влияние на рабочий класс и другие слои населения. В ряде стран, например, Франции и Италии, коммунистические партии стали ведущими политическими партиями, за представителей которых голосуют миллионы избирателей. Весь ход истории свидетельствует о неуклонном росте политической сознательности и активности народных масс и влияния революционного авангарда рабочего класса на общественное развитие. Накануне первой мировой войны рабочие партии действовали лишь в развитых капиталистических странах; в тот период за социал-демократические партии в 22 странах голосовало около 12 млн. человек[39]. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции наступил новый этап в международном рабочем движении. Во многих странах коммунистические партии, подлинно марксистско-ленинские партии, возглавили рабочее движение. Перед второй мировой войной — на VII конгрессе Коммунистического Интернационала — было представлено 76 коммунистических партий, объединявших свыше 4 млн. коммунистов. Однако в международном рабочем движении большим влиянием в то время пользовались социал-демократы. Ныне существует 87 коммунистических и рабочих партий, объединяющих свыше 36 млн. коммунистов. Они накопили богатейший

---

[37] «Правда», 29 сентября 1960 года.
[38] «Правда», 5 октября 1960 года.
[39] См. «Проблемы мира и социализма», 1960, № 11, стр. 12.

опыт политической, организационной, идейной работы и оказывают свое влияние на сотни миллионов людей. Под руководством коммунистов работают профсоюзы, насчитывающие 95 млн. членов. Во всем мире за коммунистов голосуют более 600 млн. избирателей. Под влиянием социал-демократических партий остались профсоюзы с 55 млн. членов, а на выборах за них голосует всего около 50 млн. человек[40]. Мировое коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную политическую силу нашего времени, стало важнейшим фактором общественного прогресса.

Рост политической активности широких народных масс во всем мире проявился также в возникновении различных демократических организаций, выступающих в защиту мира. Некоторые из них — Международная демократическая федерация женщин, Всемирная федерация демократической молодежи и другие — развернули свою деятельность в большинстве стран мира и вовлекли в нее десятки миллионов людей. Самым широким общедемократическим движением современности, направленным против войны, является международное движение сторонников мира.

История и уроки второй мировой войны научили народные массы капиталистических государств распознавать и разоблачать маневры, с помощью которых реакционные политики оправдывают подготовку войны. Уловки мнимых «пацифистов» в правящих кругах и клеветнические вымыслы антикоммунистической пропаганды не могут убедить народы в необходимости разгула милитаризма. Массы на собственном опыте видят, кто является другом, а кто врагом мира. Поэтому они выступают в поддержку политики мирного сосуществования, против сколачивания агрессивных блоков и гонки вооружений. Необходимость сохранения и упрочения мира все более осознается массами, особенно после того, как единственной альтернативой миру стала ракетно-ядерная война. Создание атомного оружия и средств его доставки в любую точку земного шара произвело подлинный переворот в сознании самых широких слоев населения. Идея необходимости борьбы за предотвращение самоубийственной атомной войны неуклонно овладевает все более широкими массами людей различных политических убеждений, принадлежащих к разным классам общества.

Со времени созыва в Париже и в Праге Первого всемирного конгресса сторонников мира в 1949 г., в котором участвовало свыше 2 тыс. делегатов от 72 стран[41], проделана большая работа по мобилизации общественного мнения и сплочения сил мира. С 1949 г. Всемирный совет мира координирует деятельность сторонников мира в международном масштабе. Под знаменами борьбы за мир ныне выступают сотни миллионов людей. «В международных отношениях появился новый и чрезвычайно важный фактор. До последних лет общественное мнение чаще всего рассматривалось как фактор безусловно важный, но пассивный: «общественное мнение подготавливали» к принимаемым без его участия важным международным решениям,— говорил в 1958 г., незадолго до своей смерти, председатель Всемирного совета мира Ф. Жолио-Кюри.— Сегодня мировое общественное мнение стало активной силой, которая вмешивается в самый процесс выработки этих международных отношений»[42]. Борьба организаций движения сторонников мира против милитаризма и гонки вооружений, за мирное сосуществование и сотрудничество между всеми странами серьезно затрудняет

---

[40] См. «Международная жизнь», 1960, № 9, стр. 29—30.

[41] См. «Первый всемирный конгресс сторонников мира. Париж — Прага (материалы)». М. 1950, стр. 526—527.

[42] F. Joliot-Curie. La paix, le désarmement et la coopération internationale. Discours, textes et documents. Paris, 1959, pp. 47, 48.

роведение империалистическими кругами политики подготовки и раз-язывания войны. Как отмечал Н. С. Хрущев в своей исторической ечи на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «в пользу политики ирного сосуществования действует сила значительно большая, чем желание, воля и решения любого из правительств. Эта сила — естественное и общее для человечества стремление не допустить бедствий ойны, в которой нашли бы свое применение созданные за последние оды невиданные средства массового уничтожения»[43].

Уже в 1944—1945 гг. соотношение между силами социализма и капитализма и настроение народных масс в капиталистических странах были таковы, что при всем своем желании реакционные империалистические круги западных держав были не в состоянии предпринять войну против Советского Союза.

В конце 1944 — начале 1945 г. премьер-министр Англии У. Черчилль и его единомышленники в Англии и США вынашивали планы, предусматривавшие прекращение войны с агонизировавшей уже тогда гитлеровской Германией и начало войны против Советского Союза в целях удушения прогрессивных сил и завоевания мирового господства. Так, известно, что 16 мая 1944 г. американский комитет начальников штабов представил государственному департаменту рекомендации, которые затем легли в основу политики США на заключительном этапе войны. Рекомендации констатировали «революционные изменения в соответственной военной силе государств», вызванные «феноменальным ростом» мощи Советского Союза. Авторы рекомендаций исходили из того, что после войны останутся три великих державы — США, Англия и Советский Союз — и предлагали следующее: «В случае столкновения между двумя последними разница в военных силах, которые они выставят на континенте Европы, будет в существующих условиях такова, что ее не сможет преодолеть вмешательство США на стороне Англии. С учетом военных факторов — людских ресурсов, географических условий и особенно нашей способности перебросить силы через океан и развернуть их на континенте — мы сможем успешно защищать Англию, однако мы не сможем нанести поражение России. Иначе говоря, мы окажемся в войне, которую не сможем выиграть»[44]. Этот же вопрос о возможности «повернуть войну против Советского Союза» тщательно изучали английские военные руководители. Они пришли к тому же выводу, что и американские генералы. 24 мая 1945 г. английский фельдмаршал Алан Брук записал в своем дневнике: «Сегодня вечером я внимательно изучал доклад планировщиков о возможности начать войну с Россией, если в будущем в переговорах с ней возникнут трудности. Нам было приказано провести это исследование. Самая мысль об этом, разумеется, фантазия. Шансы на успех равны нулю. Нет никакого сомнения в том, что отныне Россия всемогуща в Европе»[45]. Так мощь Советского Союза явилась сдерживающим фактором для горячих голов, стремившихся в 1945 г. развязать новую войну против СССР.

Вторым фактором, действовавшим в том же направлении, было состояние общественного мнения в странах антигитлеровской коалиции. Английский профессор Ллевеллин Вудворд писал в 1955 г. в этой связи, что английское и американское правительства не могли не только двинуть военную силу против СССР, но даже угрожать ее применением, ибо «общественное мнение за пределами районов, находившихся под прямым контролем русских, не поняло бы и в большей своей части было бы возмущено угрозой применить силу против союзника»[46].

---

[43] «Правда», 24 сентября 1960 года.
[44] «The Conference of Malta and Jalta, 1945». Washington, 1955, pp. 107—108.
[45] См. A. Bryant. Triumph in the West. London, 1959, p. 470.
[46] «International Affairs», July 1955, vol. XXXI, № 3, p. 283.

Не имея возможности начать войну против СССР ни в 1944—1945 гг., ни позднее, американо-английский империализм в первое послевоенное десятилетие был все же в состоянии совершать агрессию против малых или слабых государств, например, пытаться удушить Индонезийскую Республику, подавить демократическое движение в Греции, задушить демократию в Гватемале. Однако империализм оказался не в силах противостоять волне национально-освободительного движения, а действия Советского Союза, стран народной демократии, миролюбивых сил всего мира позволили ликвидировать очаги развязанных империалистами военных конфликтов в Корее и во Вьетнаме.

Известно, что английское правительство, осуществляющее в сотрудничестве с правительством США агрессивную, империалистическую внешнюю политику, заняло в переговорах 1954 г. по вопросу о войне в Индокитае позицию, отличную от американской позиции и содействовавшую достижению соглашения о ликвидации этого очага войны на Дальнем Востоке. Объясняется это тем, что соотношение сил, сложившееся в то время, было таково, что продолжение и расширение войны в Индокитае неизбежно должно было закончиться поражением империалистических агрессоров. Поэтому английское правительство, лучше понимавшее обстановку, чем правительство США, согласилось с предложениями Советского Союза и КНР, направленными на установление мира в Индокитае. Министр иностранных дел Англии А. Иден, писала на этот счет «Times Literary Supplement», «действовал, исходя из убеждения, что английские и западные интересы во Вьетнаме... нельзя было защитить силой» и было сомнительно, что путем «локальной войны удастся вновь заполучить Вьетнам»[47]. В 1956 г. провал интервенции Англии, Франции и Израиля в Египте свидетельствовал о дальнейшем росте сил мира. По инициативе Советского Союза, поддержанной другими социалистическими государствами и всеми миролюбивыми странами, была созвана сессия Генеральной Ассамблеи ООН, которая вынесла решение о немедленном отводе войск интервентов с территории Египта. Английское и французское правительства попытались игнорировать волю Организации Объединенных Наций. Тогда Советское правительство 5 ноября 1956 г. направило главам правительств Англии, Франции и Израиля послания, в которых предупредило, что оно использует все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы прекратить агрессию. Предупреждение, сделанное Советским Союзом, отрезвляющим образом подействовало на интервентов. Агрессия была немедленно прекращена. «Это было результатом,— писал английский прогрессивный журнал «Labour Monthly»,— советской ноты, полученной ночью 5 ноября, за чем немедленно последовало решение правительства утром 6 ноября о прекращении огня, тогда как предшествовавшая резолюция Объединенных Наций в течение ряда дней игнорировалась»[48]. Решительно выступило против попыток англо-французского империализма задушить Египет мировое общественное мнение, в том числе и прогрессивные люди Англии и Франции.

Аналогичным образом в 1957 г. решительные действия социалистических государств, всех миролюбивых сил предотвратили военное вторжение империалистов в Сирию. В 1958 г. — после провозглашения Иракской Республики — американские и английские империалисты попытались вооруженной силой подавить национально-освободительное движение на Ближнем Востоке. Американские войска высадились в Ливане, английские — в Иордании. Советский Союз решительно выступил в защиту Иракской Республики. При поддержке стран народной демократии и всех миролюбивых государств он добился созыва сессии Генераль-

[47] «Times Literary Supplement», March 4, 1960, p. 137.
[48] «Labour Monthly», March 1960, p. 140.

ной Ассамблеи, принявшей резолюцию, которая обязывала США и Англию отвести свои войска. Решения Генеральной Ассамблеи, принятые вопреки воле держав, влияние которых еще совсем недавно полностью преобладало в ООН, свидетельствовали о возрастании международного авторитета лагеря социализма.

Говоря о развитии международной обстановки после второй мировой войны, реакционные идеологи всех мастей — от «ортодоксальных» апологетов империализма до ревизионистов — пытаются протащить идею о возрастающем «миролюбии» современного капитализма. О постепенной утрате «воинственного духа» «западноевропейскими нациями» (в том числе западногерманским империализмом!) вещает А. Тойнби [49], о «затухании» империалистических противоречий и уменьшении агрессивности современного капитализма разглагольствует Э. Кардель [50]. В действительности ни о каком «миролюбии» современного капитализма не может быть и речи. Развитие международных отношений характеризуется ныне уменьшением возможностей империалистов развязывать новые войны, поскольку меняющееся в пользу социализма соотношение материальных и моральных сил между двумя системами превращает миролюбивый социалистический лагерь в определяющий фактор развития международных отношений.

В то же время классовые и национальные антагонизмы, внутренние и внешние противоречия капиталистического общества резко обостряются. Растут противоречия между монополиями, с одной стороны, и рабочим классом и всеми трудящимися капиталистических стран, с другой. Обостряются противоречия между империалистическими державами и народами колониальных, а также политически независимых слаборазвитых стран, которые, опираясь на бескорыстную поддержку лагеря социализма, все решительнее борются за завоевание или укрепление своей политической и экономической независимости. По мере сужения сферы империалистического господства все сильнее обостряются противоречия между империалистическими государствами, их борьба за рынки. Выход из этих противоречий империалисты ищут в милитаризации экономики, усилении политической реакции, в подготовке новой войны.

«Современный милитаризм,— писал В. И. Ленин,— есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы), и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»)» [51]. В условиях неуклонного углубления общего кризиса капитализма империалистические круги пытаются с помощью милитаризма предотвратить крах обреченного историей эксплуататорского строя. Наращивая вооружения, создавая военные блоки — НАТО, СЕНТО, СЕАТО,— империалисты США при участии империалистов Англии, Франции и Западной Германии нацеливают эти блоки против социалистического лагеря, против национально-освободительного движения в колониях и странах, вступивших на путь национальной независимости, против международного рабочего и демократического движения. Крупнейший международный эксплуататор — американский империализм — является одновременно главной силой агрессии и войны. Как и всякий обреченный историей класс, монополистическая буржуазия, как никогда, склонна теперь к политическим авантюрам. Для удержания своего господства она намерена развязать ракетно-ядерную войну; красноречивым доказательством этого являются

---

[49] A. Toynbee. Указ. соч. Т. IX, стр. 497—499.
[50] E. Kardelj. Указ. соч., стр. 56.
[51] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 169.

воинственные призывы генералов и политиков НАТО. Именно с использованием новейших достижений военной науки и техники связывались вся политика и стратегия империалистических держав после второй мировой войны, рассчитанные на «отбрасывание коммунизма»,— все эти доктрины «сдерживания» и «освобождения», концепции «массированного возмездия» и т. п.

Но существует диалектика истории, или, как писал Ф. Энгельс, «внутренние законы диалектического движения, согласно которым милитаризм, как и всякое другое историческое явление, гибнет от последствий своего собственного развития» [52]. Как свидетельствуют исторические факты, инициаторы захватнических войн, начиная военные действия, всегда рассчитывают на успех, на достижение определенных социальных и экономических выгод. Но могут ли быть такие выгоды в условиях существования ракетно-ядерного оружия? Как отмечал известный английский ученый Джон Бернал, «в наше время сама война невозможна без уничтожения не только непосредственно участвующих в ней воюющих сторон, но и большей части остального человеческого рода. Катастрофический характер войны является совершенно новым фактором в человеческой истории» [53]. Война привела бы не только к уничтожению ценностей, созданных трудом многих поколений, к гибели сотен миллионов людей, но и сказалась бы на жизни последующих поколений. Сбываются слова В. И. Ленина, который говорил, что настанет время, когда изобретение оружия огромной разрушительной силы сделает невозможным его применение [54].

Создание ракетно-ядерного оружия, совершившее переворот в военном деле, явилось новым фактором в развитии истории. Но было бы неверно утверждать, как это делают некоторые буржуазные ученые, что только «развитием военного искусства» объясняется бессмысленность империалистических войн в современную эпоху [55]. Решающую роль в определении политического эффекта военно-технических достижений играют социальные отношения. В руках эксплуататорских классов эти достижения никогда не были фактором, сдерживающим агрессию. Только образование и укрепление миролюбивого лагеря социализма, который превзошел капиталистические государства в развитии военной техники, стало препятствием для применения традиционных для империалистов средств разрешения международных споров.

Политика вооруженного насилия в международных отношениях стала ныне анахронизмом, ибо она не в состоянии обеспечить достижение преследуемых империалистами целей. В условиях углубления и обострения классовых антагонизмов в эксплуататорском обществе захватническая война неизбежно вызовет возмущение масс против порождающего ее буржуазного строя. Первая мировая война завершилась крахом капитализма в одной стране, вторая — в ряде стран. Если империалистические безумцы развяжут новую мировую войну, народы сметут и похоронят капитализм на всем земном шаре. Война, развязанная во имя «спасения» империализма, неизбежно завершится его гибелью.

Таким образом, весь ход общественного прогресса ведет к ликвидации захватнических войн и милитаризма. Образование и развитие мировой системы социализма, разложение и упадок империализма привели к качественному изменению соотношения сил войны и мира в международном масштабе и создают объективные и субъективные предпосылки для ограничения разрушительного действия закономерностей

---

[52] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М. 1957, стр. 162.
[53] Дж. Бернал. Мир без войны. М. 1960, стр. 328.
[54] См. «Правда», 23 апреля 1960 года.
[55] См., например, M. Beloff. The Great Powers. Essays in Twentieth Century Politics. London. 1959, p. 21.

мпериализма. Агрессивная природа империализма не изменилась. днако сложились реальные силы, способные сорвать его агрессивные ланы. XX съезд КПСС, проанализировав особенности современной эпо-и, с полным основанием сделал важнейший теоретический вывод о том, го фатальной неизбежности войны не существует[56]. Возможность редотвращения войн в современную эпоху была подчеркнута в доку-ентах Совещаний представителей коммунистических и рабочих пар-ий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года. На основе творче-кого, марксистско-ленинского анализа современности было показано, то в настоящее время силы мира настолько выросли, что имеется еальная возможность предотвращения мировой войны[57]. Правильность того вывода, как отмечали состоявшиеся в июне 1960 г. в Бухаресте в ноябре 1960 г. в Москве Совещания представителей коммунистиче-ких и рабочих партий[58], была подтверждена всем последующим ходом ирового развития. В Заявлении Совещания представителей коммуни-тических и рабочих партий, в котором дан глубокий анализ обществен-ого развития в современную эпоху, указано, что теперь «наступило ремя, когда можно пресечь попытки империалисти-еских агрессоров развязать мировую войну. Объ-диненными усилиями мирового социалистического агеря, международного рабочего класса, нацио-ально-освободительного движения, всех стран, вы-тупающих против войны, и всех миролюбивых сил ировую войну можно предотвратить»[59]. Марксистско-енинское положение о возможности сохранения мира показывает чело-ечеству реальную перспективу светлого будущего.

☆

В процессе исторического развития закономерно возникли объек-ивные и субъективные предпосылки предотвращения захватнических ойн. Но пока сохраняется и объективная возможность возникновения мпериалистической войны. Это беззастенчиво эксплуатируется идеоло-ами империализма, в том числе буржуазными историками, в целях скажения тенденции мирового развития и перспектив решения вопро-ов войны и мира. В современных условиях наиболее вероятны войны результате империалистической агрессии против социалистических тран, хотя не следует исключать и войны между капиталистическими осударствами.

Реакционные буржуазные теоретики, которые не видят иного бу-ущего, кроме ракетно-ядерной войны, открыто оправдывают политику аиболее авантюристических кругов империалистов, стремящихся путем ойны подорвать мощь социалистического лагеря и тем самым восста-овить свое былое господство. Однако большинство буржуазных ученых, ознавая катастрофичность такой войны, пытается «открыть» какую-то ную альтернативу мирному сосуществованию государств с разным со-иальным устройством, являющемуся в условиях разделения мира на ве системы единственно правильным и разумным принципом между-ародных отношений. Они стремятся обосновать перспективу сохране-ия на неопределенно долгие времена «холодной войны». Свою аполо-ию «холодной войны» они маскируют с помощью лицемерных утвержде-

---

[56] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» IV. М. 1960, стр. 129—130.

[57] См. «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих пар-ий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года». Госполитиздат. 1957, стр. 10.

[58] См. «Правда», 28 июня и 6 декабря 1960 года.

[59] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва. Ноябрь 1960 года», стр. 26.

ний о том, что единственной гарантией сохранения мира в современных условиях является «равновесие сил» между противостоящими на мировой арене блоками, продолжение гонки вооружений с целью сохранения «равновесия страха». Они игнорируют опыт истории, свидетельствующий о том, что гонка вооружений в конечном итоге приводит к войне, «равновесие сил» подчас толкает на «пробу сил», особенно если оружие оказывается в руках авантюристов.

Наиболее распространенной точкой зрения среди тех, кто воспевает «равновесие сил», является идея разграничения «сфер влияния» между капитализмом и социализмом. Эту идею раздела мира «на неопределенное время» между двумя блоками проводит в своем многотомном труде А. Тойнби[60], ее пропагандируют Дж. Герц[61] и многие другие буржуазные историки. «...«Холодная война» будет продолжаться до тех пор, пока одна из сторон не превзойдет по силе другую настолько, чтобы навязать соглашение на условиях, приблизительно соответствующих ее интересам, если только до того времени не разразится третья мировая война»,— так формулирует эту «концепцию» американский историк Г. Мэсон[62]. Приверженцы этой «концепции» тешат себя и пытаются обмануть других иллюзиями о «незыблемости» системы капитализма в ее нынешних границах, о возможности империалистической реакции и впредь проводить авантюристическую политику гонки вооружений и балансирования «на грани войны».

Ход общественного развития свидетельствует, однако, о том, что у империалистов остается все меньше возможностей для развязывания войн. Сфера действия закономерностей капитализма, точно так же как и возможности проявления закономерностей, порождающих войны, неуклонно сокращаются. Вступление мировой социалистической системы в новый этап своего развития и наступление нового этапа в развитии общего кризиса капитализма показывают перспективу новых качественных сдвигов в соотношении сил мира и войны.

Мировая социалистическая система ныне определяет главное содержание, главное направление и главные особенности развития человеческого общества. Мощь ее непрерывно возрастает такими темпами, что обнаруживается ясная перспектива наступления ее абсолютного превосходства над капиталистической системой. За период с 1957 по 1959 г. объем промышленной продукции социалистических стран вырос на 37,1%, а промышленное производство стран капитализма — только на 7,4%. В 1960 г. промышленная продукция наиболее развитой капиталистической страны — США — увеличилась на 2%, а наиболее развитой социалистической страны — СССР — примерно на 10%. В 1961 г. по прогнозам американских экономистов производство США снизится на 3,7%. Итоги выполнения первых двух лет семилетнего плана в Советском Союзе свидетельствуют, что промышленная продукция за это время выросла на 23% вместо запланированных 17%. Это говорит о том, что семилетний план будет выполнен досрочно[63]. В результате выполнения и перевыполнения семилетнего плана в СССР и планов развития экономики других социалистических стран к 1965 г. страны мировой социалистической системы будут производить свыше половины мировой промышленной продукции, капитализму будет нанесено поражение в решающей сфере человеческой деятельности — в сфере материального производства.

Вступление мировой социалистической системы в новый этап своего

---

[60] A. Toynbee. Указ. соч. Т. IX, стр. 524—525.

[61] J. Herz. International Politics in the Atomic Age. New York. 1959, p. 305—306.

[62] H. Mason. Toynbee's Approach to World Politics. New Orlean. 1958, p. 110.

[63] См. Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения, «Проблемы мира и социализма», 1961, № 1, стр. 6—7.

развития не только навсегда ликвидировало социально-экономические возможности реставрации капитализма в странах социализма, но и усиливает воздействие этой системы на капиталистический мир, ускоряет развитие общего кризиса капитализма, процесс его разложения.

Близится час полной ликвидации колониальной системы империализма. Народы колониальных и зависимых стран, воодушевленные примером опирающихся на могучую поддержку лагеря социализма молодых национальных государств, восстают против своих угнетателей. Бескорыстная помощь социалистических стран народам, борющимся за свою свободу, имеет огромное значение для успешного завершения справедливых национально-освободительных войн в интересах народов. Это значение будет усиливаться в связи с ростом мощи лагеря социализма. В результате происходит дальнейшее территориальное сужение сферы действия сил войны, расширение «зоны мира».

Несокрушимая мощь, активная борьба за мир социалистических государств и неуклонное расширение «зоны мира» создают непреодолимые трудности для империалистических поборников военных авантюр. Но предотвращение войн зависит и от действий миролюбивых сил внутри империалистического лагеря. «Мы все делаем, чтобы сохранить и упрочить мир во всем мире, чтобы предотвратить новую мировую войну,— подчеркивал в беседе с кубинскими журналистами глава Советского правительства Н. С. Хрущев.— Но решить эту важную задачу можно при условии, если за мир будет бороться не одна страна и даже не группа стран, а народы всех стран. Если за сохранение мира будут бороться только народы Советского Союза, народы социалистических стран, а народы Америки, Франции и Англии не будут проявлять должного упорства и настойчивости в борьбе за обеспечение мира, то это может развязать руки милитаристам США, Англии, Франции в подготовке и развязывании новой войны. Народы должны связать руки империалистам, авантюристам, надеть на любителей новой войны смирительные рубахи»[64].

Изменение соотношения сил на международной арене, рост экономического, политического и оборонного могущества лагеря социализма, очевидность катастрофических последствий новой войны ускоряют процесс размежевания сил мира и сил войны внутри каждой капиталистической страны.

Само развитие капитализма на новом этапе его общего кризиса порождает объективные предпосылки усиления политической борьбы в капиталистических странах, которая приобретает особенно острый характер в связи с проводимым империалистическими кругами курсом на раздувание «холодной войны». Дальнейшее ускорение концентрации капитала и пролетаризация все более широких слоев населения, рост государственно-монополистических тенденций и поход империалистической реакции против демократических свобод — все эти закономерные для современного капитализма явления обостряют борьбу между империалистической буржуазией и трудящимися массами. В нее вовлекаются все более широкие социальные слои. Интересы верхушки финансового капитала расходятся с интересами не только трудящихся, но и мелкой и даже средней буржуазии. Милитаризация еще сильнее затягивает узел внутренних противоречий капиталистического общества. Отсюда неизбежны дальнейшее расширение фронта и активизация усилий борцов за мир и демократию в капиталистических странах. Их борьба против экономического и политического засилия монополий в условиях, когда в социалистических странах происходят экономический подъем и расцвет демократии, когда правительства этих стран делают

[64] «Правда», 30 октября 1960 года.

все для обеспечения мира, приобретает постепенно характер борьбы против самих устоев капитализма.

Тот факт, что «холодная война» способствует накоплению горючего материала под зданием капитализма, не ускользает от внимания здравомыслящих людей среди правящих классов капиталистических государств. В правящих кругах империалистических государств имеются и такие силы, которые понимают опасность новой войны для самого капитализма. Ныне любая военная авантюра против социалистических стран может иметь только трагический исход для тех, кто ее предпринял бы. Отсюда в этих кругах развивается тенденция к принятию в той или иной форме мирного сосуществования. Эта тенденция стимулируется миролюбивой политикой социалистических государств, их готовностью к мирному экономическому и политическому сотрудничеству с капиталистическими странами. Неуклонно расширяющийся мировой социалистический рынок является для капиталистических государств, ощущающих возрастающие трудности в конкурентной борьбе на территориально сузившемся мировом капиталистическом рынке, важным фактором для развития тенденции к мирному сосуществованию. Отсюда неизбежно дальнейшее размежевание между сторонниками и противниками мирного сосуществования не только в правящих кругах каждой капиталистической страны, но и империалистического лагеря в целом. Таким образом, внутреннее развитие в капиталистическом мире в современных условиях способствует возрастающей изоляции наиболее агрессивных сил империализма.

В результате неуклонного роста мощи социалистического лагеря и его влияния на соотношение сил в мире человечество вплотную подошло к такому историческому рубежу, когда оно в состоянии решить те проблемы, которые были не по плечу предыдущим поколениям. Даже в 1956 г., когда соотношение сил между странами социализма и странами капитализма было не таким, как сейчас, социалистический лагерь был в состоянии затушить локальную войну, англо-франко-израильскую авантюру в Египте. В последующие годы социалистический лагерь не раз пресекал попытки империалистов развязать локальные войны, угрожающие перерасти в мировую термоядерную, ракетную войну. «Нынешнее соотношение сил на мировой арене,— как указывал Н. С. Хрущев в своем докладе об итогах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 г.,— дает возможность социалистическому лагерю и другим миролюбивым силам впервые в истории ставить вполне реальную задачу: принудить империалистов под угрозой гибели их строя не развязывать мировую войну»[65]. Исходя из этого соотношения сил, Советский Союз и другие социалистические страны выдвинули конкретную программу мероприятий по обеспечению мира, осуществление которых имело бы историческое значение для судеб человечества.

Самым радикальным средством предотвращения войны, необходимой материальной предпосылкой сохранения мира является разоружение. В условиях современной международной напряженности — при наличии ракетно-ядерного оружия у обеих сторон — война может разразиться даже в результате возникновения случайного конфликта. Вероятность и опасность такого конфликта признаются всеми здравомыслящими людьми и даже теми, кто враждебен социализму. «Риск непреднамеренной войны делает разоружение особенно неотложным»[66],— подчеркивал в этой связи известный английский социолог Б. Рассел.

Необходимость разоружения диктуется всем ходом общественного

---

[65] Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения. «Проблемы мира и социализма». 1961, № 1, стр. 5.

[66] B. Russel. Common Sense and Nuclear Warfare. London, 1959, p. 38.

прогресса. Она определяется не только опасностью катастрофических последствий применения современного оружия, но и тем, что гонка вооружений становится важнейшим препятствием для экономического и социального развития. Милитаризация поглощает громадные средства, которые могли бы быть использованы на благо человечества. По подсчетам Б. Рассела, если гонка вооружений будет продолжаться прежними темпами, то с 1959 по 1970 г. на вооружения будет истрачено в мире от 1 500 до 2 тыс. млрд. долларов [67]. Это скажется на жизненном уровне населения даже самых развитых в промышленном отношении стран. Сокращение же военных расходов в мире хотя бы в три раза, отмечает Дж. Бернал, позволило бы не только изыскать средства для индустриализации наиболее отсталых районов мира, но и резко поднять жизненный уровень во всех странах [68]. Прекращения гонки вооружений требуют жизненные интересы народов всех стран мира.

Вполне естественно, что всеобщее и полное разоружение стало важнейшим лозунгом внешней политики социалистических государств. Советский Союз и народно-демократические государства не раз уже подавали пример, достойный подражания, сокращая свои вооруженные силы. СССР ведет неустанную борьбу за запрещение атомного оружия. Глубокой заботой о благе всего человечества, гуманизмом, присущим социалистическому обществу, проникнуты советские предложения о всеобщем и полном разоружении, выдвинутые главой Советского правительства Н. С. Хрущевым на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Они открывают ясный и короткий путь к решению этой проблемы, необходимость чего диктуется всем ходом общественного прогресса. «Постановка вопроса о всеобщем и полном разоружении была подсказана самой жизнью, так как в век ядерного оружия и мощных ракет частичные, половинчатые меры разоружения не могут полностью устранить опасности войны» [69],— говорилось в заявлении правительства Союза ССР по вопросу о разоружении.

Огромное значение для обеспечения прочного мира имеет выдвинутое Н. С. Хрущевым предложение Советского правительства об оздоровлении ООН, приведении структуры этой международной организации в соответствие со сложившимся в мире соотношением сил [70]. Превращение ООН в подлинную универсальную организацию, в рамках которой могли бы сотрудничать на началах равноправия и взаимного уважения национального суверенитета все народы, все три сложившиеся на международной арене группы государств, дало бы возможность ускорить дело разоружения и эффективно обеспечивать коллективную безопасность и мирное сотрудничество всех государств и народов земного шара.

Объективный ход общественного развития, ведущий к выходу на международную арену новых государств и народов, делает необходимым условием обеспечения мира также организацию их равноправного сотрудничества. На это непременное условие прочного мира между народами указывал в свое время В. И. Ленин, подчеркивая, что «только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие... без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» [71]. В области международных отношений речь идет о ликвидации остатков колониальной системы и пресечении попыток импе-

[67] Там же, стр. 16.
[68] См. Дж. Бернал. Указ. соч., стр. 390.
[69] «Правда», 25 сентября 1960 года.
[70] См. «Правда», 24 сентября 1960 года.
[71] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 349.

риализма подорвать суверенитет новых государств в Азии и Африке, ставших на путь независимого развития.

Обреченный историей, разлагающийся колониализм является прямой или косвенной причиной многих конфликтов, угрожающих человечеству войной. Войны, ведущиеся или подготавливаемые империалистами против национально-освободительного движения, ставят под угрозу мир и безопасность во всем мире. В то же время деятельность освободившихся от колониальной зависимости государств на международной арене показала, что они являются важным фактором укрепления мира. Скорейшая ликвидация колониальной системы является назревшей потребностью всего мирового развития. Поэтому величайшее историческое значение для решения вопросов войны и мира имеет «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам», внесенная председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН[72].

Предложения советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, поддержанные всеми социалистическими государствами, направлены на решение главных проблем современных международных отношений, на обеспечение необходимых условий предотвращения новой мировой войны. Самый факт их выдвижения могучим лагерем социализма, одобрение основных идей этих предложений нейтралистскими странами и всем прогрессивным человечеством свидетельствуют о том, насколько далеко продвинулось человечество по пути к миру без оружия и без войн.

★

Рост могущества лагеря социализма и его влияния на международные отношения, расширение «зоны мира», расширение социальной базы и активизация деятельности сторонников мира в странах монополистического капитала говорят о том, что законы истории работают на благо мира. Если взвесить все материальные и моральные факторы, то оказывается, что силы мира уже сейчас превосходят силы войны. Как отмечал Н. С. Хрущев, «процесс размежевания сил войны и мира будет ускоряться и развиваться. И этот процесс будет увеличивать силы, стоящие за мир»[73]. Ближайшее будущее принесет новые успехи силам мира и социализма, превосходство которых станет абсолютным. «В этих условиях,— подчеркивается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий,— еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества»[74]. Победа социализма во всем мире окончательно устранит социальные и национальные причины возникновения всяких войн.

Деятельность народных масс сейчас, как и на всяком историческом повороте, играет особую роль. Их организованность, сплоченность, активность и бдительность в конечном итоге определяют исход борьбы за мир. Если идея необходимости активных действий в целях прекращения гонки вооружений и всеобщего и полного разоружения овладеет широкими массами, то они смогут принудить империалистические правительства пойти на это. На крутом повороте истории, указывал В. И. Ленин, особую роль в развитии прогресса, решении судеб чело-

---

[72] «Правда», 24 сентября 1960 года.
[73] «Правда», 21 октября 1960 года.
[74] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва. Ноябрь 1960 года», стр. 30.

ечества играет передовой класс общества[75]. В современную эпоху аким классом является рабочий класс. На государства диктатуры про-етариата и все международное рабочее движение, которое возглавляют оммунисты, ложится историческая миссия — спасти человечество от атастрофы ракетно-ядерной войны и обеспечить прочный мир между ародами.

Огромное значение в деле мобилизации масс на борьбу за мир меет Совещание представителей 81 коммунистической и рабочей пар-ий, состоявшееся в Москве в ноябре 1960 года. В документах Совеща-ия определена на основе творческого, марксистско-ленинского анализа ерспектив исторического развития широкая программа борьбы сил ира против опасности войны.

Борьбу против опасности новой мировой войны, подчеркивается в аявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих пар-ий, нужно развертывать немедленно, изо дня в день наращивая усилия. Бороться за мир сегодня — значит сохранять величайшую бдитель-ость, неустанно разоблачать политику империализма, зорко следить за роисками и махинациями поджигателей войны, поднимать священный нев народов против тех, кто держит курс на войну, повышать органи-ованность всех миролюбивых сил, непрерывно усиливать активные дей-твия масс в защиту мира, крепить сотрудничество со всеми государ-твами, не заинтересованными в новых войнах»[76]. Особое значение в этой орьбе имеет нерушимое единство всех социалистических государств, плоченность всех сил рабочего класса. Коммунистические и рабочие артии выразили твердую уверенность в том, что активной, решительной орьбой социалистических и других миролюбивых государств, между-ародного рабочего класса, широких народных масс можно добиться золяции агрессивных кругов, сорвать гонку вооружений и подготовку войне, заставить империалистов пойти на соглашение о всеобщем разоружении. Они призвали народы всего мира сплотиться в борьбе за ирное сосуществование, предотвращение мировой войны, сохранение и прочение мира.

---

[75] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 123; т. 27, стр. 153.

[76] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва. Ноябрь 1960 года», стр. 28.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

И. Б. Берхин

Сорок лет тому назад по инициативе В. И. Ленина, по решению X съезда Коммунистической партии Советское государство осуществило исторический поворот от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Этот поворот имел решающее значение для судеб социализма в СССР и явился одной из важнейших вех в истории строительства социализма в нашей стране. Поэтому вполне закономерно, что проблема перехода к новой экономической политике и выяснение сущности этой политики заняли заметное место в исторической и историко-экономической литературе.

В трудах В. И. Ленина и в решениях Коммунистической партии получили глубокое и исчерпывающее освещение важнейшие принципиальные, теоретические вопросы рассматриваемой проблемы: причины перехода к нэпу; сущность новой экономической политики как плана и метода социалистического строительства, соотношение нэпа с предыдущими этапами экономической политики Советского государства; международное значение новой экономической политики и другие важнейшие вопросы.

В 20-е годы ленинская концепция нэпа полностью восторжествовала в исторической и историко-экономической литературе, антиленинские концепции нэпа были разоблачены и преодолены («военно-коммунистическая», буржуазно-реставраторская, троцкистско-зиновьевская и др.). В это время в литературе преобладали научно-популярные, публицистические произведения, которые разъясняли сущность новой экономической политики, разоблачали антиленинские толкования нэпа. Авторами этих работ в основном являлись не историки, а партийные работники, экономисты, публицисты и др. В 30—40-х годах публиковались популярные обзорные лекции по восстановительному периоду, где в общей форме излагались причины перехода к нэпу и сущность этой политики.

В 50-х годах, в особенности после XX съезда КПСС, в обстановке нового общего подъема советской науки и усиления внимания к изучению истории советского общества, разработка рассматриваемой проблемы поднялась на новую, более высокую ступень. Опираясь на ленинскую концепцию нэпа, советские историки сосредоточили свое внимание на изучении конкретной истории перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике: истории разработки В. И. Лениным, Коммунистической партией важнейшего мероприятия, ознаменовавшего этот переход,— решения о замене продразверстки продналогом; пропаганде этого решения и новой экономической политики в целом; перестройке в области экономики и в области надстройки в связи с переходом к нэпу и др.

Новая экономическая политика получила освещение в обобщающих трудах по истории КПСС и истории СССР, по истории национальных

республик, в крупных исследованиях, посвященных восстановительному периоду по стране в целом и по отдельным республикам и областям, в специальных монографиях и т. д.

Для написания этих работ историки привлекли большой документальный материал, как опубликованный, так и впервые выявленный в архивохранилищах.

Об успехах, недостатках и нерешенных задачах в изучении проблемы перехода к нэпу пытается рассказать автор в данной статье.

★

Основные вопросы новой экономической политики были разработаны В. И. Лениным, который являлся ее творцом и первым историком. Новой экономической политике Владимир Ильич посвятил ряд работ[1]. Проблемы нэпа заняли центральное место в важнейших докладах и выступлениях В. И. Ленина в 1921—1922 годах[2]. Глубокая оценка нэпа содержится во многих партийных и правительственных документах, разработанных В. И. Лениным.

В трудах В. И. Ленина выяснено международное, всемирно-историческое значение новой экономической политики.

В. И. Ленин рассматривал международное значение нэпа в двух аспектах: с одной стороны, с точки зрения ее воздействия на ход мировой истории, на соотношение сил и борьбу двух систем — капитализма и социализма, ее влияния на перспективы и судьбы мировой социалистической революции; с другой стороны, с точки зрения повторимости основных элементов этой политики при строительстве социализма в других странах.

В. И. Ленин дал исчерпывающее объяснение причин перехода к новой экономической политике. Одну из главных и решающих причин Владимир Ильич видел в необходимости изменения методов, форм социалистического строительства в соответствии с иными историческими условиями и новыми задачами, вставшими перед Советской страной после окончания гражданской войны. В новых условиях политика «военного коммунизма» не только не содействовала, но и препятствовала решению этих задач.

Политику «военного коммунизма» В. И. Ленин расценивал как вынужденную экономическую политику, продиктованную чрезвычайными условиями: военной интервенцией, гражданской войной, глубочайшей хозяйственной разрухой. Владимир Ильич давал ей следующую характеристику: штурмовой метод преодоления капиталистических элементов в экономике и почти полное их вытеснение; продразверстка и прямой продуктообмен между городом и деревней; запрет свободной торговли и замена ее государственным распределением по классовому признаку; всеобщая трудовая повинность и трудовая мобилизация как форма

---

[1] «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)»; «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»; «О значении золота теперь и после полной победы социализма»; «О кооперации» и др.

[2] «Доклад о замене разверстки натуральным налогом» (15 марта 1921 г.), «Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии» (9 апреля 1921 г.), «Доклад о продовольственном налоге» (26 мая 1921 г.), «Доклад о тактике РКП» (5 июля 1921 г.), «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» (17 октября 1921 г.), «О новой экономической политике» (29 октября 1921 г.), «О внутренней и внешней политике Республики» (23 декабря 1921 г.), «Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) XI съезду Коммунистической партии» (27 марта 1922 г.), «Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции» (13 ноября 1922 г.), «Речь на пленуме Московского Совета» (20 ноября 1922 г.) и др. Много принципиальных высказываний В. И. Ленина по вопросам нэпа содержится в документах и материалах, опубликованных в Ленинских сборниках (XX, XXIII, XXXV, XXXVI и др.).

привлечения к труду; уравнительность в системе оплаты труда; натурализация хозяйственных отношений. В обстановке гражданской войны это была единственно возможная и единственно правильная экономическая политика, которая сыграла свою историческую роль в победе над внутренней и внешней контрреволюцией. «Мы должны были, в силу войны и нищеты, испытать путь наи> р[е]в[олю]ц[ионный], с минимумом торговли, разверстка, наи> госуд[арственное] распределение: иначе бы мы не осилили войны и не «с о р в а л и» бы бойкота и «провокации» буржуазии. Теперь,— писал В. И. Ленин накануне IX съезда Советов (декабрь 1921 г.),— мы э т о сорвали, п о д ч и н я т ь с я з а с т а в и л и, можем и должны осуществить > п о с т е п [е н н ы й] п [е] р [е]х[о]д». В. И. Ленин считал, что «слишк[ом] поспешн[ый], прямолин[ейный], неподг[отовленный] «ком[муни]зм» наш вызывался в о й н о й и невозможностью ни достать товары ни пустить ф[абри]ки» [3].

С окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству перед Коммунистической партией и Советским государством встали другие задачи: восстановление производительных сил страны, подъем сельского хозяйства, промышленности и транспорта; построение экономического фундамента социализма путем индустриализации страны и социалистического переустройства сельского хозяйства, укрепление союза рабочего класса с крестьянством на взаимовыгодной экономической основе.

Решение этих задач не могло быть достигнуто на рельсах «военного коммунизма». Установленные при «военном коммунизме» экономические отношения между городом и деревней (продразверстка, прямой продуктообмен) стали тормозом хозяйственного развития. Политика «военного коммунизма» не обеспечивала широкого экономического союза между городом и деревней, постоянной смычки, обмена между промышленностью и сельским хозяйством.

Нужны были иные формы, иные методы социалистического строительства, соответствовавшие новым условиям, нужна была другая экономическая политика. Это и явилось главной причиной перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике, осуществленного по инициативе В. И. Ленина, по решению Коммунистической партии и Советского государства в 1921 году.

Основные черты новой экономической политики В. И. Ленин определил так: наличие в руках диктатуры пролетариата командных высот в народном хозяйстве; допущение капиталистических элементов в экономике под контролем пролетарского государства; борьба социалистических и капиталистических элементов под лозунгом «кто — кого» и обеспечение победы первых над вторыми; торговля как основная форма экономических связей между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским хозяйством; постепенный переход мелкотоварного производства к крупному, коллективному, социалистическому хозяйству через ряд переходных ступеней, через простейшие формы кооперации.

Введение нэпа означало крутой поворот в экономической политике Коммунистической партии. Нужно было разъяснить широким массам историческую необходимость этого поворота, показать непригодность «военного коммунизма» как метода социалистического строительства в мирных условиях существования Советского государства. Это нужно было сделать потому, что классовый враг прилагал все усилия, чтобы извратить сущность нэпа. Вот почему В. И. Ленин во многих своих выступлениях в 1921—1922 гг. давал исчерпывающие разъяснения относительно сущности этой политики.

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социа-

[3] «Ленинский сборник». XXIII, стр. 286; XX, стр. 43.

изма» В. И. Ленин в обобщенном виде показал основные черты «военного коммунизма» и новой экономической политики [4].

В. И. Ленин характеризовал нэп как политику, в основных чертах воспроизводившую ту экономическую политику, которую Коммунистическая партия и Советская власть наметили и начали осуществлять весной 1918 года. Вместе с тем Владимир Ильич подчеркивал, что план нэпа — это не механическое воспроизведение плана весны 1918 года. Новая экономическая политика проводилась с учетом тех изменений, которые произошли в экономике страны за истекшие годы, с учетом опыта социалистического строительства.

Существенное отличие плана нэпа от плана весны 1918 г. В. И. Ленин видел в том, что одним из важнейших элементов новой экономической политики была торговля как основная форма хозяйственных связей между городом и деревней, между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским хозяйством. В плане социалистического строительства весны 1918 г. вопрос о торговле, о формах хозяйственных связей между городом и деревней вообще не был поставлен. В своей речи на VII Московской губпартконференции В. И. Ленин отмечал, что весной 1918 г. «мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле» [5].

В период перехода к нэпу государственный капитализм представлял собой такую позицию, к которой нужно было отступить в ряде областей экономики: так, от полной национализации промышленности и торговли следовало перейти к допущению концессий, аренды, смешанных обществ. Весной же 1918 г. государственный капитализм рассматривался в самой общей форме.

Новая экономическая политика предполагала постепенный перевод мелкотоварных крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства через кооперацию, сначала путем охвата их простейшими формами кооперации (потребительской, сельскохозяйственной, кредитной и др.), а затем и высшей формой кооперации — производственной (колхозы). В плане 1918 г. простейшие формы кооперации в деревне рассматривались лишь как орудие распределения, средство повышения производительности крестьянских хозяйств.

В трудах В. И. Ленина, относящихся к 1921—1923 гг., уделено огромное внимание вопросам развития кооперации в нашей стране, выяснению социальной природы кооперации, ее роли в социалистическом строительстве.

В. И. Ленин рассматривал простейшие формы кооперации как переходную форму от докапиталистических и досоциалистических форм хозяйства к социалистическому крупному производству.

В новой экономической политике В. И. Ленин видел путь, обеспечивающий установление прочной экономической смычки между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Нэп являлся важнейшей предпосылкой для развития производительных сил страны, для улучшения материального положения рабочих и крестьян. Он давал возможность вовлечь многомиллионные массы в социалистическое строительство. Нэп определял путь правильного сочетания общественных и личных интересов непосредственных производителей, их революционного энтузиазма и личной материальной заинтересованности.

Сравнивая нэп как метод социалистического строительства с «военным коммунизмом», В. И. Ленин отмечал, что при «военном коммунизме» осуществлялся такой принцип распределения, который неизбежно был связан с уравнительностью распределения, что не могло создать

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 86.
[5] Там же, стр. 65.

личной материальной заинтересованности у работника в повышении своей квалификации, росте производительности труда и т. д.

Нэп же, как подчеркивал В. И. Ленин, предусматривал отказ от принципа уравнительности в распределении, отказ от бесплатного предоставления материальных услуг членам общества и осуществление социалистического принципа распределения по труду: более квалифицированный, более производительный труд оплачивался выше, чем менее квалифицированный, менее производительный. Это создавало личную материальную заинтересованность у работника в повышении квалификации труда, росте его производительности.

Выдвижение принципа материальной заинтересованности на передний план в период мирного социалистического строительства сыграло громадное значение в истории советского общества.

Указания В. И. Ленина о последовательном и неуклонном осуществлении принципа материальной заинтересованности как важнейшего рычага социалистического строительства имеет громадное международное значение. Из опыта применения этого принципа в СССР народы других стран социалистического лагеря извлекают ценнейшие уроки.

Политическое значение нэпа В. И. Ленин видел в том, что он создал условия для укрепления важнейшей основы диктатуры пролетариата — союза рабочего класса с крестьянством, подвел под этот союз прочную экономическую базу. «Конечно,— говорил Владимир Ильич,— сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем» [6].

В. И. Ленин указывал не только на преимущества нэпа, он предвидел те трудности и опасности, которые возникнут в связи с проведением этой политики. Переход к нэпу, отмечал Владимир Ильич, неизбежно ведет к оживлению и некоторому росту капиталистических элементов в городе и деревне, которые будут стремиться увлечь за собой трудящееся крестьянство. Объективная возможность влияния буржуазии на крестьянские массы была заключена в самой природе мелкого товаропроизводителя: крестьянин одновременно являлся и тружеником и частным собственником. Но Коммунистическая партия считала трудности, вытекавшие из двойственного положения крестьянства, вполне преодолимыми. Открывая известный простор для развития крестьянского хозяйства как мелкотоварного, нэп вместе с тем твердо и последовательно направлял это развитие через кооперирование к социализму.

Временное оживление капиталистических отношений в экономике страны в связи с нэпом неизбежно рождало острую борьбу между капиталистическими и социалистическими элементами по принципу «кто — кого». Поэтому новая экономическая политика, отмечал В. И. Ленин, означала не прекращение классовой борьбы, а ее продолжение в новых формах и даже обострение, перенесение этой борьбы на более широкое поприще.

Меньшевики и эсеры клеветнически расценивали нэп как крах Октябрьской революции. Сменовеховцы заявляли, что новая экономическая политика означала будто бы сдачу Советской властью позиций капиталистическим элементам в области экономики, за которой, утверждали они, последуют уступки в политических вопросах.

В. И. Ленин решительно разоблачил подобные толкования. Он показал, что временное отступление в экономике было осуществлено не ради капиталистических элементов, хотя, несомненно, в результате этого отступления последние получили возможность некоторого развития. Отступление это, отмечал Владимир Ильич, ни в коей мере не затрагивало основных, главных позиций в экономике, завоеванных Советской властью

[6] Там же, стр. 145.

предшествовавший период. Напротив, предполагалось на рельсах нэпа лючевые позиции социализма укрепить. «...Мы делаем все уступки, силивающие нас и раздробляющие силы врага...»,— писал Владимир льич в августе 1921 года [7]. В. И. Ленин считал, что отступление носит ременный характер, оно необходимо лишь в начальный период нэпа, тобы создать условия для развернутого перехода в наступление на апиталистические элементы. «Мы сейчас отступаем, как бы отступаем азад,— говорил он,— но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а по-ом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим словием мы отступили назад в проведении нашей новой экономиче-кой политики» [8].

Уже весной 1922 г., то есть всего через год после X съезда РКП(б), . И. Ленин на XI съезде партии выдвинул лозунг «Отступление кон-ено». Вместе с тем он поставил вопрос о перегруппировке сил для ерехода в наступление на капиталистические элементы с целью их ытеснения и ликвидации и обеспечения на рельсах нэпа победы социа-изма во всех сферах народного хозяйства. В. И. Ленин считал, что нэп кономически и политически обеспечивает победу социализма.

Руководствуясь основополагающими указаниями В. И. Ленина, пар-ия боролась за правильное понимание и неуклонное проведение новой кономической политики. Она это делала, преодолевая ожесточенное опротивление классовых врагов.

С провозглашением новой экономической политики обстановка в тране изменилась. В отличие от периода гражданской войны, когда ксплуататорские классы основной удар наносили «в лоб», в период овой экономической политики они изменили тактику и стали прибегать обходным маневрам, намереваясь использовать трудности нэпа для еставрации капитализма.

Активизировались классовые враги и на идеологическом фронте, частности в области толкования принципов нэпа. Белоэмигрант Устря-лов выдвинул тезис о том, что будто бы нэп — это спуск на тормозах к апитализму.

Меньшевики, эсеры, враждебно настроенная буржуазная интелли-енция стали усиленно пропагандировать буржуазно-реставраторские деи. Для этого они использовали частные издательства, возникшие в ервые годы нэпа, буржуазные по своему содержанию журналы, изда-авшиеся тогда («Экономист», «Экономическое обозрение», «Мысль» др.).

Основным их тезисом являлось утверждение о том, будто бы пере-од к нэпу — это возврат к капитализму, признание краха экономиче-кой политики диктатуры пролетариата, неизбежность реставрации ка-питализма в экономике и в политическом строе.

Наиболее откровенно буржуазно-реставраторские идеи пропаганди-овал журнал «Экономист», издававшийся с 1922 г. XI отделом «Рус-кого технического общества». В. И. Ленин назвал этот журнал «орга-ом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией аучности, демократизма и т. п.», проводником «грубейших и гнуснейших реакционных взглядов» [9]. Во второй книге «Экономиста» за 1922 г. была опубликована статья Рафаловича «Новая экономическая полити-ка», в которой излагались буржуазно-реставраторские «концепции» нэпа, отражавшие чаяния реакционной буржуазии. Рафалович добивал-ся денационализации промышленности, полной свободы и «гарантий» для частной торговли, ликвидации монополии внешней торговли, не огра-ниченного законом права «свободного» капиталистического предприни-

[7] Там же, стр. 4.
[8] Там же, стр. 399.
[9] Там же, стр. 208.

мательства, капиталистической эксплуатации. В экономической области он ратовал за реставрацию капитализма, в политической — за восстановление власти буржуазии. Это была законченная программа ликвидации всех политических и социально-экономических завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, программа реставрации буржуазного строя в стране. Буржуазно-реставраторскую концепцию развивали и пропагандировали также «аграрники»: Кондратьев, Чаянов и др. В своих выступлениях Кондратьев откровенно заявлял о том, что будто бы новая экономическая политика — это возврат к капитализму. Он высказывался за всемерное развитие капитализма в стране, особенно в сельском хозяйстве, за создание для этого экономических и политических условий. Ратуя за отмену национализации земли и восстановление частной собственности на нее, за свободу частного товарооборота, Кондратьев выступал против регулирующей роли государства на рынке, против развития государственной и кооперативной торговли, требовал отмены монополии внешней торговли и т. д.[10].

Буржуазно-реставраторскую концепцию нэпа, по существу, отстаивали также троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы.

Исходной точкой их враждебной ленинизму концепции являлось отрицание учения Ленина о возможности построения социализма в одной стране. Они рассматривали нэп не в качестве плана, метода социалистического строительства, а как стратегическое отступление к капитализму и только отступление.

Вылазки троцкистов, зиновьевцев и правых капитулянтов на идеологическом фронте, в частности искажение ими сущности нэпа, отражали обострение классовой борьбы в стране в условиях проведения новой экономической политики.

Борьба вокруг вопросов нэпа нашла свое отражение на фронте общественных наук. Коммунистическая партия, историки-коммунисты добивались правильного освещения новой экономической политики в социально-экономической литературе, давали отпор буржуазным и ревизионистским извращениям сущности нэпа.

Много ошибочных положений о нэпе содержалось в работах М. Н. Покровского. Неверное понимание М. Н. Покровским характера Октябрьской революции наложило отпечаток на его оценку новой экономической политики.

В 1924 г. М. Н. Покровский опубликовал статью «Советская глава нашей истории»[11], где попытался дать периодизацию истории Советской страны (1917—1924 гг.). В ней анализировалось развитие СССР в этот период, в том числе и в первые годы нэпа. В 1925 г. был издан доклад М. Н. Покровского «Семь лет диктатуры пролетариата»[12], в котором автор повторил основные положения своей статьи, учтя некоторые критические замечания, сделанные в ее адрес. М. Н. Покровский не связывал экономическую политику Советского государства с общим положением страны, не давал ленинской оценки «военного коммунизма» как единственно правильной суммы чрезвычайных мероприятий, осуществление которых дало возможность выиграть гражданскую войну, спасти рабочий класс от голода, а промышленность от полного разорения. Считая «военный коммунизм» лишь планом ускоренного перехода к коммунистическому обществу, М. Н. Покровский рассматривал его вне связи с гражданской войной.

Коренные изменения в стране после окончания гражданской войны остались за пределами исследования М. Н. Покровского.

---

[10] «Вестник сельского хозяйства». 1922, № 6—7; журнал «Плановое хозяйство» 1925, № 12.

[11] Журнал «Большевик», 1924, № 14.

[12] См. А. В. Луначарский и М. Н. Покровский. Семь лет пролетарской диктатуры. М. 1925.

При переходе к нэпу Советское государство предполагало для хозяйственного возрождения страны шире использовать частную инициативу, в том числе и иностранный капитал. Но Советская власть никогда не ставила свою политику в зависимость от степени участия капитала, как это пытался доказать М. Н. Покровский. Наоборот, уже в начале 1922 г. В. И. Ленин поставил вопрос о прекращении отступления именно в смысле допущения капиталистических элементов в экономику страны, а XI съезд Коммунистической партии дал в этом отношении твердую директиву.

Совершенно несостоятельной является характеристика М. Н. Покровским экономической политики Советского государства после 1922 г., как «четкого проявления государственного капитализма при условии пролетарской диктатуры». Здесь он примыкает к тем антипартийным элементам, которые выступали с антиленинской оценкой нашего социально-экономического строя как госкапиталистического. Этот тезис особенно рьяно проповедовали троцкисты и зиновьевцы.

В целом оценка М. Н. Покровским нэпа носит эклектический характер, ибо в ней механически соединялись отдельные правильные утверждения с рядом глубоко ошибочных, антиленинских положений.

С меньшевистских позиций подошел к оценке сущности нэпа историк Н. А. Рожков. Он писал, что нэп представляет собой якобы «государственный капитализм с некоторой примесью капитализма частного»[13]. Этот вывод был связан с извращенным толкованием Рожковым характера Великой Октябрьской социалистической революции, которую он считал буржуазной революцией. По его мнению, в октябре 1917 г. в России было завершено то, что не сделано в феврале.

Основную роль в развитии производительных сил страны в условиях нэпа Н. А. Рожков отводил частному капиталу — русскому и иностранному. Это были реставраторские взгляды, враждебные ленинизму.

В начале 20-х годов в корне неправильно оценивали переход к нэпу и сущность этой политики сторонники так называемой «военно-коммунистической идеологии», получившей в годы гражданской войны некоторое распространение среди экономистов (Л. Крицман, Ю. Ларин и др.). В своих взглядах они зачастую смыкались и даже повторяли враждебные ленинизму идеи троцкистов, расценивали «военный коммунизм» как подлинно коммунистическую хозяйственную политику, как якобы единственно правильный метод коммунистического строительства. Новая же экономическая политика была, по их мнению, будто бы сплошным отступлением от задач коммунистического строительства, капитуляцией перед капитализмом. Представители «военно-коммунистической идеологии» в основном сводили новую экономическую политику к свободе торговли и развитию товарно-денежного хозяйства.

Л. Крицман опубликовал ряд работ о нэпе, в которых характер и цели союза рабочего класса с крестьянством, лежавшего в основе нэпа, оценивал с немарксистских позиций. Он изображал строительство социализма как дело только одного пролетариата, без участия крестьянства. В этом один из коренных пороков его взглядов.

Приверженец «военно-коммунистической идеологии» Ю. Ларин, посвятивший вопросам нэпа несколько работ[14], считал «военный коммунизм» истинно коммунистической политикой и оценивал переход к

---

[13] Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. XII. М. 1926, стр. 317.

[14] Ю. Ларин. О пределах приспособленности нашей экономической политики «Красная новь», 1921, № 4; его же. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М. 1923; его же. Уроки кризиса и экономическая политика. М. 1924, и др.

нэпу «как горестное и тяжкое отступление, как поражение»[15]. Известное допущение капиталистических элементов Ю. Ларину казалось уже капитуляцией и сдачей всех позиций социализма. Свою «концепцию» новой экономической политики он изложил в речи на XI съезде партии. В. И. Ленин в заключительном слове по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта 1922 г. заметил: «В речи Ларина полная неясность представления, что такое новая экономическая политика, как к ней надо относиться. Ни одного серьезного возражения не было сказано против того, что нужно было перейти к новой экономической политике... Капитализм, который мы допустили, необходимо было допустить. Если он уродлив и плох, мы можем это исправить, потому что власть у нас в руках, и нам бояться нечего. Это признают все, и смешивать это с сеянием паники смехотворно»[16].

Появление антиленинских, порочных взглядов в отношении нэпа объясняется влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, а также догматическим толкованием указанными авторами коренных положений марксистско-ленинской теории. В этих условиях Коммунистическая партия мобилизовала своих членов на непримиримую борьбу против всяких проявлений буржуазной идеологии.

Большая роль в разоблачении враждебных ленинизму толкований нэпа, в защите и пропаганде ленинской концепции новой экономической политики принадлежит И. В. Сталину, ставшему с 1922 г. Генеральным секретарем Центрального Комитета партии. Выступления И. В. Сталина по вопросам нэпа, которые занимают в его трудах видное место, выражали позицию ЦК и всей партии.

В работе «Об основах ленинизма» (1924 г.) И. В. Сталин вслед за В. И. Лениным характеризовал сущность нэпа как план строительства социализма. В докладе «Об итогах XIII съезда РКП(б)» (1924 г.) он показал, что установление смычки между городом и деревней через торговлю, строительство социалистического хозяйства и преодоление капиталистических элементов является коренной особенностью новой экономической политики по сравнению с «военным коммунизмом». И. В. Сталин подчеркивал, что «военный коммунизм» не был «экономически неизбежной фазой развития пролетарской революции». Он был вызван трудностями гражданской войны и разрухой. Но в иных условиях вполне возможно, отмечал он, ведение гражданской войны без применения методов «военного коммунизма». И. В. Сталин критиковал положение, согласно которому Октябрьская революция начала свою экономическую работу с «военного коммунизма». «Наоборот,— подчеркивал он,— пролетарская диктатура начала у нас свою строительную работу не с военного коммунизма, а с провозглашения основ так называемой новой экономической политики»[17].

Обобщив исторический опыт осуществления новой экономической политики, И. В. Сталин наметил периодизацию нэпа, выделив два периода: восстановительный (1921—1925 гг.) и реконструктивный (1926—1936 гг.). Характерной особенностью первого периода является то, что к решению основной стратегической задачи подходили тогда под углом зрения развития прежде всего сельского хозяйства. Осуществление социалистической индустриализации страны и коллективизация сельского хозяйства составили главное содержание второго периода нэпа — периода социалистической реконструкции. В эти годы было завершено построение экономического фундамента социализма, ликвидированы капиталистические элементы во всех сферах народного хозяй-

[15] Ю. Ларин. О пределах приспособленности нашей экономической политики, стр. 150—151.
[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 278.
[17] И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 146.

тва СССР. Основная проблема нэпа «кто — кого» была окончательно бесповоротно решена в пользу социализма. Решение этих задач означало конец переходной эпохи от капитализма к социализму и ее экономической политики — политики нэпа.

И. В. Сталин фиксировал конец нэпа в своем докладе «О проекте конституции Союза ССР» 25 ноября 1936 г.: «Мы имеем теперь последний период нэпа, конец нэпа, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства»[18].

И. В. Сталин решительно разоблачил троцкистскую оценку нэпа. Именно в связи с критикой троцкистско-зиновьевского толкования нэпа он в заключительном слове на XIV съезде ВКП(б) дал определение нэпа, которое прочно вошло в нашу литературу: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»[19].

И. В. Сталин показал сущность правокапитулянтских взглядов Бухарина и его единомышленников (Рыкова, Томского и др.) на нэп[20].

Вскрывая суть правокапитулянтской концепции нэпа, И. В. Сталин показал, что источник ее, как и троцкистско-зиновьевской «концепции» нэпа, состоит в фактическом отрицании возможности построения социализма в СССР. Эта оценка правокапитулянтских взглядов нашла свое отражение в партийных документах, в частности в решениях XVI съезда ВКП(б).

И. В. Сталин вскрыл правокапитулянтское понимание Бухариным смычки между городом и деревней как политики развязывания капиталистических элементов на селе и уступок им, как политики, увековечивающей мелкое производство в деревне. «Надо вскрыть ошибку тех, которые думают, что нэп нужна лишь для связи между городом и деревней,— говорил он.— Нам нужна не всякая связь между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма»[21]. Он решительно отверг попытку Бухарина, преднамеренно искажавшего кооперативный план В. И. Ленина, противопоставить колхозы первичным формам кооперации[22].

В борьбе против буржуазно-реставраторской концепции нэпа большую роль сыграли труды Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, Ем. Ярославского и других видных деятелей Коммунистической партии. Это были работы, либо специально посвященные нэпу, либо попутно касавшиеся вопросов новой экономической политики[23].

---

[18] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 509.

[19] И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 364.

[20] См. речи «Об индустриализации и хлебной проблеме» (9 июля 1928 г.). И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 157—187; «О правом уклоне в ВКП(б)» (апрель 1929 г.). И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 1—107; «К вопросам аграрной политики в СССР» (27 декабря 1929 г.) там же, стр. 141—172; статью «Год великого перелома» (3 ноября 1929 г.) там же, стр. 118—135; «Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)» (27 июня 1930 г.) там же, стр. 235—373.

[21] И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 171.

[22] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 90.

[23] А. Бубнов. Партия и оппозиция. М. 1926; М. И. Калинин. От войны мирному хозяйственному строительству. «Избранные произведения». Т. I. М. 1960; С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). М. 1937; В. В. Куйбышев. Разгромить до конца правый уклон. «Статьи и речи». М. 1937; Ем. Ярославский. Новая оппозиция и троцкизм. Л. 1926; его же. Завершенный круг. Л. 1926; его же. Новое и старое в новой оппозиции. М. 1927; его же. Ленин и нэп. М. 1931, и др.

В упорной борьбе с буржуазной и оппортунистической идеологией Коммунистическая партия утверждала безраздельное господство ленинского учения о нэпе. Это учение благодаря широкой разъяснительной работе Коммунистической партии усваивалось широкими массами трудящихся.

Одним из важнейших средств пропаганды принципов новой экономической политики было издание научной и научно-популярной исторической и историко-экономической литературы. Начиная с 1921 г. стали публиковаться статьи, брошюры, книги, в которых с ленинских позиций освещались вопросы новой экономической политики.

Одна из первых работ о нэпе принадлежит видному историку Коммунистической партии С. И. Гусеву, который выступил в 1921 г. со статьей «Еще о новой экономической политике» [25]. В этой статье имелось совершенно правильное положение, что нэп есть продолжение Октябрьской революции, что «не будь гражданской войны, мы в 1919—1921 гг. вели бы ту же самую, по существу, «новую экономическую политику», а не политику «военного коммунизма», на которую нас вынудила война» [26].

В 1921 г. Ем. Ярославский выпустил небольшую брошюру «О продналоге» [27], в которой в популярной форме был изложен вопрос о замене разверстки продналогом, о товарообмене, о развитии кооперации и т. д. Опубликование этой брошюры встретило противодействие некоторых работников Госиздата. Тогда автор обратился за содействием к В. И. Ленину. 8 мая 1921 г. Владимир Ильич в письме в Госиздат писал: «Я считаю необходимым сообщить, что, по-моему, брошюра заслуживает распространения. Если есть другое мнение, надо внести вопрос официально в Цека РКП» [28]. 14 мая 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) поддержало позицию В. И. Ленина, и брошюра Ем. Ярославского вышла в свет.

В. И. Ленин придавал первостепенное значение пропаганде новой экономической политики. Ознакомившись с рукописью Г. М. Кржижановского «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии (Госплан)», Владимир Ильич написал в декабре 1921 г. ее автору: «Прочел и очень, очень одобряю... Добавление, по моему, необходимо: о новой экономической политике... Почти в каждую главу можно (и должно, по моему) добавить страничку другую о том, что новая экономическая политика не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению» [29].

В 1922 г. по поручению ЦК РКП(б) и В. И. Ленина И. И. Скворцов-Степанов написал книгу [30], являющуюся изложением ленинского плана электрификации России (плана ГОЭЛРО), в которой, по словам В. И. Ленина, «автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов» [31].

В. И. Ленин написал предисловие к этой книге, которую горячо рекомендовал, и особо одобрительно отозвался о начале шестой главы, где автор «дает прекрасное изложение значения новой экономической политики» [32].

Переход к новой экономической политике И. И. Скворцов-Степанов

---

[25] Журнал «Красная новь», 1921, № 3.
[26] Там же, стр. 329—330.
[27] Ем. Ярославский. О продналоге. М. 1921.
[28] «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 231.
[29] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIX. Изд. 3-е, стр 463.
[30] И. И. Степанов. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. М. 1922.
[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 217.
[32] Там же.

рассматривал как объективную необходимость, вытекавшую из конкретного состояния производительных сил в стране, соотношения классов.

Смысл перехода к новой экономической политике и сущность нэпа он видел в том, что государство сосредоточивает свои ограниченные силы на главном и решающем в экономической жизни страны, сохраняет за собой командные позиции и лишь временно оставляет то, что не имеет определяющего значения в экономике и что оно не может удержать за собой, допустив в эту область капиталистические элементы, деятельность которых ставится под контроль государства. Это неизбежно ведет к экономической борьбе между капиталистическими и социалистическими элементами. По мнению автора, такая политика способствует установлению экономического союза между пролетариатом и крестьянством, возрождению и росту промышленности, ведет к полному преобразованию всех технических основ и экономической организации земледелия.

В 1923 г. была опубликована брошюра И. Флеровского «Октябрьская революция и новая экономическая политика», автор которой в оценке причин перехода к новой экономической политике и сущности нэпа исходит из ленинской концепции и пропагандирует ее [33].

В литературе 20-х (с 1924 г.)—начала 30-х годов серьезное внимание было уделено ленинскому кооперативному плану. В эти годы вышел ряд работ, в которых освещаются взгляды В. И. Ленина на кооперацию [34].

Основное их содержание заключалось в утверждении и пропаганде теоретических положений В. И. Ленина о кооперации, изложенных в статьях 1923 года. Для работ этого периода характерен исторический подход к выяснению взглядов Владимира Ильича на роль кооперации.

Среди работ тех лет, посвященных ленинскому кооперативному плану, следует назвать книгу Н. И. Попова «Борьба за ленинский кооперативный план» (М.-Л. 1934). Автор выделяет три этапа в развитии ленинского кооперативного плана: первый — до 1917 г., второй — 1917—1920 гг. и третий — период новой экономической политики.

Н. И. Попов уделил особое внимание второму этапу. На основе анализа ленинских работ того времени он заключает, что в них содержатся все основные элементы ленинского кооперативного плана как плана социалистической переделки деревни на базе советского строя и при энергичном содействии Советского государства.

Третий этап характеризуется им как период, когда «кооперативный план был развернут В. И. Лениным во всей его полноте и во всем его значении в целом ряде выступлений и статей, особенно в последних статьях «О кооперации» (1923 г.). Статьи «О кооперации»,— продолжает автор,— завершают собой третий этап в теоретическом развитии ленинского кооперативного плана и являются основным документом ленинизма по этому вопросу» [35].

Наряду с достижениями в указанной литературе встречались и серьезные недостатки, но в целом она сыграла положительную роль в пропаганде нэпа.

Коммунистическая партия в борьбе против антиленинских взглядов по вопросам нэпа добилась полного торжества и безраздельного господства ленинской концепции новой экономической политики. Большую роль в этом сыграли историки-марксисты.

---

[33] И. П. Флеровский. Октябрьская революция и новая экономическая политика. М. 1923.

[34] А. Андреев. Кооперация в социалистическом строительстве. М. 1924; А. Балтин. Ленин и кооперация. Тифлис. 1924; В. Куйбышев. Ленин и кооперация. М. 1925; Н. Мещеряков. Ленин и кооперация. М. 1925; А. Лозовой. Ленин и кооперация. М. 1925; М. Власов. Кооперативный план Ленина и пути развития крестьянского хозяйства. М.-Л. 1929, и др.

[35] Н. И. Попов. Борьба за ленинский кооперативный план, стр. 16, 17.

В литературе 30-х—начала 50-х годов толкование вопросов новой экономической политики давалось в соответствии с ленинской концепцией нэпа. Но в ней проблемы новой экономической политики не заняли сколько-нибудь значительного места. Некоторое освещение они получили в обзорных лекциях по курсу истории СССР, истории Коммунистической партии, посвященных периоду восстановления народного хозяйства СССР (1921—1925 гг.) [36]. В основном это небольшие брошюры, в которых проблеме перехода к нэпу и сущности этой политики уделено несколько абзацев, в лучшем случае — страниц. Как правило, в них повторены характеристики новой экономической политики, а также «военного коммунизма», данные в книге «История ВКП(б). Краткий курс», изданной в 1938 году. Более подробно освещена проблема перехода к новой экономической политике в лекциях А. А. Матюгина, прочитанных им в Московском университете.

В 50-е годы был сделан заметный шаг в развитии историографии нэпа. Как отмечалось, в освещении этой проблемы центр тяжести был перенесен на конкретный показ того, как подготовлялся и осуществлялся переход Советского государства от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике; прослежен процесс перестройки всей хозяйственной жизни страны на рельсах нэпа, изменения социалистической надстройки в связи с этим переходом; изучены расстановка классовых сил и характер классовой борьбы в условиях перехода к нэпу; серьезное внимание уделено укреплению союза рабочего класса с крестьянством в тот период и т. д.

Основные вопросы рассматриваемой проблемы прослежены в изданных в эти годы обобщающих трудах по истории КПСС и истории СССР [37], в специальных исследованиях, посвященных периоду борьбы за восстановление народного хозяйства СССР (1921—1925 гг.) [38], в работах советских экономистов по истории советского хозяйства [39].

В обзорных лекциях по истории Коммунистической партии и истории СССР периода восстановления народного хозяйства также освещалась проблема перехода к нэпу [40]. Особенности этого перехода в национальных республиках рассмотрены в обобщающих трудах по истории

---

[36] И. И. Минц. Переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.). М. 1940; М. С. Волин. От военного коммунизма к нэпу. X съезд РКП(б). М. 1941; Ем. Ярославский. Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.). М. 1944; А. И. Коссой. Новая экономическая политика. М. 1949; Г. Н. Голиков. Переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Образование СССР (1921—1925). М. 1951; О. М. Лукашева. Советская страна в период восстановления народного хозяйства (1921—1925). М. 1951; А. А. Матюгин, Д. А. Чугаев. СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925). М. 1952.

[37] «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957)». Учебное пособие. М. 1957; «История Коммунистической партии Советского Союза». М. 1959; «История СССР». Учебное пособие. М. 1960.

[38] «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Исторические очерки. М. 1955; Л. В. Метелица, А. А. Угрюмов. Коммунистическая партия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М. 1958; Н. И. Каторгин. Коммунистическая партия в годы восстановления народного хозяйства 1921—1925 гг. М. 1958, и др.

[39] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М. 1956; «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.». М. 1960; «История народного хозяйства СССР 1917—1959 гг.». М. 1960; И. А. Гладков. В. И. Ленин — организатор социалистической экономики. М. 1960, и др.

[40] В. М. Злобина. Советская страна после ликвидации интервенции и гражданской войны. X съезд партии. М. 1955; Б. Т. Багликов. Десятый съезд РКП(б) и историческое значение его решений о переходе к новой экономической политике. М. 1955; О. М. Лукашева. Советская страна в период восстановления народного хозяйства. М. 1957; Г. А. Позняк. Десятый съезд РКП(б) и его решения. Переход к нэпу. М. 1958; А. Я. Ваткин. Коммунистическая партия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Л. 1958.

республик, а также в специальных исследованиях, посвященных восстановительному периоду или отдельным вопросам перехода к нэпу в национальных республиках[41].

Серьезный вклад в изучение проблемы перехода Советского государства к новой экономической политике и сущности нэпа представляют труды Э. Б. Генкиной[42], в особенности ее монография «Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922)», опубликованная в 1954 году. В ней автор суммировал свои многолетние изыскания по рассматриваемой проблеме. Книга основана на изучении произведений В. И. Ленина, на исследовании обширнейшего круга источников и прежде всего на новых архивных материалах. В книге особенно хорошо показана огромная разъяснительная работа в массах, проведенная Коммунистической партией по пропаганде решений X съезда партии о переходе к нэпу; много внимания уделено вопросу перестройки народного хозяйства, осуществленной в связи с переходом к новой экономической политике. При этом Э. Б. Генкина постоянно подчеркивает организующую и направляющую роль Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным.

В 1955 г. Институт истории АН СССР выпустил книгу «СССР в период восстановления народного хозяйства 1921—1925 гг.»[43], которая вошла в советскую историографию как первый серьезный обобщающий труд по истории периода борьбы за восстановление народного хозяйства СССР (1921—1925 гг.).

В этом труде обстоятельно рассмотрены основные проблемы перехода страны от «военного коммунизма» к новой экономической политике, показана перестройка, осуществленная в области экономики и надстройки в связи с переходом к нэпу.

Монография Э. Б. Генкиной и коллективный труд Института истории представляют собой несомненные достижения советской исторической науки.

Вместе с тем в той и другой работе имеются, на наш взгляд, некоторые недостатки, которые в значительной мере присущи большинству исследований по проблеме перехода к новой экономической политике.

В обеих книгах нечетко определены хронологические рамки периода перехода к нэпу. Если начало этого периода, которое положил X съезд партии, обозначено четко[44], то конец его весьма неопределенен: в обеих

---

[41] А. М. Акопян, А. М. Эльчибекян. Очерки по истории Советской Армении. 1917—1925 гг. Вып. I. Ереван. 1955; Е. А. Токаржевский. Очерки истории Советского Азербайджана (1921—1925 гг.). Баку. 1956; В. С. Савицкая. Из истории перехода к нэпу на Витебщине. «Ученые записки» Витебского пединститута. Вып. 7. 1957; М. И. Давыдов, Ю. Р. Домбровский. Переход к продналогу на юге Украины. «Научные записки» Херсонского сельскохозяйственного института. Вып. 7, ч. 2. 1958; А. Д. Залевский. Первые итоги замены продразверстки продналогом на Украине. «Ученые записки» Киевского финансово-экономического института. 1959, № 7, и др.

[42] Э. Б. Генкина. Двадцатилетие X съезда партии. «Историк-марксист», 1941, № 3; ее же. К истории выработки ленинского плана социалистического строительства. «Вестник Московского университета», 1947, № 11; ее же. Государственная деятельность В. И. Ленина в период перехода к мирному строительству (январь — февраль 1921 г.). «Вопросы истории», 1948, № 1; ее же. Государственная деятельность В. И. Ленина в 1921 г. «Вопросы истории», 1954, № 1; ее же. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). М. 1954; ее же. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. М. 1960, и др.

[43] В этом коллективном труде авторами разделов, посвященных переходу к нэпу, являлись Э. Б. Генкина и А. А. Воронецкая.

[44] В связи с вопросом о начале перехода к нэпу следует отметить неубедительность утверждения Э. Б. Генкиной о том, что в решении VIII съезда Советов РСФСР (декабрь 1920 г.) о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства «со всей ясностью сказывались и новые моменты, были поставлены новые задачи, связанные с подготовкой перехода к новой экономической политике...» (Э. Б. Генкина. Переход Советского государства к новой экономической политике, стр. 70).

В действительности это решение VIII съезда Советов целиком базировалось на

книгах завершение периода перехода к нэпу фактически ограничено 1921 годом. Э. Б. Генкина пишет в своей книге, что гигантская работа по перестройке была проведена «в основном на протяжении 1921 г.— первого года новой экономической политики» (стр. 188). 1922 год рассматривается ею уже в плане подведения первых итогов перехода к нэпу. Об XI съезде партии в той и другой книге говорится в тех главах, где подводятся итоги первого года нэпа, и тем самым подчеркивается завершенность процесса перехода к нэпу.

Мы полагаем, что перестройка в области экономики и надстройки в связи с переходом к нэпу охватывала не только 1921, но и 1922 г., по крайней мере до октябрьской сессии ВЦИК 1922 г. включительно, когда были утверждены важнейшие кодексы (земельный, гражданский, уголовный, трудовой). На то, что процесс перехода на рельсы нэпа еще не был завершен, В. И. Ленин указывал в своей речи 20 ноября 1922 года: «...Этот переход, хотя мы с начала 1921 г. за него и взялись, довольно труден, я сказал бы — очень труден. Прошло более полутора лет, как мы этот переход осуществляем, когда, казалось бы, пора уже большинству пересесть на новые места и разместиться сообразно новым условиям, в особенности условиям новой экономической политики» [45].

Нечеткость в определении историками сроков перестройки экономики и надстройки в связи с переходом к нэпу сказалась и на исследовании процессов, протекавших в тот период. Хотя в названии своей книги «Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922)» Э. Б. Генкина правильно определила хронологические рамки исследования, однако фактически в центре внимания автора был 1921 г., а события 1922 г. в монографии исследованы и освещены явно недостаточно. В отдельных главах автор ограничивает изложение событий 1921 годом. Например, шестая глава называется: «Укрепление советской государственности в 1921 г.».

В разбираемых работах, посвященных проблеме перехода к нэпу, слабо показаны новые мероприятия Коммунистической партии в области развития кооперации. В какой-то мере прослеживается изменение значения потребительской кооперации, увеличение ее роли в установлении торговой смычки между городом и деревней. Однако ничего не говорится о том, что в связи с переходом к нэпу был поставлен вопрос о путях и методах социалистического преобразования крестьянских хозяйств, об использовании простейших форм кооперации для приобщения крестьян к социалистическому строительству. Необходимо подчеркнуть, что кооперативная политика становилась неотъемлемым и одним из важнейших элементов нэпа. Уже в 1921—1922 гг. Коммунистическая партия и Советское государство проделали огромную работу по оживлению и развитию всех форм кооперации в деревне, о чем в книге Э. Б. Генкиной и в коллективном труде Института истории почти ничего не сказано.

Следует отметить, что в книге «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» противоречиво характеризуется социальная природа простейших форм кооперации 1921 года. На стр. 26

сохранении продразверстки в деревне и предусматривало усиление элементов государственного контроля в отношении руководства крестьянским хозяйством по сравнению с годами гражданской войны. «Там,— говорил по этому поводу В. И. Ленин,— была задача не столь сложная, которая требовала от крестьян уступки известного количества продуктов, а здесь от крестьян требуется, чтобы они в своем собственном хозяйстве вносили те изменения, которые общегосударственная власть признала необходимыми...» (В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 497).

В коллективном труде «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» авторы правильно оценили решение VIII Всероссийского съезда Советов о мерах укрепления и развития сельского хозяйства, как исходившее «из принципов политики военного коммунизма. Съезд не вносил в нее коренных изменений, продразверстка сохранялась» (стр. 40).

[45] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 397—398.

ни неверно отнесены к социалистическому типу хозяйств, а в параграе, посвященном ленинскому кооперативному плану, автор правильно ишет, что в работе «О продовольственном налоге», написанной весной 921 г., В. И. Ленин ставит вопрос о переходе от кооперации «мелких озяйчиков к социализму»[46].

Нечеткость в определении социальной природы простейших форм ооперации типична для ряда работ[47]. Выгодно в этом отношении отлиается статья В. М. Селунской «Разработка В. И. Лениным кооперативного плана»[48]. Она в основном правильно показала процесс разработки В. И. Лениным кооперативного плана и раскрытие им социальной рироды кооперации на различных этапах ее развития.

В исторической литературе справедливо утверждается, что новая кономическая политика в основных чертах воспроизводит ленинский лан строительства социалистического хозяйства весны 1918 г., изложенный в работах «Очередные задачи Советской власти», «О «левом» ебячестве и о мелкобуржуазности» и др. Однако в нашей литературе е получили должного освещения перспективы социалистического троительства, начертанные в плане нэпа и плане весны 1918 г. и различия между ними. В статье «К истории выработки ленинского плана оциалистического строительства» (1947 г.) Э. Б. Генкина сделала попытку сопоставить эти два плана, показать их общие и отличительные ерты. Но в ее работе «Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922)» этот вопрос, к сожалению, почти бойден.

В литературе 30—50-х годов правильно подчеркивается, что «военый коммунизм» был вызван войной и разрухой и сыграл свою историческую роль в завоевании победы в гражданской войне; в мирных же словиях он не обеспечивал экономического союза между городом и еревней и был заменен новой экономической политикой. Но в этой литературе почти не делается попыток конкретно и всесторонне рассмотреть и сопоставить «военный коммунизм» и новую экономическую политику.

Известно, что В. И. Ленин уделял огромное внимание выяснению опроса, в какой мере можно и должно говорить об ошибочности «военого коммунизма» как плана, метода ускоренного перехода к коммунистическому производству и распределению. К сожалению, в исторической и историко-экономической литературе 30—50-х годов эти ленинские оложения не получили отражения. Некоторую попытку в этом направлении сделала Э. Б. Генкина в своей статье «К истории выработки ленинского плана социалистического строительства». Однако в другом воем исследовании, «Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922)», автор фактически не касается этого опроса.

Несомненно, без глубокого анализа «военного коммунизма» и сопоставления его с нэпом нельзя всесторонне показать историческое значие новой экономической политики.

Наконец, остановимся еще на одном вопросе — вопросе развития амого нэпа. В исторической литературе должного раскрытия этот процесс не получил. Э. Б. Генкина хорошо показала один из моментов того процесса — переход от товарообмена как формы реализации из-

---

[46] «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)», стр. 77.

[47] См. М. С. Смирнов. Борьба партии Ленина — Сталина за подготовку массового колхозного движения. М. 1952; Б. Абрамов. Организаторская работа партии о осуществлению ленинского кооперативного плана. М. 1956; В. Голиков. Деятельность Коммунистической партии Советского Союза по развитию и укреплению сельскохозяйственной кооперации. Алма-Ата. 1956, и др.

[48] «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 99—119.

лишков крестьянского хозяйства к развернутой торговле. Слабей разработаны другие стороны нэпа. В коллективном труде Института истории мало говорится о том, как Коммунистическая партия шаг за шагом вырабатывала основные принципы новой экономической политики. Например, X партконференция (май 1921 г.) сыграла большую роль не только в пропаганде идей нэпа, но и в разработке самой политики нэпа. В резолюции «Об экономической политике» конференция наметила важнейшие элементы нэпа. В книге есть упоминания об этой резолюции, но содержание ее не раскрыто и значение конференции в развитии нэпа не показано. Должным образом не показан вклад в развитие нэпа XI партконференции (декабрь 1921 г.), IX съезда Советов (декабрь 1921 г.), XI съезда РКП(б) и т. д.

Таким образом, обзор исторической и историко-экономической литературы по проблеме перехода к нэпу и ее сущности показывает, что, опираясь на ленинскую концепцию нэпа, советские историки внесли большой вклад в дело разоблачения и разгрома всех антиленинских концепций. В результате острой идеологической борьбы ленинская концепция нэпа прочно утвердилась в нашей литературе. Правильность этой концепции была полностью подтверждена всем ходом социалистического строительства в нашей стране и странах народной демократии.

Советскими историками сделано немало для изучения и освещения конкретного процесса перехода страны на рельсы нэпа, перестройки ее экономики, а также политической надстройки, связанной с этим переходом. Серьезное внимание уделено проблеме укрепления союза рабочего класса с крестьянством на основе нэпа и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что ряд вопросов истории нэпа требует углубленного исследования. К ним, на наш взгляд, нужно отнести прежде всего вопросы о соотношении нэпа с предыдущими этапами экономической политики Советского государства, о развитии новой экономической политики в период ее осуществления и завершения, об изменении кооперативной политики Коммунистической партии и Советского государства в связи с переходом к нэпу, о международном значении нэпа, о классовой борьбе во всех ее проявлениях в этот период и другие.

Таковы положительные результаты и недостатки в изучении советской историографией проблемы перехода к нэпу и сущности этой политики.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ МОСКВЫ ЗА ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Л. В. Фокин

Величественная программа строительства коммунизма, принятая XXI съездом КПСС, вызвала новый трудовой и политический подъем, открыла широчайший простор для дальнейшего развития творческой инициативы и самодеятельности масс. Непрерывный рост активности трудящихся во всех областях экономической, политической и культурной жизни является одной из характерных особенностей современного этапа коммунистического строительства в нашей стране. Ярким показателем развертывания активности и инициативы народных масс является движение изобретателей и рационализаторов.

В буржуазном обществе, где целью производства является извлечение капиталистической прибыли, применение новой техники, технологии, организации труда служит средством усиления эксплуатации трудящихся, ведет к росту безработицы. Капиталистические производственные отношения убивают у трудящихся творческую инициативу. Рабочие буржуазных стран не заинтересованы в техническом совершенствовании производства. Поэтому при капитализме не может быть массовой рационализации и изобретательства.

При социализме техническое совершенствование производства происходит в интересах всего народа. Социалистические производственные отношения создают самые благоприятные условия для массового развития технического творчества трудящихся. Из средства порабощения и эксплуатации новая техника превращена в средство облегчения труда и неуклонного повышения материального благосостояния советских тружеников.

Советские люди кровно заинтересованы в улучшении и развитии техники. Они активно борются за совершенствование производства, выступают творцами новых совершенных машин, механизмов, оборудования, добиваются неуклонного роста производительности труда. В СССР техническое творчество масс стало могучим двигателем технического прогресса, который в современных условиях приобретает особенно большое значение в решении основной практической задачи советского народа — создании материально-технической базы коммунизма.

Процесс развития творчества изобретателей и рационализаторов заслуживает всестороннего изучения и обобщения. Однако в нашей исторической литературе этой проблеме уделяется мало внимания. Особенно слабо освещен современный период развития изобретательского и рационализаторского движения. Кроме книги А. Гармашева [1], изданы две брошюры [2], популяризирующие изобретательство и рационализаторство, опубликовано несколько статей и брошюр об опыте

---

[1] А. Гармашев. Изобретательство в СССР. М. 1957.

[2] В. П. Карякин. Творчество миллионов. М. 1959; Л. Г. Львов. Технический прогресс и изобретательство в СССР. М. 1960.

работы рационализаторов и изобретателей[3]. В «Трудах» Уральского политехнического института в 1958 г. опубликована статья Н. А. Аникина[4], в которой автор рассказывает об истории развития массового изобретательства и рационализации до 1956 года. Некоторые вопросы истории развития изобретательства и рационализации в СССР освещены в работе В. С. Познанского[5]. Данная статья является попыткой рассмотреть на примере Московского экономического района движение изобретателей и рационализаторов на современном этапе, их вклад в борьбу за технический прогресс. Работа основана на материалах текущих архивов Московского городского совнархоза, Городского совета общества изобретателей и рационализаторов, предприятий, а также периодической печати.

★

Коммунистическая партия на всех этапах строительства социализма придавала и придает громадное значение техническому совершенствованию производства. Партия руководствуется при этом известным положением марксизма-ленинизма о том, что в условиях победы пролетарской диктатуры только на основе высшей техники возможен быстрый рост производительности труда — самого важного, самого главного, по определению В. И. Ленина, для победы нового общественного строя. «...Берет верх тот,— говорил В. И. Ленин,— у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины...»[6].

Решающую роль в техническом прогрессе играют народные массы. «...Ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»[7],— подчеркивал В. И. Ленин.

С первых дней Советской власти Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли постоянную заботу о развитии изобретательства и рационализаторства, всемерно поддерживали и развивали творчество трудящихся. Но особенно остро ставится этот вопрос сейчас, в период развернутого строительства коммунизма.

Большую роль в мобилизации усилий трудящихся на борьбу за техническое совершенствование производства сыграл июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС. Социалистическая промышленность к тому времени достигла значительных успехов. Вместе с тем наблюдалось и некоторое отставание в техническом оснащении важных отраслей промышленности, недостаточен был уровень механизации и автоматизации производственных процессов. Все это сдерживало темпы дальнейшего роста общественного производства. Подвергнув критике недостатки в работе промышленности, Центральный Комитет разработал конкретные мероприятия по их устранению.

Пленум признал «важнейшей задачей партийных, советских и хозяйственных организаций в области промышленности, наравне с обеспечением выполнения народнохозяйственного плана, всемерное повышение технического уровня производства»[8]. Пленум потребовал

---

[3] «Рационализаторы в борьбе за технический прогресс». М. 1959; И. Бузилов. Ленинградские рационализаторы — Родине. Л. 1959; Н. Горюнов. Рационализаторы и изобретатели на предприятиях Сахалинского совнархоза. «Советский Сахалин», 1958.

[4] Н. А. Аникин. Массовая рационализация и изобретательство в условиях социалистических производственных отношений. «Труды» Уральского политехнического института имени С. М. Кирова. Сборник 87. Свердловск. 1958.

[5] В. С. Познанский. О развитии массового рабочего изобретательства и рационализаторства в СССР. «Вопросы истории», 1960, № 3.

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 167.

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 431.

[8] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. IV. Госполитиздат. 1960, стр. 93.

улучшить работу с изобретателями и рационализаторами, принимать воевременные меры к внедрению их предложений в промышленность»[9].

Состоявшийся вскоре XX съезд КПСС с новой силой подчеркнул, то «решающим условием дальнейшего роста всего промышленного роизводства является его непрерывный технический прогресс»[10]. Съезд казал на необходимость дальнейшего подъема творческой активности рудящихся, всемерного развития движения рационализаторов, изобре ателей и новаторов производства. Коммунистическая партия моби изовала все силы трудящихся на выполнение этих важнейших задач.

После июльского (1955 г.) Пленума ЦК и XX съезда КПСС уско илось внедрение новой техники, технологии, механизации и автомати ации производства, еще более усилилось развитие технического твор чества трудящихся. Уже в 1956 г. значительно возросла активность зобретателей и рационализаторов. Так, по сравнению с 1955 г. число частвовавших в техническом совершенствовании производства возро ло более чем на 200 тыс., количество внесенных предложений — почти а 300 тыс., а внедренных в производство — на 250 тысяч. Экономиче кий эффект от реализации предложений изобретателей и рационализа оров увеличился более чем на миллиард рублей[11].

Но выполнение задач дальнейшего развития экономики страны на базе новейших достижений науки и техники затруднялось ведомствен ной системой управления хозяйством. Ведомственность мешала техни ческому прогрессу, росту экономики, сдерживала инициативу масс.

Реорганизация управления промышленностью и строительством, проведенная Коммунистической партией и Советским правительством в 1957 г., явилась важным этапом на пути выполнения задач, постав ленных июльским (1955 г.) Пленумом ЦК КПСС и XX съездом партии в области промышленности. Новая система управления промышлен ностью и строительством открыла неограниченные просторы для совер шенствования техники, внедрения в производство новых машин, средств механизации и автоматизации, для развития творческой активности и инициативы трудящихся. Вся работа по созданию, внедрению и осво ению новой техники, по руководству изобретательством и рационали зацией была передана из ведения многочисленных министерств и ве домств в руки одного органа — Совета народного хозяйства экономи ческого района.

С перенесением руководства промышленностью в экономические районы возросла ответственность местных партийных, советских, проф союзных, хозяйственных органов за развитие экономики района, за внедрение в производство новейших достижений науки и техники.

Большую организационную работу по объединению и мобилизации сил рационализаторов и изобретателей в борьбе за ускорение техни ческого прогресса проделали Московский городской совнархоз и МГК КПСС. Совместно с городскими советами профсоюзов и общества изо бретателей и рационализаторов Мосгорсовнархоз и МГК КПСС про вели ряд совещаний, вечеров, встреч с новаторами, изобретателями и рационализаторами столичных предприятий, с участниками комплек сных бригад. Систематически подводятся итоги изобретательской и рационализаторской работы. Все более входит в систему проведение конкурсов и смотров по рационализации и изобретательству. Управле ния совнархоза и отдел изобретательства установили постоянный кон троль за состоянием изобретательской и рационализаторской работы по каждому предприятию, оказывают им практическую помощь, ведут большую работу по повышению творческой активности трудящихся.

[9] Там же, стр. 96.

[10] Там же, стр. 133.

[11] «Народное хозяйство СССР в 1956 году». Статистический сборник. М. 1957, тр. 57. Все данные в статье приведены в ценах до 1 января 1961 года.

Московский городской комитет КПСС, обсуждая на заседаниях бюро и пленумов вопросы модернизации оборудования, внедрения новой техники и технологии, механизации и автоматизации производственных процессов, требует от партийных организаций вовлечения широких слоев рабочих, инженеров в работу по техническому совершенствованию производства, повышения активности изобретателей и рационализаторов.

Важную роль в развитии движения изобретателей и рационализаторов сыграли расширение прав профессиональных союзов, создание Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, созыв Всесоюзного совещания изобретателей, рационализаторов и новаторов производства в Кремле (октябрь 1956 г.), организация Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) и первый съезд общества в сентябре 1959 года. Главная задача общества состоит в том, чтобы «мобилизовать творческую инициативу новаторов производства, рационализаторов и изобретателей на ускорение технического прогресса во всех отраслях хозяйства»[12]. Принятый правительством новый порядок вознаграждения изобретателей и рационализаторов стимулирует дальнейший подъем технического творчества.

Все эти мероприятия оказали большое влияние на повышение активности изобретателей и рационализаторов в борьбе за технический прогресс. Движение изобретателей и рационализаторов стало подлинно массовым движением современности. Число изобретателей и рационализаторов за последние пять лет выросло более чем в два раза и составляет сейчас свыше 2 млн. человек. Экономический эффект от внедрения их предложений составил только за 1959 г. около 12 млрд. рублей[13].

В период между XX и XXI съездами партии было создано и освоено более 4 500 новых совершенных типов машин, механизмов, аппаратов, то есть больше, чем их было создано за всю пятую пятилетку. За это же время было освоено более 800 новых типов приборов, разработаны и внедрены прогрессивные технологические процессы, значительно повышен уровень механизации и автоматизации[14].

Серьезный вклад в дело технического совершенствования производства вносят московские изобретатели и рационализаторы. С 1957 по 1959 г. их численность возросла более чем на 51 тыс. человек, количество поступивших предложений по усовершенствованию машин и приборов, оборудования, технологических процессов увеличилось на 82,5 тыс., экономия от их внедрения — на 152 млн. рублей. В первом году семилетки 180-тысячная армия московских изобретателей и рационализаторов дала стране 768,9 млн. руб. экономии[15]. На предприятиях Московского совнархоза в 1957 г. в изобретательской и рационализаторской работе принимал участие каждый одиннадцатый работающий, в 1958 г.— каждый восьмой, в 1959 г.— каждый седьмой[16]. Массовое участие советских людей в изобретательской и рационализаторской работе — убедительное свидетельство невиданного ранее подъема их технического творчества.

---

[12] «Материалы I съезда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (22—27 сентября 1959 г.)». М. 1959, стр. 6.

[13] «Народное хозяйство СССР в 1959 году». Статистический сборник. М. 1960, стр. 76.

[14] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. II. Госполитиздат. 1959, стр. 463.

[15] Текущий архив Московского городского статистического управления. Сводные отчеты о поступлении и внедрении изобретений и рационализаторских предложений за 1957—1959 годы.

[16] Текущий архив отдела изобретательства Московского городского совета народного хозяйства (МГСНХ). Из отчетов об итогах работы по массовому изобретательству и рационализации на предприятиях МГСНХ за 1957—1959 годы.

Замечательным в этом движении является широкое участие рядовых рабочих, составляющих основную часть изобретателей и рационализаторов. Так, на Московском автозаводе имени Лихачева из 5 997 человек, подавших рационализаторские и изобретательские предложения в 1958 г., 3 084 рабочих, что составляет 51% заводских изобретателей и рационализаторов [17]. На Московском электроламповом заводе 66,2% рационализаторов и изобретателей — рабочие и 33,8% — инженеры и техники [18]. По данным Городского совета общества изобретателей и рационализаторов, в 1959 г. из 100 398 членов общества (по отчетам 868 первичных организаций из 920) 56 088 являются рабочими, 38 188 — инженерами и техниками [19]. Это значит, что большинство (56%) изобретателей и рационализаторов столицы — рабочие.

Широкую известность в столице и за ее пределами получили изобретения слесаря-механика Московского завода счетно-аналитических машин (САМ) Б. С. Егорова. За 20 лет работы он внедрил 60 своих рационализаторских предложений с экономическим эффектом более чем на 1 млн. рублей. Особого внимания заслуживает созданный Б. С. Егоровым намоточный станок. Завод САМ производит сложные электронно-вычислительные машины. Для их изготовления требуется много трансформаторов размером со спичечную головку; при этом тончайшая проволока наматывалась вручную. Над механизацией этого процесса работали конструкторы, инженеры и изобретатели Советского Союза и многих других стран мира, но надежный станок создать не удавалось. Б. С. Егоров после долгих поисков сконструировал уникальный высокопроизводительный станок. Он демонстрировался на международной выставке в Нью-Йорке и вызвал большой интерес [20].

Слесарь Б. С. Егоров сочетает творческую деятельность с общественной работой. В 1959 г. он избран депутатом Московского городского Совета, является членом ВЦСПС. В 1960 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Около 200 изобретений и рационализаторских предложений имеет на своем счету слесарь инструментального цеха завода «Фрезер» И. И. Чикарев. Внедрение их в производство дало экономию более одного миллиона рублей. И. И. Чикарев сконструировал, например, специальный станок для изготовления клейм. Применение этого станка значительно повысило качество клейм, чистоту их обработки. Ручным способом удавалось изготовить 2—3 однозначных клейма в час. На станке же И. И. Чикарева изготовление клейма осуществляется за 6—10 секунд. Он создал также универсальный измерительный инструмент — центромер-координатор, в содружестве с инженером А. М. Гирель И. И. Чикарев разработал конструкцию быстродействующего центробежного поводкового патрона и др. [21].

Шлифовальщик Московского автомобильного завода имени Лихачева Л. И. Куркин работает на заводе 30 лет, из них 26 — на одном рабочем месте. Вся жизнь Л. И. Куркина — непрерывное творчество. Только за последние годы он внес 15 рационализаторских предложений, вскрывающих неиспользованные резервы обычного плоскошлифовального станка. Л. И. Куркин оснастил его копировальным устройством, и станок, приспособленный ранее только для шлифовки плоских поверхностей, теперь обрабатывает сложные фасонные поверхности. Произ-

[17] «Московский автозаводец», 3 февраля 1959 года.
[18] «За передовую технику», 8 февраля 1958 года.
[19] Текущий архив МГС ВОИР. Статистический отчет за 1959 г., форма № 8.
[20] «Опыт новаторов производства. Изобретатель Борис Сергеевич Егоров». М. 1960.
[21] «Опыт новаторов производства. Изобретатель-миллионер Иван Иванович Чикарев». М. 1960.

водительность труда повысилась в несколько десятков раз. Рационализатор упростил процесс шлифовки внутренней поверхности «ласточкина хвоста», применив магнитный удлинитель. Сейчас Л. И. Куркин выполняет на шлифовальном станке операции, которые раньше производились на специальных станках. «Я твердо убежден,— сказал Л. И. Куркин,— что в каждом станке, на каждом рабочем месте кроются неисчерпаемые резервы. Нужно только неустанно искать»[22]. Число таких примеров можно увеличить. Все они свидетельствуют о возросшем культурно-техническом уровне рабочего класса, ибо в современных условиях без технических знаний, высокой производственной культуры невозможно совершенствовать технику, технологию и организацию производства. Это указывает также на то, что у нас все более стираются грани между людьми умственного и физического труда, что наши рабочие приближаются к уровню инженерно-технических работников.

Большие результаты дало техническое совершенствование производства рационализаторами и изобретателями — представителями технической интеллигенции. Уже внедрены десятки их крупных предложений, являющихся существенным вкладом в развитие советской техники, в дело ускорения технического прогресса, создания техники коммунизма.

На Станкостроительном заводе имени Г. К. Орджоникидзе внедрено изобретение конструктора Б. Л. Коробочкина «Гидравлическая следящая система к копировальным станкам». Двухкоординатная схема копирования, разработанная изобретателем, легла в основу создания гаммы современных гидрокопировальных полуавтоматов, обеспечив их высокие технико-экономические преимущества. Экономический эффект от внедрения изобретения Б. Л. Коробочкина составляет свыше 2 млн. рублей[23].

За создание, освоение серийного производства и внедрение в промышленность гаммы высокопроизводительных гидравлических токарно-копировальных полуавтоматов конструктору Б. Л. Коробочкину и его товарищам Я. П. Мезивецкому, И. А. Ростовцеву, Е. Ф. Соколову и бывшему главному инженеру завода М. М. Берману присвоена Ленинская премия[24]. Изобретение Б. Л. Коробочкина вызвало большой интерес во всех странах мира. Это далеко не единственный пример высокой творческой активности наших инженерно-технических работников.

В движении изобретателей и рационализаторов огромную роль играют женщины и молодежь. Например, на заводе имени Владимира Ильича в 1958 г. среди 562 рационализаторов и изобретателей было 109 женщин[25]. На Втором часовом заводе в 1956 г. среди изобретателей и рационализаторов, принимавших участие в техническом совершенствовании производства, было 88 женщин. В 1959 г. их было уже более 160 человек[26].

По материалам Городского совета общества изобретателей и рационализаторов, за 1958—1959 гг. участие женщин в общем числе членов общества значительно увеличилось. Так, если в 1958 г. на московских предприятиях среди членов общества женщины — изобретатели и рационализаторы составляли 11,5%, то в 1959 г. их количество возросло до 15%[27].

Многие женщины-рационализаторы вносят существенный вклад в техническое совершенствование производства. Например, рационализатор Автомобильного завода имени Лихачева Л. И. Жеребцова предложила заменить сварной рычаг реактивной подвески цельнолитым. Вне-

[22] «Правда», 31 марта 1959 года.
[23] Сборник «Опыт работы промышленности совнархоза», 1958, № 10, стр. 4.
[24] «Правда», 22 апреля 1959 года.
[25] «За боевые темпы», 6 марта 1959 года.
[26] Текущий архив БРИЗа Второго часового завода. Отчеты за 1956—1959 годы.
[27] Текущий архив МГС ВОИР. Статистические отчеты за 1958—1959 гг., форма № 8.

рение этого предложения позволило отменить сварочные операции и ликвидировать участок сварки. Кроме того, на механической обработке каждой машины сберегается 38,5 минуты. Высвободилось 2 фрезерных, 2 сверлильных станка и один наждачный. Отмена сварки позволяет ежегодно сберегать 7,5 тонны электродов. Общая экономия от внедрения предложения Л. И. Жеребцовой составила 346 тыс. руб. в год [28].

Старший мастер обмоточно-изоляционного цеха завода «Динамо» Л. Г. Самарина внедрила 30 рационализаторских предложений с экономией в 1 200 тыс. рублей [29].

Возросла также творческая активность молодых изобретателей и рационализаторов. На Московском электроламповом заводе трудится молодой инженер В. И. Виноградов. За 1957 г. он внедрил в производство пять своих рационализаторских предложений, которые дали экономический эффект в 1 097 тыс. рублей. В 1958 г. В. И. Виноградов вместе с начальником стекольного цеха И. Г. Сливинским разработал новую технологию сварки колб одного из типов электронно-лучевых трубок. С построенной по их чертежам линии стало сходить в месяц вместо 20 тыс. колб — до 50—55 тысяч. Экономия от внедрения этого предложения составила более 1 млн. рублей [30]. На Первом государственном подшипниковом заводе молодые рационализаторы Б. Медведев и Е. Гуревич внесли предложение об изменении химического состава магнитного сплава. Экономический эффект от внедрения этого предложения составляет около 600 тыс. рублей.

На многих машиностроительных предприятиях число молодых рационализаторов и изобретателей в последние годы выросло в 2—3 раза [31]. В 1958 г. молодежь составляла одну десятую часть членов городского общества изобретателей и рационализаторов, в 1959 г. их доля возросла до пятой части [32]. Таким образом, молодое пополнение рабочего класса, воспитанное и выращенное Коммунистической партией, является достойным преемником славных революционных традиций своих отцов и дедов.

В 1959 г. среди московских членов ВОИР было 34% коммунистов и 12% комсомольцев, то есть немного меньше половины всех членов общества. Это знаменательный факт, показывающий, что и в этой области деятельности советского народа по решению задач коммунистического строительства коммунисты и комсомольцы играют решающую роль.

Партийные организации ведут большую работу по широкому вовлечению трудящихся в борьбу за техническое совершенствование производства. Коммунисты подают пример в борьбе за технический прогресс. Так, немалых успехов достигла партийная группа ремонтно-механической мастерской цеха тугоплавких металлов электролампового завода. Все 9 членов КПСС группы — активные рационализаторы, они всегда на трудных участках. Например, когда коллективу мастерской было поручено модернизировать в короткий срок цепной стан, коммунисты посоветовались и решили доверить выполнение этого задания кадровым слесарям, активным рационализаторам, членам КПСС В. Хохлову и А. Некрасову. Коммунисты группы оказывали им помощь непосредственным участием в работе. Задание было выполнено в срок.

Коммунисты группы не только сами участвуют в борьбе за технический прогресс, но и воспитывают других рационализаторов. Член

---

[28] Д. Лепешкин. Наши рационализаторы. М. 1958, стр. 55.

[29] «Правда», 14 октября 1960 года.

[30] «За передовую технику», 8 февраля и 12 апреля 1958 года.

[31] Конкурс молодых машиностроителей на лучшее рационализаторское и изобретательское предложение. Москва, ЦБТИ МГСНХ, 1958, стр. 4—5.

[32] Текущий архив МГС ВОИР. Статистические отчеты за 1958—1959 гг., форма № 8.

КПСС В. Корнев обратил внимание на пытливый ум и трудолюбие токаря В. Бондарева и помог ему осуществить первое рационализаторское предложение. Теперь В. Бондарев — активный рационализатор. Коммунисты оказывают также большую помощь рабочим мастерской в повышении квалификации, овладении вторыми специальностями. Итогом кропотливого труда коммунистов явилось вовлечение в творческую рационализаторскую деятельность всех 56 работающих в мастерской, превращение ее в мастерскую новаторов [33].

Больших успехов добились партийные организации ряда других заводов. Так, каждый третий, работающий на Московском электромеханическом заводе имени Владимира Ильича и Дорогомиловском химическом заводе имени Фрунзе, и каждый четвертый или пятый, работающий на заводах «Калибр», «Динамо» [34] и других московских предприятиях, стал изобретателем или рационализатором.

Благодаря партийному руководству движение изобретателей и рационализаторов постепенно охватывает коллективы целых бригад, цехов, участков, предприятий.

★

Начало нового этапа в истории нашей страны положил XXI съезд КПСС, принявший программу развернутого строительства коммунизма. «...Решающим условием успешного выполнения семилетнего плана и создания материально-технической базы коммунизма,— говорится в резолюции съезда,— является широкое внедрение новой техники, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, специализация и кооперирование во всех отраслях народного хозяйства» [35].

Строительство коммунизма требует более быстрых темпов технического совершенствования производства. «Дальнейшее ускорение технического прогресса,— говорил Н. С. Хрущев на приеме Президиумом ЦК КПСС и Советом Министров СССР выпускников военных академий Вооруженных Сил СССР 3 сентября 1959 г.,— является основным звеном в решении задачи создания материально-технической базы коммунизма. Это тот конь, на которого мы делаем ставку в экономическом соревновании с Соединенными Штатами Америки» [36].

Отметив важное значение изобретательства и рационализации для ускорения технического прогресса, XXI съезд КПСС потребовал всемерно развивать активность трудящихся, поддерживать новаторов, передовиков производства, изобретателей и рационализаторов, широко распространять их опыт.

В ответ на исторические решения съезда советский народ еще более повышает свою трудовую и творческую активность во всех областях народного хозяйства. Усилили борьбу за техническое совершенствование производства изобретатели и рационализаторы. Их армия только за 1959 г. выросла на 355 тыс. человек, количество предложений — на 545 тыс., а экономия от внедрения их в производство возросла против 1958 г. на 2 млрд. рублей [37]. В первом году семилетки на предприятиях столицы в рационализаторской и изобретательской работе участвовало

---

[33] «За передовую технику», 15 августа 1959 года.

[34] «Московская правда», 20 марта и 27 мая 1959 г.; 23 ноября 1960 г.; Текущий архив МГС ВОИР. Справка о состоянии работы первичных организаций ВОИР за 1959 г., стр. 2.

[35] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. IV, стр. 390.

[36] «Правда», 4 сентября 1959 года.

[37] «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 76.

на 34 тыс. человек больше, чем в 1958 г., предложений подано на 54 тыс. больше, экономия за один год возросла почти на 100 млн. рублей [38].

В повышении творческой активности изобретателей и рационализаторов значительную роль сыграли партийные организации. Большую работу в этом направлении проводит, например, партийная организация Второго часового завода. Партийный комитет и администрация предприятия вникают в работу изобретателей и рационализаторов, поддерживают их начинания, помогают БРИЗу и заводскому совету ВОИР. По инициативе парткома рационализаторы В. И. Щадилов, Г. К. Трусов, Г. И. Артемов, В. В. Анашкин и другие сами занимаются внедрением своих предложений. Партком завода, партийные организации заводоуправления и ряда цехов систематически обсуждают вопросы технического совершенствования производства, участия в борьбе за технический прогресс рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода. В авангарде борцов за передовую технику идут коммунисты: слесарь-механик Н. Н. Курикша, мастер М. М. Чудиновский, начальник цеха Т. Б. Дзарданов и многие другие. За период с 1957 по 1959 г. число рационализаторов — членов КПСС увеличилось с 35 до 145 человек, то есть в 4 раза [39]. Все эти мероприятия положительно сказались на рационализаторской и изобретательской работе. Так, за 1959 г. число рационализаторов и изобретателей на заводе увеличилось почти вдвое. Значительно возросло количество предложений. Экономия от их внедрения составила 3 626 тыс. рублей [40].

В результате повышения творческой активности коллектив изобретателей и рационализаторов завода «Манометр» в 1959 г. выполнил за 4 месяца годовой план по рационализации. Количество участвующих в техническом совершенствовании производства возросло на 100 человек [41]. Более чем в два раза увеличился экономический эффект от внедрения предложений рационализаторов на заводе «Москабель» [42].

Подъем творческой активности масс проявляется в ряде патриотических начинаний изобретателей.

С ценной инициативой выступили изобретатели и рационализаторы завода «Каучук». Слесари Ф. П. Сливочкин, М. Л. Золотов, А. А. Парфенов, И. С. Коробчевский, фрезеровщик А. С. Швецков решили создать фонд рационализаторских предложений имени семилетки. Партийная организация и заводской комитет профсоюза горячо поддержали зачинателей. Рационализаторы и изобретатели завода, обсудив новый почин, одобрили его и взяли на себя обязательства сэкономить и внести в этот фонд 75 млн. рублей, в том числе в первом году семилетки — 10,5 млн. рублей. «Мобилизуем все наши силы,— записали они в своих обязательствах,— весь наш опыт и энергию на создание фонда новаторских предложений — источника дополнительных ресурсов, обращаемых на претворение в жизнь великого плана дальнейшего развития нашей Родины» [43]. Каждый заводской изобретатель и рационализатор взял на себя индивидуальное обязательство.

Примеру передовиков последовали многие другие рабочие. Уже в первом году семилетки коллектив изобретателей и рационализаторов завода увеличился на 100 человек, количество внедренных предложений — на 400. Сумма экономии возросла на миллион рублей и составила к концу года 10,5 млн. рублей [44]. Взятое обязательство выполнено.

---

[38] Текущий архив МГСУ. Из отчетов о поступлении и внедрении изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений за 1958 и 1959 годы.
[39] Текущий архив БРИЗа Второго часового завода. Отчеты за 1957—1959 годы.
[40] Там же.
[41] «Манометр», 11 мая 1959 года.
[42] Текущий архив БРИЗа завода «Москабель». Отчет за I полугодие 1959 года.
[43] «По ленинскому пути», 25 ноября 1958 г.; 10 февраля 1959 года.
[44] Текущий архив БРИЗа завода «Каучук». Отчет о работе за 1959 год.

Почин новаторов завода «Каучук» нашел живой отклик среди изобретателей и рационализаторов предприятий столицы. На Втором государственном подшипниковом заводе, например, изобретатели и рационализаторы обязались внести в этот фонд 12 млн. рублей [45], на станкостроительном заводе имени Орджоникидзе — 6 млн. руб. [46], «Красном пролетарии» — 10 млн. руб. [47], Автомобильном заводе имени Лихачева — 250 млн. рублей [48] и т. д. Всего коллективы изобретателей и рационализаторов московских предприятий решили внести в этот фонд не менее 5 млрд. рублей [49].

В ответ на решения июльского (1960 г.) Пленума ЦК КПСС они пересмотрели свои возможности и взяли обязательство внести в фонд семилетки 8 млрд. рублей.

Инициатива передовиков московского завода «Каучук» была горячо подхвачена и в других городах. Рационализаторы и изобретатели страны развернули социалистическое соревнование за внесение в фонд рационализаторских предложений за семилетку не менее 100 млрд. рублей [50]. В 1959 г. они перевыполнили взятые на первый год семилетки обязательства.

Движение изобретателей и рационализаторов за создание фонда рационализаторских предложений имени семилетки имеет важное значение для ускорения технического прогресса, успешного выполнения задач дальнейшего подъема социалистического производства.

На заводе «Москабель» было положено начало разработке личных планов участия рационализаторов в коммунистическом строительстве. Каждый рационализатор составил свой план творческой работы на семилетку. Заводские рационализаторы обязались дать за семилетку 8 тыс. предложений и внести в фонд 37 млн. рублей [51]. Изобретатели и рационализаторы, составляя семилетние личные планы творческой работы, стремятся путем технического усовершенствования производства помочь ускоренному продвижению страны к коммунизму.

Составление личных творческих планов рационализаторов на семилетку, получившее широкое распространение, вносит много нового в рационализаторскую и изобретательскую работу, делает ее более конкретной и целеустремленной. Новый почин рационализаторов и изобретателей создает благоприятные предпосылки для государственного планирования изобретательства и рационализации. В связи с перестройкой управления промышленностью планирование начинается непосредственно на предприятиях. Таким образом, появляется возможность включать творческие планы рационализаторов и изобретателей в перспективные планы работы предприятий, экономических районов и в народнохозяйственные планы всей страны. Это позволит ликвидировать имеющиеся недостатки в деле внедрения изобретательских и рационализаторских предложений, ускорить их реализацию, так как они будут обеспечиваться материальными ресурсами и находиться под постоянным контролем масс и государственных органов.

В результате принятых Советом народного хозяйства, партийными, профсоюзными и хозяйственными органами мер изобретательская и рационализаторская работа в столице в последние годы значительно улучшилась. Тем не менее в этом большом деле еще имеются трудности и

---

[45] «За советский подшипник», 3 января 1959 года.
[46] «Новатор», 15 января 1959 года.
[47] «Двигатель», 11 февраля 1959 года.
[48] «Московский автозаводец», 5 апреля 1959 года.
[49] Текущий архив МГС ВОИР. Постановление пленума МГС ВОИР, 23 ноября 1959 г., стр. 3.
[50] «Материалы I съезда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов», стр. 14.
[51] «Знамя труда», 31 января 1959 года.

пущения. Так, в 1959 г. остались нерассмотренными 6,8% поступивших редложений, почти 17% принятых предложений находилось в стадии азработки. Из сумм, ассигнованных на изобретательскую и рационали-аторскую работу, 2,6 млн. руб. остались неиспользованными [53]. Не из-киты еще полностью бюрократическая волокита и консерватизм отдель-ых работников по внедрению в производство изобретений и рациона-изаторских предложений. Например, не используется по-настоящему народном хозяйстве изобретение рабочего К. А. Иванова и инженера . Т. Дементьева, предложивших при отделочных работах обыкновен-ой известковой водой заменять часть олифы, на производство которой асходуются тысячи тонн пищевого растительного масла. Такая замена улит громадную экономию [54].

Комплексная бригада рационализаторов отдела главного конструк-ора и арматурного цеха Автозавода имени Лихачева создала новый адиатор. За счет сокращения расхода цветных металлов его вес облег-ен против прежнего на 5 килограммов. Годовая экономия от внедрения производство нового радиатора, по расчетам, составит 50 млн. рублей. Предложение бригады было одобрено партийным комитетом и админи-трацией. Но по ряду причин ценное предложение не было своевремен-о внедрено в производство [55].

В 1959 г. Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР направил в Московский городской совнархоз 461 изо-ретение, из них 144 были приняты к использованию, но только 63 (13%) недрены в производство [56]. Включение в производственные планы пред-риятий наиболее ценных изобретений и рационализаторских предложе-ий позволит устранить имеющиеся в этом деле недостатки и быстрее еализовать наиболее ценные предложения.

Ряд мер по ускорению разработки, внедрению изобретательских и ационализаторских предложений, созданию необходимых условий для ворческой работы изобретателей и рационализаторов предпринял Со-ет народного хозяйства. Решено к 1962 г. создать 111 новых конструк-орских и технологических отделов, бюро по автоматизации и механи-ации и расширить 278 существующих, создать 64 экспериментальных еха, мастерских, лабораторий и расширить 44 существующих, подо-рать для их укомплектования 16 тыс. человек [57].

Чтобы помочь изобретателям и рационализаторам быстрее внедрить вои предложения, ускорить освоение предприятиями ценных техниче-ких новшеств, совнархоз, совет профсоюзов и совет Всесоюзного обще-тва изобретателей и рационализаторов решили по примеру ленинград-ев организовать Московский городской совет новаторов. Последний же приступил к работе.

Все более широкое распространение на московских предприятиях олучают создаваемые по примеру свердловчан общественные конструк-орские и технологические бюро, которые играют большую роль в уско-ении разработки и внедрения предложений изобретателей и рациона-изаторов.

Важным условием улучшения организации изобретательской и ра-ционализаторской работы является также повышение требовательности хозяйственным руководителям, партийным и профсоюзным организа-иям. «Полезно было бы установить такой порядок,— рекомендовал на

---

[53] Текущий архив МГСУ. Сводный отчет о поступлении и внедрении изобретений рационализаторских предложений за 1959 год.

[54] «Экономическая газета», 26 августа 1960 года.

[55] «Московская правда», 26 июля 1960 года.

[56] Текущий архив МГС ВОИР. Стенограмма VI пленума МГС ВОИР 20 мая 960 г., стр. 18, 26.

[57] Текущий архив МГСНХ. Постановление СНХ № 40 от 30 сентября 1959 года.

июньском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев,— чтобы директор, партийный комитет и профсоюзы отчитывались перед партийными организациями и перед рабочими о том, какие внесены рационализаторские предложения и какие из них приняты и реализованы»[58].

Быстрое и энергичное внедрение изобретений и рационализаторских предложений является большим государственным делом, одним из крупных резервов ускорения темпов технического прогресса.

Грандиозные задачи коммунистического строительства потребовали от изобретателей и рационализаторов новых форм организации работы.

В период развернутого строительства коммунизма особенно возрастает роль науки. Научные открытия, достижения инженерно-конструкторской мысли в огромной степени предопределяют технический прогресс в нашей стране. Решение сложных технических проблем ныне нередко не под силу одному человеку, их решают коллективно. Атомные электростанции, космические корабли, современные реактивные самолеты и ракеты созданы крупными коллективами конструкторов, инженеров, рабочих. В условиях бурного развития науки и техники, широкого использования в производстве электроники, автоматики, телемеханики отдельные изобретатели и рационализаторы нередко также не в состоянии решать сложные вопросы, связанные с различными отраслями знаний и требующие разносторонней подготовки. Все это вызвало к жизни такую форму организации, как комплексные творческие бригады рационализаторов и изобретателей. Объединяя в своем составе инженеров, техников, конструкторов, рабочих, такие бригады способны решать самые сложные вопросы.

Одну из первых творческих бригад рационализаторов создал в 1948 г. механик Московского комбината твердых сплавов В. Кузнецов. Пример первой комплексной бригады был весьма убедительным. На ряде московских предприятий стали создаваться такие бригады для решения определенных технических вопросов. К сожалению, из-за ведомственных барьеров этот передовой опыт тогда не получил широкого распространения.

После опубликования в печати контрольных цифр развития народного хозяйства в 1959—1965 гг. по инициативе передовых рабочих и инженерно-технических работников были созданы бригады коллективной рационализации, которые в отличие от ранее существовавших имели постоянный состав, конкретный план творческой работы на семилетку, предусматривающий решение комплекса технических вопросов.

Одной из первых бригад такого типа была бригада, созданная в конце 1958 г. по инициативе коммуниста инженера Московского электролампового завода Л. Ф. Юркова. В ее состав вошло 11 человек: инженеры И. Г. Сливинский, П. М. Веклич, В. И. Виноградов, Л. Ф. Юрков, мастера Б. М. Клим, М. Д. Новиков, А. А. Федоров, механик С. И. Юдин, конструктор Ин Дин-син, слесари Б. П. Кочуров, Г. Ф. Смирнов. Бригада изучила положение дел в цехе, выявила слабые участки работы и разработала план по техническому совершенствованию производства, состоявший из 10 крупных мероприятий, которые бригада обязалась коллективно решить в течение семилетки. Экономия от их внедрения должна составить 5 млн. рублей. «Мы решили,— записали в социалистических обязательствах члены бригады,— объединить свои творческие усилия с тем, чтобы, помогая и дополняя друг друга, коллективно решать производственно-технические задачи... Мы убеждены, что коллективная рационализация — это новая форма творческой рабо-

[58] «Пленум ЦК КПСС 24—29 июня 1959 г.». Стенографический отчет. Госполитиздат. 1959, стр. 463.

ы, которая при современном уровне техники позволяет добиться зна-ительно больших результатов, чем разрозненные силы отдельных ра-ионализаторов»[59].

Первый год работы этого коллектива рационализаторов показал, что н успешно справляется со взятыми обязательствами. В 1959 г. все на-еченные планом мероприятия были выполнены. Бригада разработала, недрила новый способ оплавки конусов электронно-лучевых трубок и втоматизировала процесс изготовления весового стекла. Членами ригады также внесено много внеплановых рационализаторских пред-ожений. Их внедрение дало заводу 1,5 млн. руб. экономии[60].

По примеру бригады Л. Ф. Юркова на электроламповом заводе со-даны еще три бригады коллективной рационализации. Эти четыре ригады решили получить за семилетку от внедрения рационализатор-ких предложений 18 млн. рублей. В то же время 200 заводских рацио-ализаторов и изобретателей, работающих индивидуально, обязались ать за семилетку всего 15 млн. руб. экономии[61].

Учитывая огромное значение коллективной рационализации для тех-ического совершенствования производства, Сталинский райком КПСС, затем Московский совнархоз совместно с городскими советами проф-оюзов и общества изобретателей и рационализаторов провели ряд ме-оприятий по пропаганде опыта деятельности первых бригад коллектив-ой рационализации. В результате большой работы, проведенной сов-архозом, партийными и профсоюзными организациями, движение бригад акого типа получило широкий размах. Так, если в первой половине 958 г. на московских предприятиях насчитывалось не более 200 бригад оллективной рационализации, то к концу года их было уже 1 200[62], а 1959 г.— 2 тысячи[63]. За первое полугодие 1960 г. их количество воз-осло до 2,5 тысячи[64].

Бригады творческого содружества рабочих, инженеров, ученых грают большую роль в ускорении технического прогресса, в повышении роизводительности труда и увеличении выпуска продукции.

На заводе «Москабель» бригадой рационализаторов в составе . П. Гусева, В. Г. Фролова, Р. М. Лакерника и Н. И. Рукина внедрено стройство для охлаждения прессового инструмента, головки пресса и ердечника кабеля. Экономия составила около 4 млн. рублей[65].

Бригада рационализаторов Электромеханического завода имени ладимира Ильича во главе с В. Алексеевым и И. Власовым разработа-а и внедрила более ста различных приборов и устройств, связанных с втоматизацией производства. На этом предприятии в комплексных ригадах рационализаторов насчитывается более 200 человек[67].

Коллективное творчество изобретателей и рационализаторов имеет громные перспективы в будущем. Комплексные бригады изобретателей рационализаторов становятся все более распространенной формой ехнического творчества, активного участия трудящихся в борьбе за тех-ический прогресс.

---

[59] «За передовую технику», 24 декабря 1958 года.

[60] «Опыт работы промышленности совнархоза», 1960, № 3, стр. 7—8.

[61] Текущий архив МГС ВОИР. Стенограмма совещания участников комплексных ригад 11 июня 1959 г., стр. 7.

[62] Текущий архив МГС ВОИР. Стенограмма III пленума МГС ВОИР. 18 марта 959 г., стр. 6.

[63] Текущий архив отдела изобретательства МГСНХ. Справка об итогах работы о массовому изобретательству и рационализации на предприятиях МГСНХ за 1959 г., тр. 6.

[64] «Экономическая газета», 26 августа 1960 года.

[65] Текущий архив отдела изобретательства МГСНХ. Об итогах работы по массо-ому изобретательству и рационализации на предприятиях МГСНХ за 1958 г., стр. 5.

[67] «Экономическая газета», 26 августа 1960 года.

В деятельности бригад коллективной рационализации много общего с работой бригад коммунистического труда. И это закономерно. Созданные инициативой масс, и те и другие бригады борются за совершенствование техники, технологических процессов, чтобы таким путем повышать производительность труда, снижать себестоимость продукции и улучшать ее качество. Это общее в работе бригад приводит к тесному их сотрудничеству. Так, бригада коммунистического труда слесарей-сборщиков Электромеханического завода имени Владимира Ильича, возглавляемая А. А. Сениным, работает в тесной связи с бригадой коллективной рационализации этого цеха. «Комплексная бригада рационализаторов цеха,— сказал А. А. Сенин,— включилась в совместную творческую работу с нашей бригадой коммунистического труда. Это помогает и той бригаде и нам» [68]. Бригада коммунистического труда взяла обязательство достичь уровня производительности труда, запланированного на конец семилетки, в 1963 году. Чтобы выполнить обязательство, потребовалась квалифицированная техническая помощь. Ее оказала комплексная бригада, которая помогла ей внедрить ряд предложений, способствовавших повышению производительности труда на 14%, снижению себестоимости на 16%. Со своей стороны, бригада коммунистического труда активно участвует в рационализаторской и изобретательской работе, совершенствует технику и технологию.

Члены бригад коммунистического труда являются активными участниками технического прогресса. Например, коллектив кузнечного цеха Автомобильного завода имени Лихачева решил, что «каждый член бригады коммунистического труда должен быть рационализатором» [69]. Такое решение вполне оправданно. «Бороться за звание коллектива и ударника коммунистического труда,— отмечается в призыве Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда,— значит неустанно внедрять в производство новую технику и технологию, применять у себя на рабочем месте все самое современное, передовое, вносить свою долю участия в осуществление технического прогресса» [70].

Сотрудничество бригад коллективной рационализации и коммунистического труда в совершенствовании техники, технологии и организации производства будет способствовать дальнейшему развитию технического прогресса.

В июне 1959 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Он рассмотрел ход выполнения решений XXI съезда партии об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве. Пленум явился важным этапом в борьбе советского народа за выполнение программы коммунистического строительства.

В принятом июньским (1959 г.) Пленумом ЦК КПСС обращении «Героическим трудом воздвигнем величественное здание коммунизма!» содержится горячий призыв Коммунистической партии ко всем трудящимся внести свой вклад в дело ускорения технического прогресса. «Пусть каждый рабочий, инженер, ученый, колхозник, агроном, учитель, врач,— говорится в обращении,— изучив решения пленума, подумает, как применить их в своей практической работе. Пусть каждый трудовой коллектив выработает план освоения и внедрения достижений науки и техники, автоматики, лучшего использования производственных резервов и площадей, чтобы быстрее взять свои рубежи семилетки» [71]. Пленум

[68] Текущий архив МГС ВОИР. Стенограмма совещания участников комплексных бригад 11 июня 1959 г., стр. 21.

[69] «Московский автозаводец», 13 марта 1959 года.

[70] «Всесоюзное совещание передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда. 27—30 мая 1960 г.». М. 1960, стр. 293.

[71] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. IV, стр. 569.

ыразил уверенность в том, что в новом походе за технический прогресс, а всемерное совершенствование производства вырастут и проявят себя иллионы людей, показывающие образцы коммунистического отношения к труду.

Советский народ горячо откликнулся на призыв Коммунистической партии. Новый подъем творческой активности масс, вызванной решениями Пленума, внес новые черты в борьбу трудящихся за технический прогресс. На Электромеханическом заводе имени Владимира Ильича в те дни зародилось движение за комплексное совершенствование производства. Его зачинатель — технолог коммунист Анатолий Поздняков — активный рационализатор. Ранее он изъявил желание пойти работать мастером на отстающий участок и сумел вывести его в число передовых. Отвечая на призыв XXI съезда партии и июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС активно включиться в борьбу за ускорение технического прогресса, коллектив участка по инициативе А. Позднякова взял обязательство выполнить семилетку по объему производства и росту производительности труда за пять лет, увеличив выпуск электромашин и аппаратуры к концу в 2,2 раза. Эту задачу можно выполнить, если совершенствовать производство комплексно. Коммунисты А. Поздняков, С. Виноградов, Н. Алтухов, Н. Веруш, А. Анфимов, С. Власов и другие горячо взялись за дело. Ими был составлен план фронтального совершенствования производства, взяты повышенные обязательства. Все члены коллектива решили стать рационализаторами и принять активное участие в осуществлении комплексной механизации и автоматизации производства на участке [72].

За короткий срок коллектив участка добился ощутимых результатов: в цехе установили конвейеры, станки-автоматы, подъемно-транспортные механизмы, внедрили на ряде операций более прогрессивную технологию. Производительность труда на участке выросла на 25%. Но новаторы не ограничились совершенствованием оборудования и механизмов. Они подняли вопрос о качестве выпускаемых машин, их конструкции, техническом уровне. По предложению работников участка был внедрен ряд новшеств, что помогло улучшить качество машин, дало экономию меди на 20%, снизило трудоемкость на 30%, позволило разработать новый, лучший вариант машины, вес которой снижен против прежнего на 20% [73].

Последователи А. Позднякова сразу же появились на соседних участках завода, а затем и на других московских предприятиях.

Комплексное совершенствование производства — весьма знаменательное явление. Его огромное значение состоит в массовости. Не отдельный рационализатор, не группа, не бригада рационализаторов, а целые коллективы рабочих активно борются за техническое совершенствование производства и изделий, каждый его член вносит рационализаторские предложения. В результате достигается высокая эффективность проводимых мероприятий, быстро растет производительность труда, улучшается качество выпускаемой продукции

Важное значение в выполнении решений июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС имеют начинания активных рационализаторов: А. Молоткова — главного механика Московского хладокомбината имени А. И. Микояна, И. Ромахина — мастера завода «Серп и молот».

А. Молотков обратился с призывом, чтобы каждый инженер, где бы он ни работал — в цехе, на участке, в заводоуправлении,— внес свой личный вклад в семилетку, будь то усовершенствование какого-либо технологического процесса, машины, станка, оборудования или серьезное ра-

---

[72] «За боевые темпы», 17 июля 1959 г.; «Московская правда», 14, 17, 21 июля 1959 года.

[73] «Правда», 8 сентября 1959 года.

ционализаторское или изобретательское предложение. «Инженер,— говорил А. Молотков,— имеет диплом, который дает не только право занимать ту или иную должность, но и требует творческого отношения к делу» [74].

Мастер И. Ромахин на основе своего опыта считает, что рационализатором может и должен стать каждый рабочий. Стоит только начать, проявить инициативу. Конечно, начинающего нужно поддержать, помочь ему разработать первые предложения, привить вкус к рационализации. И. Ромахин решил привлечь к рационализаторской работе двух своих товарищей и призвал всех рационализаторов последовать его примеру [75].

Пример инженера А. Молоткова и мастера И. Ромахина, так же как и начинание А. Позднякова, показывает, что можно вовлечь в изобретательскую и рационализаторскую деятельность всех инженерно-технических работников и рабочих. В нашей стране созданы все условия для широкого проявления творческих дарований народа. С каждым годом повышается общеобразовательный и технический уровень знаний трудящихся — непременное условие технического прогресса. Уже около трети всех рабочих промышленности СССР окончили среднюю и неполную среднюю школу [76]. Массовый характер получает обучение трудящихся в вечерних средних школах, техникумах, высших учебных заведениях. На московских предприятиях в 1959/1960 учебном году без отрыва от производства занимались 63 850 молодых людей, около половины из них — в техникумах и вузах. На заводе «Красный пролетарий» 63,4% молодежи учится. На Автозаводе имени Лихачева к концу семилетки все работники до 35 лет будут иметь неполное среднее образование, возрастет число работающих со средним и высшим образованием [77].

Тысячи рабочих, техников, инженеров повышают свой культурно-технический уровень в университетах новой техники, в возрожденных заводах-втузах. Высокий культурно-технический уровень трудящихся позволяет не только полностью использовать технику, но и совершенствовать ее. Поэтому вполне закономерно, что на наших заводах и фабриках уже обычной становится фигура советского рабочего, инженера, техника, в труд которых органически входит изобретательская и рационализаторская, новаторская деятельность. Активное участие рабочих в техническом совершенствовании производства является важным показателем процесса сближения умственного и физического труда.

В 1960 г. с новой ценной инициативой выступили рационализаторы Карачаровского завода пластических масс. В дни подготовки к июльскому (1960 г.) Пленуму ЦК КПСС на предприятии была создана комплексная бригада ускоренного внедрения новой техники. Во главе бригады встал известный на заводе изобретатель А. Кочурков. В ее состав вошли конструкторы И. Шенбель, Е. Кольцова, В. Завгородний, слесари В. Кошевкин и А. Малышев, токарь В. Буряков. Работая в тесном содружестве, конструкторы, инженеры и рабочие создали и изготовили новый универсальный полуавтоматический станок для обработки пластмассовых изделий сложной конфигурации, причем вместо предполагаемых 9 месяцев на его создание потребовалось 4 месяца. Станок обрабатывает за смену 20 тыс. деталей и дает около 40 тыс. руб. экономии [78]. Внедрение силами самих рационализаторов разработанных ими предло-

---

[74] «Вечерняя Москва», 5 августа 1959 года.
[75] «Мартеновка», 16 июля 1959 года.
[76] «Основы марксизма-ленинизма». Госполитиздат. 1959, стр. 694.
[77] Текущий архив МГСНХ. Распоряжение № 703 от 25 ноября 1959 года.
[78] Текущий архив МГС ВОИР. Постановление президиума МГС ВОИР от 1 июня 1960 г., протокол № 30.

ений значительно ускоряет дело технического совершенствования производства, выполнения заданий семилетки.

Изобретатели и рационализаторы активно участвуют во всех мероприятиях, связанных с совершенствованием техники, технологии и организации производства. Так, при проведении после июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС общественного смотра технического уровня изделий, выпускаемых промышленностью Москвы, изобретатели и рационализаторы вошли вместе с представителями администрации, общественных организаций, опытными инженерами и рабочими в состав технических комиссий, вносили предложения по совершенствованию машин, станков и оборудования. Активное участие трудящихся в этом смотре позволило за короткое время рассмотреть технический уровень 21 тысячи изделий. При этом было внесено 23 тыс. предложений, из которых технические комиссии приняли 17 тысяч. Это была не только оценка уровня изделий, но конкретные предложения по их совершенствованию. Смотр превратился в крупнейшее общественное мероприятие, имеющее огромное научно-техническое и практическое значение. В нем участвовало более 106 тыс. человек [79].

Много полезных предложений внесли изобретатели и рационализаторы во время проходившего в конце 1960 г. смотра технологических процессов. Участниками смотра обследовано и критически оценено 00 тыс. технологических процессов. Творческие бригады производственников и ученых, изобретателей и рационализаторов внесли десятки тысяч предложений по их улучшению. На Московском электрозаводе из просмотренных 2 029 процессов было решено 897 изменить, 105 — заменить новыми. Во время смотра подано 550 предложений. В смотре участвовало 700 человек, но фактически уровень технологических процессов проверял весь заводской коллектив [80].

Вклад изобретателей и рационализаторов в техническое совершенствование производства становится все более ощутимым. В первой половине 1960 г. по сравнению с тем же периодом 1959 г. количество изобретателей и рационализаторов в стране увеличилось на 301 тыс., число поступивших предложений — на 436 тыс., внедренных — на 256 тыс., экономия от них достигла 1 500 млн. рублей. За полтора года семилетки изобретатели и рационализаторы дали стране более 18 млрд. рублей экономии [81].

В результате мощного подъема творческой активности и инициативы изобретателей и рационализаторов и ставшей всенародной борьбы трудящихся за технический прогресс трудящиеся Москвы добились выдающихся успехов в техническом совершенствовании производства, увеличении производительности труда и выпуска промышленной продукции.

В течение первого года семилетки на предприятиях Московского совнархоза установлено 180 автоматических, механизированных, поточных и конвейерных линий, свыше 2 тыс. высокопроизводительных станков и машин, модернизировано 4 300 единиц оборудования. За это время снято с производства свыше 300 устаревших конструкций машин и приборов, освоен серийный выпуск 520 новых типов станков, машин и приборов, отвечающих современному техническому уровню. Осуществлена комплексная механизация и автоматизация одного предприятия, 21 цеха и участка [82].

В результате проведенной работы по техническому перевооружению предприятий, механизации и автоматизации промышленность Москвы

[79] Текущий архив ТЭС МГСНХ. Постановление пленума ТЭС от 5 января 960 года.
[80] «Московская правда», 2 ноября 1960 года.
[81] «Экономическая газета», 13 и 14 сентября 1960 года.
[82] «Московская правда», 3 февраля 1960 года.

досрочно, 17 декабря, выполнила план первого года семилетки по валовой продукции, большинству важнейших изделий и кооперированным поставкам. В 1959 г. на предприятиях совнархоза за счет повышения производительности труда было получено 85,7% всего прироста промышленного производства [83].

Подводя итоги работы по выполнению решений XXI съезда КПСС, июльский (1960 г.) Пленум ЦК партии отметил как важнейшее достижение «ускорение темпов технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства» [84]. Пленум указал, что эти успехи достигнуты в результате самоотверженного труда, высокой творческой активности всего советского народа. Наметив крупные мероприятия по всемерному ускорению технического прогресса, по устранению еще имеющихся недостатков в этом большом деле, Пленум призвал партийные организации, всех коммунистов, рабочих, инженеров, техников и служащих, изобретателей и рационализаторов еще шире развернуть борьбу за дальнейшее ускорение технического прогресса, за досрочное выполнение заданий семилетки.

Растущая активность масс в борьбе за технический прогресс является надежной гарантией успешного решения задач по подъему нашей промышленности на более высокий технический уровень и на этой основе — дальнейшего расширения общественного производства, претворения в жизнь величественной программы строительства коммунизма.

---

[83] Текущий архив МГСНХ. Постановление СНХ и МГСПС, № 32, 26 марта 1960 года.

[84] «О ходе выполнения решений XXI съезда КПСС о развитии промышленности, транспорта и внедрении в производство новейших достижений науки и техники» Постановление Пленума ЦК КПСС, единогласно принятое 15 июля 1960 г. М. 1960, стр. 6.

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ США

Л. В. Данилова

Рост экономического могущества и политического престижа СССР в ослевоенный период закономерно вызывает все более глубокий интерес о стороны народов всего мира к нашей стране, к ее прошлому и настоящему. Стремление к расширению знаний об СССР и других социалистических странах ярко проявилось и в США. Тот факт, что Советский Союз тал центром нового, социалистического мира, в котором живет треть человечества, и что «общественный интерес к России и русскому языку в астоящее время более силен, чем когда-либо в прошлом», находит признание даже на страницах американской печати [1].

Правящие круги США и состоящие у них на службе представители фициальной науки принимают меры, чтобы не дать возможности народным массам узнать правду о социалистической системе. Империалисты ктивизируют все средства идеологической пропаганды. Немаловажная оль в этой пропаганде отводится исторической науке. Правительственные учреждения и монополии не скупятся на организацию новых «исследовательских» центров, институтов, комитетов по изучению СССР и Восточной Европы, задачей которых является фальсификация истории, оздание работ, направленных на подрыв политического и морального рестижа стран социалистической системы.

Осознавая, что в условиях послевоенного времени грубая фальсификация истории не достигает цели, американские буржуазные идеологи зыскивают новые методы и приемы. Книжный рынок наполняется работами, имеющими видимость научности и объективности. Переход к более онким формам идеологической пропаганды нашел свое проявление в убликации наряду с общими курсами и обзорами русской истории специальных статей и монографий, классовая направленность и политическая енденциозность которых искусно маскируются различными атрибутами аучного исследования.

Господство реакционного направления в историографии США по усской и советской проблематике объясняется, между прочим, и тем обстоятельством, что она выросла на белогвардейской эмигрантской литературе. О М. М. Карповиче и Г. В. Вернадском в США пишут как об сториках, воспитавших целое поколение специалистов по истории России [2]. Особенно изощряются в фальсификации истории нашей страны и оинствующем антикоммунизме изменники Родины, бежавшие за ее рубежи с остатками разбитой гитлеровской армии (Н. Шировский, К. Штепа и др.).

Было бы, разумеется, заблуждением считать всех американских пециалистов по русской истории преднамеренными фальсификаторами.

---

[1] C. Black, R. Byrnes, Ch. Jelavich, H. Roberts, M. Ruggles, . Shulman, D. Fredgold, J. Thompson. An Appraisal of Russian Studies in ie United States. «The American Slavic and East European Review». Vol. XVIII, № 3, 959, pp. 426, 433.

[2] S. A. Zenkovsky. A Russian Historian of Harvard. «The Russian Review». Vol. 7, № 4, 1958, p. 292.

В современной историографии США все отчетливее вырисовывается прогрессивное направление, возглавляемое историками-марксистами (У. Фостер, Г. Аптекер и др.). Против приспособления истории к интересам монополий и превращения ее в орудие империалистической пропаганды выступают также и некоторые буржуазные историки, трезво оценивающие факт сосуществования в мире двух противоположных социально-экономических систем (Д. Спитц, Р. Линд, Дж. Кратча, Ч. Ноуэлл, Г. Бил, Г. О'Коннор, Л. Губерман) [3]. И среди специалистов по России имеются отдельные буржуазные историки, которые пытаются осветить прошлое с более объективных позиций. Так, о России эпохи феодализма с позиций буржуазного объективизма пишут М. Раев, О. П. Бакус, Х. В. Дьюи. Однако работы этих историков не составляют сколько-нибудь заметного направления и по своим методологическим установкам целиком укладываются в рамки господствующей буржуазной историографии.

★

Задача настоящей статьи ограничивается анализом методологических основ и идейно-политической направленности современной историографии США в области русского средневековья.

В американских работах по истории России используется традиционное для буржуазной науки деление мировой истории на древнюю, средневековую и новую. Однако критерий разделения и установления хронологических рубежей между этими эпохами теоретически не обосновывается. В отличие от марксистско-ленинской исторической науки, понимающей под средними веками такую эпоху исторического развития человечества, когда в большинстве стран Европы и Азии, а также у ряда народов Африки господствовал феодальный способ производства [4], американские буржуазные авторы не вкладывают в это понятие определенного научного содержания.

В большинстве американских работ под русским средневековьем подразумевается период от возникновения древнерусского государства с центром в Киеве (IX в.) до освобождения Руси от татаро-монгольского ига и сложения единого Русского государства (конец XV в.). Одни историки рассматривают этот период (целиком или частично) как феодальный, другие — к ним относится большинство американских авторов — отрицают существование феодализма в средневековой России. Однако положительное или негативное решение вопроса о существовании феодализма в России не может служить критерием для разделения американских специалистов в отношении методологических установок, понимания сущности исторического процесса, интерпретации основных событий русской истории в эпоху средневековья. Дело в том, что феодализм в понимании медиевистов США, как и вообще буржуазной исторической науки, отнюдь не означает определенного общественного строя, закономерно возникающего при соответствующем уровне исторического развития. Представления о феодализме не играют существенной роли в исторических построениях американских буржуазных историков.

Анализ теоретических взглядов на феодализм у американских специалистов целесообразнее всего начать с работ Г. В. Вернадского — наиболее крупного медиевиста в США. Еще в 1939 г. в очерке «Феодализм в России» Вернадский выступил с изложением своих взглядов на

[3] Анализ направлений в современной американской историографии см.: Г. Аптекер. Лауреаты империализма. М. 1955; его же. К вопросу о современных течениях в буржуазной историографии США. «Вопросы истории», 1959, № 11; И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959; А. В. Ефимов. Очерки истории США. Изд. 2-е. М. 1958. Приложение, стр. 411—427; см. также «Очерки новой и новейшей истории США». Т. II. М. 1960, стр. 575—665.

[4] См. «Всемирная история». Т. III. Госполитиздат. 1957, стр. 7; Е. М. Жуков. О периодизации всемирной истории. «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 22—23.

роблему феодализма вообще и ее приложение к русской истории в астности [5]. Феодализм характеризуется Вернадским как система орга-изованных определенным образом институтов. Автор признает отдель-ые черты и тенденции феодализации в разные эпохи у разных народов. Но, по существу, концепция феодализма целиком строится им на европо-ентристских позициях. Стандартный, или идеальный, по выражению Вер-адского, тип феодализма, существовавший в романо-германском мире, арактеризуется тремя необходимыми признаками. Первый из них отно-ится к области политической. Это раздробление верховной власти, аличие иерархической лестницы феодальных властителей (сюзерены, ассалы, подвассалы), связанных между собой личными контрактами, беспечивающими взаимные обязательства. В области экономической лавным признаком является установление манориального режима с его граничением прав крестьян, с различием прямого держания и условного dominium directum and dominium utile). В качестве третьего признака, ыражающего, по представлению Вернадского, самое существо феодализ-а, выдвигается неразрывность личных и территориальных связей, обус-овленность землевладения вассальной службой.

Вернадский не оригинален в своем определении феодализма. Основа го взглядов целиком восходит к концепции буржуазных историков второй оловины XIX—начала XX в., наиболее ярко выраженной Фюстель де Куланжем, Ф. Гизо, К. Лампрехтом, а в применении к истории России — Н. П. Павловым-Сильванским [6]. Эта распространенная среди буржуаз-ых медиевистов концепция неоднократно подвергалась критике со сторо-ы как советских, так и зарубежных историков-марксистов [7].

Несостоятельность традиционных представлений буржуазной исто-иографии о феодализме проявляется в подходе к феодализму как систе-е юридических учреждений, характеризующих прежде всего политиче-кие и социальные отношения внутри господствующего класса. Другим роявлением этой несостоятельности является крайняя ограниченность рименения понятия «феодализм» к мировой истории. Теоретические по-ылки буржуазных историков исключают постановку вопроса о суще-твовании феодализма у неземледельческих обществ. Буржуазные ме-иевисты фактически отказываются признать наличие феодализма у ногочисленных кочевых народов средневекового Востока. В рамки бур-куазной концепции феодализма не укладывается развитие средневеко-ого города со всеми его проявлениями в экономике, социальной, куль-урной и политической жизни. Город противопоставляется феодальной еревне как нечто чуждое. Неплодотворность буржуазной концепции ля науки находит свое выражение в ее полном бессилии объяснить ге-езис феодализма у разных народов, выявить общие закономерности азвития феодальных отношений и, наконец, причины замены их отно-шениями капиталистическими.

Вернадский считает, что в России существовали некоторые предпо-ылки для возникновения феодализма (в том понимании, которого он ридерживается), а именно: слияние частного и публичного права, дале-о зашедшая раздробленность политической власти и до некоторой степе-и взаимосвязь политической и экономической администрации. Однако

---

[5] G. Vernadsky. Feudalism in Russia. «Speculum». Vol. XIV, № 3, July 1939, p. 300—323.

[6] Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. V. СПБ. 1910; F. Guizot. Histoire de la Civilisation en France. Vol. III, Paris. 874; К. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben in Mittelalter. Vol. I—III. Leipzig. 885—1886; его же. История немецкого народа. Тт. I—II. М. 1894—1895; Н. П. Пав-ов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПБ. 1910.

[7] См. М. А. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историогра-ии XIX в. М.-Л. 1949; А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средне-ековья в немецкой историографии. М. 1958; M. Dobb. Studies in the Development f Capitalism. London. 1947, pp. 33—34.

полного развития на Руси феодализм, по его мнению, не получил. Главная причина этого усматривается в положении страны на границе Европы и Азии, благодаря чему здесь с давних пор получила большое развитие торговля, тогда как феодализм предполагает в качестве своей основы натуральное земледелие [8]. В отношении политического развития Русь, заявляет Вернадский, сильно отличалась от Центральной и Западной Европы тем, что в ней перекрещивались влияния различных народов-завоевателей, приходивших с Запада и Востока. Все тенденции феодализации Руси Вернадский связывает с варягами, якобы принесшими дружинный быт на Русь [9]. Влияние же Востока, в его представлении, противодействовало установлению феодального строя.

Вернадский не возражает против существования в Киевской Руси крупной поземельной собственности и эксплуатируемого сельского населения. В документах раннефеодального периода он видит такой необходимый элемент своей теоретической схемы, как соединение землевладения с публично-правовой властью (сбор налогов боярами и прочими землевладельцами, отправление правосудия над окрестным населением и т. п.). Но все это представляется только как экономическая основа феодализма. Политический же аспект его (а для Вернадского в этом заключается главное) якобы отсутствовал в Киевской Руси. «Отправным пунктом политического развития Руси в этот период была попытка создать объединенное государство под властью Киевского кагана» [10].

Говоря о государственном единстве Киевской Руси, Вернадский не ставит вопроса о его реальном содержании. На разных этапах существования Киевского государства степень его единства была неодинаковой. В социально-экономической и многих областях политической жизни разных земель и областей Киевской Руси сохранялась автономия. Факты, подтверждающие это, небезызвестны Вернадскому и даже присутствуют в его сочинениях. Но автор пренебрегает ими в своих теоретических выкладках. Самое же главное заключается в том, что наряду с раздроблением государственной власти — этой характерной политической формой для феодализма — закономерно существование и иных политических форм: раннефеодальной монархии и национальных централизованных государств в период позднего средневековья.

Вернадский отрицает существование феодализма на Руси и на стадии феодальной раздробленности. Принадлежность властителей отдельных земель и княжеств к одной правящей династии — таков первый из его аргументов в пользу отсутствия феодализма [11]. Приводя его, Вернадский не выясняет действительного характера отношений между потомками Рюриковичей, отношений, которые строились по принципу вассалитета-сюзеренитета [12]. В качестве второго аргумента выдвигается ограниченность политической роли бояр и других земельных собственников. В представлении Вернадского бояре — скорее агенты княжеской администрации, помощники и слуги князя, нежели его вассалы [13]. Третьим, самым решающим «доказательством» автор считает отсутствие связи между вассальной службой и землевладением на Руси, право вольного отъезда для бояр. При переезде от одного князя к другому боярин не терял своей земельной собственности, потому что, поясняет Вернадский, боярское владение было не феодом, а аллодом — наследственной неограниченной собственностью [14]. Московский поместный режим, пишет он далее, при всем его внеш-

[8] G. Vernadsky. Feudalism in Russia, pp. 306—307.
[9] Там же, стр. 309.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] В. Т. Пашуто. Очерки по истории феодализма XII—XIII вв. М. 1960, стр. 31—32.
[13] G. Vernadsky. Feudalism in Russia, p. 310.
[14] Там же, стр. 318, 320.

ем сходстве с западным не может рассматриваться как феодальный, оскольку отсутствовала характерная для последнего обусловленность млевладения военной или иной службой. Другим обстоятельством, не зволяющим причислить Московскую Русь к феодальным странам, по нению Вернадского, являлся односторонний характер взаимоотношений аря и служилых людей: «Не было взаимности контракта между царем и омещиком». Помещик не вассал, а слуга [15].

Таким образом, признавая в теории господство натурального землелия и манориальный режим с присущей ему эксплуатацией крепостных качестве основы для развития феодальных отношений, Вернадский в онкретной аргументации сводит все дело к политической организации и аже к более узкому аспекту: к определенному типу взаимоотношений в реде господствующего класса феодалов. В применении к России постановка вопроса Вернадским о существовании феодализма в конечном счее упирается в вопрос о развитии условного землевладения и его связи вассальной службой.

Советские историки отнюдь не считают систему вассалитета, основанную на земельных держаниях, такой особенностью, без которой говорить существовании феодализма невозможно. Это важный, но вторичный ризнак феодализма как общественно-экономической формации. В отельных странах на определенной стадии феодального развития он мог тсутствовать. В отношении же Руси периода феодальной раздробленноти Вернадский и его последователи ошибаются. Здесь, как и в других транах Европы, система держаний с ранних пор была распространенной ормой феодального землевладения. Тезис об отсутствии на Руси услового землевладения до конца XV в. заимствован из русской дореволюцинной историографии. Этот тезис был выдвинут еще славянофилами. дальнейшем его особенно усиленно подчеркивали К. А. Неволин, . И. Сергеевич и другие представители государственно-юридической шкоы [16]. Из дореволюционных историков только Н. П. Павлов-Сильванский одошел к изучению условного землевладения на Руси как к существенй черте феодальных отношений, имевшей повсеместное распространение [17].

Глубокое исследование структуры феодальной земельной собствености и условных держаний, как одного из ее элементов, предпринято оветскими историками. Условным землевладением в период феодальной аздробленности много занимался Л. В. Черепнин. О нем писали . Н. Тихомиров, К. В. Базилевич, А. А. Зимин и другие исследователи [18].

Вернадский, а вслед за ним и другие американские авторы связывают возникновение условного землевладения на Руси с политикой московкой великокняжеской власти в конце XV века. Вторая половина XV в., ак показано в исследованиях Л. В. Черепнина, действительно была временем интенсивной раздачи московскими князьями земель в держание боям, детям боярским и другим феодалам. Эти пожалования имели целью крепить позиции великокняжеской власти в постепенно терявших свою езависимость феодальных центрах. Однако условное землевладение на

---

[15] Там же, стр. 320.

[16] К. А. Неволин. История российских гражданских законов. Т. II. СПБ. 1851, тр. 124—195; В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. I. СПБ. 1909, тр. 359—385 и др.

[17] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 378—385.

[18] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы. Т. 2. М. 1951, стр. 194—201, 43—247 и др.; его же. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси до XVII в.). «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 56—58; его же. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960, стр. 178—209; . Н. Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в. «Академику орису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952, тр. 100—104; А. А. Зимин. Из истории поместного землевладения на Руси. «Вопросы истории», 1959, № 11, стр. 130—142.

территории Московского и других русских княжеств было распространено и раньше [19]. В распоряжении историков, помимо отдельных жалованных грамот, имеются свидетельства источников, которые выявляют массовый характер земельных пожалований в удельных княжествах. Так, землевладение «слуг под дворским» серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича было обусловлено исполнением ими определенных обязанностей в пользу князя. С прекращением службы слуги лишались земли. Духовная грамота названного князя (1401—1402 гг.) постановляла на этот счет: «А кто тех (имеются в виду «слуги под дворским».— *Л. Д.*) выидет из уделов детей моих и кн[я]г(и)ни моеи, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чеи будет удел» [20].

В XV в., особенно во второй его половине, наступил существенный перелом в истории вотчинного землевладения. В процессе сложения централизованного государства великокняжеская власть начала активно распространять принцип условности на вотчины князей и бояр, особенно из присоединяемых уделов [21]. Этот принцип отчетливо прослеживается в договорах великого князя Василия II с галицким и звенигородским князем Юрием Дмитриевичем (1428 и 1433 гг.). В случае невыполнения обязанностей служебные князья теряли свои московские вотчины. То же требование выставлено в договоре Василия II с верейским и белозерским князем Михаилом Андреевичем и можайским князем Иваном Андреевичем в 1445 году [22]. Согласно духовной грамоте Василия II (1461—1462 гг.), принцип условности применялся не только к служебным князьям, но также к детям боярским, получившим села в «жалованье» или «куплю» [23].

В советских исследованиях сделан ряд интересных наблюдений, показывающих, что вотчинники-вассалы часто не имели права распоряжаться по своему усмотрению принадлежавшими им землями. Великий князь мог признать недействительными куплю-продажу, дарения, вклады по душе и другие земельные операции, совершенные его вассалами [24].

Малочисленность источников создает большие трудности в изучении условного землевладения более раннего периода. Тем не менее сохранившиеся материалы свидетельствуют о его значительной распространенности уже начиная с XII века. Путем сопоставления сведений «Русской правды», летописи и других источников М. Н. Тихомиров установил, что предшественниками позднейших дворян были так называемые милостники. Условное держание в XII—XIII вв. существовало под терминами «милость», «хлеб», «придаток». Милостниками, как правило, становилась верхушка княжеских слуг, занятых в дворцовом хозяйстве. Некоторые из них впоследствии приобретали большое влияние и выходили в ряды могущественных феодалов. В качестве «милости» могли быть пожалованы кони и оружие, доходы с определенных отраслей хозяйства, с волости или города («кормления»). Постепенно все больше места стала занимать новая форма пожалований — земельное держание, «дача».

Весьма показательна фиксация статьи о «милости» в «Русской правде» — кодексе древнерусского феодального права. Это обстоятельство, как справедливо отмечает М. Н. Тихомиров, свидетельствует о том, что в древней Руси поместная система была частью феодальной системы [25].

Таким образом, дошедшие до нас древнерусские земельные акты

---

[19] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы. Т. 2, стр. 196—201, 243—24[illegible] и др.; его же. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV ве[illegible]ках, стр. 195—205 и др.

[20] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М. 1950. № 17, стр. 48.

[21] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 205—208.

[22] «Духовные и договорные грамоты...», № 24, стр. 65; № 30, стр. 77; № 41, стр. 122.

[23] Там же, № 61, стр. 197, 199.

[24] А. А. Зимин. Из истории поместного землевладения на Руси, стр. 132—136.

[25] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 100—104.

ругие источники вполне определенно свидетельствуют о том, что в Рос-
ии, как и в других странах Европы, в период феодализма земельная
обственность имела расчлененную, иерархическую структуру; большое
есто в этой системе занимали условные держания (пожизненные и на-
ледственные), получаемые мелкими и средними феодалами от князей,
ояр и крупных церковных корпораций. Не были неограниченной и без-
словной собственностью также и боярские вотчины, ибо на них распро-
гранялся суверенитет княжеской власти. Право вольного отъезда отнюдь
е имело столь широкого применения, как это изображает Вернадский,
овторяющий точки зрения русской дореволюционной историографии.

В заключение анализа очерка Вернадского «Феодализм в России» тметим, что в своей полемике с советскими историками он неверно пере-ает марксистское понимание феодализма как общественно-экономиче-кой формации. «Когда бы ни открыли советские историки режим крупно-о землевладения с эксплуатацией окрестного крестьянского населения,— ишет автор,— согласно их точке зрения, уже можно говорить о присут-твии феодального режима» [26]. В передаче Вернадского искажено самое ущество марксистской концепции феодализма: опущено определение ха-актера производственных отношений, характера эксплуатации непосред-твенных производителей. Историки-марксисты никогда не считали, что ростого наличия крупного землевладения достаточно для констатации уществования феодализма. Крупное землевладение, основанное на ксплуатации зависимого труда, господствовало при феодализме. Но оно, езусловно, гораздо старше феодализма и было известно еще рабовла-ельческому обществу. Из феодальной формации крупная земельная соб-твенность, потеряв свою главенствующую роль, вошла в экономическую истему капитализма. Для феодализма характерны специфические фор-ы земельной собственности. Собственность феодала на средства произ-одства (прежде всего на землю) сочетается с внеэкономическим принуж-ением, дополняющим экономическую власть земельного собственника. Внеэкономическое принуждение необходимо, поскольку крестьянин при еодализме наделен землею и другими средствами производства и наря-у с феодальной собственностью существует единоличная собственность рестьянина и ремесленника, основанная на личном труде.

Подробный разбор исходных позиций основных выводов работы Вер-адского «Феодализм в России», написанной еще в 1939 г., вызван исклю-ительным влиянием ее на дальнейшее развитие американской историо-рафии по русскому средневековью. За двадцать лет, протекших с момен-а ее написания, ни общее представление о феодализме, ни постановка опроса о его развитии применительно к истории России принципиально е изменились. По сути дела, те же самые черты феодализма (обычно со сылкой на Вернадского) называются в специальных исследованиях аме-иканских авторов, в общих курсах и учебных пособиях, а также в энцик-опедической литературе послевоенного периода.

Советскими историками в течение 40—50-х годов было многое сдела-о в теоретической и конкретно-исторической разработке проблем фео-ализма [27]. Однако Вернадский игнорирует выводы советской историогра-

---

[26] G. Vernadsky, Feudalism in Russia, p. 302.

[27] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л. 1939; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде. М.-Л. 1940; его же. Древне-усские города. М. 1946; Л. В. Черепнин. Из истории древнерусских феодальных тношений XIV—XV вв. «Исторические записки». Т. 9. 1940; его же. Русские фео-альные архивы XIV—XV веков. Т. I. М.-Л. 1948; Т. II. М. 1951; Б. Д. Греков. Киев-кая Русь. М.-Л. 1939; его же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М. 1946; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948; И. И. Смирнов. осстание Болотникова. М.-Л. 1946; «Очерки истории СССР». Период феодализ-а. IX—XV вв., чч. I и II. М. 1953; конец XV — начало XVII в. М. 1955; XVII в. М. 955; первая четверть XVIII в. М. 1954; вторая четверть XVIII в. М. 1957; вторая оловина XVIII в. М. 1956.

фии и в книге «Киевская Русь», вышедшей первым изданием в 1948 г., а вторым — в 1951 г., почти буквально повторяет свои старые положения.

Как и в предыдущей работе, отправным пунктом автора является разграничение понятия «феодализм» в узком и в широком смысле слова. В первом значении имеется в виду западноевропейский феодализм, во втором — отдельные черты и тенденции феодализации, наблюдаемые в разных обществах [28]. Существо феодализма Вернадский по-прежнему сводит к феодальной раздробленности, к системе соподчинения феодальных сеньоров разных рангов, связанных между собой личными контрактами с взаимными обязательствами. Возможность существования централизованной власти в условиях феодализма исключается. В настоящее время многие буржуазные историки даже из числа активных противников марксизма признают связь политического строя с социально-экономическими отношениями [29]. В теории признает ее и Вернадский. Однако в конкретных рассуждениях политический строй выступает у него в качестве самодовлеющего. При характеристике экономики и социальных отношений он вращается в кругу формально-юридических представлений, рассматривая манориальный режим лишь в плане ограничения юридического положения крестьянства («with a restriction of the legal status of the peasants»), а также различия между правом собственности и правом пользования землей данного имения («the distinction between the right of ownership and the right of use»).

По мнению Вернадского, Киевская Русь должна быть отнесена к такой «социологической формации», где в области экономики господствовала торговля, а производственные отношения основывались на рабстве [30].

В работах, посвященных последующим периодам русского средневековья, Вернадский вовсе обходит проблему феодализма. Так, в книге «Монголы и Русь» если и затрагивается вопрос о феодальных отношениях, то только применительно к татаро-монголам [31]. Проблеме феодализма не уделяется внимания и в общем курсе истории России [32].

Отмеченное обстоятельство — показатель того, что Вернадский оказался не в состоянии что-либо противопоставить марксистской концепции феодализма.

В США предпринималась попытка пересмотреть распространенные в буржуазной науке взгляды на феодализм в соответствии с методологией современной американской историографии. Так, коллектив авторов, выпустивших в 1956 г. сборник «Феодализм в истории» (под редакцией Р. Коулборна) [33], поставил своей задачей устранить разнобой в точках зрения отдельных авторов, отойти от европоцентризма и дать новую трактовку феодализма как явления мировой истории [34].

---

[28] G. Vernadsky. Kievan Russia, p. 165.

[29] См. материалы X международного конгресса историков в Риме, в частности доклад западногерманского историка Г. Риттера: G. Ritter. Leistungen, Probleme und Aufgaben internationalen Geschichtsschreibung zur neueren Geschichte (16—18 Jahrhundert) — «Relationi del X Congresso Internationale di Scienze Storishe». Vol. VI. Firenze 1955, p. 312; см. также M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Sapori, Ch. Verlinden. L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen âge. Ibidem. Vol. III, pp. 655—811.

[30] G. Vernadsky. Kievan Russia, p. 170.

[31] G. Vernadsky. The Mongols and Russia. New Haven. 1953, p. 15, 23—24.

[32] К сожалению, автор настоящей статьи не имел возможности ознакомиться с книгой Вернадского «Russia of the Down of Modern Age» (New Haven. 1959), а также с последним изданием его курса русской истории («A History of Russia»), вышедшего в 1960 году.

[33] «Feudalism in History». Ed. by R. Coulborn. Princeton. 1956. Рецензии на это издание см. в сборнике «Средние века» (вып. XII. М. 1958, стр. 138—142) и в журнале «История СССР», 1958, № 4, стр. 190—195. Общая оценка сборника содержится также в книге И. С. Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли», стр. 395.

[34] Пересмотр европоцентристской традиции характерен для современной буржуаз-

На суперобложке, рекламирующей сборник как новое слово в нау-, говорится, будто бы он представляет «большой шаг в разработке ме-дологии сравнительной истории». Однако ближайшее ознакомление с держанием сборника показывает, что подбор в нем материала и ин-рпретация последнего способны только дискредитировать метод срав-тельно-исторического изучения. Дело в том, что единство и закономер-сть исторического процесса понимаются составителями сборника лько в плане параллелизма, повторяемости исторических явлений. Эта ысль, не являющаяся оригинальным изобретением авторов [35], направ-на своим острием против исторического материализма, рассматриваю-его развитие общества как поступательное движение от низших форм циальной организации к высшим.

Если большинство буржуазных медиевистов рассматривало феода-изм как особую политическую организацию, в той или иной мере свя-нную с определенной структурой земельной собственности, то авторы орника пошли по пути абстрагирования политических институтов от вязи с социально-экономическими институтами. Полемизируя со оронниками предшествующих точек зрения, они трактуют феодализм к чисто политический институт, как такой метод управления, при ко-ром «существенны отношения не между правителем и подданными, сударством и гражданами, а между лордом и вассалом» [36]. Разъясняя у формулировку, Р. Коулборн и И. Страйер, авторы первой статьи, грающей роль введения к сборнику, пишут, что феодальный метод управ-ения предполагает установление личных договорных отношений между раниченным числом индивидуумов, частный характер политической ласти, нерасчлененность военных, административных и судебных функ-ий. Другими словами, содержание феодализма сводится к системе вас-алитета при господстве политической раздробленности. Следовательно, азиваемая в сборнике теория, сохраняя в общем основу прежней кон-епции, которую разделяло большинство буржуазных медиевистов XIX—рвала XX в., крайне сужает ее.

Связь вассалитета с землевладением Коулборн и Страйер признают ишь в качестве средства, упрочивающего феодализм. Они вполне допу-кают существование феодальных отношений, основанных на вассалите-е без ленов [37]. «Лорд,— пишет Страйер,— мог иметь право управления ам, где у него не было земли, и, напротив, мог владеть землей, где дру-ой лорд осуществлял высшую политическую власть» [38]. Однако прово-имая в сборнике точка зрения на этот счет отличается непоследователь-остью. Оказывается, в развитом феодальном обществе, каким оно было Западной Европе, вассалитет и система земельных держаний приобре-ают равноценное значение [39]. Страйеру приходится согласиться с пред-ествующими исследователями западноевропейского феодализма в том,

ой историографии. Он вызван подъемом национально-освободительного движения в олониальных и зависимых странах, приведшим к краху колониализма. Народы Afри-, Азии и Латинской Америки, которых буржуазные историки и социологи третировали к «неполноценных», «неспособных» к прогрессу, достигли больших успехов в эконо-ике, культурном и политическом развитии. См. И. С. Кон. Философский идеализм кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959, стр. 315—368; В. М. Далин, М. Некрич, Н. Н. Яковлев. История в «меняющемся мире» (о некоторых онцепциях новейших буржуазных «всемирных историй»). Сборник «Против фальсифи-ации истории». М. 1959, стр. 3—66.

[35] Подобную же мысль проводит, например, в своих трудах А. Тойнби, являвший-я консультантом сборника. Критику взглядов А. Тойнби в целом и по данному во-росу см. в рецензии Е. А. Косминского «Историософия Арнольда Тойнби». «Во-росы истории», 1957, № 1, стр. 130—140.

[36] «Feudalism in History». Princeton University press. 1956. pp. 4—5.

[37] В качестве примера Коулборн и Страйер в вводной статье ссылаются на нали-ие в ранней Каролингской империи большого числа вассалов, не владевших бене-ициями.

[38] «Feudalism in History», p. 17.

[39] Там же, стр. 6.

что «люди, облеченные политической властью, владеют также важными источниками богатства — землей и постройками, рынками и мельницами, лесами и реками. И эти богатства, естественно, способствуют возрастанию их политической власти» [40].

Возврат к аргументации предшественников наблюдается и в других статьях сборника. Например, М. Шефтель, автор статьи «Аспекты феодализма в русской истории», в теоретическом отношении вполне солидаризируется с вводной статьей, с ее подчеркиванием примата политического аспекта феодализма [41]. В конкретной же части своего разбора он изменяет этому принципу. Говоря о тенденциях в сторону феодализации, обозначившихся на Руси перед монгольским нашествием, наряду с раздроблением публичной власти Шефтель выдвигает такой фактор, как установление связи политической власти с земельной собственностью [42]. Отрицание развитого феодализма в XIII—XVI вв. обосновывается посредством тех же самых аргументов, с которыми выступали Вернадский и другие буржуазные историки, отрицавшие наличие феодализма в России. Период политической раздробленности на Руси Шефтель не может признать за действительно феодальный по той причине, что тогда якобы не было связи между землевладением и вассальной службой и вотчина имела характер аллодиального владения, а не феода [43]. Русскому централизованному государству, в огромных масштабах развившему условное землевладение, отказывается в признании феодальных отношений из-за отсутствия двусторонности контракта между царем и помещиками. В поместной системе Шефтель видит заимствованную от татар идею личного подчинения в противоположность идее личных прав на Западе [44]. В результате этого Шефтель делает заключение о существовании в России лишь неразвитых форм феодализма («abortive feudalism»). Весьма характерны ссылки Шефтеля на мнение В. О. Ключевского о внешнем сходстве русских политических и социальных институтов с западными, особенно на тезис о вольности боярской службы, и на концепцию П. Струве о литургическом режиме Московского государства [45]. В конце статьи Шефтель еще раз подчеркивает, что он, как и Страйер и Коулборн, исходил в своем анализе русского материала из такой точки зрения на феодализм, когда «суть дела полагается во взаимоотношениях между лордом и вассалом» [46]. Однако характер этих взаимоотношений Коулборном и Страйером, с одной стороны, Шефтелем — с другой, понимаются по-разному. Два первых историка не считают обязательной связь вассалитета с землевладением, последний делает ее главным условием.

Такого же рода противоречия между конкретными исследованиями и теоретическими рассуждениями можно найти и в других статьях. Даже вводная статья к сборнику, вопреки своим претензиям на коренной пересмотр господствующих точек зрения на феодализм, делает в конце концов большую уступку в их пользу. «Феодализм,— говорится в ней,— есть прежде всего метод управления, хотя он изменяет социальное и экономическое окружение и сам изменяется в зависимости от него» [47].

Единственный вопрос, по которому в сборнике имеется действительно заметный отход от прежней концепции,— это вопрос о феодальном маноре как экономической организации и о роли в нем крестьян. Отношения между землевладельцами-феодалами и зависимыми крестьянами в вводной статье сборника и в прочих статьях представляются второ-

[40] Там же, стр. 17.
[41] Там же, стр. 168.
[42] Там же, стр. 173.
[43] Там же, стр. 171, 178.
[44] Там же, стр. 175—176, 179.
[45] Там же, стр. 178—179.
[46] Там же, стр. 181.
[47] Там же, стр. 4.

епенной проблемой, не имеющей отношения к существу феодализма. кое заключение обосновывается тем, что эксплуатация крупными зем-владельцами зависимого труда наблюдалась и до установления фео-льного строя и в более поздние времена [48]. Право землевладельцев, ворится в сборнике, управлять крестьянами, судить их, собирать нало-в разных странах в разное время достигало таких широких масшта-в, что «составило бы существо феодальных прав, если бы они были одальными» [49].

Направленность этого положения против марксистского понимания одализма как социально-экономической формации, основанной на плуатации труда зависимого крестьянства, не требует комментариев. ыступая с приведенной выше точкой зрения, авторы сборника отказа-сь даже от ряда положительных результатов, достигнутых буржуаз-ми историками, занимавшимися изучением экономики феодального риода [50].

Отмеченные особенности «нового» подхода к изучению феодализма оистекают из стремления авторов сборника, а также членов «Комите-по изучению униформизма в истории», по чьей инициативе сборник л создан, приспособить понятие «феодализм» к модной в современной рубежной историографии теории о смене цивилизаций как главном держании мировой истории. Организаторы и авторы сборника зада-сь целью определить роль понятия «феодализм» в учении о цивилиза-ях. В их интерпретации эта роль оказалась довольно скромной. предисловии к сборнику председатель вышеназванного Комитета Л. Кребер пишет, что феодализм здесь рассматривается как «со-ально-политическая помощь в возрождении цивилизации», когда эта следняя вступает в стадию разложения. Феодализм служит «грубым, сильным механизмом» дезинтеграции «отжившей культуры», «ин-рументом» распространения новой цивилизации [51]. Эта же точка зре-я неоднократно повторяется в разных статьях сборника [52]. Между очим, по мысли авторов, цивилизации вполне могут обходиться без кого технического средства, как феодализм. Феодализм, как подчерки-ется в ряде статей, имел место главным образом в земледельческих ществах, а в странах с высоким развитием торговли (Византия, Киев-ая Русь, Малая Азия) существовали препятствия к его появлению виде сильных централизаторских стремлений [53].

Поскольку теория цивилизаций исходит прежде всего из факторов льтурной истории, то в «новой» концепции феодализма экономический пект сделался, естественно, излишним.

Предлагаемая в сборнике «новая» концепция феодализма в действи-льности не содержит ничего нового и представляет собой не что иное, к одну из многочисленных «теорий», изобретенных для борьбы с мар-истской интерпретацией истории общества. Разбор же различных то-к зрения по поводу понятия «феодализм» сделан в сборнике так, будто и никогда не существовало марксистской концепции феодализма. Од-ко преднамеренное игнорирование учения исторического материализ-а и конкретных исследований историков-марксистов не может, по сло-

---

[48] В качестве примеров государств, где землевладельцы пользовались исключи-льной властью по отношению к зависимому крестьянству, в вводной статье приво-тся древний Китай и Русское централизованное государство, которые авторы не счи-ют феодальными (см. «Feudalism in History», p. 6).

[49] «Feudalism in History», p. 7.

[50] Это обстоятельство, между прочим, отмечено в зарубежных рецензиях на орник. См., например, рецензию Гозелица в журнале «World Politics». Vol. 9, 2, 1957.

[51] «Feudalism in History», p. VIII.

[52] Там же, стр. 364—395.

[53] Там же, стр. 8.

вам одного из зарубежных рецензентов сборника, изменить того факта, что «в течение десятилетий марксизм оказывал огромное влияние на многих ученых, которые характеризовали многие общества как феодальные в духе марксизма (то есть как определенный способ производства.— *Л. Д.*)» [54].

Попытки подойти с марксистских позиций к изучению феодализма имеются и в американской историографии. Они нашли, например, отражение в дискуссии, поднятой видным американским экономистом и социологом П. Суизи по поводу книги М. Добба о закономерности перехода от феодализма к капитализму. Авторы сборника не случайно, конечно, игнорировали эту одну из самых крупных и интересных дискуссий, касающихся проблем феодализма, в которой приняли участие ученые разных стран [55].

Суизи согласен с Доббом в том, что «феодализм следует характеризовать как такую экономическую систему, в которой крепостничество составляет преобладающие отношения и в которой производство организовано внутри манора лорда или вокруг него» [56]. Однако Суизи считает (и это правильно), что к данному определению необходимо добавить положение о натуральном характере производства, когда его целью является потребление, об ограниченности обмена мелким, локальным рынком [57]. Далее в соответствии с учением К. Маркса автор подчеркивает консервативность методов и организации производства при феодализме, рутинность техники, устойчивость социально-экономических и политических форм, отсутствие «неограниченной жажды к получению прибавочного продукта» [58]. По целому ряду крупных вопросов (например, о причинах роста потребностей феодалов к XIV—XV вв.) Суизи справедливо критикует Добба. Вместе с тем его концепция развития и упадка феодальной формации во многом спорна. Суизи, как уже отмечалось в рецензиях на его статьи, объясняет упадок феодализма в Европе внешним для этого строя фактором — широким развитием заморской торговли к XIV—XV вв., вызвавшим в европейских городах зарождение «системы производства для обмена» [59]. Суизи, подобно Доббу и другим участникам дискуссии, проявил недостаточное понимание краеугольного положения исторического материализма о производительных силах общества как основной движущей силе исторического развития, определяющей экономическую, социальную и политическую структуру, а также идеологию общества. Но при всех своих слабых сторонах взгляды Суизи на феодализм свидетельствуют о стремлении определенной части ученых США преодолеть ограниченность буржуазной методологии истории.

Таким образом, дискуссионные статьи близких к марксизму исследователей, опубликованные в американском журнале «Наука и общество» в 1950—1953 гг., и сборник «Феодализм в истории», являющийся итогом работы конференций 1948—1950 гг., отражают два различных направления в историографии.

Критические статьи на сборник «Феодализм в истории» [60] и вы-

---

[54] T. Liu. Feudalism in Asian Societies. A. Review Article «Pacific Affairs». Vol. XXIX, № 2, June 1956, p. 185.

[55] Дискуссионные статьи историков, исследующих с позиций марксизма проблему закономерностей переходного от капитализма к социализму периода, были опубликованы в американском журнале «Science and Society» за 1950—1953 годы. Эти статьи были изданы также отдельной книгой: «The Transition from Feudalism to Capitalism». London. 1954. См. рецензии советских авторов на этот сборник: «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 178—182; «Средние века». Вып. XV. 1959, стр. 114—135.

[56] «The Transition from Feudalism to Capitalism», p. 2.

[57] Внешняя торговля, по мнению Суизи, если не обязательно отсутствует, то не играет определяющей роли в целях и методах производства.

[58] «The Transition from Feudalism to Capitalism», pp. 2—3, 8.

[59] Там же, стр. 61—62.

[60] Перечень зарубежных рецензий на этот сборник см. в журналах: «Средние века». Вып. XII, стр. 138—142; «История СССР», 1958, № 4, стр. 190—195.

едшие одновременно с ним и в более позднее время работы, где под-имается проблема феодализма, свидетельствуют о том, что «новая» ория Коулборна и его соавторов, абстрагирующая политический строй связи с социально-экономическими отношениями, не снискала себе пулярности. Однако несомненно, что буржуазная медиевистика США роявляет тенденцию крайнего сужения понятия «феодализм». В этом тношении показательны методологические позиции авторов вышедшего 1956 г. общего курса по истории Европы К. Хейса, М. Болдуина и . Гоула. Эти авторы определяют феодализм как «организацию об-ества, характерную для раннего средневековья». По их мнению, суще-твенным является то, что «феодализм был формой правления, а равно и кономической системой, базировавшейся на земельных держаниях»[61]. удя по этим формулировкам, казалось бы, что в данном случае мы меем дело с пониманием феодализма как определенного этапа в разви-ии средневекового общества. На самом деле авторы весьма далеки от по-обной точки зрения. Главное место в их исторических построениях за-имает понятие «цивилизация». Критерием для определения уровня раз-ития цивилизации служат преимущественно культурные факторы. Фео-ализм же фигурирует как возникшая в известный период в силу кон-ретных исторических обстоятельств (кстати сказать, внешнего поряд-а) политическая система. Происхождение феодализма объясняется сле-ующим образом. После смерти Карла Великого центральное прави-ельство империи оказалось неспособным сдерживать натиск варваров, потому возложило защиту граждан и имущества на знать, к которой ерешли теперь и военные и административные функции[62]. Экономиче-кую базу феодализма авторы сводят к системе земельных держаний и рактуют в качестве следствия политической организации. Земельные ержания в их представлении — это всего-навсего своеобразная плата а военную службу[63]. В книге имеется суммарная характеристика фео-ального манора, но она дается лишь с той целью, чтобы показать, как еодальные властители извлекали «плоды и доходы» с принадлежав-их им земель[64].

История средневековой России изображается в названном труде райне тенденциозно. Авторы относят Россию к «восточному подразде-ению» европейской цивилизации, которое они считают более низким о уровню развития в сравнении с западным, а потому и не удостаивают ерьезного внимания[65]. По мере продвижения от приморских западно-вропейских держав к странам Центральной и Восточной Европы об-тоятельность изложения в книге заметно уменьшается. Когда дело до-одит до России, то на ее долю остаются отдельные фразы, редко — бзацы[66]. Авторы вспоминают о средневековой России преимуществен-о в тех случаях, когда им требуется очертить сферу распространения изантийской культуры или прославить военные подвиги, а также тор-овую и административную деятельность норманнов[67].

В вводных разделах книги о феодальной системе сказано, что «фео-ализм развился как своего рода амальгама более ранней римской, ерманской и даже, возможно, кельтской практики, измененной в соот-етствии с требованиями времени»[68]. Распространились ли феодальные тношения на Россию, из содержания «Истории Европы» уяснить труд-

[61] C. Hayes, M. Baldwin, Ch. Cole. History of Europe. New York. 1956. . 160.
[62] Там же.
[63] Там же, стр. 161.
[64] Там же, стр. 174—178.
[65] Там же, стр. 223.
[66] Имеется в виду изложение истории России в период средневековья.
[67] C. Hayes, M. Baldwin, Ch. Cole. Указ. соч., стр. 96, 157—158, 182, 196, 04, 223, 290, 370.
[68] Там же, стр. 160—161.

но. За исключением единственной, очень неопределенной фразы, слова «феодализм», «феодальный» к России не прилагаются [69].

В другом американском обобщающем труде — «История мировой цивилизации» — главным признаком феодализма также объявляется соединение землевладения с политической властью [70]. Однако акцент делается на политической организации феодального строя. Феодальные отношения, как настойчиво подчеркивают авторы, охватывают только господствующий класс («the persons of «noble» status»). Данная мысль иллюстрируется на примере королевства Франции, где лишь несколько тысяч лиц были охвачены системой феодальных отношений. Это были люди, контролировавшие богатства и военные силы страны. Крестьяне и ремесленники, составлявшие основную массу населения Франции, находясь под юрисдикцией лордов, стояли вне феодальной организации. «Они не могли принимать участия в феодальных отношениях, связывающих лордов и вассалов,— разъясняют авторы,— поскольку они были незнатного происхождения» [71].

Феодализм, по представлениям авторов «Истории мировой цивилизации», возник в то время, когда не было сильного правительства. Он приходил в упадок по мере того, как короли увеличивали свою власть и устанавливали эффективное централизованное управление. К XII в. место феодализма заступила новая система политической организации. «Это была система региональных или «национальных» объединений» [72].

Таким образом, старая идея о феодализме как определенной политической организации господствующего класса землевладельцев, характеризующейся слабостью или отсутствием центральной власти и распределением ее прерогатив между феодальными владельцами в соответствии с их статусом, доведена в «Истории мировой цивилизации» до логического конца. Народные массы—крестьяне и горожане—выброшены за борт исторического процесса. Они лишь объект приложения общественной организации, созданной господствующим классом [73]. Приводимое в противоречии с этой доминирующей идеей утверждение о маноре как базисе экономической и социальной жизни не вносит существенного корректива. О зависимом населении манора в книге говорится лишь в плане выяснения судебных, фискальных и прочих прав владельца, его доходов и т. п. Экономика и социальная структура манора интересуют авторов лишь постольку, поскольку они определяли место его владельца в иерархической структуре феодальной земельной собственности.

Главный акцент делается на взаимоотношения сюзерена и вассалов, причем особенно подчеркивается договорный характер и обоюдность обязательств между первым и вторым [74]. Этот второстепенный, казалось бы, тезис приобретает значение главного аргумента в отрицании феодальной природы централизованных государств средневековья, в обосновании точки зрения об отсутствии феодализма как сложившейся системы в Восточной Европе и прежде всего в России.

Отмечая синхронность процессов, приведших к образованию централизованных государств на Западе и в России, авторы «Истории мировой цивилизации» всячески подчеркивают различие в характере этих монархий. На Западе возникновение централизованных государств означало переход от феодализма к современной эре — эре «торговли, свобо-

[69] На стр. 142 Русь названа в числе стран в основном феодальных, но где под влиянием церкви появилась тенденция к возникновению централизованного национального государства.

[70] «A History of World Civilisation». Max Savelle General Editor. Vol. I. New York. 1957, p. 440.

[71] Там же, стр. 442, 449.

[72] Там же, стр. 450.

[73] В этом отношении трактовка феодализма в «Истории мировой цивилизации» сближается с трактовкой, даваемой в сборнике «Феодализм в истории».

[74] «A History of World Civilisation», pp. 443—444.

ым и гуманизма». В России же это было якобы установление деспотиз-
а по азиатскому образцу [75].

В книге А. Г. Мазура по русской историографии (куда включены,
ежду прочим, не только русские, но и зарубежные специалисты в обла-
и истории России) утверждается, будто бы в «настоящее время основ-
ые положения Павлова-Сильванского, с некоторыми видоизменениями,
и, приняты большинством исследователей русской истории» [76]. Разви-
я эту мысль, Мазур пишет, что Б. Д. Греков и другие историки-мар-
исты с энтузиазмом приняли тезис Павлова-Сильванского и расшири-
и его за счет экономического аспекта [77].

Историки-марксисты рассматривают феодализм как особую обще-
венно-экономическую формацию, характеризующуюся определенными
ормами производства, собственности и эксплуатации, породившими
ответствующие им социальные, политические, а также идеологические
нституты и идеи. Основы марксистской теории феодализма отнюдь не
ождественны с основами концепции Павлова-Сильванского, трактую-
его феодализм с формально-юридической точки зрения, как систему
оциально-политических учреждений. В изучении феодализма истори-
ов-марксистов и Павлова-Сильванского объединяют лишь подход к
еодализму как явлению всеобщей истории и сходная оценка отдельных
горон в развитии феодальных отношений в России. Как специалисту по
усской историографии Мазуру полагалось бы знать, что советские исто-
ики многократно подвергали принципиальной критике взгляды Пав-
ова-Сильванского [78]. Но Мазур не вполне компетентно судит даже о
взглядах своих американских коллег, специализирующихся по русско-
у средневековью. Ни общие курсы русской истории, ни специальная
мериканская литература (в том числе работы самого Мазура) не отра-
или признания концепции Павлова-Сильванского. Если некоторые исто-
ики в США и ставят проблему феодализма применительно к русской
стории, то делают это (за незначительным исключением) в негативном
лане, либо вовсе отрицая существование феодальных отношений в Рос-
ии, либо признавая лишь некоторые феодальные тенденции. Представ-
ения о феодализме не играют существенной роли в исторических кон-
епциях американских специалистов.

Р. Кернер, один из немногих авторов, признающих наличие феода-
изма в России, ограничивает этот строй временем начиная с политиче-
кого раздробления Руси в середине XIII в. и кончая образованием Рус-
кого централизованного государства во главе с Москвой, то есть ото-
ждествляет его с системой феодальной раздробленности. Главное содер-
кание этого периода Р. Кернер видит в борьбе отдельных феодальных
ентров за овладение бассейнами и волоками Волжской речной систе-
ы. Вопрос о ликвидации удельной системы он ставит в зависимость от
схода борьбы за объединение этого бассейна под властью одного кня-
жества [79].

Господствующую в зарубежной буржуазной историографии точку
рения на феодальные отношения в Западной Европе IX—XV вв. как
а эталон феодализма разделяет В. Кирхнер. Он признает существова-
ие в России многих феодальных институтов: светского и церковного
емлевладения, увеличивающей свою независимость земледельческой
ристократии, политической раздробленности, крепостничества. Но эти

[75] Там же, стр. 655—656, 660, 662.
[76] A. G. Mazour. Modern Russian Historiography, p. 173.
[77] Там же, стр. 176.
[78] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма (IX—XV вв.)». Ч. I, стр. 271—
73; ч. II, стр. 15; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв.
I. I, стр. 3, и др.
[79] R. Kerner The Urge to the Sea. The Course of Russian History. The Role of
Rivers, Portages, Ostroges, Monasteries and Furs. University of California press. 1946,
. 36 и др.

признания делаются, между прочим, безотносительно к главной схеме исторического процесса. Понятие «феодализм» присутствует в исторических построениях В. Кирхнера в качестве чужеродного тела. Оно не играет какой-либо роли и нужно автору лишь для традиционного противопоставления России Западу. (Только Новгородскую феодальную республику и некоторые западнорусские земли В. Кирхнер с оговорками согласен причислить к Европе [80].)

С понятием политической раздробленности и господством условной земельной собственности отождествляет феодализм и Л. Ярош [81].

С. Г. Пушкарев, как и многие другие американские историки, обращается к понятию «феодализм» только за тем, чтобы противопоставить Россию, не знавшую, по его убеждению, феодального строя, Западной Европе. (Исключение делается лишь для части русских земель, подпавших под власть Литвы.) Феодализм при этом характеризуется Пушкаревым как социально-политический строй, которому свойственны «раздробление государственной власти между землевладельцами, система частного подданства и иерархическая лестница вассалов с сувереном великим князем наверху этой лестницы» [82].

В «Курсе русской истории», опубликованном М. Реном, есть небольшой параграф, озаглавленный «Рост феодализма» [83], где допускается существование на Руси с начала XII в. тенденции в сторону развития если не политического, то экономического феодализма, тенденции, которая была прервана татарским завоеванием. Главными аргументами для такого вывода являются, по мнению Рена, «растущее пренебрежение потомков Ярослава, что типично и для западных баронов, к благосостоянию нации», «потеря свободы значительной частью населения», упадок внешней торговли и городов накануне татарского нашествия. В то же время, пишет Рен, Руси X—XII вв. были свойственны многие черты, которых не знало феодальное общество Западной Европы, а именно: рабство (особенно с середины XI в.) [84], свобода землевладения от службы, аллодиальный характер земельной собственности, большое развитие торговли, не имевшее параллелей на Западе. Автор полагает, что крупные имения в Киевской Руси при всем их сходстве с западными латифундиями существенно отличались от последних связью с рынком, производством продукции на рынок. По мнению Рена, Западная Европа догнала Русь по уровню развития денежного хозяйства не ранее XV века.

Перечисленные Реном сходства и отличия в историческом развитии Руси и Запада не обосновываются фактическим материалом. Обращение к источникам показывает совершенно иную картину. Сведения, имеющиеся в распоряжении историков, говорят не об упадке городов и торговли в XII в., как это делает Рен, а, напротив, о расцвете городской жизни, о подъеме торгово-ремесленной деятельности. Если для IX—X вв. летописи (при известной неполноте данных) отмечают 25 городов на Руси, для XI в.— 88, то для XII — начала XIII в.— уже до 200. В это время наблюдались не только численный рост городов, но и увеличение городского населения, совершенствование ремесленной техники, появление новых видов ремесла, расширение товарного производства, рост торговых связей [85].

---

[80] W. Kirchner. An Outline-History of Russia. New York. 1950.

[81] «Rewriting Russian History Soviet Interpretations of Russia's Past». New York. 1957, pp. 198—223.

[82] С. Г. Пушкарев. Обзор русской истории. Нью-Йорк. 1953, стр. 172.

[83] M. C. Wren. The Course of Russian History. New York. 1958, pp. 109—111.

[84] Говоря о феодализации, М. Рен не делает различия между разрядами зависимого населения — крепостными и рабами,— если и те и другие занимались обработкой земли.

[85] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956, стр. 10—15; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XIII вв.». Ч. I, стр. 124—125; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 203—433 и др.

Противопоставляя натуральное хозяйство западноевропейского ма-ра как типично феодальную черту товарности крупных древнерусских мений, Рен не приводит соответствующих сравнительных материалов. между тем ознакомление с «Русской правдой», актовым материалом I—XV вв. и другими источниками убеждает в произвольности утверж-ний М. Рена. Многочисленность и разносторонний характер упоминае-ых в источниках отраслей сельского хозяйства и промыслов, наличие в мениях домашнего ремесла, стремление к созданию продовольственных пасов — все это свидетельствует о безраздельном господстве натураль-ого, потребительского принципа в сельском хозяйстве XII—XV веков. вязь с рынком не имела в это время решающего значения ни для рестьянского хозяйства, ни для феодальной вотчины. Предметы первой еобходимости изготовлялись на месте. Торговля обслуживала преиму-ественно господствующий класс и доставляла предметы роскоши, пря-ости, вина, оружие [86].

Таким образом, в конкретных исторических построениях американ-ких буржуазных историков теоретические представления о феодализме е играют существенной роли. Авторы общих курсов и специальных сследований по истории России, если и упоминают о феодальных отно-ениях, то делают это вскользь, главным образом с целью противопо-тавления русского исторического процесса западноевропейскому.

Исторические концепции в американских работах по средневековой оссии основываются на господствующей в современной буржуазной илософии и социологии плюралистической теории «факторов».

В работах современных американских историков наблюдается до-ольно сильное влияние так называемого «экономического» направле-ия, возникшего в историографии США на рубеже XIX—XX веков. Сле-ует сразу же отметить, что у современных авторов традиции «эконо-изма» претерпели большие изменения по сравнению с тем, как они ыли представлены у родоначальников этого направления — Ф. Тернера, . Бирда и других. Уже в работах названных историков наряду с эко-омическим фактором фигурировали в качестве самостоятельных другие акторы исторического развития: психологический, политический, мо-альный и пр.[87]. У современных авторов эти прочие факторы подчас овсе затмевают экономический, а роль последнего фактически сво-ится к влиянию географии на хозяйственный уклад и другие стороны изни нации. Если Тернер писал о географии как факторе, определяю-ем господство той или иной отрасли производства [88], то в работах ослевоенного периода географические условия объявляются главной вижущей силой исторического процесса.

С помощью географии берутся объяснить прошлое и настоящее оссии авторы общего курса по русской истории — Е. Прат и Х. Мур. Основой для изменяющихся условий жизни в России,— пишут они во ведении к книге,— является географическое положение, что определяет по крайней мере частично объясняет русскую жизнь, идеи и институты. авнины, реки и леса оказали свое влияние; долгая зима, короткое лето, асуха и ливни действовали на жизнь народа; изоляция от Европы и онтакты с Азией и Ближним Востоком привели к созданию уникальной ультуры» [89].

Географическая среда составляет важную часть материальных усло-ий жизни общества и, безусловно, оказывает влияние на исторический роцесс. Местные природные условия накладывают отпечаток на произ-одственную деятельность человека. Они могут благоприятствовать раз-

---

[86] Л. В. Данилова, В. Т. Пашуто. Товарное производство на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории». 1954, № 1.

[87] «Очерки новой и новейшей истории США». М. 1960. Т. I, стр. 588; т. II, стр. 632.

[88] См. «Очерки новой и новейшей истории США». Т. I, стр. 589.

[89] H. Pratt, H. Moore. Russia. A Short History. New York. 1947, pp. 5—6.

витию производительных сил или, напротив, ставить помехи для них. Отдаленность от древних культурных центров, относительно слабая заселенность, обширность территории, суровость климата, беспрестанные иноземные нашествия ставили средневековую Россию в гораздо более тяжелое, невыгодное по сравнению с большинством других стран Запада положение. Географические особенности России сказались на многих сторонах ее исторического развития. Так, обширность территории, не будучи причиной, порождавшей колонизационные процессы, несомненно, способствовала последним. А колонизация, в свою очередь, сыграла известную роль в определении темпов исторического развития. Распространение феодальных отношений на новые территории оказывало тормозящее влияние на их развитие вглубь и было одним из факторов, которые обусловили более позднее вступление России в стадию капитализма [90].

Но как ни важно влияние географических условий на ход исторического развития, они не могут иметь решающего значения. Эта роль принадлежит способу производства средств существования человека.

Руководствуясь теорией примата географического фактора, нельзя объяснить ни причин эволюции общественного строя при практически неизменных географических условиях, ни того, что народы, которые живут в разных условиях, проходят сходные стадии общественного развития. В период средневековья география Европы не подвергалась каким-либо существенным изменениям. Однако Россия и другие страны прошли за это время большую эволюцию общественных отношений.

Весьма показательно, что, поставив точку в конце первой главы, посвященной географии России, авторы названного выше курса в дальнейшем изложении забывают об «определяющем» влиянии этого фактора. Изложение конкретной истории русского средневековья дается ими в большой зависимости от традиций русской дореволюционной историографии. Здесь мы найдем версию о варяжском завоевании (стр. 19—20), преувеличение влияния Византии на развитие Руси (стр. 20, 23, 29), взгляд на монголов как на создателей централизации в России (стр. 26), теорию свободного перехода крестьян в древней Руси, объяснение происхождения крепостного права из крестьянской задолженности (стр. 30—31 и др.) и т. д.

С претензией на теоретический синтез русского исторического процесса написана популярная среди зарубежных буржуазных историков и экономистов книга Р. Кернера «Стремление к морю. Курс русской истории» [91]. В основу изучения русской истории автор также кладет географию страны. Главным двигателем исторического процесса в России он считает исконное стремление русского народа обрести выход к морю, борьбу за овладение речными системами и связывающими их волоками. «Через эти реки и волоки,— пишет Кернер,— проходили представители и группы нескольких типов общества: охотничье-пастушеское, патриархальное, феодально-крепостническое и современное. Каждое общество, какой бы ни была его идеология, использовало их. Эти изменяющиеся общественные типы могли приходить и уходить, но элементы процесса всегда оставались неизменными. Стремление к морю всегда преобладало» [92]. В этих высокопарных, но, по существу, бессодержательных фразах фактически заключен отказ от научного объяснения закономерности общественного развития. Географический фактор приобретает у Кернера характер демиурга истории, который, сам не изменяясь, может рождать

---

[90] См. «Вопросы формирования русской народности и нации». Сборник статей. М. 1958, стр. 130, 196.

[91] Первое издание названной книги Р. Кернера вышло в 1942 году. См. отзыв на него в статье В. К. Яцунского «Изучение истории СССР в Калифорнийском университете в США». «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 186—200.

[92] R. Kerner. Указ. соч., стр. 103.

азличные общественные типы. Так, считая всю тысячелетнюю письмен-ую историю России процессом, постоянные элементы которого состав-яли реки, волоки, остроги, монастыри и меха, Кернер объясняет корен-ые перемены в общественном строе неизменными факторами. Истори-еские построения Кернера — наглядный пример тупика, в который захо-ит буржуазная наука, стремясь дать синтез исторического процесса.

К географическому фактору как главной движущей силе историче-кого процесса обращается и В. Кирхнер. Ролью леса, рек и морей он ытается объяснить не только национальные особенности русского на-ода и своеобразие истории России, но и самое существо социально-эко-омического и политического развития нашей страны [93]. Но и у Кирх-ера географический фактор выдвигается в качестве определяющего для торического развития только в декларативной, вводной части. В кон-ретном же изложении он не в силах показать ту роль географического актора, какая приписывается последнему. Для каждого этапа своей ериодизации Кирхнер выдвигает совершенно различные основания, в исле которых главное место занимают иностранные влияния и завое-ания.

С обоснованием примата географического фактора в развитии Рос-ии выступает «евразийская школа» — одно из течений популярного в овременной американской историографии реакционного геополитиче-кого направления [94]. Согласно взглядам этой школы, европейская и зиатская части России в экономическом, политическом и культурном тношении рассматриваются неотделимыми друг от друга, как целый торико-географический мир, как самостоятельная цивилизация. Суще-твование огромной Евразии объясняется сторонниками этой теории собыми географическими условиями, определившими направление вижения населения и появление идеи создания могущественной мперии [95].

Разработкой евразийской теории усиленно занимался Вернадский, ыступивший с ней еще в 20-х годах [96]. Евразийская теория лежит в снове исторических построений работ Вернадского, изданных в США 40—50-х годах. В соответствии с основными принципами евразийской школы важную роль в возникновении и развитии цивилизации Вернад-кий отводит географическому фактору. В условиях России, считает он, тот фактор имел решающее значение. «История,— пишет Вернадский,— не представляет более яркого примера глубокого влияния географии на культуру, чем в случае исторического развития русского народа» [97]. Рус-кая цивилизация, согласно концепции Вернадского, основана на двух началах: степи с кочевниками и лесе, населенном охотниками. Содержа-нием русской истории автор считает создание могущественной евразий-ской империи, относительно единой по своему хозяйственному, социаль-но-политическому и культурному облику. Такой ход русской истории, говорит Вернадский, был предопределен «неизбежной логикой геогра-фии» [98]. Русский народ составил главное ядро евразийской империи, но в ее создании принимали участие многие народы [99]. Взаимоотношения леса и степи как символов оседлых славянских земледельческих племен и кочевников, пришедших с Востока, в процессе роста империи — основ-ной критерий, выдвигаемый Вернадским в периодизации исторического процесса в России [100].

---

[93] W. Kirchner. An Outline-History of Russia, p. 3—6.
[94] См. А. В. Ефимов. Очерки истории США, стр. 417—418.
[95] A. G. Mazour. Modern Russian Historiography. Princeton. 1958, pp. 236—239.
[96] Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. Прага. 1927; его же. Звенья русской культуры. Прага. 1928.
[97] G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven. 1953, p. 8.
[98] Там же, стр. 8.
[99] Там же, стр. 4—7.
[100] Там же, стр. 16—19.

Первый период истории России, главными событиями которого называются хазарское и варяжское завоевания, Вернадский заканчивает смертью великого князя Святослава в 971 году.

Второй период (972—1273 гг.) им обрисован как период напряженной борьбы между лесом и степью, в результате чего русские были оттеснены в лесную зону. Причем борьба рассматривается только в плане военных столкновений. Вне прямой связи с этой борьбой Вернадский пишет о свободных политических институтах и расцвете русско-византийской культуры. Татаро-монгольским нашествием открывается третий период в истории России, имевший своим результатом победу степи над лесом и объединение русских земель под владычеством Золотой Орды. В четвертом периоде (1452—1696 гг.) нетрудно узнать обычно выделяемый русской дореволюционной историографией период утверждения сословного строя Московского государства. Слова об утверждении власти лесной зоны над кочевой культурой не могут скрыть воспроизводимую Вернадским старую теорию «тяглых сословий» с ее положениями о необходимости принесения в жертву личной и политической свободы граждан ради создания сильного государства, об обязанности всех социальных слоев общества нести службу в пользу государства. Содержание пятого периода (1696—1917 гг.) сводится Вернадским к расширению территории России до естественных границ Европы, благодаря чему создалась экономическая общность лесной и степной зон. Последний период начинается Г. В. Вернадским с октября 1917 года.

Несостоятельность периодизации русского исторического процесса, разработанной в сочинениях Вернадского, совершенно очевидна. В выделении отдельных периодов им полностью игнорируется внутреннее социально-экономическое и политическое развитие общества. Вместо единого поступательного исторического процесса, когда один период закономерно вытекает из другого, будучи подготовлен всем предшествующим ходом общественного развития, читатель видит историю, разорванную на куски, генетически не связанные друг с другом. На практике Вернадский отступает даже от применения провозглашенного им в качестве критерия для периодизации географического фактора. Фактически он не показывает влияния географии на развитие общества. Взаимоотношения леса и степи в конкретном изложении понимаются Вернадским очень узко, преимущественно в плане военных столкновений оседлых и кочевых народов. Гранями, разделяющими периоды, становятся случайные события: военные нашествия, смерть выдающегося полководца, приход к власти умного и дальновидного политика вроде великого князя Ивана III и т. п. В то же время такие события, как отмена крепостного права в 1861 г. или великие классовые битвы в буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и в феврале 1917 г., совершенно не принимаются во внимание.

Неудача Вернадского в разработке периодизации русского исторического процесса — естественный результат субъективистского идеографического подхода, применяемого им в исторических исследованиях. Отрицание поступательного, закономерного развития человеческого общества фактически исключает самую идею периодизации. Она не только становится излишней, но и противоречит развиваемым современными буржуазными историками и социологами концепциям цикличности и смены цивилизаций.

Характерно, что работы, выдвигающие на первый план географический фактор, не выдерживаются в плане монизма. Плюрализм типичен и для сочинений Вернадского. При конкретно-исторических характеристиках отдельных периодов русской истории он обращается к помощи разнородных «факторов», прежде всего из области военно-политической.

Отмечая большие «достоинства» «евразийской школы», А. Г. Мазур в своих историографических очерках подвергает некоторой критике ее

принципы [101]. Однако сам он фактически целиком стоит на ее методологических позициях. И общее понимание русского исторического процесса и его периодизация основываются у Мазура на тех же принципах, что и у сторонников евразийской теории. Географическому фактору он отводит ведущее место в своих исторических построениях. Для России, по мнению Мазура, этот фактор имел исключительное значение [102]. Необъятные пространства России и распределение в ней суши и воды с древних лет вплоть до современности определяли, с точки зрения Мазура, внешнюю политику России, влияли на ее внутреннюю жизнь. Подобно Вернадскому он смотрит на русскую историю как на процесс создания огромной евразийской империи. Главные вехи в развитии этого процесса — иноземные вторжения и перемещения торгово-политических центров из одной речной системы в другую [103]. По характеру своих социально-экономических и политических институтов Россия представляется Мазуром как полная противоположность Западу.

Доказывая несостоятельный тезис о России как особом историко-географическом мире, не имеющем параллелей в истории Западной Европы и Америки, сторонники «евразийской школы» прибегают к насилию над историческими фактами. В советской литературе отмечались искажения в освещении Вернадским древней и средневековой истории России [104]. Можно привести примеры, когда в угоду господствующей политической тенденции Вернадский поступается принципами основанной им концепции.

Согласно основным положениям евразийской теории, украинцы, белорусы и великороссы рассматриваются как три ветви единого русского народа. С таких позиций великодержавного шовинизма Вернадский выступал еще в 20-х годах. Так, в своей книге «Начертание русской истории» он писал: «С исторической точки зрения совершенно ясно, что украинцы и белорусы суть ветви единого русского народа... Новая Российская империя произвела огромную работу культурного слияния и перемешивания всех частей русского народа» [105]. В очерке «Феодализм в России» и в последующих работах Вернадский уже допускает существование в западных русских княжествах, вошедших в состав Великого княжества Литовского, феодальных отношений, подобных тем, какие наблюдались в романо-германских странах. Западная Русь была этим обязана, как пишет теперь Вернадский, сильным влияниям Запада и сравнительно меньшей продолжительности татаро-монгольского владычества. Объединение Украины с Россией в середине XVII в. трактуется ныне им как агрессия со стороны последней [106].

Политическая направленность этих выводов легко обнаруживается. Агрессивные круги Соединенных Штатов Америки тратят немало усилий на пропаганду лживых утверждений о якобы коренном этническом и культурном отличии украинского и белорусского народов от русского, о насильственном единстве Украины и Белоруссии с Россией. В свете этой пропаганды тезис об издревле различных исторических путях западнорусских земель приобретает сугубо реакционное звучание.

Для оценки «евразийской школы» с политической точки зрения любопытно привлечь сделанное Мазуром сравнение этой школы с тем те-

---

[101] A. G. Mazour. The Modern Russian Historiography, pp. 239—241.

[102] A. G. Mazour. Russia. Past and Present. New York. 1951, p. 1.

[103] Там же, стр. 2—3.

[104] См. рецензии С. П. Толстова и М. Н. Тихомирова на книгу Г. В. Вернадского «Древняя Русь». «Вопросы истории», 1946, № 4; рецензию Н. Я. Мерперта и В. Т. Пашуто на книгу Вернадского «Монголы и Русь». «Вопросы истории», 1955, № 8.

[105] Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. Ч. I. Прага. 1927, стр. 229—230.

[106] G. Vernadsky. Feudalism in Russia, pp. 310—311, 314—315; его же. A History of Russia, pp. 3, 17, 57, 92—95.

чением в современной историографии США, которое трактует историю Соединенных Штатов как историю страны, принадлежащей к «западному миру». «Так же, как американские историки в последнее время прилагают усилия, чтобы исправить устаревший односторонний взгляд на историю Соединенных Штатов в свете того, что они называют евро-американским развитием,— пишет Мазур,— евразийская школа делает попытку дать интерпретацию России в евро-азиатском свете» [107].

Два разных мира в прошлом и настоящем — таков политический смысл противопоставления американской историографией исторического развития России и СССР истории капиталистической Европы и Америки.

Характер эволюции современного «экономического» направления в историографии США ярко выявляет книга Н. Шировского «Экономические факторы роста России», являющаяся пасквилем на нашу страну и наш народ. В данной статье ее можно было бы и не упоминать, но она может служить примером того, какие взгляды на роль экономических факторов в истории господствуют в американской историографии. Книга, как говорится во введении, написана в целях борьбы с «дезориентирующей и опасной тенденцией» непонимания и недооценки «традиционного духа России», представляющего якобы «постоянную угрозу» для других народов [108]. На этом пути автор хочет «послужить своей новой родине — Соединенным Штатам Америки», иными словами, стремится заработать на грязной пропаганде. Книга компилятивна, у автора нет собственной исторической концепции, и он бесцеремонно заимствует точки зрения и материал из чужих работ.

Шировский интересуется экономическими факторами лишь в плане их влияния на «политическую экспансию русской нации», на «империалистический рост России». Он начинает и кончает свою книгу выражением солидарности с американскими историками в том, что экономические факторы не могут рассматриваться как единственные или первостепенные в развитии нации. Наряду с экономическими равное и даже преобладающее значение в историческом развитии имеют этнографические, религиозные и прочие мотивы. Шировский подчеркивает, что он далек от попытки «объяснить курс политического прошлого России только в экономических категориях. Ни одна историческая концепция, по его мнению, не может быть более ложной, чем подобная». Шировский яростно обрушивается на марксистское учение об историческом материализме, ставящее во главу угла экономическое развитие общества. «Критика» марксизма сводится у Шировского к голословным и нелепым утверждениям о преобладании в крови великорусов финно-монгольской крови, породившей «агрессивную и империалистическую психологию Тимучина и Тамерлана», «о прирожденном русском патриотизме и национализме, развившемся в своего рода миссионизм», о воинствующем характере православия и т. п. Конкретный показ экономического развития России Шировским также полон несообразностей и фактических ошибок. Даже в ряду американских работ по истории России, написанных авторами реакционного направления, книга Шировского выделяется предельно грубой фальсификацией, полным разрывом хотя бы с видимостью объективности и научности.

Подчинение исторической науки целям реакционной империалистической пропаганды, неспособность современной буржуазной философии и социологии дать действительное объяснение процессу общественного развития вызывает естественное неудовлетворение у многих исследователей, которое выражается в формальном отказе от всякой теории и сознательном переходе к фактографии.

В этом плане типичны высказывания С. Г. Пушкарева. Во введении

[107] A. G. Mazour. The Modern Russian Historiography, p. 238.

[108] N. Fr. Chirovsky. The Economic Factors in the Growth of Russia New York. 1957, pp. XI—XII, 154—157.

своему «Обзору русской истории» Пушкарев провозглашает себя «объ-тивным докладчиком», дающим лишь фактическое изложение истори-ских событий и не стремящимся «втиснуть факты нашей (то есть рус-ой.— *Л. Д.*) истории в рамки какой-либо историософской или социоло-ческой схемы» [109]. Историческое исследование немыслимо при абстра-ировании от социологии. Последовательное изложение фактических бытий уже само по себе стихийно вносит в исследование принцип исто-изма, требующий рассмотрения изучаемых явлений во взаимосвязи и звитии. Не удивительно, что заявление Пушкарева остается деклара-вным. На деле он не удерживается в рамках «чистых» фактов, прибе-я к разного рода спасительным факторам и теориям для объяснения рошлого России. Построения автора полностью зависимы от предше-вующей историографии, прежде всего от работ русских дореволюцион-ых историков. Из современников большое влияние на него оказал Вер-адский. Так, раздел по древнейшей истории восточных славян в «Обзо-е» Пушкарева представляет собой не что иное, как краткий конспект следований Вернадского с его концепцией смены влияния разных наро-ов и культур в Причерноморье, с его взглядом на торговлю как основу кономической жизни этого края в древности. Характеристика дальней-их периодов русской истории в «Обзоре» Пушкарева повторяет схемы лючевского, Платонова, а применительно к западным русским зем-ям — Любавского. Во многих случаях автор отказывается даже фор-улировать свои выводы, приводя соответствующие высказывания из абот русских дореволюционных историков, а также Вернадского, Кар-овича и др.[110].

Вслед за названными историками Пушкарев сильно преувеличивает оль географического фактора в исторических судьбах России. Колони-ация для него — основной факт русской истории [111]. Согласно его кон-епции, три основные стихии русской природы — лес, река и степь — грали важную роль в жизни народа и оказали разностороннее влияние а развитие Руси [112].

Первоначальное знакомство с американской историографией в об-асти русского феодализма оставляет впечатление ее крайней отста-рости. Общие курсы русской истории и специальные работы, изданные 40—50-х годах, повторяют концепции более чем полувековой давности. ыдвижение на первый план географического фактора для объяснения тории России, идущее от славянофилов и доведенное до крайности Ми-юковым, противопоставление Руси «Западу», преувеличение влияния виатских кочевников на этногенез и историю русского народа (особенно атаро-монголов), теория закрепощения сословий, представление о го-ударстве как творце исторического процесса, выдвинутое сторонниками осударственно-юридической школы, периодизация по иноземным влия-иям и политическим формам типичны для американских авторов. Ка-ется, что они не знакомы с трудами Павлова-Сильванского, который ыступал с буржуазных позиций против господствовавшей в его время онцепции отсутствия феодализма на Руси. Можно подумать, что в США еизвестны советские исследования, обосновывающие на огромном актическом материале феодальный характер общественного строя сред-евековой России [113]. Однако это не соответствует действительности. На амом деле американские медиевисты весьма обстоятельно знакомы с со-етской историографией. Об этом свидетельствует то, что в США публи-уются специальные работы, направленные против методологии и кон-

---

[109] С. Г. Пушкарев. Обзор русской истории. Нью-Йорк. 1953, стр. 6.
[110] Там же, стр. 10, 15, 44, 57, 68, 80, 113, 138, 153 и др.
[111] Там же, стр. 15.
[112] Там же, стр. 18—23 и др.
[113] Перечень работ советских историков см. в сноске 27.

кретных исследований советских историков [114]. Игнорирование достижений советской историографии, повторение давно отвергнутых наукой утверждений, прежде всего тезиса об особом историческом развитии русского народа, имеют определенный политический смысл. Идеологи американского империализма стремятся всеми средствами внедрить в сознание масс представление об исключительности развития России, объяснить победу Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в СССР прирожденными национальными качествами русского народа.

В полной связи с общими методологическими установками и идейно-политической направленностью историографии США ведется разработка американскими историками конкретных проблем русского средневековья. Представление о многих важнейших сторонах развития России в средние века можно получить лишь из общих курсов по истории России и то в предельно кратком изложении. Развитие производительных сил в деревне и в городе, феодальная рента, классовая борьба крестьянства и горожан и ряд других коренных проблем истории средневековой России остаются за пределами внимания авторов. Предметом специальных исследований чаще всего становятся темы, посвященные возникновению и эволюции государственного строя, становлению абсолютизма, истории внешней и колониальной политики царизма, иностранным влияниям, религии и отдельным аспектам культурной истории [115]. Подобный выбор исследовательской тематики не случаен. Он определяется как идеалистической методологией буржуазной исторической науки, выдвигающей на первый план факторы культурно-политической истории, так и господством теории презентизма, отрицающей возможность научного познания прошлого, установления объективно существующих закономерностей исторического развития и оправдывающей интерпретацию исторических событий с точки зрения сегодняшнего дня.

Слабость конкретной разработки вопросов русского средневековья в современной зарубежной историографии тесно связана с состоянием источниковедения и публикацией источников. Зарубежные работы по истории феодальной России, как правило, основываются на источниках и фактах, уже введенных в оборот русскими дореволюционными или советскими исследователями. Не только разделы по средневековой России в общих курсах, но и специальные работы зачастую пишутся на основании одной лишь опубликованной литературы [116]. Это обстоятельство неоднократно отмечалось советскими рецензентами и зарубежной буржуазной критикой. Отсутствие самостоятельного исследования источников признают в некоторых случаях и сами авторы работ.

В советских исторических журналах неоднократно публиковались обзоры с разоблачением фальсификации истории нашей Родины в зарубежных работах, в том числе в работах, вышедших в США. Так, в последние годы были опубликованы рецензии на книгу Г. Кона, на второе издание «Иллюстрированной истории России» под редакцией И. С. Мартина (Нью-Йорк. 1956), на курс русской истории С. С. Хэркэйва (Филадельфия. 1956), на сборник «Феодализм в истории» под редакцией Р. Коулборна (Принстон. 1956), на обзор советской историографии, написанный группой американских и эмигрантских авторов («Переписывание русской истории. Советская интерпретация прошлого России».

---

[114] См. B. Wolfe. Operation Rewrite. Agony of Soviet Historians. «Foreign Affairs». Vol. 31, № 1, 1952; «Rewriting Russian History»; A. G. Mazour. Modern Russian Historiography; A. Vucinich. The Soviet Theory of Social Development in the Early Middle Ages. «Speculum». Vol. XXVI, № 2, 1951 etc.

[115] Тенденциозность и ограниченность тематики исследований явились объектом критики даже в американских историографических обзорах. См. «American Recearch on Russia». Bloomington. 1959, p. 33.

[116] Источниковедение и археография являются наиболее слабым местом историографии США по средневековой России.

Нью-Йорк. 1957) и другие книги. Средневековая история России в азванных курсах изложена предельно кратко. Здесь не найти ссылок а источники и литературу. Проблемы феодализма как таковые не стаятся. Вообще ранняя история России используется лишь для объяснеия «мрачных» сторон советской действительности.

Бо́льшее внимание истории феодальной России уделил в первом томе воей книги «Россия. История и ее интерпретация» М. Т. Флоринский. Однако изложение русского средневековья в его книге не менее насыщено фальсификациями, чем в курсах Кона и Мартина. Все сколько-нибудь важные явления в экономике России, ее политическом строе и культуре автор объявляет результатом иноземных влияний [117].

В советских рецензиях уже подвергались критике ненаучные взгляды мериканских историков на образование древнерусского государства [118].

Крайне тенденциозно трактуются вопросы колонизации и расширения этнической и государственной территории русского народа в специальных работах Г. Ланцева, Х. Лэмба, В. Чеботарева-Билла и др.[119]. Связанной с политикой «холодной войны» задаче показа мнимой противоположности западноевропейского абсолютизма «азиатскому деспотизму» России подчиняют свои исторические сочинения К. Витфогель, А. Чернявский, Т. Козлов [120]. В плане выяснения влияния Византии и стран Запада занимается исследованием религии и церковной архитектуры С. Кросс [121]. Выражение византийских начал в культурном и религиозном развитии Руси, а также агрессивных устремлений в русской идеологии XV—XVI вв. ищут В. Медлин, К. Туманов и др [122]. Из антитезы правового развития России и западноевропейских стран исходит Д. Хаммер, занижающий уровень развития русской средневековой юрисдикции [123]. Тезис о византийской основе права средневековой Руси проводят в своих работах Г. Вернадский, Дж. Хазард и др [124].

Предметом особо грубых и злобных фальсификаций со стороны реакционных американских авторов служит история внешней политики России в период средневековья.

Истинные цели обращения к этой теме обычно становятся ясны уже з заглавия работ. О. Халецкий в пропагандистской статье «Империализм в славянской и восточноевропейской истории», рассматривая результаты имевшей место на страницах прессы дискуссии об «экспансии России», критикует Д. Ачесона, представителей украинской и прибалтийской эмиграции, с одной стороны, и русских историков-эмигрантов — с другой, за то, что обмен мнениями диктовался больше политическими

---

[117] M. T. Florinsky. Russia. A History and Interpretation. Vol. I. New York. 953. См. рецензию И. Минца, Л. Черепнина и Е. Дружининой на книгу М. Т. Флоринского в журнале «Коммунист», 1954, № 11, стр. 121—128.

[118] См. И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. «История СССР», 1960, № 1, стр. 223—226; В. П. Шушарин. О сущности и формах современного норманизма. «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 65—93.

[119] H. Lamb. The March of Moscovy. Ivan the Terrible and the Growth of Russian Empire, 1400—1448. New York. 1948; G. Lanzeff. Russian Eastward Expansion efore the Mongol Invasion. «The American Slavic and East European Review». Vol. VI, № 18—19, 1947, pp. 1—10; V. Tschebotarioff-Bill. The Circular Frontier of Muscovy. «The Russion Review», 1950, vol. 9, № 1, pp. 45—52.

[120] K. H. Wittfogel. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven. 1957; M. Cherniavsky. Khan or Basilens: an Aspect of Russian Mediaeval Political Theory. «Journal of the History of Ideas». Lancaster. 1959, vol. XX, № 4, p. 459—476; T. Koslow. The Kremlin Eight Centuries of Tyrany and Terror. New York. 1958.

[121] S. H. Cross. Mediaeval Russian Churches. New York. 1949.

[122] W. K. Medlin. Moscow and East Rome. Geneva. 1952; C. Toumanoff. Moscow the Third Rome. «The Catholic Historical Review». Vol. XL, № 4. 1955.

[123] D. P. Hammer. Russia and the Roman Law. «The American Slavic and East European Review». Vol. XVI, № 1, 1957, pp. 1—13.

[124] G. Vernadsky. The Mediaeval Russian Laws. New York. 1947; J. Hazard. The Laws and Traditions of New Russia. «Oxford Slavonic Papers». Vol. IV. 1953.

интересами, нежели научными. Перенос спора в журналы академического характера, по мнению Халецкого, должен способствовать большим результатам [125]. Но что касается статьи самого Халецкого, то публикация в журнале не сделала ее отличной от заурядных газетных фальшивок. На первой же странице автор возвещает о существовании в Восточной Европе «громадной империи», беспрецедентной по той угрозе, которую она несет миру. Халецкий полагает, что своей статьей он помогает выяснить «самое существо этой опасности» и тем самым предотвратить ее [126]. Он намекает читателю, что в его статье можно найти указания на «гарантии», способные избавить от повторения «ошибок, которые были сделаны в течение 1941—1945 годов» [127].

На самом деле в предвоенные и военные годы западные державы проводили политику, приведшую к трагическим последствиям. В период «мюнхенского» кризиса верный ленинским принципам миролюбивой внешней политики Советский Союз выступил с предложением провести англо-франко-советские переговоры по поводу мер для пресечения гитлеровской агрессии. Однако, лелея надежду направить фашистскую агрессию против СССР, правящие круги Франции и Англии отказались от переговоров, развязав тем самым руки фашизму [128]. Затягиванию войны, умножению числа жертв, увеличению страданий порабощенных гитлеризмом народов способствовала преднамеренная задержка в открытии второго фронта в Европе. Но это ли имеет в виду Халецкий, взявшийся поучать политиков? Конечно, нет! «Ошибки» западных держав заключались, по его мнению, в том, что ими были допущена победа Советского Союза в мировой войне и создание строя народной демократии в освобожденных от фашистского ига государствах, усиление социалистического лагеря. Воссоединение этнических польских земель в сильной и независимой Польской Народной Республике — это тоже «ошибка» с точки зрения изменника родины. Халецкому хотелось бы видеть Польшу, а также другие славянские и неславянские государства Европы связанными с Западом. Показу этой якобы исконно существовавшей, а ныне насильственно расторгнутой общности славянских и неславянских народов Восточной Европы с «Западом», хотя географически, по выражению Халецкого, они кажутся столь удаленными, и уделяется главное внимание в статье.

Халецкий прибегает к прямой фальсификации событий. Так, вопреки общеизвестным фактам он отрицает интервенцию феодалов Речи Посполитой в Россию в начале XVII века. Причиной вторжения войск польских феодалов на русскую территорию, если верить автору, оказывается, явилось приглашение шведских отрядов под руководством Делагарди царем Василием Шуйским, что было воспринято правительством короля Сигизмунда как враждебный акт [129]. Спрашивается, как же, если не в качестве интервенции, можно оценить авантюры обоих Лжедмитриев, начатые по инициативе и на средства магнатов Речи Посполитой с ведома польского короля?! Против кого, как не против интервентов, бесчинствовавших в захваченной русской столице, было направлено московское восстание в мае 1606 г.?! Вторжение войск Лжедмитрия на русскую территорию, как это, конечно, хорошо известно Халецкому, произошло в октябре 1604 г., а приглашение наемных шведских отрядов относится к началу 1609-го. Вскоре после своего прибытия шведские войска стали действовать, как оккупанты. Халецкий даже не пытается подкрепить доказательствами свои утверждения, ибо факты говорят против него.

[125] O. Halecky. Imperialism in Slavic and East European History. «The American Slavic and East European Review». 1952, vol. XI, pp. 2—3.

[126] Там же, стр. 1.

[127] Там же, стр. 25—26.

[128] См. сборник «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М. 1960, стр. 205—206.

[129] Там же, стр. 13.

Столь же нелепой и грубой является попытка Халецкого представить третий поход Антанты как «агрессию Красной Армии» против Польши, а интервенцию белополяков — как карательную меру [130]. Немногие из зарубежных авторов решатся на подобную фальсификацию.

Статья Халецкого — образец беззастенчивого подчинения науки целям империалистической политики. Стремясь укрепить расшатывающиеся позиции капитализма, реакционные идеологи хватаются за историю как за средство, при помощи которого они пытаются запугать народы «коммунистической угрозой», «советским империализмом». О. Халецкий, отстаивающий в своей статье тезис о более чем 600-летней традиции русской экспансии и империализма, стал прямым пособником самых реакционных и агрессивных сил империалистического мира, ищущих в истории оправдания политики «холодной войны».

Грубые приемы фальсификации в статье этого автора подверглись критике даже со стороны американских буржуазных историков. Оппонентами Халецкого выступили Н. В. Рязановский и О. П. Бакус [131]. Рязановский справедливо указывает Халецкому на то, что колониализм русского царизма имеет одинаковую природу с колониализмом других империй: Англии, Франции, Бельгии, Испании, Португалии и т. д. Рязановский выявляет односторонность в подборе Халецким исторических свидетельств и приводит много фактов агрессии по отношению к России со стороны феодальной Польши и других государств.

Бакус по своим методологическим принципам принадлежит к буржуазному лагерю в исторической науке. Однако серьезное отношение к историческим источникам позволяет ему в ряде случаев достигнуть позитивных результатов. Так, вопрос об образовании централизованного государства он правильно ставит в связь с вопросом о формировании нации. Бакус критикует Халецкого как за теоретическую постановку проблемы (отсутствие четкого определения терминов «империализм» и «нация»), так и за конкретную аргументацию. В применении к Московской Руси, считает Бакус, нельзя писать об империализме, поскольку составившие ее земли были населены представителями одной и той же этнической и культурной группы. Что касается украинцев и белорусов, то ответ на вопрос о наличии или отсутствии «империализма» по отношению к ним со стороны Москвы, по мнению Бакуса,— и это мнение нельзя не признать справедливым — следует искать в характере взаимоотношений данных народов с Россией. Надо выяснить, стремились ли украинцы и белорусы в борьбе за свое освобождение опереться на поддержку Москвы или были насильственно отторгнуты ею [132]. Разбор русской и польской литературы приводит Бакуса к выводу, что взгляды Халецкого находятся в зависимости от тенденциозной польской историографии. Бакус критикует Халецкого за преуменьшение религиозного гнета на украинских и белорусских землях, входивших в состав Польско-Литовского государства, за путаницу в вопросе об этнической принадлежности западнорусских территорий, отошедших к России, за неправильную оценку военных методов воссоединения отдельных земель русской народности в едином государстве и т. д. [133]. В статье Бакуса в некоторой степени намечается подход к проблеме образования Русского централизованного государства с точки зрения интересов разных классов. Так, он отмечает, что в Новгороде только бояре были за союз с Литвой, масса же населения выступала против него. Он обращает внимание на разли-

---

[130] Там же, стр. 22—23.

[131] N. V. Rjasanovsky. Old Russia, the Soviet Union and Eastern Europe. «The American Slavic and East European Review». 1953, vol. XI, № 3, pp. 171—188; O. P. Backus. Was Muscovite Russia Imperialistic? «The American Slavic and East European Review». 1954, vol. XIII, № 4, pp. 522—534.

[132] O. P. Backus. Was Muscovite Russia Imperialistic? pp. 525—526, 533.

[133] Там же, стр. 531—532.

чие политической ориентации различных слоев городского населения, выявившееся во время восстания 1401 г. в Смоленске [134].

Лучшим опровержением фальсификаторских измышлений Халецкого служит исследование Бакуса «Причины перехода западнорусской знати от Литвы к Москве», доказывающее добровольный характер присоединения к Русскому централизованному государству ряда западных русских княжеств, входивших в состав Литовского Великого княжества. На конкретном материале источников Бакусу удалось показать усиление национального и религиозного гнета со стороны польско-литовских магнатов в отношении русского населения [135].

В том же духе, как и Халецкий, сочиняет фальшивки другой польский эмигрант — В. Бажковский, опубликовавший в 1958 г. статью «Русский колониализм: царская и советская империи». Бажковский представляет историю России со времени освобождения от татаро-монгольского ига в 1480 г. и до 1914 г. как историю постоянной экспансии, военных завоеваний, мирной аннексии, колонизации незаселенных мест [136]. Этот автор пишет об агрессии России только по отношению к нерусским народам. Зато в данной области он, можно сказать, превзошел всех фальсификаторов, выступавших до него в печати. В захвате чужих территорий, сгоне местного населения с обжитых мест, в экономической эксплуатации, национально-религиозном гнете, насильственной русификации, жестоком подавлении попыток сопротивления, преднамеренном истреблении покоренных народов — во всех самых ужасных формах колониализма он обвиняет... Россию [137]. В статье Бажковского нет и намека на объективный анализ обстановки, в которой происходило присоединение нерусских народов к России. Он не упоминает, что многие народы Приуралья, Кавказа, Сибири, Средней Азии добровольно переходили в русское подданство, находясь перед угрозой порабощения со стороны соседних агрессивных государств.

Беззастенчивая фальсификация прошлого России реакционными историками вызывает протест отдельных буржуазных исследователей. Выше говорилось о статьях Рязановского и Бакуса, направленных против проникнутой злобой к СССР и коммунизму работы Халецкого. Против фальсификаторского опуса Джексона «Семь походов на Россию» выступил американский историк М. Раев [138]. Он написал рецензию на эту изобилующую фактическими ошибками и поверхностными общими заключениями книгу. Раев ставит вопрос о том, зачем нужна данная книга, источниковедческая база которой страдает узостью и односторонностью (Джексон использовал только западноевропейские источники). «До каких же пор,— пишет Раев,— будет испытываться наше терпение, и когда авторы станут обращаться с фактами русской истории с той же степенью уважения и знания, с какой это требуется в любом обсуждении западных событий?» [139].

★

Анализ историографии США, изучающей Россию эпохи средних веков, выявляет характерную для современной буржуазной исторической науки картину кризиса. Независимо от того, к каким направлениям в историографии принадлежат авторы американских работ по русскому средневековью, всех их объединяет идеалистический, субъективистский

---

[134] Там же, стр. 533.

[135] O. P. Backus. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514. Lawrence. 1958.

[136] W. Baczkowskiy. Russian colonialism: the Tharist and Soviet Empires. «The Idea of Colonialism». New York. 1958, p. 71.

[137] Там же, стр. 81—85 и др.

[138] W. S. Jakson. Seven Roads to Moscow. New York. 1958

[139] «The Russian Review». Vol. 18, № 4, October 1959, pp. 348—349.

подход к объяснению исторического процесса, отрицание объективной закономерности и единства мировой истории. Методологическая несостоятельность американских историков, занимающихся русским средневековьем, проявляется, с одной стороны, в построении исторических концепций на основе эклектической теории «факторов», с другой,— в отказе ряда авторов от постановки теоретических вопросов, в сознательном стремлении к фактологизму.

Кризисные явления, топтание на месте в области методологии и философии истории вынуждены признать даже представители официальной науки США. В 1943 г. Карпович, характеризуя современную ему зарубежную буржуазную историографию по России, отмечал, что до сих пор она исходит из синтеза русского исторического процесса, предложенного Ключевским, хотя он во многом устарел и не может удовлетворить требованиям науки на данном этапе [140].

Полтора десятка лет спустя специальная комиссия при Объединенном комитете по славянским исследованиям, подводя итоги изучения России в США в послевоенный период, вновь подтвердила неблагополучие в области теоретического обобщения. В отчете комиссии одной из настоятельных задач будущего называется задача «дополнить возрастающее количество монографических исследований... общей интерпретацией царской и советской России» [141]. Отставание американских специалистов по России в разработке теоретических проблем констатируется также в книге «Американские исследования по России», изданной по предложению той же комиссии [142].

Руководители центральных исторических учреждений США надеются повысить теоретический уровень американской историографии по России с помощью новых исследовательских программ, но в них история народа по-прежнему подменяется биографиями царей и таких политиков, как Столыпин, Плеве, Сазонов и т. п., деятельностью реакционных организаций вроде «Союза русского народа», партий октябристов и кадетов. Внешней политике и государственному строю по-прежнему отводится центральное место, а социально-экономическая история представляется лишь частными темами. Изучение тенденциозного вопроса об особом пути исторического развития России предлагается и на будущее в качестве ведущей темы [143].

Таким образом, и результаты пройденного за послевоенный период пути и намечаемые проекты предстоящих исследований свидетельствуют об органической неспособности буржуазной историографии США к созданию синтеза исторического процесса.

---

[140] M. Karpovich. Klyuchevski and Recent Trends in Russian Historiography. «Slavonic and East European Review». Vol. XXI, p. 1, № 56 (American Series, II), 1943, pp. 31—39.

[141] An Appraisal of Russian Studies in the United States, p. 428.

[142] «American Research on Russia», pp. 31—33.

[143] Там же, стр. 28, 32.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ ПАРИЖА И КОММУНА 1871 года

Г. П. Морозов

Задача всестороннего и глубокого исследования Парижской коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата требует конкретного выяснения роли, места и значения профессиональных организаций рабочих французской столицы в деятельности рабочего правительства, находившегося у власти с марта по май 1871 года. Степень профессиональной организованности пролетариата Парижа, политическая ориентация синдикальных палат и их отношение к революции 18 марта 1871 г., формы участия рабочих союзов в многогранной деятельности Коммуны, их вклад в дело героической защиты пролетарской власти от версальской контрреволюции — вот далеко не полный перечень вопросов, возникающих перед исследователем. Марксистская разработка этих вопросов имеет серьезное значение для разоблачения фальсификаций буржуазной историографии Парижской коммуны, а также антимарксистских концепций историков анархо-синдикалистского направления, игнорирующих опыт I Интернационала и коммунаров в области профсоюзного строительства.

Замалчивание буржуазной исторической литературой деятельности рабочих союзов в дни Коммуны стоит в прямой связи с отрицанием буржуазными идеологами пролетарского характера революции 18 марта 1871 года. Это в равной мере относится как к реакционным буржуазным историкам, писавшим под непосредственным впечатлением событий 1871 г.[1], так и к представителям современной буржуазной историографии[2]. Буржуазные историки[3], игнорируя все мероприятия Коммуны, свидетельствующие о социалистической направленности политики рабочего правительства, не желают понять и оценить факты, связанные с активностью синдикальных палат. Представляя коммунаров носителями идей децентрализации государственной, экономической и общественной структуры Франции, Ш. Рис, например, без всякого основания отнес профсоюзы Парижа к категории «посреднических групп», будто бы стоявших между правительствами Коммуны и Версаля[4]. Ж. Буржен, считая Коммуну обычной демократической республикой, якобы весьма далекой

---

[1] Ch. A. Dauban. Le fond de la société sous la Commune. Paris. 1873; J. Claretie. Histoire de la Révolution de 1870—1871. Vol. I—V. Paris. 1875—1876; Maxim Du Camp. Les convulsions de Paris. Vol. I—IV. Paris. 1878—1879.

[2] G. Larons. Histoire de la Commune de 1871. Paris. 1928; Ed Sagendorh Mason. The Paris Commune an Episod of the History of the Socialist Mouvement. New York. 1930; B. Laurent. La Commune de 1871. Les Postes, les Ballons, le Télégraphe. Paris. 1934; E. Labrousse. Le mouvement ouvrier et les théories sociales en France au XIX-e siècle. Paris. 1953; J. Droz, L. Genet et Vidaleng. L'Epoque contemporaine. T. I. Paris. 1953.

[3] L. Genet. L'Epoque contemporaine (1848—1939). Paris. 1947 (см. о нем: Jean Suret-Canale. La Commune de Paris falcifiée. «La Nouvelle Critique», 26 Mai 1951, p. 50—58); H. Hauser, J. Maurain, P. Benaerts, F. L'Huillier. Du libéralisme à l'impérialisme (1860—1878). «Histoire générale». T. XVII. Paris. 1952.

[4] Charl Rihs. La Commune de Paris. Sa structure et ses doctrine. Genève. 1955, p. 193—194.

от социалистических идеалов, хотя и приводит некоторые факты об активности рабочих союзов в период марта — мая 1871 г., но не дает им правильного толкования [5].

Находясь во власти прудоновского культа стихийности и сообразуя свои концепции с антимарксистской теорией «нейтральности», «независимости» профсоюзов, историки анархо-синдикалистского направления [6] игнорируют закономерный характер революции 18 марта 1871 г., венчающей собой определенный период борьбы французского пролетариата против капиталистической эксплуатации, не анализируют роль рабочих союзов, выступавших совместно с коммунарами во всей их многогранной деятельности. Отрицая участие парижского пролетариата в борьбе за социальное и национальное освобождение в период Коммуны, Д. Галеви, например, утверждает, что синдикаты стояли якобы в стороне от Коммуны, не были к ней причастны, и репрессии, связанные с разгромом Коммуны, были направлены только против политической организации рабочих Парижа [7]. В полном противоречии с фактами Л. Левен выдвинул тезис о том, что во французской столице все профессиональные организации рабочих были сметены франко-прусской войной, революцией 4 сентября 1870 г. и особенно Коммуной [8]. Не проявив никакого интереса ни к исследованию правительственной деятельности Коммуны, ни к организациям трудящихся, на которые опиралось революционное правительство, Е. Казали клеветнически именует Коммуну «антидемократическим режимом» [9]. Вопреки истине историки анархо-синдикалистской ориентации проводят мысль о том, что Коммуна якобы прервала развитие профсоюзного движения, отбросила его назад.

Труды основоположников марксизма-ленинизма о Парижской коммуне, содержащие классическую характеристику первого в истории правительства рабочего класса, дают возможность правильно освещать фактический материал о деятельности профсоюзов в дни Коммуны, накапливаемый исторической наукой.

Советские историки в своих работах затрагивали вопросы профессионального движения в Париже в период Коммуны [10], но специально эту проблему не исследовали. Полезные обобщения и интересные факты, относящиеся к рассматриваемому вопросу, имеются также в марксистских трудах зарубежных авторов [11].

Важным источником для исследования являются «Протоколы заседаний Парижской коммуны» [12]. Не утратили своей ценности и ранее

---

[5] См. G. Bourgin. Les premières journées de la Commune. Paris. 1928; его же. La Guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris. 1938.

[6] N. Kritsky. L'Evolution du syndicalisme en France. Paris. 1908; D. Halevy. Essai sur le Mouvement ouvrier en France. Paris. 1901; L. Levine. Syndicalism in France. New York. 1914; E. Cazalis. Syndicalisme ouvrier et Evolution sociale. Paris. 1925; G. Moreau. Essai sur les théories et l'histoire du syndicalisme ouvrier. Paris. 1925: E. Dolleans. Histoire du Mouvement ouvrier. Vol. I—II. Paris. 1936—1939: см. также E. Dolleans et G. Dehove. Histoire du Travail en France. Tt. I—II. Paris. 1955; G. Lefranc. Histoire du Mouvement syndical français. Paris. 1937; R. Bothereau. Histoire du Syndicalisme français. Paris. 1945.

[7] D. Halevy. Указ. соч., стр. 25, 78, 207.

[8] L. Levine. Указ. соч., стр. 43—44.

[9] E. Cazalis. Указ. соч., стр. 25.

[10] Н. Лукин. История Парижской коммуны. Изд. 2-е. М. 1924; О. Вайнштейн. История Парижской коммуны. Л. 1932; А. Молок. Рабочие Парижа в дни Коммуны. «Вопросы истории». 1951, № 3; П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 года. Изд. 2-е. М. 1959.

[11] R. Garmy. Histoire du Mouvement syndical en France. T. I. Paris. 1933; У. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения. М. 1956; J. Bruhat et M. Piolot. Esquisse d'une Histoire de la C. G. T. Paris. 1958 (русский перевод: Ж. Брюа, М. Пиоло. Очерки истории Всеобщей конфедерации труда Франции. М. 1959).

[12] «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. 1. М. 1959.

осуществленные в СССР документальные издания, посвященные Коммуне [13]. Исключительную важность как источник представляет пресса Парижа, которая до сих пор еще недостаточно использована в марксистско-ленинской историографии [14].

Не ставя перед собой задачу исчерпывающего исследования проблемы, автор, используя доступный ему конкретно-исторический материал, останавливается на наиболее важных вопросах, связанных с определением роли, места и значения рабочих союзов Парижа в деятельности Коммуны как государства нового типа, выступившего против эксплуатации человека человеком.

★

50—60-е годы XIX в. являются новым этапом в развитии рабочего и профессионального движения во Франции. Из обществ взаимопомощи и обществ сопротивления, складывавшихся стихийно по цехам и профессиям, стали создаваться рабочие или синдикальные палаты. Промышленный подъем этих лет, концентрация пролетариата, стачечная борьба французских рабочих обусловили формирование и активную деятельность синдикальных палат, представлявших собой первые профессиональные организации. Одна за другой возникали рабочие палаты: «Общество солидарности рабочих-бронзовщиков» (1864), «Общество сопротивления парижских жестянщиков» (1865), синдикальная палата сапожников (1866), синдикальные палаты рабочих строительного дела и мебельного производства (1867), синдикальные палаты механиков и маляров (1868). В 1870 г. была создана синдикальная палата работниц-белошвеек [15]. Организаторами синдикальных палат выступали будущие коммунары: Варлен, Тейс, Авриаль, Асси, Франкель, Камелина.

Под влиянием Международного товарищества рабочих, ставшего руководящим центром экономической и политической борьбы пролетариев всех стран, рабочие союзы, защищая экономические интересы пролетариата, включались в политическую борьбу. Основоположники марксизма уделяли большое внимание французскому рабочему движению, направляли деятельность профсоюзов по революционному пути. Огромное политическое значение для рабочего и профессионального движения Франции имела борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против прудонистов — проводников буржуазного влияния на рабочий класс, тормозивших развитие рабочего профессионального движения во Франции. Прудон и его последователи выступали против диктатуры пролетариата, враждебно относились к идее обобществления средств производства, были противниками борьбы за законодательное ограничение рабочего дня и вовлечение женщин в производство, высказывались против поддержки национально-освободительных движений. Разоблачая прудонизм, К. Маркс и Ф. Энгельс боролись за оздоровление французского рабочего движения, за создание во Франции стойких секций Международного товарищества рабочих и широких профсоюзов, стоящих на позициях политической борьбы.

В начале декабря 1869 г. по инициативе союза рабочих-бронзовщиков была учреждена Федеральная палата рабочих обществ Парижа, провозгласившая своей конечной целью «полное освобождение трудя-

---

[13] «Парижская коммуна в документах и материалах». Л. 1925; «Первый Интернационал в дни Коммуны». М. 1941; «Письма деятелей Первого Интернационала в дни Коммуны». М. 1933, и др.

[14] Подробно о прессе Коммуны см. С. М. Маневич, М. Н. Алексеева, Е. М. Тепер. Коллекция изданий Парижской коммуны в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина («Труды» Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Т. I (IV), 1957, стр. 199—237).

[15] R. Garmy. Указ. соч., стр. 96, 160.

щихся путем создания нового социального порядка, при котором будет уничтожена система наемного труда»[16]. Она была тесно связана с Интернационалом. Профессиональные организации парижских рабочих присоединились к международной политической организации рабочего класса.

Активное участие трудящихся масс Парижа в революции 4 сентября 1870 г., приведшей к падению правительства Наполеона III, патриотическая борьба с прусскими оккупантами, восстания 30 октября 1870 г. и 31 января 1871 г. способствовали оживлению профессионального движения во Франции и особенно в ее столице. В марте 1871 г. группой парижских рабочих портняжного производства (Эвет, Вайян и др.) была основана профсоюзная газета «L'Ouvrier de l'Avenir», выдвинувшая требование полной свободы деятельности профессиональных организаций и взявшая на себя роль политического и социального органа синдикатов и рабочих обществ.

18 марта 1871 г. в результате народного восстания, гегемоном которого был пролетариат, власть в Париже перешла в руки рабочих и других трудящихся слоев населения. Во Франции была провозглашена славная Парижская Коммуна, явившаяся первой попыткой рабочего класса, трудящихся установить свою власть, утвердить диктатуру пролетариата»[17].

С первых же дней Федеральная палата рабочих обществ стала на сторону революционного правительства. Она поставила свою подпись рядом с подписью Федерального совета парижских секций Интернационала на прокламации, призывавшей народные массы голосовать за избрание Коммуны[18]. Профессиональные организации приняли активное участие в кампании по выборам в Коммуну. Они были представлены в избирательных комиссиях. Рабочие Парижа впервые продемонстрировали блестящий образец активного использования избирательного права: наибольшая явка на выборах 26 марта имела место именно в округах с рабочим населением[19]. Избранные в Коммуну рабочие — механики и литейщики, переплетчики и столяры, сапожники и шляпники — являлись активными деятелями парижских секций Интернационала, Федеральной палаты рабочих обществ и отдельных синдикальных палат. Они проявили себя как преданные, способные и энергичные руководители на тех участках работы, которые им были доверены. Сотни рабочих-активистов были выдвинуты в отдельные органы Коммуны и привлечены к управлению производством.

На второй день после революции газета «L'Ouvrier de l'Avenir» приветствовала братание солдат с народом и от имени рабочих заявляла: «Мы желаем, чтобы был положен конец подлой эксплуатации трудящихся капиталистами». В газете отмечалось, что крайне важно сохранить оружие в руках рабочих. Буржуазии «хотелось бы разоружить рабочих, но рабочие ни в коем случае не должны выпустить оружие из своих рук»[20]. Профсоюзные активисты уловили связь между политикой контрреволюционного правительства Тьера и поведением предпринимателей Парижа, которые намеревались отказать в работе всем гражданам, сохранявшим оружие с целью защиты революции. В своем коллективном протесте, озаглавленном «Разоружение голодом», члены синдикальной палаты закройщиков обуви подчеркнули, что «учрежде-

---

[16] См. Ж. Брюа, М. Пиоло. Указ. соч., стр. 25.

[17] Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года. М. 1957, стр. 15.

[18] «Les Murailles politiques françaises». T. II. Paris. 1874, pp 52—53. См. также «Парижская коммуна в документах и материалах», стр. 161—162.

[19] «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 24.

[20] «L'Ouvrier de l'Avenir», 19 марта 1871 года.

ние национальной гвардии есть и должно остаться самой надежной гарантией их (трудящихся. — *Г. М.*) прав и свобод»[21]. Передовые рабочие понимали важность вооружения пролетариата для защиты классовых интересов, и несколько позже синдикальные палаты полностью одобрили декрет рабочего правительства о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа. Рабочие союзы были солидарны с постановлением Коммуны о том, что военная контрибуция, наложенная Германией на Францию, будет уплачена виновниками войны, а не трудящимися массами[22]. Восторженно встретили народные массы Франции изданный Коммуной декрет о низвержении Вандомской колонны, являвшейся символом милитаризма и шовинизма.

В небывалой для Франции обстановке демократических свобод широкое стремление рабочих к сплочению и организации своих сил проявилось в восстановлении и росте старых союзов и создании новых. Во второй половине марта в Париже насчитывалось 34 синдикальные палаты, 45 производственных ассоциаций, 7 потребительских обществ и 4 кооперативных ресторана[23]. В районах расположения предприятий и мастерских возникали инициативные комиссии и группы по созданию рабочих союзов. Учреждение новых синдикатов сопровождалось разъяснительной работой о преимуществах трудящихся, объединенных в союзы, об организации труда и уничтожении эксплуатации. В объявлении о собрании парижских консьержей, например, говорилось о праве членов союза на получение врачебной помощи, бесплатного лекарства, места в доме для нетрудоспособных рабочих, достигших 65-летнего возраста, и т. д. Характерно, что все рабочие, независимо от профессии, настойчиво приглашались присутствовать на организационных собраниях[24]. Признание равноправия мужчин и женщин как незыблемого принципа демократического общества прокладывало дорогу во многие рабочие союзы. Этот принцип был уже закреплен в уставе общества переплетчиков Парижа[25]. Женщины-работницы свободно могли участвовать в работе палаты рабочих портняжного производства и организуемых ею собраниях[26].

Вопреки протестам прудонистов была предпринята удачная попытка активизировать профессиональное движение среди женщин-работниц, которых насчитывалось тогда в городе более 60 тысяч. Комиссия труда и обмена Коммуны поручила ЦК союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым организацию женского труда и создание синдикальных палат объединенных работниц[27]. Натали Лемель — работница-социалистка, активный деятель союза переплетчиков, Бланш Лефевр — прачка, делегат Коммуны при клубе Сен-Мишель, работницы Алина Жакье, Коллен, Жалли, учительница Лелу, русская революционерка, деятельница Интернационала Елизавета Дмитриева (Е. П. Тумановская) приняли активное участие в профессиональной организации работниц Парижа[28]. Комиссия труда и обмена Коммуны действовала в этом вопросе в контакте с рядом синдикальных палат, по инициативе которых были учреждены мастерские для безработных женщин, сформированы женские батальоны и группы санитарок, обслуживавшие в конце мая все без исключения санитарные пункты Парижа. Для облегчения положения трудящихся женщин и вовлечения

---

[21] «Le Cri du Peuple», 22 марта 1871 года.
[22] «L'Ouvrier de l'Avenir», 19 марта 1871 года.
[23] Там же.
[24] «Le Salut Public», 22 мая 1871 года.
[25] P. Louis. Histoire du mouvement syndical en France. T. I. Paris. 1947, p. 107.
[26] «L'Ouvrier de l'Avenir», 19 марта 1871 года.
[27] П. Керженцев. Указ. соч., стр. 388.
[28] B. Mallon. La troisième defaite. Neuchatel. 1871, pp. 274—275; см. также Hélène Parmelin. Les femmes et la Commune. «L'Europe». 1951, № 64—65, p. 140—141.

их в общественную жизнь Коммуна разработала план открытия яслей и детских садов.

Проект создания Федеральной палаты обществ работниц Парижа не был осуществлен, но выдвижение такого проекта свидетельствует о стремлении Коммуны всемерно вовлечь женщин-работниц в профессиональное движение и создать особые организационные центры. Трудящиеся женщины столицы понимали, что диктатура пролетариата несет им политическое и социальное равноправие [29].

В обстановке бурной политической жизни и развития широкой демократии не только рабочие, но и другие отряды трудящихся вступали в профдвижение. В апреле было проведено собрание работников парижских газет [30]. В мае имело место собрание приказчиков парижских булочных, обсуждавшее вопросы рабочего дня и заработной платы [31]. Тогда же были созваны собрания инвалидов с целью определения их вклада в дело защиты Коммуны, а также глухонемых — граждан Парижа и провинции для обсуждения их запросов [32]. Художники и работники театров создали свои профессиональные объединения — творческие союзы, являвшиеся не только средством объединения художников и артистов для борьбы против капиталистической эксплуатации, но и формой организации для поддержки рабочего правительства в его политике в области искусства [33].

К маю 1871 г. в столице насчитывалось не менее 50 синдикальных палат, из которых многие были созданы заново. Значительно выросло и количество кооперативных организаций. К середине мая почти все категории рабочих и работниц возродили или заново создали свои профсоюзы, которые примкнули к Федеральной палате рабочих обществ Парижа.

Многие новые уставы синдикальных палат, несмотря на некоторые положения, взятые из арсенала прудонизма, свидетельствовали о росте классового самосознания парижских рабочих. Так, в предисловии к проекту нового устава синдикальной палаты рабочих портняжного производства подчеркивался принцип широкого демократизма и интернационализма: каждый рабочий, независимо от того, выходцем из какой страны он является, мог быть членом палаты. Это было принципиально важным фактом, так как еще в первой половине марта в некоторых рабочих союзах (печатников, рабочих по изготовлению музыкальных инструментов и т. д.) под влиянием буржуазного национализма принимались решения о недопущении рабочих-немцев в корпорации и союзы. Проект устава предусматривал полное освобождение союза от былой конспирации, выборность всех профсоюзных органов, гласность и регулярность их действий. Провозглашалась также обязательность вступления союза в Федеральную палату рабочих обществ, которая «на основе солидарности должна объединять всех трудящихся» [34]. Все это наносило удар по корпоративной замкнутости рабочих союзов, способствовало укреплению чувства классовой солидарности.

В обстановке революционного подъема рабочего класса синдикальные палаты установили и расширили связи с массовыми политическими организациями трудящихся. Федеральная палата рабочих обществ была представлена в ЦК 20 округов Парижа (общественная республиканская организация), ЦК Национальной гвардии и в многочисленных пролетарских клубах столицы. Федеральная палата поддерживала тесный

[29] См. «Cahiers du Communisme». 1958, № 4, p. 628.
[30] «La Sociale», 2 апреля 1871 года.
[31] «Le Prolétaire», 19 мая 1871 года.
[32] «Le Paris Libre», 6 мая 1871 г.; «Le Cri du Peuple», 6 мая 1871 года.
[33] Ю. Данилин. Театральная жизнь в эпоху Парижской коммуны. М. 1936, стр. 132; см. также А. Гущин. Парижская коммуна и художники. М. 1934, стр.26—27.
[34] «L'Ouvrier de l'Avenir», 12 и 19 марта 1871 года.

контакт и с Федеральным советом парижских секций Интернационала. С целью обеспечения единства действий устав Совета, принятый в конце марта, предусматривал взаимное представительство Федеральной палаты и Федерального совета: три делегата Федеральной палаты входили в Федеральный совет и три делегата Федерального совета были представлены в палате [35]. Сотрудничество Федеральной палаты с секциями Интернационала способствовало усилению активности рабочих союзов, их росту и организационному укреплению.

Правительство Коммуны всемерно содействовало развитию профессионального движения. В конце апреля правительство приняло решение о передаче в руки синдикальных палат здания бывшего министерства общественных работ [36]. Здесь рабочие союзы могли собираться, налаживать функционирование профсоюзных органов и учреждений, а главное, вести работу, связанную с реализацией декретов Коммуны. Газета «La Révolution politique et sociale», являвшаяся фактически органом Федерального совета парижских секций Интернационала, высоко оценила этот акт пролетарской диктатуры. «Парижская коммуна...— писала газета,— поместила рабочие общества в здании министерства общественных работ, чтобы провозгласить перед лицом всего мира, что прошлое мертво и что в обществе, которое создается, рабочие союзы займут самое почетное место» [37].

Через посредство Комиссии труда и обмена, которую возглавлял один из организаторов парижского профдвижения, член Интернационала рабочий Лео Франкель, Коммуна установила постоянную связь с рабочими обществами столицы. Активность рабочих позволила этой комиссии создать особую Инициативную группу по всем вопросам труда и обмена. В нее вошел ряд представителей Интернационала и рабочих палат: Серрайе, Леви-Лазар, Анри Гулле, Лиспэ, Мине, Тольер и др. Инициативная группа была связана с комитетами 20 округов, рабочими корпорациями и Федеральной палатой [38]. Все это содействовало тесному контакту правительства Коммуны с рабочими массами и позволяло ему проводить в жизнь декреты, широко обсуждая их среди рабочих при их непосредственной помощи.

Активисты синдикальных палат совместно с членами Интернационала оказывали большую помощь Коммуне, особенно в осуществлении ею социально-экономических мероприятий, подсказанных революционным инстинктом рабочего класса, «гениальным чутьем проснувшихся масс» [39]. Профсоюзы вовлекали трудящихся в ту организационно-хозяйственную деятельность, которую вело рабочее государство.

20 апреля Коммуной был принят декрет о запрещении ночного труда в пекарнях [40]. Декрет улучшал положение сравнительно небольшой, но наиболее обездоленной категории рабочих Парижа. Этот акт приобрел принципиальное значение, положив начало законодательным мероприятиям по охране труда.

В повестке дня состоявшегося через неделю собрания рабочих-пекарей стоял вопрос о практической реализации принятого Коммуной

---

[35] «La Révolution politique et sociale», 3 апреля 1871 г.; см. также Н. Лукин. Указ. соч., стр. 250.

[36] «La Révolution politique et sociale», 31 апреля 1871 года. Совет Коммуны располагал точными данными о численности профсоюзных организаций столиц на основании особого списка, переданного ему Федеральной палатой рабочих обществ (см. «Enquête parlementaire sur l'Insurrection du 18 mars 1871». Paris. 1872, p. 534—535).

[37] «La Révolution politique et sociale», 31 апреля 1871 года.

[38] «Le Cri du Peuple», 7 апреля 1871 г.; см. также П. Керженцев. Указ. соч., стр. 300.

[39] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 109.

[40] «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 252, приложение.

декрета. Профсоюз рабочих-пекарей горячо одобрил декрет[41]. Хозяева пекарен стали на путь саботажа. 5 мая 3 тыс. рабочих-пекарей по инициативе своего союза провели демонстрацию на площади перед Ратушей, требуя строгого расследования и наказания лиц, посмевших «учинить насилие над членами общества при исполнении ими своих функций»[42]. Принятые правительством Коммуны меры оградили рабочий союз от нападок хозяев и послужили уроком для других предпринимателей столицы. Руководство синдикальной палаты пекарей обратилось с призывом «К рабочим-булочникам!», в котором приглашало трудящихся продемонстрировать признательность Коммуне за справедливое решение вопроса, связанного с организацией труда в пекарнях[43].

Опираясь на Инициативную группу, в которой были широко представлены рабочие союзы, Комиссия труда и обмена подготовила и провела ряд других важных декретов Коммуны, также встретивших горячее одобрение в рабочих массах. 27 апреля было издано постановление о запрещении штрафов и произвольных вычетов из заработной платы[44]. Декрет касался как рабочих общественных предприятий, так и рабочих частных производств. Все вычеты и удержания, которые были произведены хозяевами начиная с 18 марта, подлежали возврату трудящимся. Нарушение декрета влекло за собой судебное преследование. Таким образом, Коммуна уничтожила частную юрисдикцию — право владельцев предприятий иметь свой уголовный кодекс и наказывать рабочих[45], и тем самым создала более благоприятные условия для работы синдикальных палат и их активистов на местах. Серьезным облегчением для парижской бедноты были постановления об отсрочке платежей по всем долговым обязательствам на три года, о реквизиции пустовавших квартир бежавших буржуа и предоставлении этих квартир парижанам, покинувшим свои жилища, которые были расположены в местах, находившихся под обстрелом контрреволюционных войск, о бесплатном возвращении из ломбарда вещей стоимостью до 20 франков. Эти декреты были проведены Коммуной после консультации с рабочими союзами, от которых Коммуна получала необходимые сведения[46]. Рабочее правительство провело закон о повышении заработной платы низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих и вместе с тем снизило жалованье высокооплачиваемым служащим. Заработная плата устанавливалась с учетом квалификации по согласованию между синдикальными палатами и предпринимателями. Имелось в виду учредить контрольную комиссию для наблюдения за проведением в жизнь этого решения. Было издано распоряжение об установлении обязательного минимума заработной платы рабочих, выполнявших заказы Коммуны[47]. На важнейших предприятиях и железных дорогах была установлена система государственного контроля, в которой определенное место заняли и представители рабочих союзов. Примером могут служить уставы Луврских мастерских по ремонту и починке оружия, а также Национальной типографии, предусматривавшие выборность и ответственность всех руководящих работников[48]. На некоторых предприятиях возникли первые заводские комитеты, занимавшиеся регулированием рабочего времени и заработной платы[49].

После победы пролетарского восстания 18 марта 1871 г. многие пред-

---

[41] «La Commune», 27 апреля 1871 г.; «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 410.
[42] «La Commune», 13 мая 1871 года.
[43] «Journal Officiel», 19 мая 1871 года.
[44] «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 395, приложение.
[45] См. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. III (VIII), стр. 301—302.
[46] См. G. Bourgin. Histoire de la Commune. Paris. 1907, p. 121.
[47] «Journal Officiel», 14 мая 1871 года.
[48] Н. Лукин. Указ. соч., стр. 268—269.
[49] См. Aranyossi M. Frenkel Leo. Budapest. 1952, p. 42.

приниматели бежали из столицы, бросив свои фабрики и мастерские. Это создало серьезную проблему безработицы. Ухудшилось снабжение трудящихся предметами первой необходимости. 16 апреля Коммуна приняла декрет, по которому все предприятия, покинутые хозяевами, передавались в руки рабочих ассоциаций [50]. Синдикальным палатам было предложено создать специальную комиссию с целью: а) составить перечень покинутых мастерских с описанием их инвентаря; б) наметить практические меры к использованию этих мастерских при помощи кооперативных ассоциаций рабочих, занятых в мастерских, и составить устав этих ассоциаций; в) создать третейский суд, который после возвращения владельцев установит условия окончательной передачи мастерских рабочим ассоциациям и определит размер возмещения владельцам [51]. Правительство Коммуны, по существу, призвало рабочие организации взять на себя задачу восстановления производства на базе рабочих кооперативов. В той обстановке еще не было необходимых государственных органов, которые могли бы успешно заниматься хозяйством. Кроме того, подобное решение вопроса «соответствовало господствовавшему тогда среди французских социалистов пониманию путей и форм перехода к социализму» [52]. Названный В. И. Лениным «знаменитым» [53] декрет от 16 апреля являлся показателем социалистической тенденции рабочего правительства и вызвал большой подъем среди трудящихся Парижа, ставших на путь его практического осуществления.

Рабочие портняжного производства, будучи одним из хорошо организованных отрядов трудящихся, горячо одобрили декрет Коммуны и обратились с братским призывом ко всем синдикальным палатам избрать делегатов в Комиссию по обследованию брошенных хозяевами мастерских и организации в них труда на новых началах. «Никогда еще правительство,— писали секретари союза Дюпир и Вербек,— не давало для этого рабочему классу более благоприятных возможностей, и не воспользоваться этим означало бы предать дело освобождения труда» [54].

В движение за реализацию декрета включились рабочие-металлисты. Союз механиков и ассоциация литейщиков провели 23 апреля собрание с примечательной повесткой дня: «Социальное освобождение. Проект ассоциации. Защита Республики и Коммуны». В наказе членов союза механиков и металлистов делегатам в комиссию указывалось, что «борьба, которая ведется с таким мужеством и которую мы решили продолжать до полного истребления клерикалов и роялистов, ставит своей целью экономическое освобождение труда; этот результат может быть достигнут только через ассоциацию рабочих, которая должна превратить нас из наемных работников в членов производительного товарищества». Боевым призывом звучали слова из этого документа: «Положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства; организовать труд путем ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом» [55]. Наказ свидетельствовал о том, что рабочие правильно поняли социалистическую направленность мероприятий Коммуны и придавали им большое принципиальное значение.

Движение расширялось, в него включались все новые отряды рабочих. Столяры-краснодеревцы бурно обсуждали вопрос о практических

---

[50] В дальнейшем декрет предполагалось распространить на все крупные предприятия (см. «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 11).

[51] П. Керженцев. Указ. соч., стр. 300; см. также «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 190—191.

[52] См. «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 200, примечание.

[53] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 114.

[54] «Journal Officiel», 19 апреля 1871 года.

[55] «Journal Officiel», 24 апреля 1871 г.; «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 199, приложение; см. также «Парижская коммуна в документах и материалах», стр. 137; Н. Лукин. Указ. соч., стр. 267.

мерах в области организации труда, вытекавших из декрета 16 апреля [56]. В письме редактору газеты «La Sociale» президент союза краснодеревщев Андре отмечал, что изданный Коммуной декрет «поможет нанести сокрушительный удар по эксплуататорам, трусливо бежавшим из города» [57]. Рабочие предлагали создавать ассоциации в различных частях города с тем, чтобы они выделили специальные органы для взятия в свои руки брошенные предприятия. Они считали, что эти органы должны расторгать прежние договоры о найме помещений и заставлять хозяев уменьшать арендную плату за пользование ими. В заключение рабочие спрашивали: какими средствами будут располагать рабочие общества и производственные ассоциации? Какая помощь деньгами или рабочей силой будет предоставляться нуждающимся кооперативным товариществам? В соответствии с подобными пожеланиями Коммуна оказывала не только моральную и организационную поддержку производственным ассоциациям, но и предоставляла им из своего небольшого бюджета значительную материальную помощь. Так, например, с 20 марта по 30 апреля она выдала ассоциациям портных и сапожников 24 662 франка [58].

В конце апреля состоялось собрание членов союза ювелиров совместно с рабочими смежных ремесел, целью которого было «изыскать практические средства, чтобы выполнить свою долю декрета 16 апреля, относящегося к рабочим корпорациям». Союз ювелиров учредил комиссию по организации труда, вступившую в прямой контакт с членами Коммуны в целях ускорения реализации декрета, а также пропагандистскую комиссию, на которую была возложена работа по разъяснению принципов новой организации труда. С исключительной добросовестностью специальная группа ювелиров, выделенная их союзом, выполнила поручение правительства Коммуны об оценке коллекции сапфиров и жемчужин, найденной в сейфах министерства финансов. Созванное в конце апреля собрание рабочих-котельщиков обсуждало вопрос о социальной эмансипации трудящихся и проект производственной ассоциации. Рабочие-литейщики учредили кооперативное общество, которое немедленно избрало двух делегатов в Комиссию по обследованию и организации труда. 30 апреля все слесари столицы, независимо от степени квалификации и принадлежности к различным профессиональным объединениям, приглашались на собрание с целью выборов представителей в Федеральную палату рабочих обществ и учреждения производственного кооператива [59]. В Комиссию по обследованию и организации труда выделили своих представителей синдикаты плотников, гвоздарей, крючников и других групп рабочих [60]. По свидетельству газеты «Le Cri du Peuple», трудящиеся женщины—прачки, белошвейки, модистки и др.— также активно включились в борьбу за осуществление апрельского декрета Коммуны [61].

Газета «La Sociale» поместила 2 мая письмо на имя членов Коммуны группы активистов синдикальной палаты закройщиков обуви. В письме выражалась глубокая признательность рабочих Коммуне за декрет о передаче промышленных предприятий, брошенных бежавшими из Парижа хозяевами, в руки производственных ассоциаций рабочих. «Развертывшиеся события,— писали рабочие,— требуют не только моральной поддержки, но и активного содействия Коммуне со стороны трудящихся

---

[56] «La Commune», 25 апреля 1871 года.

[57] «La Sociale», 26 апреля 1871 года.

[58] «La Révolution politique et sociale», 23 апреля 1871 г.; G. Bourgin. Указ. соч., стр. 182.

[59] «Le Rappel», 22, 24 апреля 1871 г.; «Paris Libre», 27 апреля 1871 г.; «Journal Officiel», 27 апреля 1871 г.; «Le Mot d'Ordre», 29 апреля 1871 г.: «Le Cri du Peuple», 30 апреля, 3 мая 1871 года.

[60] «Le Cri du Peuple», 4 мая 1871 г.; «Le Reveil du Peuple», 15 мая 1871 года.

[61] «Le Cri du Peuple», 11 мая 1871 года.

с тем, чтобы обеспечить успех дела, за которое она борется». С чувством глубокого беспокойства за судьбу рабочего правительства авторы письма подчеркивали, что обстановка требует реального вклада всех пролетариев в дело борьбы с врагом [62].

Рабочие все в большей и большей степени проявляли интерес к деятельности Комиссии по обследованию и организации труда, которая в контакте с Инициативной группой выступала в качестве связующего звена между синдикальными палатами и правительством Коммуны. Рабочие контролировали деятельность посланных в комиссию делегатов. Так, на собрании синдикальной палаты механиков уже в конце апреля был заслушан отчет делегатов о выполнении ими полученного от союза наказа [63].

15 мая имело место общее собрание делегатов и делегаток рабочих палат, на котором было избрано исполнительное бюро Комиссии по обследованию и организации труда. В бюро вошли председатель союза механиков и металлистов Делаэ, Мартен, Фарон, Пети, Мине, представители синдикальных палат работниц Лемель и Жакье. Все члены бюро были социалистами, активистами парижских секций Интернационала [64]. 18 мая все представители рабочих обществ Парижа (синдикальных камер, обществ сопротивления, солидарности, взаимного кредита производственных кооперативов, потребительских обществ) приглашались принять участие во втором собрании Комиссии по обследованию и организации труда [65].

Несмотря на сложность обстановки, обусловленной непрекращавшимися атаками со стороны версальцев, вступивших в контакт с прусской военщиной, деятельность Коммуны и рабочих организаций в области налаживания производства не прекращалась. Декрет 16 апреля энергично проводился в жизнь. В Париже было создано свыше 50 производственных и распределительных кооперативов — ассоциаций, которые должны были работать согласованно, в тесной связи друг с другом. В дальнейшем предполагалось объединить созданные в 20 округах столицы кооперативы в один большой союз. А «такая организация,— отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс,— в последнем счете должна была вести к коммунизму, то есть к прямой противоположности учению Прудона» [66], предполагавшего создание общества мелких производителей, связанных между собой системой взаимного обмена услугами. Таким образом, в социально-экономических мероприятиях Коммуны, как и в создании государства нового типа, «революционный инстинкт рабочего класса прорывается в о п р е к и ошибочным теориям» [67]. Однако полной реализации декрета помешала кратковременность существования Коммуны. Известную роль сыграло и влияние прудонизма на французское рабочее движение.

Прудонистские традиции, не изжитые еще во многих синдикальных палатах, а особенно у руководителей Федеральной палаты рабочих обществ, тормозили развитие подлинно массового профсоюзного движения, замедляли создание производственных ассоциаций. Нередко в парижской прессе появлялись высказывания, враждебные интересам рабочих палат [68]. В проекте декларации, представленном Коммуне прудонистом Лефрансэ и др., имелся специальный пункт об организации совещаний из представителей от рабочих ассоциаций, директоров Французского банка и железнодорожных обществ для изыскания мер к возобновлению работ и обмена [69]. Видимо, по инициативе прудонистов и было проведено в конце

[62] «La Sociale», 2 мая 1871 года.
[63] «La Commune», 29 апреля 1871 года.
[64] См. А. М о л о к. Рабочие Парижа в дни Коммуны. «Вопросы истории», 1951, № 3, стр. 12.
[65] «Le Cri du Peuple», 14 мая 1871 года.
[66] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Избранные произведения. Т. I. М. 1952, стр. 441.
[67] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 8, стр. 181.
[68] См. «La Commune», 30 марта, 30 апреля 1871 года.
[69] «Протоколы заседаний Парижской коммуны». Т. I, стр. 45—46, приложение.

апреля общее собрание рабочих и хозяев кружевного производства столицы, о котором было сообщено в прессе [70]. Есть также основание предполагать, что в Париже существовали две палаты рабочих-слесарей, одна из которых (очевидно, очень малочисленная) была целиком под влиянием правоверных прудонистов типа Жосси [71]. Однако эти факты, говорящие о наличии прудонистских элементов в рабочих палатах, не могут заслонить главного: рабочие общества в целом беззаветно поддерживали Коммуну, являлись одной из основных сил, на которые она опиралась в своей многогранной деятельности.

Начавшиеся в последнюю неделю существования Коммуны баррикадные бои с ворвавшимися в город версальцами прервали мирную созидательную деятельность рабочих Парижа. Вклад рабочих союзов в героическую борьбу коммунаров с объединенными силами версальской контрреволюции и германских интервентов значителен. Он нашел свое выражение в трудовом героизме членов рабочих ассоциаций, занятых производством вооружения и обмундирования, в организации сбора средств в пользу раненых и семей погибших защитников Коммуны, в строительстве баррикад, наконец, в непосредственной вооруженной борьбе рабочих с врагами Коммуны.

19 апреля рабочие-литейщики созвали общее собрание с целью учреждения ассоциации по производству метательных снарядов и орудий, предназначенных для защиты Парижа [72]. Руководство ассоциации вступило непосредственно в контакт с артиллерийским ведомством Коммуны. Ассоциация получила правительственный заказ и в короткий срок наладила производство вооружения. В начале мая президент Административного совета ассоциации литейщиков через газету «La Sociale» обратился к рабочим с призывом усилить работу по изготовлению снарядов [73]. 8 мая секретарь этой ассоциации В. Лапюэль писал в той же газете: «Сегодня мы начинаем литье, и первый же снаряд, который выйдет из наших мастерских, понесет наш ответ противникам освобождения трудящихся» [74]. Устав Луврских мастерских по починке оружия, выработанный самими же рабочими-металлистами, содержал статьи, допускавшие в случае необходимости, диктуемой обстановкой, сверхурочные работы без всякой надбавки к заработной плате, а также статьи, устанавливавшие ночные дежурства без специальной оплаты ввиду «настоятельной необходимости беречь по возможности государственные средства» [75]. Опираясь на активность механиков и слесарей, Коммуна смогла быстро возобновить производство артиллерийских орудий в мастерских железной дороги Севера [76]. Показывая прекрасный пример самоотверженного труда и выполнения общественного долга, ассоциация рабочих портняжного производства качественно и в сжатые сроки выполняла заказы Коммуны на изготовление обмундирования для национальных гвардейцев. Газета «La Sociale» отмечала трудовой героизм плотников, работавших на восстановительных работах [77]. В разгар битвы при Нейли молодые работницы собрались на площади Бастилии, чтобы просить рабочее правительство о направлении их на любую в интересах общего дела работу [78]. Все эти и многие другие факты говорят не только об исключительной преданности Коммуне рабочих и работниц Парижа, но и о зарождении нового, поддерживаемого синдикальными палатами отношения к труду, харак-

[70] «Paris Libre», 23 апреля 1871 года.
[71] «Le Cri du Peuple», 19 мая 1871 года.
[72] «Le Cri du Peuple», 19 апреля 1871 года.
[73] «La Sociale», 2 мая 1871 года.
[74] См. А. Молок. Боевые традиции парижских рабочих. М. 1951, стр. 36.
[75] «Journal Officiel», 29 апреля 1871 г.; см. также Н. Лукин. Указ. соч., стр. 269—270.
[76] «Le Cri du Peuple», 18 апреля 1871 года.
[77] «La Sociale», 3 апреля 1871 года.
[78] «Le Cri du Peuple», 20 апреля 1871 года.

терного для общества, ставящего своей целью уничтожение эксплуатации человека человеком.

Синдикальные палаты приняли активное участие в кампании по сбору средств в фонд помощи раненым и их семьям. Рабочие портняжного производства — члены союза Эвет, Годфрейн, Гроссар передали в этот фонд 1 942 франка. Значительные пожертвования были сделаны также рабочими оружейных мастерских Лувра и патронного завода. Рабочие и работницы табачной мануфактуры Париж-Ройлли решили внести в фонд жертв «народной и социальной войны» заработную плату за последнюю декаду апреля. 3 мая делегация рабочих и работниц этой мануфактуры передала комитету общественного спасения 683 франка, собранных по подписке [79].

Когда над Парижем нависла угроза вторжения версальцев, рабочие столицы приняли активное участие в сооружении баррикад, а в трагическую майскую неделю с оружием в руках защищали революционную власть. Тысячи рабочих и сотни профактивистов сражались в рядах национальной гвардии. Героически бился с врагами и погиб на баррикадах в Нейли член синдикальной палаты шляпников Альфред Галлан. Доблестно выполнив боевое задание, пал от пули врага машинист Сушар. Газета «La Sociale» в конце апреля сообщила о героизме, проявленном при защите Коммуны рабочими-гвардейцами Никола Шатлэном (сапожник), Луи Даниэлем (каменотес), Луи Гено (столяр), Марсэ (кузнец), Юттом (чернорабочий) [80].

Самоотверженно вели себя женщины-работницы. Работая в госпиталях, в походных кухнях, на строительстве баррикад, они готовились к тому, чтобы защищать город вместе с мужьями и братьями. Еще в первой половине апреля семь работниц-профактивисток обратились с адресом на имя Исполнительной комиссии Коммуны. В нем говорилось, что в том случае, если «враг войдет в ворота города, необходимо биться насмерть в защиту нашего общего дела» [81]. 6 мая на стенах Парижа (а позже — в прессе) появился манифест Исполнительной комиссии ЦК союза женщин, энергично протестовавший против анонимной прокламации «Группы гражданок», апеллирующей к великодушию версальцев во имя мира во что бы то ни стало. Авторы манифеста клеймили позором провокационную вылазку классового врага и заявляли о безграничной преданности трудящихся женщин Коммуне. Заканчивался манифест лозунгами: «Да здравствует Всемирная социальная республика!», «Да здравствует труд!», «Да здравствует Коммуна!» [82].

Все попытки реакции оторвать рабочие общества от Коммуны, вовлечь их представителей в так называемую комиссию соглашения, действовавшую в пользу Версаля, не увенчались успехом. Состоявшая из капитулянтских элементов комиссия соглашения неоднократно обращалась через газеты к рабочим обществам с предложением прислать своих представителей для участия в ее работе [83]. 14 мая было опубликовано ее заявление, в котором провокационно утверждалось, что из 108 участников одного из собраний комиссии более 50 принадлежат к рабочим обществам, в то время как на самом документе стояла только одна подпись представителя рабочего общества — Жосси (президента одной из синдикальных палат слесарей) [84]. Уже на второй день в прессе Коммуны было напечатано письмо группы активистов союза слесарей, протестовав-

[79] «Le Cri du Peuple», 29 апреля, 12, 19 мая 1871 г.; «Journal Officiel», 3 мая 1871 года.

[80] «La Sociale», 28 апреля 1871 г.; «Paris Libre», 27 апреля 1871г.; «Le Cri du Peuple», 3 мая 1871 года.

[81] «Le Cri du Peuple», 10 апреля 1871 года.

[82] «Les Murailles politiques français». T. II, p. 440; см. также А. Молок. Рабочие Парижа в дни Коммуны. «Вопросы истории», 1951, № 3, стр. 9.

[83] «La Commune», 22 апреля 1871 года.

[84] «Le Reveil du Peuple», 14 мая 1871 года.

ших против капитулянтского заявления комиссии соглашения [85]. Собрание делегатов всех профессиональных организаций столицы в особом обращении категорически опровергло лживые утверждения реакции, будто 60 рабочих корпораций присоединились к комиссии соглашения. «Нет,— гневно заявляли делегаты,— не может быть никакого соглашения между нами, трудящимися, и роялистами Версаля... Мы победили, и наша победа принесет с собой освобождение наемного труда и независимость народов. Да здравствует Коммуна! Да здравствует Всемирная социальная республика!» [86].

Традиции борьбы за мир, против войны, традиции пролетарского интернационализма, присущие французскому рабочему классу, помогли I Интернационалу и рабочим союзам воспитать активных, преданных рабочему делу коммунаров. Таков Эжен Варлен — пламенный агитатор и руководитель парижских секций Международного товарищества рабочих, член первого в истории правительства пролетарской диктатуры, организатор союза переплетчиков, один из основателей парижского объединения рабочих союзов. Рано вставший на путь революционной борьбы Лео Франкель сыграл выдающуюся роль в организации парижских профессиональных обществ. Участник ряда конгрессов Интернационала, руководитель почтово-телеграфного ведомства Коммуны, Тейс играл видную роль в ряде рабочих обществ. Во главе монетного двора, печатавшего деньги и марки Коммуны, стоял рабочий-бронзовщик Камелина, который был одним из первых руководителей парижских секций Международного товарищества рабочих. Члены I Интернационала рабочий Дюваль, один из основателей союза литейщиков и затем его председатель, и рабочий-сапожник Жак Дюран, являвшийся организатором союза закройщиков обуви, пали жертвой версальского террора. Преданным коммунаром проявил себя автор международного пролетарского гимна «Интернационал» рабочий-поэт Эжен Потье — член I Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ. Эти и многие другие деятели Коммуны, рабочие по социальному положению, участники стачечного и профессионального движения принадлежали к различным политическим группам и течениям. Здесь были прудонисты и бланкисты, сторонники «большинства» и «меньшинства». Их теоретические заблуждения не могли не наложить определенного отпечатка и на их практическую деятельность, тем не менее они дороги сердцам трудящихся всего мира как мужественные борцы за дело рабочего класса.

★

Синдикальные палаты, а также другие рабочие общества и массовые организации трудящихся Парижа под воздействием секций I Интернационала сыграли серьезную роль в деятельности правительства рабочего класса.

Позиция руководства Федеральной палаты, находившегося под влиянием прудонистской идеологии, в целом ряде вопросов была умеренной, и его деятельность часто ограничивалась лишь участием в подготовке и изучении проектов различных социальных декретов. Низовые организации рабочих союзов проявляли, как мы видели, несравненно бо́льшую активность. Однако по всем принципиальным вопросам Федеральная палата была солидарна с Федеральным советом парижских секций Интернационала и правительством Коммуны. 20 мая в связи с расколом Совета Коммуны и выходом из него прудонистского «меньшинства», протестовавшего против действий бланкистско-якобинского «большинства» и осудившего создание Комитета общественного спа-

[85] «Le Cri du Peuple», 15 мая 1871 года.
[86] «Парижская коммуна в документах и материалах», стр. 160—161.

сения как органа, будто бы нарушавшего принцип демократии, было экстренно созвано совместное совещание Федеральной палаты и Федерального совета парижских секций Интернационала. На него были вызваны входившие в группу «меньшинства» коммунары, от которых потребовали объяснений по поводу этого раскольнического акта. Несмотря на то, что собрание солидаризировалось с линией поведения «меньшинства», членам этой группы было предложено, «оставаясь на страже интересов рабочего класса, приложить все свои усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для успешной борьбы против версальского правительства» [87]. Таким образом, при всей своей слабости и политической незрелости Федеральная палата рабочих обществ встала на защиту рабочего единства в критические для Коммуны дни.

Коммуна подняла французское профессиональное движение на новую, более высокую ступень. Революция 18 марта 1871 г. создала обстановку небывалых во Франции демократических свобод и развязала инициативу пролетариата столицы. Хотя синдикальные палаты и не успели еще стать в полной мере «организующими центрами рабочего класса» [88], тем не менее они уже приобщились к активной политической жизни, приобрели некоторый опыт руководства производственной деятельностью рабочих, выступали советчиками коммунаров по вопросам улучшения условий труда и быта, внесли вклад в дело героической защиты Коммуны. Широкое участие профессиональных организаций в деятельности Коммуны было показателем начавшегося процесса высвобождения пролетариата из-под влияния прудонистской идеологии. Совместно с секциями I Интернационала организации рабочих Парижа содействовали развитию в рабочем классе боевых качеств передового революционного класса.

Отсутствие во Франции того времени марксистской рабочей партии обусловило идеологическую и организационную незрелость синдикальных палат. Анализируя причины поражения Коммуны и имея в виду недостаточную тогда подготовленность пролетариата к роли строителя социализма, В. И. Ленин отмечал, что «не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...» [89]. Основой синдикальных палат оставался ремесленный пролетариат, что не могло не наложить определенного отпечатка на их деятельность. Прошло еще немало времени, прежде чем во Франции завершилось складывание индустриального пролетариата в национальном масштабе и стало возможным создание марксистской рабочей партии. Но первое появление пролетариата на арене истории в роли разрушителя капиталистического режима и создателя нового общества имело огромное значение. Коммуна была первой в истории мира пролетарской революцией, которая нанесла серьезный удар по капитализму.

---

[87] «Journal Officiel», 24 мая 1871 г.; см. также В. Mallon. Указ. соч., стр. 269.
[88] «Маркс и Энгельс о профессиональных союзах». М. 1940, стр. 124.
[89] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 113.

РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ВЫДВИНУТЫЕ НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1961 года

Советская историческая наука добилась за последние годы серьезных успехов. Показателем ее достижений может служить выдвижение ряда работ советских историков на соискание Ленинских премий 1961 года. Из числа трудов, представленных на соискание Ленинских премий, внимание читателя привлекает прежде всего широко известный труд академика В. П. Волгина «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке», опубликованный в серии «Предшественники научного социализма» [1], и другие его работы из той же серии [2], допущенные к участию в конкурсе на соискание Ленинских премий 1961 года. Первая книга охватывает круг социально-политических проблем, поднятых в сочинениях основоположников буржуазной идеологии во Франции XVIII в. (Вольтер, Монтескье) и их предшественников (Верас д'Алле, Дюбо, д'Аржансон), экономистов (Кенэ, Гурнэ, Дюпон, Тюрго, Неккер), энциклопедистов (Дидро, Гольбах, Гельвеций), демократических просветителей и уравнителей (Руссо, Ленге, Бриссо, ранний Марат), авторов первых коммунистических и кооперативных проектов (Мелье, Морелли, Мабли, Дешан, Феге, Ретиф де ла Бретони), памфлетистов (Сент-Этьен, Черутти, де Вилье, Ламбер), радикалов (Кондорсе, Сийес, позд-

[1] В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М. Изд-во АН СССР. 1958. 413 стр. Труд представлен Институтом истории АН СССР за «создание и разработку важной отрасли марксистско-ленинской исторической науки — истории домарксовых социалистических учений» наряду с другими работами того же автора.

[2] К числу других работ В. П. Волгина, опубликованных в послевоенные годы и входящих в данную серию, относятся исследования, помещенные отдельно в различных журналах или предпосланные изданиям сочинений авторов домарксовых социалистических учений: «Социальное учение раннего сен-симонизма» (в кн. «Изложение учения Сен-Симона». М.-Л. 1947, стр. 5—50); «Коммунистическая утопия Кампанеллы» (в кн. «Ф. Кампанелла». М.-Л. 1947, стр. 7—20); «Уравнительные и социалистические тенденции во французских тайных обществах 1830—1834 годов». «Вопросы истории», 1947, № 6, стр. 26—49; «Социальное учение Сен-Симона» (в кн. К. А. Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. I. М.-Л. 1948, стр. 5—85); «Историческое значение Вольтера» (в кн. «Вольтер. Статьи и материалы». М.-Л. 1948, стр. 7—55); «Неккёр». «Исторические записки». 1948, кн. 25, стр. 169—239; «Движение «равных» и их социальные идеи» (в кн. Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. Т. I. М.-Л. 1948, стр. 5—49); «Этьен Кабе» (в кн. Э. Кабе. Путешествие в Икарию. М.-Л. 1948, стр. 5—67); «Идеи социализма и коммунизма во французских тайных обществах 1835—1847 годов». «Вопросы истории», 1949, № 3, стр. 64—81; «Социальное учение Мабли» (в кн. Г. Мабли. Избранные произведения. М.-Л. 1950, стр. 5—31); «Диггеры и Уинстенли» (в кн. Дж. Уинстенли. Избранные памфлеты. М.-Л. 1950, стр. 5—42); «Роберт Оуэн» (в кн. Р. Оуэн. Избранные сочинения. М.-Л. 1950, стр. 5—64); «Система Фурье» (в кн. Ш. Фурье. Избранные сочинения. М.-Л. 1951, стр. 6—79); «Политические и социальные идеи Бланки» (в кн. Л. О. Бланки. Избранные произведения. М. 1952, стр. 5—59); «Историческое значение «Утопии»» (в кн. Т. Мор. Утопия. М. 1953, стр. 5—28); «Мелье и его «Завещание» (в кн. Ж. Мелье. Завещание. Т. 1. М. 1954, стр. 1—52); «Гуманизм и социализм». М. Изд-во АН СССР. 1955. 64 стр.; «Политические и социальные идеи Дидро». «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 32—44; «Французский утопист XVII в.» (в кн. Д. Верас. История севарамбов. М. 1956, стр. 5—49); «Утопический коммунизм Дезами» (в кн. Т. Дезами. Кодекс общности. М. 1956, стр. 5—66); «Коммунистическая теория Морелли» (в кн. Н. Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М.-Л. 1956, стр. 5—51); «Социальные и политические идеи Гольбаха». «Новая и новейшая история», 1957, № 1, стр. 29—55; «„Истинная система" Дешана». «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 99—108; «Жан Жак Пийо». «Новая и новейшая история», 1958, № 4, стр. 3—16; «Социальные идеи В. Годвина» (в кн. В. Годвин. О собственности. М. 1958, стр. 5—51); «Французская коммунистическая пресса 40-х годов XIX века». «Новая и новейшая история», 1960, № 1, стр. 3—24; «Французский утопический коммунизм». М. Изд-во АН СССР. 1960. 376 стр.

ний Марат), наконец, утопических коммунистов, выступавших уже накануне революции 1789—1794 гг. (Госселен, Буассель, Бабеф).

В. П. Волгин указывает, что буржуазные просветители XVIII столетия в борьбе с феодальными традициями противопоставили им права человеческой личности и свободу человеческого разума, а конечной целью общества и государства объявили благо человека. Критики феодально-абсолютистского общества, видя в жизни резкое несоответствие своего идеала существующему среди людей имущественному и политическому неравенству, не смогли наметить путь, ведущий к ликвидации этого противоречия, ограничившись просветительскими декларациями и отказавшись от идеи насильственного переворота и революции. Тем не менее революционная программа, шедшая от Мелье, пробивала себе дорогу на протяжении всего века и к концу его овладела умами народных масс.

В. П. Волгин приходит к выводу, что критика идеологами третьего сословия абсолютистско-феодальных порядков идейно подготовила буржуазную революцию и явилась арсеналом, из которого брали свое оружие борцы всех политических группировок конца XVIII века. Развитие общественной мысли в тогдашней Франции отражает рост буржуазной идеологии, ее исторически передовые тенденции и ее ограниченность. В то же время появились и приобрели форму утопических теорий ростки коммунистической мысли, развивавшейся на фоне революционных настроений пролетарских и полупролетарских масс. В результате политические программы, выдвинутые в ходе революции 1789—1794 гг., оказались резко обнаженными; приобрела завершенную форму теория буржуазной демократии, а пролетариат сделал новый шаг вперед в своем классовом самосознании, породив революционный коммунизм Бабефа, вытеснивший идеи абстрактного дореволюционного коммунизма Морелли.

Серия других работ В. П. Волгина охватывает развитие домарксовой социалистической мысли в XVI — первой половине XIX в. во Франции, Англии и Италии. В этих трудах автор строго разграничивает утопические социалистическо-коммунистические учения, с одной стороны, эгалитаристско-потребительские коммунистические учения — с другой, а внутри первых, в свою очередь, различает теории сторонников централизма (сен-симонизм) и теории сторонников общинного принципа (фурьеризм-оуэнизм). В. П. Волгин подчеркивает, что возникновение отдельных разновидностей утопической коммунистической мысли связано с эволюцией породившей их социальной базы в ходе становления пролетариата как класса из предпролетарских, плебейских, мелкобуржуазных и крестьянских слоев общества.

Особое место в работах В. П. Волгина занимает анализ идей французского утопического коммунизма первой половины XIX века. Указывая на положительные стороны этих идей, явившихся одним из источников марксизма, В. П. Волгин вскрывает в то же время принципиальное отличие утопических теорий от творческой, действенной, подлинно научной, марксистской концепции развития человеческого общества.

В своей совокупности труды В. П. Волгина представляют собой научное изложение первооснов домарксовой, утопической социалистическо-коммунистической мысли как самостоятельной исторической дисциплины и охватывают все главные этапы развития социализма от утопии к науке со времен античности до XIX столетия.

На соискание Ленинской премии был выдвинут также труд академика Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» (том второй) [3]. В первом томе этой работы, изданном в 1946 г., рассматривалось положение государственных крестьян в России в 30—40-х годах XIX в., освещались причины реформы П. Д. Киселева и была охарактеризована ее историческая роль. Одновременно подверглись анализу законы 1837—1841 гг., в своей совокупности составившие самую реформу. Во втором томе продолжено это исследование; здесь раскрывается процесс развития государственного крестьянства как значительной части класса крепостных в 40—50-е годы вплоть до отмены крепостного права в 1861 году. Труд Н. М. Дружинина основан на изучении государственных законодательных актов, большого количества специальной литературы и архивных материалов, в основной своей массе ранее не использовавшихся.

[3] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. II. Реализация и последствия реформы. М. Изд-во АН СССР. 1958. 617 стр.

В первой главе второго тома — «Законодательные дополнения реформы» — рассматривается законодательство 1838—1856 гг., конкретизировавшее правительственную программу в отношении государственных крестьян, изложенную в «Проекте главных оснований хозяйственного устава». Автор показывает противоречивый характер этого законодательства, приспособлявшего систему феодальной зависимости к развитию новых, капиталистических отношений. Вторая глава — «Новая администрация и ее фискальная политика» — дает анализ деятельности Министерства государственных имуществ. Автор показал, что фискальная политика оставалась главной функцией соответствующих государственных органов и при П. Д. Киселеве, продолжившем в этом отношении деятельность Министерства финансов. Общие итоги деятельности Министерства государственных имуществ, касавшейся коренных вопросов правительственной программы (наделения землей и «попечительства»), освещены в третьей главе — «Реализация земельной и «попечительной» программы». Здесь показано, что земельная программа была подчинена задаче приучить государственных крестьян к мысли о том, что собственником земли является царская казна. Глава четвертая — «Экономическое развитие деревни» — раскрывает пути этого развития, происходившего под воздействием общих законов зарождения и постепенного вызревания капиталистического уклада в недрах феодального общества. Н. М. Дружинин приходит к выводу о повсеместной эволюции производительных сил, несмотря на тормозящее влияние феодальных отношений. Но благодаря сильному влиянию феодальной системы государственная деревня в общем не выходила все же из состояния застоя. Это глубокое внутреннее противоречие представляло собой основное проявление социального кризиса, который не мог быть устранен реформой Киселева. В пятой главе — «Ответ крестьянства на реформу» — представлен материал, освещающий массовый протест крестьянства против реформы. Борьба крестьян была показателем глубокого кризиса феодальной системы в целом. Шестая глава — «Дальнейшая судьба реформы» — освещает отношение разных кругов русского общества к начинаниям Киселева, а также контрреформу, проводившуюся преемником Киселева М. Н. Муравьевым. Общий вывод автора сформулирован в «Заключении». Реформа Киселева, пишет Н. М. Дружинин, «не достигла поставленной ею задачи и наглядно показала неспособность не только отдельных личностей, но и всесильной самодержавной власти остановить закономерный ход исторического процесса. Однако, как всякое крупное историческое явление, реформа явилась не только проявлением глубокого кризиса феодальной формации, но также оставила определенный след в ходе исторического развития». Автор заключает, что, с одной стороны, реформа Киселева облегчила постановку вопроса об отмене крепостного права, а с другой — внесла черты двойственности в юридическое определение личных и корпоративных прав раскрепощаемого крестьянства.

Помимо вышеуказанных работ, на соискание Ленинских премий были представлены в 1960 году: Д. М. Гринишин «Военная деятельность В. И. Ленина» (М. Изд-во Министерства обороны СССР. 1960. 592 стр. Эта монография посвящена важнейшей, но пока еще мало разработанной научной, политической и военной теме. Как известно, гениальный продолжатель дела Маркса и Энгельса, организатор и вождь Коммунистической партии, создатель Советского государства В. И. Ленин был также талантливым военным деятелем и военным теоретиком. Автор книги рассматривает в хронологической последовательности теоретическую и практическую военную деятельность В. И. Ленина); А. В. Пясковский «Революция 1905—1907 годов в Туркестане» (М. Изд-во АН СССР. 1958. 615 стр.); Б. Я. Михайлов «Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955. Из истории американского рабочего движения» (М. Изд-во АН СССР. 1959. 627 стр.), а также два коллективных труда — «История Казахской ССР. Эпоха социализма» (Алма-Ата. Изд-во АН Казахской ССР. 1959. 735 стр. Авторы: С. Б. Баишев, С. Н. Покровский, А. Н. Нусупбеков, Г. Ф. Дахшлейгер, Т. Елеуов, В. К. Савоськo, С. К. Кенесбаев, А. Б. Турсунбаев, Б. Г. Ерзакович, С. Сеитов и другие) и «Очерки новой и новейшей истории США» (М. Изд-во АН СССР. 1960. Т. I. 632 стр.; т. II. 726 стр. Авторы: И. А. Белявская, Н. Н. Болховитинов, И. П. Дементьев, Р. Ф. Иванов, Г. П. Куропятник, А. А. Фурсенко, Н. Н. Яковлев, Г. Н. Севостьянов, А. В. Березкин, Б. И. Бухаров, В. Л. Мальков, Б. Я. Михайлов, В. В. Постников, А. Н. Филиппов, П. А. Шишкин и другие).

В отделении исторических наук АН СССР и научных советах

АКАДЕМИК НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ДРУЖИНИН

(К 75-летию со дня рождения)

14 января 1961 г. исполнилось 75 лет со дня рождения академика Николая Михайловича Дружинина, крупнейшего советского специалиста по истории СССР XIX века. Н. М. Дружинин получил широкую и разностороннюю научную подготовку в области истории. Он окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета, много путешествовал по России. Будучи студентом, он принял непосредственное участие в первой русской революции 1905 г., что послужило Николаю Михайловичу хорошей школой для последующей работы его как историка.

Творческий путь Н. М. Дружинина отражает развитие советской историографии по изучению истории России XIX века. Основными вопросами истории России этого периода, которыми занимались и занимаются советские историки, являются: история революционного движения и общественной мысли, история прозводственных отношений, а в связи с нею история трудовых классов — рабочих и крестьян. Н. М. Дружинин работал и работает в обеих названных областях. В каждой из них он является ведущим исследователем. Перу Н. М. Дружинина принадлежат замечательные труды, доставившие ему в совокупности с другими сторонами его научной деятельности почетное звание действительного члена Академии наук СССР.

Научный путь Н. М. Дружинина может быть разделен на два этапа. На первом этапе, охватывающем двадцатые и первую половину тридцатых годов, Николай Михайлович изучал преимущественно историю революционного движения и общественной мысли России XIX в., хотя и не ограничивал свои научные интересы только этими проблемами. На втором этапе, примерно с середины тридцатых годов и до настоящего времени, не прекращая работы по исследованию истории революционного движения и общественной мысли, Н. М. Дружинин сосредоточил свое внимание на вопросах социально-экономической истории.

В 20-е годы и первой половине 30-х годов в центре научной деятельности Н. М. Дружинина стояло движение декабристов. В ряду его трудов по этой проблеме основным является монография «Декабрист Никита Муравьев», опубликованная в 1933 году. Это не только книга об одном из вождей декабристов, но и исследование о Северном обществе, а отчасти о декабристском движении в целом.

Уже в этот период Н. М. Дружинин занимался и проблемами социально-экономической истории. В 1926 и 1927 гг. он опубликовал в трудах Российской ассоциации научно-исследовательских институтов статью ««Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг.». Эта тема тесно связана с историей падения крепостного права — вопросом, всегда вызывающим живой интерес Николая Михайловича.

В центре внимания Н. М. Дружинина с середины 30-х годов до настоящего времени находится история крестьянства. Русская историография, как дореволюционная, так и советская, занималась главным образом помещичьими крестьянами. История государственных крестьян, особенно в XIX в., была изучена гораздо слабее, несмотря на то, что государственные крестьяне составляли почти половину крестьянства России. Вопрос о государственных крестьянах был неразрывно связан с крестьянским вопросом вообще. Реформа Киселева находилась в исторической связи с реформой 19 февраля 1861 года. Эти обстоятельства определили тему основного исследования Н. М. Дружинина по истории крестьян. Более двадцати лет он напряженно работал над обширным трудом «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». Первый том этого исследования был напечатан в 1946 г., второй — в 1958 году. Выход в свет каждого из них был крупным событием в советской историографии.

В первом томе изучены положение государственных крестьян в 30—40-х годах прошлого столетия и причины, побудившие правительство предпринять реформу, опро-

ределены ее социальная сущность и историческое значение, дан детальный юридический анализ законов 1837—1841 гг., совокупность которых составила эту реформу. Во втором томе анализируется реформа П. Д. Киселева и дается характеристика положения государственной деревни в 40—50-е годы. В работе прослежена также связь реформы с Положением 19 февраля 1861 года. Оба тома основаны на огромном количестве не использованного ранее историками архивного материала.

Окончив большой труд о государственных крестьянах и реформе П. Д. Киселева, Н. М. Дружинин приступил к разработке темы «Русская деревня на переломе (60—70-е годы XIX в.)». Эта тема находится в генетической связи с его фундаментальным двухтомным трудом. Она будет разработана шире, чем в названном исследовании, так как Н. М. Дружинин предполагает изучить историю не только бывших государственных крестьян, но и всего русского крестьянства, а с другой стороны, несколько уже, потому что тема на этот раз не охватит пореформенной судьбы крестьян нерусской национальности.

Н. М. Дружинин много внимания посвящает изданию документов по истории крестьянства. В 1949 г. под его редакцией вышел сборник «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права». Николай Михайлович является редактором многотомного издания источников по истории крестьянского движения в России XIX века. Один том из этой серии уже вышел в свет, три находятся в производстве, остальные подготавливаются к изданию.

Сосредоточивая свою научную энергию на изучении истории крестьянства, Н. М. Дружинин отнюдь не ограничивается исследованиями только в данной области. Он опубликовал несколько работ по общим вопросам истории производительных сил и производственных отношений в России XVII—XIX веков. На X Международный конгресс историков в Риме в сентябре 1955 г. Николай Михайлович представил доклад о генезисе капитализма в России. Его перу принадлежит несколько глав в III и IV томах «Истории Москвы» и в учебнике истории СССР для вузов, а также ряд других исследований.

Только в 1948 г. по состоянию здоровья Н. М. Дружинин оставил педагогическую работу в высшей школе. Глубокие по мысли и блестящие по форме лекции его пользовались неизменным вниманием студентов.

Николай Михайлович отдает много сил подготовке научных кадров. Его учеников можно встретить в научных учреждениях и высших учебных заведениях различных городов СССР. Многие из них стали крупными учеными.

Н. М. Дружинин был и продолжает оставаться одним из крупных организаторов научной работы ряда научных коллективов. В начале своей научной деятельности он был ученым секретарем Музея революции; в 40-х годах заведовал сектором истории СССР XIX в. в Институте истории АН СССР. Он был председателем редакционной коллегии многотомного издания «Очерки истории СССР», членом редакционной коллегии журнала «Вопросы истории», редактировал «Историю Москвы» и ряд научных монографий.

После смерти Б. Д. Грекова Н. М. Дружинин возглавляет основанную Б. Д. Грековым Комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства. Под председательством Николая Михайловича комиссия развернула большую работу. Чрезвычайно плодотворными оказались организованные при руководящем участии Комиссии симпозиумы по аграрной истории Восточной Европы.

Труды Н. М. Дружинина написаны на высоком научно-теоретическом уровне. В них использован большой круг источников, в основном неопубликованных и впервые вводимых в научных оборот. Тонкий источниковедческий анализ соединен в них с широкими обобщениями и яркими характеристиками исторических деятелей. Всем произведениям Н. М. Дружинина свойственна блестящая литературная форма.

Научные заслуги и исключительно высокий моральный облик ученого снискали ему широкую популярность и глубокое уважение среди историков.

75-летию Николая Михайловича Дружинина Институт истории АН СССР посвятил сборник научных статей, написанных друзьями и учениками юбиляра,—«Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России».

В. К. Яцунский

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР ЗА 1960 год *

В минувшем году деятельность Отделения исторических наук АН СССР и входящих в его состав учреждений была направлена на реализацию плана научно-исследовательской работы по основным направлениям и проблемам исторической науки, которые были определены в соответствии с задачами, поставленными перед советской наукой XXI съездом партии и последующими пленумами ЦК КПСС. Важнейшее значение для повышения идейно-теоретического уровня исследований в области истории имело постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

Руководствуясь партийными решениями, Отделение исторических наук стремилось максимально приблизить тематику исследований к задачам коммунистического строительства, коммунистического воспитания трудящихся, сосредоточить основные усилия научных коллективов на разработке наиболее актуальных и важных в теоретическом отношении вопросов. Много внимания уделялось повышению качества научной продукции. Центральное место в деятельности Отделения исторических наук и объединяемых им учреждений в истекшем году занимали такие основные направления научно-исследовательской работы, как «История строительства социализма и коммунизма в СССР», «Революционные традиции народов СССР», «История социалистического строительства в странах народной демократии», «История международного рабочего движения», «Национально-освободительная борьба народов против колониализма и развитие стран, вставших на путь независимого развития».

Большое значение Отделение исторических наук придавало координации творческих усилий историков, работающих в академиях наук союзных республик, филиалах АН СССР, университетах и других научно-исследовательских учреждениях. Значительная роль в этом отношении принадлежала научным советам по важнейшим проблемам, заметно активизировавшим в прошлом году свою деятельность. Существенную роль в повышении научного уровня исследований имело проведение научных сессий и дискуссий (например, общего собрания Отделения исторических наук и сессий институтов в связи с 90-летием со дня рождения В. И. Ленина, сессии по истории Сибири, сессии по истории советской исторической науки и т. д.).

Углублению научной работы по ряду важных разделов плана содействовало дальнейшее развитие научных связей советских историков с зарубежными учеными и особенно с историками стран народной демократии [1]. Это позволило в минувшем году несколько увеличить количество исследований, проводимых в сотрудничестве с учеными стран социалистического лагеря.

В течение 1960 г. учреждения Отделения исторических наук подготовили к печати свыше 250 различных работ (коллективных и монографических исследований, публикаций документов и т. п.) и издали около 300 книг (общим объемом свыше 6 тыс. печатных листов). Почти тысяча различных материалов (статей, сообщений, архивных документов и т. п.) по отдельным вопросам отечественной и зарубежной истории была опубликована сотрудниками учреждений Отделения в различных периодических изданиях.

Важнейшее место в деятельности учреждений Отделения занимало создание обобщающих трудов, в частности завершение работ над многотомником «Всемирная история» (гл. ред. акад. Е. М. Жуков). Вышел в свет VII том этого коллективного труда (отв. ред. чл.-корр. А. А. Губер), в котором дается комплексное освещение исторического периода от Парижской коммуны до Великой Октябрьской социалистической революции.

---

* Данный обзор составлен по материалам отчетов учреждений Отделения о научной деятельности за 1960 год.

[1] Значительную роль в укреплении этих связей в 1960 г. сыграли XXV Международный конгресс востоковедов в Москве, участие советских делегаций в работе XI Международного конгресса исторических наук в Стокгольме, в VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже, сессия Комиссии историков СССР и ГДР, посвященная 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса, и советско-английская конференция историков.

В Институте истории продолжалась работа по подготовке многотомной «Истории СССР» (с древнейших времен до наших дней), пять томов которой посвящаются истории советского общества.

Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Казанского филиала АН СССР издал II том обобщающей работы «История Татарской АССР», который охватывает советский период истории Татарии.

В серии «Народы мира» (гл. ред. чл.-корр. С. П. Толстов) опубликован коллективный труд «Народы Северного Кавказа» (под ред. М. О. Косвена, Л. И. Лаврова, Х. А. Нерсесова, О. Х. Хашаева). В этой работе впервые сделана попытка обобщить все данные, имеющиеся в научной литературе по этнографии народов Кавказа. Особое внимание в труде уделено процессу образования социалистических наций и народностей и характеристике современного состояния культуры и быта народов Северного Кавказа. В составлении тома принимали активное участие сотрудники местных научно-исследовательских учреждений. Сданы в печать обобщающие труды той же серии: «Народы Закавказья» и «Народы Средней Азии и Казахстана».

Коллектив Института археологии опубликовал шесть выпусков «Свода археологических источников».

Несколько работ обобщающего характера опубликовано Институтом истории искусств. Среди них заслуживает внимания III (заключительный) том «Очерков истории советского кино», охватывающий период с 1946 по 1956 год. Совместно с Институтом философии АН СССР Институт истории искусств издал первое пособие по эстетике — «Основы марксистско-ленинской эстетики». Опубликован V том «Истории русского искусства», посвященный истории русской живописи, скульптуры и архитектуры первой половины XVIII века.

Продолжалось изучение зарубежной истории. Освещение важнейших вопросов возникновения и развития народно-демократического строя в Чехословакии занимает центральное место в опубликованном Институтом славяноведения III (заключительном) томе коллективного обобщающего труда «История Чехословакии». В этом томе, охватывающем период с 1917 до начала 1960 г., впервые дано систематическое изложение новейшей истории Чехословакии на основе марксистско-ленинской методологии. Среди работ по зарубежной истории следует отметить появление двух коллективных работ, посвященных истории стран Американского континента: «Очерков новой и новейшей истории США» в двух томах (отв. ред. Г. Н. Севостьянов) и одноименного «Очерки новой и новейшей истории Мексики» (под ред. М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова).

Несколько усилилось внимание учреждений Отделения к созданию трудов, направленных на разоблачение буржуазных и ревизионистских фальсификаций истории, а также к изучению истории исторической науки в целом. В частности, в Институте истории завершена работа над двумя коллективными трудами, посвященными критике буржуазной историографии: сборниками статей «Проблемы всемирной истории в освещении буржуазной историографии» и «Проблемы русского феодализма в современной зарубежной буржуазной историографии». Опубликована книга Е. Б. Черняка «Буржуазная историография рабочего движения». Научным советом по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» на основе материалов проведенной им сессии подготовлен к печати сборник «Иностранная литература об Октябрьской революции». Институт народов Азии сдал в печать сборник статей «Против фальсификации истории Востока».

Вышел в свет II том «Очерков истории исторической науки» под ред. акад. М. В. Нечкиной, акад. М. Н. Тихомирова, С. М. Дубровского, Б. Г. Вебера, А. М. Станиславской. Хронологически том охватывает вторую половину XIX века. Изложение материала доведено до момента появления первых исторических работ В. И. Ленина. Авторы характеризуют революционно-демократическое направление и буржуазно-либеральную школу в историографии, показывают распространение марксизма в русской исторической науке. Впервые в историографической литературе дается обзор работы отечественных историков над темами всеобщей истории. Новым является и то, что в книге рассматривается не только русская историография, но и история развития исторической науки у других народов нашей многонациональной Родины. Завершена подготовка сборника статей «Вопросы историографии и источниковедения истории

СССР». В печати находятся материалы сессии по историографии социалистического и коммунистического строительства. Определенным достижением отечественной историографии являются опубликованные в 1960 г. Институтом народов Азии V том «Очерков по истории русского востоковедения» и книга Г. Ш. Шарбатова «Арабистика в СССР за 40 лет».

Продолжалось изучение истории религии и атеизма. Институт истории издал монографию А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в.». В книге опровергаются доводы буржуазной историографии, прежде всего современных зарубежных фальсификаторов истории, утверждающих, будто общественной мысли феодальной России были чужды гуманизм и свободомыслие. Опубликован сборник статей «Вопросы религии и атеизма» (т. VIII), включающий ряд работ о современном сектантстве и по истории пропаганды атеизма. Вышел IV том «Ежегодника Музея истории религии и атеизма», посвященный критике догм православной церкви. Подготовлена к печати монография М. И. Шахновича «Ленинизм и проблемы атеизма». В минувшем году продолжала работу экспедиция Института истории по изучению современного сектантства. Участники экспедиции наряду со сбором материалов вели среди населения научно-атеистическую пропаганду.

По сравнению с предшествующими годами несколько увеличилось число подготовленных и опубликованных исследований по ведущему направлению научно-исследовательской работы — «История строительства социализма и коммунизма в СССР». Издание многих монографий по данному разделу плана было приурочено к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Центральное место в них занимает показ роли Владимира Ильича в строительстве Советского государства.

В книге Э. Б. Генкиной («Ленин — председатель Совнаркома и СТО») на основе архивного материала освещается деятельность В. И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны. В монографии С. Н. Иконникова («Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг.») большое внимание уделяется ленинскому плану реорганизации Рабкрина. В исследовании С. И. Якубовской («Строительство Союзного Советского государства в 1922—1925 гг.»), посвященном одному из актуальных вопросов истории советского общества, показывается руководящая деятельность КПСС и роль В. И. Ленина в создании Советского государства. Монография И. С. Смирнова («Ленин и советская культура») освещает деятельность Владимира Ильича в области культуры в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 — лето 1918 г.). Основные вехи осуществления ленинского плана электрификации страны показаны в книге И. М. Некрасовой («Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1932 гг.»).

90-летию со дня рождения В. И. Ленина было посвящено общее собрание Отделения исторических наук АН СССР, заслушавшее доклады чл.-корр. В. М. Хвостова («Ленин в борьбе за мир и разоружение») и чл.-корр. Б. Г. Гафурова («В. И. Ленин и Восток»). Во многих докладах на юбилейных заседаниях ученых советов учреждений Отделения, а также на сессии Научного совета по истории исторической науки было показано исключительное значение трудов В. И. Ленина для изучения коренных вопросов отечественной и всемирной истории, охарактеризована ленинская методика исторического исследования. В декабре 1960 г. Ученый совет Института истории АН СССР совместно с Музеем революции и Оргэнергостроем провел заседание, посвященное 40-летию ленинского плана ГОЭЛРО.

В ряде вышедших и подготовленных к печати работ сотрудников Института истории поднимаются важные и до сих пор малоизученные вопросы истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР. К таким работам относятся опубликованные в прошлом году монографии Ю. С. Борисова («Подготовка производственных кадров сельского хозяйства в реконструктивный период»), Ю. В. Арутюняна («Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг.»). Закончена подготовка двухтомного сборника документов «Коллективизация сельского хозяйства в СССР». Первый том относится к периоду подготовки коллективизации (с 1927 до осени 1929 г.). Второй посвящен проведению массовой коллективизации с осени 1929 по июнь 1931 года.

Продвинулось также изучение истории советского рабочего класса и интеллигенции. Подготовлены к печати два труда по истории советского рабочего класса:

борник документов («Рабочий класс Советской России в первые годы пролетарской диктатуры») и сборник статей («Материалы об изменениях в составе рабочего класса СССР»). Коренные изменения облика социалистического города на примере Москвы показаны в законченной монографии В. Е. Полетаева «От старой к новой Москве». Основные этапы формирования советской научной интеллигенции прослеживаются в подготовленной к печати работе В. А. Ульяновской.

Некоторые пробелы в изучении истории советского рабочего класса и промышленности в годы Великой Отечественной войны восполняют вышедшие в 1960 г. монографии А. В. Митрофановой («Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.)») и Н. П. Липатова («Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Очерки истории строительства»). Завершена работа Г. А. Куманева «Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны».

Одному из важнейших событий истории минувшей войны посвящено вышедшее в прошлом году монографическое исследование А. М. Самсонова «Сталинградская битва. От обороны и отступлений к великой победе на Волге». Издан также сборник «Листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Дагестанский филиал АН СССР опубликовал сборник воспоминаний «Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза».

История социалистического строительства у отдельных народов СССР освещается в ряде работ, подготовленных и опубликованных сотрудниками филиалов АН СССР. Наряду с уже упоминавшимся II томом «Истории Татарской АССР» следует отметить прежде всего изданную Дагестанским филиалом монографию Г. Д. Даниялова «Социалистические преобразования Дагестана (1920—1940 гг.)». Этот же филиал опубликовал работу М. А. Казанбиева «Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920—1940 гг.)» и книгу А. И. Эфендиева «Формирование советской национальной интеллигенции в Дагестане». В Молдавском филиале АН СССР вышел сборник «Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии». Башкирский филиал опубликовал брошюру Г. К. Гумерова «Башкирия в период восстановления народного хозяйства (1923—1928 гг.)».

Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в нашей стране неоднократно обсуждались на общих собраниях и сессиях Отделения исторических наук, заседаниях научных советов по важнейшим проблемам исторической науки, ученых советов институтов ОИН и ИЯЛИ филиалов АН СССР. Так, на общих собраниях Отделения были заслушаны доклады чл.-корр. Б. Н. Пономарева «Историю КПСС — на службу строительства коммунизма» и чл.-корр. М. П. Кима «Значение советского опыта социалистических преобразований для развития теории и практики научного коммунизма». Научными советами по проблемам «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» и «История исторической науки» в марте 1960 г. была проведена научная сессия по историографии социалистического и коммунистического строительства. Большое внимание и живой отклик участников сессии, на которой присутствовало более 500 человек, вызвали доклады академика М. В. Нечкиной («О значении историографических исследований для изучения истории советского общества»), чл.-корр. М. П. Кима («Итоги и задачи изучения истории социалистического и коммунистического строительства»), Г. Н. Голикова («Ленин — основоположник историографии советского общества»). С содокладами выступили историки союзных и автономных республик.

Обсуждение проблем истории социалистического строительства в Сибири и на Дальнем Востоке заняло важное место в работе совместной сессии Отделения исторических наук, Сибирского отделения АН СССР и Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР в марте 1960 года. Башкирский филиал АН СССР провел совещание, на котором развернулась дискуссия по вопросу о формах политической и трудовой активности рабочего класса Башкирии на различных этапах борьбы за социализм.

Значительное внимание в истекшем году уделялось развертыванию работ по проблеме «Культурно-бытовые изменения у народов СССР в период развернутого строительства коммунизма». Несомненный интерес для разработки этой проблемы

представляет монография Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии», которая является первой работой по современной этнографии латышского народа.

Подробная характеристика успехов социалистического строительства у ряда народов Крайнего Севера (нганасанов, нивхов, хантов, эвенов, эвенков и др.) и обусловленных этим культурно-бытовых изменений дается в опубликованном Институтом этнографии сборнике «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера». Завершены монографии А. В. Смоляка («Ульчи. Современная культура и ее исторические корни») и С. В. Иванова («Пути развития современного изобразительного искусства у народов Сибири в советскую эпоху»). В Институте этнографии велась также работа по подготовке ряда коллективных обобщающих трудов, посвященных культурно-бытовым изменениям у народов СССР в период развернутого строительства коммунизма. Сбором материалов для этих трудов занималась специальная комплексная экспедиция, а также ряд других экспедиций Института этнографии АН СССР. В их работе активное участие принимали сотрудники академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.

Практическому использованию результатов полевых исследований этнографов по данной проблеме немало содействовало их участие в дискуссиях и обсуждениях, проводившихся в прошлом году различными ведомствами. Так, сотрудники Института этнографии приняли участие в работе Всесоюзной конференции по размещению трудовых ресурсов (проводившейся Институтом труда Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы), в совещании по проблемам акклиматизации и питания населения на Крайнем Севере, созванном в конце ноября 1960 г. Министерством здравоохранения РСФСР, комиссией по проблемам Севера и Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук и др.

Важную роль в деле коммунистического воспитания трудящихся призваны сыграть труды, посвященные вопросам марксистско-ленинской эстетики и истории культуры народов СССР в эпоху социализма. В истекшем году наметились известные сдвиги в издании таких трудов Институтом истории искусств АН СССР. Помимо уже упоминавшегося пособия «Основы марксистско-ленинской эстетики», вышел в свет теоретический сборник статей «Вопросы эстетики» (вып. III). В подготовленном к печати IV выпуске этого сборника публикуются материалы научной конференции института — «Роль искусства в коммунистическом воспитании советского народа».

Значительная часть научной продукции Института истории искусств посвящена вопросам истории советского кино. Кроме III тома «Очерков истории советского кино», опубликованы IV выпуск историко-теоретического сборника «Вопросы киноискусства», III выпуск сборника «Из истории кино. Материалы и документы», два выпуска «Ежегодника кино» (за 1957 и 1958 гг.). Завершена монография Н. М. Зоркой «Советский историко-революционный фильм». Несколько работ посвящено истории советского театра: опубликована книга Б. И. Ростоцкого «О режиссерском творчестве В. Э. Мейерхольда», подготовлены к печати монографии Л. Г. Тамашина «Советская драматургия в годы гражданской войны» и Г. А. Хайченко «Творчество И. В. Ильинского».

Истории советской архитектуры посвящены две работы, также опубликованные Институтом истории искусств: историко-теоретический труд по одной из важных проблем градостроительства — монография Ю. А. Егорова «Ансамбль в архитектуре СССР» и монография М. А. Ильина «Веснины», в которой исследуется творчество выдающихся русских архитекторов, трех братьев Весниных. Дагестанский филиал АН СССР издал монографию Г. Ш. Каймаразова «Культурное строительство Дагестана».

В 1960 г. в Институте истории искусств была создана постоянная комплексная экспедиция по собиранию и изучению народного искусства СССР. Совместно с представителями Института этнографии экспедиция провела работу в районах Восточной Сибири по изучению быта, культуры, искусства русского населения Забайкалья, национальных традиций в современном народном творчестве.

Вопросы истории и теории советского искусства обсуждались на ряде сессий и совещаний. Так, в конце апреля — начале мая 1960 г. Институтом истории искусств была проведена дискуссия о современном стиле искусства. В декабре 1960 г. институт провел расширенную сессию Ученого совета, посвященную проблеме специфики и

заимодействия видов искусства на современном этапе, а также их месту и роли в ду-овной жизни советского народа. Институт истории искусств принял участие в твор-еской конференции «Образ В. И. Ленина в литературе и искусстве», организованной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Одной из важнейших задач научных коллективов Отделения является разра-отка истории Великого Октября. Продолжая работу в этом направлении, Институт стории АН СССР опубликовал II и III тома издания «Великая Октябрьская социали-тическая революция. Хроника событий». II том «Хроники» охватывает период с 7 мая по 25 июля 1917 года. III том включает события вплоть до 11 сентября 1917 года. Подготовлен к изданию также IV, последний том «Хроники» (в двух частях), роведенный до 10 января 1918 года. Продолжалось изучение событий Великого Октября на местах. Сотрудники Башкирского филиала АН СССР опубликовали борник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской ойны в Башкирии — «За власть Советов», Карельский филиал — сборник ста-ей «Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918—1920 гг.)». В Дагестанском филиале вышла в свет коллективная работа «Борьба за победу и уп-рочение Советской власти в Дагестане».

В Институте истории АН СССР завершена работа по подготовке к печати двух документальных сборников: «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Подготовка вооруженного восстания в стране» (VI том документальной серии «Вели-кая Октябрьская социалистическая революция») и «Триумфальное шествие Советской власти» (IX том той же серии).

Научный совет по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (пред. акад. И. И. Минц) совместно с ФБОН АН СССР и Государствен-ной публичной исторической библиотекой сдал в печать справочник «Указа-тель литературы по истории Октябрьской революции и гражданской войны», содержа-щий перечень книг и статей, опубликованных в 1958—1959 годах. Этот справочник является продолжением указателя литературы, изданного к 40-летию Советской вла-сти. В марте минувшего года Научный совет провел заседание с участием широкого круга ученых и старых большевиков — ветеранов Октября, на котором был обсуж-ден доклад П. М. Руднина о деятельности Петроградской военной организации больше-виков. Совместно с академиями наук Латвийской, Литовской и Эстонской ССР Науч-ный совет в июле провел в Риге сессию, посвященную 20-летию освобождения При-балтики. На сессии, в которой приняло участие около 400 человек, было прочитано 12 докладов и сообщений.

Заметные результаты достигнуты в минувшем году в разработке проблемы «Исто-рические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Заслу-живает внимания, в частности, монография А. Л. Сидорова «Финансовое положение России в годы первой мировой войны». Автор приводит данные, показывающие, как постепенно, по мере роста внешнего долга усиливалась зависимость царского самодер-жавия (а позднее — Временного правительства) от стран Антанты и США. Большой научный и политический интерес представляют расчеты автора о размере задолжен-ности России союзникам. Эти расчеты показывают, что Россия далеко не полностью использовала открытые ей кредиты, а потому принятые в литературе цифры задол-женности дореволюционной России странам Антанты и США являются преувеличен-ными. Значительный интерес представляет книга И. Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.)». Автор показывает, как царское правительство, сохраняя полукрепостнические отношения в стране, вместе с тем вынуждено было проводить такую политику, которая способ-ствовала бы экономическому развитию России по пути капитализма.

Подготавливаются к печати коллективный труд «Об особенностях аграрного строя России в период империализма», монографии П. В. Волобуева — «Экономическая по-литика Временного правительства», Э. Э. Крузе — «Рабочий класс Петербурга нака-нуне первой мировой империалистической войны», С. М. Дубровского — «Столыпинская реформа» (3-е издание), публикация «Из истории империализма в России. Монополи-стический капитал в нефтяной промышленности».

Вышел в свет сборник документов «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казах-стане», подготовленный Институтом истории совместно с Главным архивным управ-

лением при Совете Министров СССР и Институтами истории АН Казахской, Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР. В сборнике показан народный характер восстания 1916 г. и содержится новый материал о политике царизма в Средней Азии и Казахстане в период, непосредственно предшествовавший Февральской революции 1917 года. В. А. Петровым завершена работа над монографией «Революционное движение в царской армии в период 1905—1907 гг.». В монографии особое внимание уделяется изучению процесса большевизации солдатских масс. Это — первое капитальное исследование по данному вопросу.

Значительная работа в прошедшем году проделана Научным советом по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» (пред. А. Л. Сидоров). Так, в мае 1960 г. совет провел в Москве сессию, посвященную изучению аграрного вопроса в России в период империализма. Было заслушано 11 докладов и сообщений. Основная дискуссия развернулась по вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России в период империализма. Научный совет совместно с методической комиссией при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР провел в мае обсуждение II тома учебника «История СССР». В дискуссии принял участие широкий круг историков страны. Опыт создания первого вузовского учебника по истории СССР эпохи империализма получил положительную оценку. Дискуссия выдвинула ряд проблем, требующих углубленного исследования. Одной из них является вопрос о сущности военно-феодального империализма в России. С целью координации работы научных учреждений по указанной проблеме в октябре в Ереване было проведено заседание бюро Научного совета совместно с представителями ученых Закавказских республик.

В центре внимания большой группы специалистов находились вопросы генезиса капиталистических отношений, а также история революционного движения в России XVII—XIX веков. Вышла в свет коллективная работа «Революционная ситуация в России 1859—1861 гг.» (отв. ред. акад. М. В. Нечкина). Подготовлен к печати сборник трудов покойного Б. П. Козьмина «Из истории революционной мысли в России».

Институт славяноведения издал сборник статей и материалов «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х гг. XIX в.». В том же институте (совместно с Польской Академией наук и ГАУ) закончен I том публикации документов по истории восстания 1863 г.— «Следственные показания и записи О. Авейде», одного из руководящих деятелей восстания 1863 г. в Польше. Сдан также в издательство I том совместного с Болгарской АН издания «Освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. и Россия».

В Башкирском филиале АН СССР закончено монографическое исследование М. Д. Рабиновича «Декабристы на Южном Урале».

Институт истории АН СССР опубликовал сборник документов «Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.» (из серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.». под ред. акад. Н. М. Дружинина) и подготовил к печати другой сборник документов этой серии, относящийся к 1850—1855 годам. Е. П. Подъяпольской завершена работа над монографией «Булавинское восстание 1707—1708 гг.». Подготовлен к печати III (последний) том сборника документов «Крестьянская война под руководством С. Т. Разина» (под ред. А. А. Новосельского).

Объединению усилий научных сотрудников, занимающихся изучением революционной ситуации 1859—1861 гг. в России, немало содействовала работа специальной группы под руководством акад. М. В. Нечкиной. В течение года группа заслушала 10 докладов, в том числе: «Революционная пропаганда среди рабочих в начале 60-х годов» (Г. И. Ионова), «Н. Г. Чернышевский и Комитет Великорусса» (Н. Н. Новикова), «Земля и Воля» 1860-х годов по материалам Динабургского процесса» (В. И. Неупокоев) и др.

Вопросы складывания всероссийского рынка, зарождения буржуазных отношений и разложения феодально-крепостнических отношений в России получили освещение в ряде опубликованных и завершенных в прошлом году работ. Существенный вклад в исследование проблемы образования всероссийского рынка вносит коллективная монография А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова «Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.)». Находится в печати коллективный труд «Новые явления в экономической, социально-политической и культурной жизни Русского

сударства в XVII в.». Опубликована монография Ю. Р. Клокмана «Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в.». Малоизученный период в истории работных людей рассматривается в книге Е. И. Заозерской «Рабочая сила и классовая борьба на текстильной мануфактуре России в 20—30-х годах XVIII века». Подготавливается к изданию монография Н. И. Павленко «История развития металлургической промышленности в России во второй половине XVIII в.». Исследование отдельных вопросов экономики России XVIII—XIX вв. занимает важное место в вышедшем (под ред. акад. Н. М. Дружинина и В. И. Шункова) VII томе «Избранных трудов» Б. Д. Грекова.

Изучение вопросов генезиса капиталистических отношений в сельском хозяйстве России оживилось в последние годы в связи с проведением межреспубликанских симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы. В центре внимания состоявшегося в сентябре 1960 г. в Киеве третьего симпозиума находилась сложная проблема расслоения крестьянства в крепостной России.

Успешно велась в минувшем году разработка истории внешней политики России в эпоху феодализма и капитализма — проблемы, изученной еще весьма слабо. Серьезным достижением в исследовании этой проблемы является монография акад. М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России». В работе на основе многочисленных, большей частью впервые публикуемых документов раскрываются экономические и политические связи Туркмении с Россией в 70—80-х годах XIX в. и в более ранние периоды, подчеркивается добровольный характер присоединения Туркмении к России. Значительный интерес представляет описание подрывной деятельности английских агентов в Средней Азии, стремившихся спровоцировать столкновение туркменских племен с Россией. Институтом народов Азии опубликована книга Н. А. Халфина «Политика России в Средней Азии (1857—1868 гг.)». Заслуживает внимания изданное Институтом истории исследование А. В. Фадеева «Россия и Кавказ в первой трети XIX в.». В книге раскрывается значение кавказской проблемы в целом в системе внешней политики России в период 1811—1829 годов. Значительное место в этой работе уделено истории антиколониальных движений на Кавказе, в частности вопросу о возникновении движения под флагом мюридизма. В том же институте опубликована монография Н. Г. Аполловой, освещающая экономические и политические связи Казахстана с Россией во второй половине XVIII — начале XIX века. Башкирским филиалом АН СССР издана монография А. Г. Усманова «Присоединение Башкирии к Русскому государству».

К Международному конгрессу историков в Стокгольме вышел из печати составленный в Институте истории АН СССР сборник документов «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке».

В. Н. Виноградов (Институт истории) завершил работу над монографией «Россия и объединение румынских княжеств в 1859 году». Значительное внимание в книге уделяется деятельности русской дипломатии и позиции русской общественности в данном вопросе. Подготавливаются к изданию монографии Н. И. Казакова (Институт истории) «Россия и национально-освободительное движение народов Балканского полуострова в первой трети XIX в.», И. Б. Грекова (Институт славяноведения) «Из истории международных отношений в Восточной Европе в XIV—XVI вв.». А. М. Станиславская (Институт истории) завершила работу над книгой «Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья в конце XVIII — начале XIX в.». Институт народов Азии подготовил и сдал в издательство сборник документов «Русско-индийские отношения в XVIII в.».

По проблеме «История дореволюционного искусства народов СССР», кроме V тома «Истории русского искусства», вышли из печати еще два капитальных труда, посвященных русскому изобразительному искусству. В одном из них, монографии чл.-корр. АН СССР А. А. Сидорова «История русского рисунка» (т. III), рассматривается искусство мастеров второй половины XIX в., в другом — книге чл.-корр. В. Н. Лазарева «Фрески старой Ладоги» — даются описание и анализ реконструкции системы росписей памятников монументальной живописи XII века. Завершена монография О. И. Подобедовой «Очерки по истории древнерусской миниатюры», в которой впервые объединен и подвергнут анализу материал русских иллюстрированных хроник и летописей XIII—XVI веков. В работах, опубликованных в прошлом году сотрудниками Института истории искусств, получили также освещение отдельные этапы и во-

просы истории русского дореволюционного театра (И. Г. Зограф —«Малый театр второй половины XIX в.», В. Н. Всеволодский-Гернгросс — «Русский театр второй половины XVIII в.», его же — «Фонвизин — драматург»). Несколько трудов посвящено истории музыки. Вышел в свет первый и завершен второй выпуск исследования Т. Н. Ливанова «Музыкальная библиография русской периодической печати XIX в.». Подготовлены к печати монографии Н. В. Туманиной «Творчество П. И. Чайковского» и И. Я. Рыжкина «Реализм симфонического творчества Глинки и Даргомыжского».

Значительная работа в минувшем году проделана по дальнейшему изучению генезиса и развития феодальных отношений на Руси. В данной связи, в частности, заслуживает внимания выход в свет фундаментального труда Л. В. Черепнина «Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси». Автор рассматривает политические процессы в тесной связи с развитием социально-экономических отношений и классовой борьбы. Изучению общественно-политического строя России в середине XVI в. и реформ Ивана IV посвящено исследование А. А. Зимина «Реформы Ивана Грозного». Вышел в свет сборник статей «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве в XIII—XVII вв.». Главное внимание в сборнике уделяется исследованию сельского хозяйства, истории крестьянства и формам его зависимости. Подготавливается к печати работа Г. Е. Кочина «Очерки по истории сельского хозяйства Русского государства XIII — XV вв.». Закончены монографии А. Г. Манькова «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века», Ф. А. Грекула «История молдавского крестьянства XV — первой половины XVII в.», А. Л. Хорошкевич «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв.».

Анализу публицистических памятников Древней Руси (начиная с возникновения письменности и до Куликовской битвы) посвящена изданная Институтом истории АН СССР монография И. У. Будовница «Очерки общественно-политической мысли Древней Руси (XI—XIV вв.)».

Отдельные вопросы древней истории восточных славян получили освещение в нескольких опубликованных и подготовленных к изданию исследованиях сотрудников Института археологии. История поселений деревенского типа в центральных районах Смоленского Поднепровья рассматривается на основе археологических и письменных материалов в монографии В. В. Седова «Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VII—XIII вв.)». Вышла в свет работа Я. В. Станкевич и Ф. Д. Гуревич «Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э.». На основании археологических данных авторы освещают малоизученные, но весьма важные вопросы ранней истории северной группы восточно-славянских племен и их соседей. На основе новых материалов полевых исследований написана монография Г. Б. Федорова «Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.», освещающая, в частности, важные этапы древней истории славян в Молдавии. Под редакцией Б. А. Рыбакова опубликован сборник статей «Черняховская культура» (как известно, выяснение этнической принадлежности этой культуры имеет важнейшее значение для решения вопросов, связанных с этногенезом восточных славян). М. К. Каргер завершил исследование «Древнерусский город Переяславль», в котором реконструируется своеобразный архитектурный облик Переяславля — одного из древнейших городов Южной Руси.

Как и в прошлые годы, изучением древней истории и культуры восточных славян (прежде всего древнерусских городов) занималось несколько экспедиций Института археологии АН СССР. В минувшем году Черниговской экспедицией (нач. экспед. акад. Б. А. Рыбаков) закончены работы в древнем Любиче. В итоге впервые получена полная картина древнерусского княжеского замка XII века. Галицко-Волынская экспедиция (нач.— М. К. Каргер) продолжала раскопки у с. Городище, Хмельницкой области (древний Изяславль). Новгородская экспедиция (нач.—чл.-корр. А. В. Арциховский) успешно продолжала изучение Великого Новгорода. Особый интерес представляют исследования участков при домах древних новгородцев, давшие ценные сведения по истории огородных культур в Древней Руси. Найдены сотни изделий и инструментов ремесленников. Обнаружен ряд новых берестяных грамот. Московская экспедиция (нач.— Н. Н. Воронин) проследила залегание древних напластований на территории Кремля. Выяснено распространение древнего культурного слоя до линии Троицких ворот, что расширяет известные до сих пор границы домонгольской Москвы. Найден неизвестный

о сего времени крепостной ров XII—XIII вв. около юго-западного угла Большого Кремевского дворца. Вопросы истории славянского города рассматривались на симпозиуме рхеологов-славистов в Чехословакии, в котором приняли участие акад. Б. А. Рыбаков, уководивший работой симпозиума, и чл.-корр. П. Н. Третьяков.

Большое место в научной деятельности археологов, историков-античников, этнорафов и антропологов Отделения по-прежнему занимала работа над комплексом пробем, имеющих важное значение для изучения общих закономерностей развития человеческого общества на ранних, наиболее длительных этапах его истории. Сюда относятся роблемы происхождения человека, этногенеза племен и народов, истории первобытных рабовладельческих обществ. Разработка всех этих проблем велась преимущественно а основе материалов, относящихся к территории СССР. В минувшем году, в частности, здан ряд новых сводных работ в этой области. Так, Институт этнографии опубликовал сборник статей «Проблемы истории первобытного общества», посвященный социальным отношениям внутри первобытной общины, развитию форм собственности и семейно-брачных отношений. В том же институте сдан в печать первый выпуск «Атласа реконструкции антропологических типов древнего населения СССР». Завершена также одготовка первой части атласа «Антропологические типы русского населения Европейской части СССР». Атлас основан на материалах многолетней антропологической экспедиции, обследовавшей свыше 100 групп русского населения в различных районах Европейской части РСФСР. По охвату материала и обширности программы это — первое исследование подобного рода в научной литературе, имеющее весьма существенное значение для понимания многих вопросов этногенеза русского народа. Закончена монография Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР». Институтом археологии опубликован правочник «Палеолитические местонахождения СССР» (составлен Н. А. Береговой), одержащий краткую характеристику всех палеолитических и важнейших мезолитических памятников СССР.

Как и в прошлые годы, продолжалось интенсивное изучение рабовладельческих бществ в Северном Причерноморье. Экспедициями Института археологии были успешно проведены раскопки в Фанагории, Мермикии, Илурате, Ольвии и т. д. В декабре 960 г. Институт археологии провел специальную всесоюзную конференцию по проблеме «Античный город». Конференция подвела итоги и определила важнейшие задачи альнейших исследований в этой области. В Институте археологии подготовлены к печати учебное пособие «Античная археология Северного Причерноморья» (автор — Д. Блаватский) и монография Д. Б. Шелова «Некрополь Танаиса». Вышла в свет нига И. Б. Зеест «Керамическая тара Боспора». Значительный интерес представляет исследование В. И. Цалкина и П. Д. Либерова «История скотоводства в Северном Причерноморье». Совместная работа биолога и археолога позволила всесторонне осветить остояние, а также роль скотоводства и охоты в экономике Северного Причерноморья раннем железном веке.

Древняя история Кавказа представлена двумя вышедшими в прошлом году капитальными исследованиями сотрудников Института археологии—Б. Б. Пиотровского и Ю. И. Крупнова. В монографии Б. Б. Пиотровского «Ванское царство», представляющей второе, значительно расширенное издание, рассмотрены основные проблемы истории и культуры древнейшего государственного образования на территории СССР — Урарту. книге Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», являющейся первым бобщающим трудом по истории древних культур этого района (1 тыс. до н. э.) уточнены вопросы происхождения и размещения на Кавказе древних культурных и этнических общностей. Опубликована также монография В. И. Марковина «Культура племен еверного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.)». В Дагестанском филиале АН ССР завершена работа В. Г. Котовича «Каменный век Дагестана», подводящая итоги изучению самого древнего периода истории республики. Автор приходит к заключению, что вся территория Дагестана была заселена первобытными людьми, начиная с ашельской эпохи.

В нескольких работах освещаются различные вопросы древней истории народов Поволжья. В этой связи прежде всего следует отметить выход в свет сборника статей «Древности Нижнего Поволжья», т. II (отв. ред.— К. Ф. Смирнов и Е. И. Крупнов). В его основу положены материалы полевых работ, проведенных экспедицией Института археологии в зоне затопления Сталинградской ГЭС. Авторы характеризуют раз-

витие культуры племен Нижнего Поволжья с III тыс. до н. э. до X—XII вв. н. э. Издан также сборник статей «Труды Куйбышевской археологической экспедиции». В Институте археологии, кроме того, закончены монография О. Н. Бадера «Турбинские и сейминские могильники» и сборник статей «Памятники абашевской культуры в Поволжье». Обе работы посвящены крупнейшим культурным общностям эпохи бронзы в Поволжье и Прикамье. Заслуживает внимания изданная Казанским филиалом АН СССР монография Г. В. Юсупова «Введение в булгаро-татарскую эпиграфику». В этой книге впервые опубликован научно интерпретированный свод булгаро-татарской эпиграфики, использование данных которой имеет важное значение для изучения этногенеза, истории и языка татарского народа. В этом же филиале опубликованы «Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы» (А. Х. Халиков), «Материалы к археологической карте Марийской АССР» (Г. А. Архипов и А. Х. Халиков), «Материалы к древней истории Поволжья» (А. Х. Халиков и Е. А. Безухов). Вышел в свет первый выпуск «Трудов Мордовской экспедиции», посвященный вопросам этнической истории мордовского народа, его расселению, антропологическому составу, языковой и этнографической характеристике. Том является результатом совместной работы Института этнографии АН СССР и Научно-исследовательского института языка, истории, литературы и экономики Мордовской АССР.

Определенные результаты достигнуты в истекшем году в разработке вопросов происхождения, истории и этнического состава народов Сибири и Дальнего Востока. Картина этнического состава коренного населения Сибири, его численности и расселения в XVII в. дается в вышедшей монографии Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.». Вышла в свет монография Б. Г. Тихонова и Ю. С. Гришина «Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа». Важным этапом в подготовке первой сводной работы по истории тувинского народа является выход первого тома «Трудов Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» (отв. ред.— Л. П. Потапов). Книга отражает результаты первых двух лет работы этой экспедиции (1957—1958 гг.). Сборник «Труды Дальневосточной археологической экспедиции» (т. I, отв. ред.— А. П. Окладников) открывает серию трудов экспедиции, впервые произведшей систематические многолетние работы на Дальнем Востоке, долгое время оставшемся белым пятном на археологической карте. Закончена монография А. П. Окладникова «Поселение эпохи раковинных куч на полуострове «Песчаный» (каменный век Дальнего Востока)».

Ряд вопросов древней истории и этнического состава народов азиатской части СССР был обсужден на конференции по истории, этнографии и археологии Сибири.

Заметные результаты достигнуты в дальнейшем изучении древней истории народов Средней Азии. Этому, в частности, способствовали работы Хорезмской экспедиции (нач.— чл.-корр. С. П. Толстов), продолжавшей свои многолетние исследования, охватывающие материалы огромного хронологического периода — от неолита до средневековья. Вышли в свет два выпуска (3-й и 4-й) материалов этой экспедиции, посвященные изучению памятников первобытного времени, античной эпохи и средних веков на территории Хорезма. Сдан в печать 5-й выпуск «Материалов Хорезмской экспедиции», содержащий публикацию археологических и антропологических материалов могильника Кокча-3 (памятника эпохи бронзы). Завершена монография чл.-корр. С. П. Толстова «По древним руслам Окса и Яксарта», в которой подводится итог новейшим археологическим исследованиям, проводившимся Хорезмской экспедицией на древних руслах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Вышел IV том «Трудов Киргизской экспедиции» (отв. ред.— Г. Ф. Дебец), содержащий ряд работ по совершенно неизученным вопросам этногенеза киргизского народа, в частности родоплеменного состава киргизов. В опубликованной монографии С. С. Черникова («Восточный Казахстан в эпоху бронзы») систематизированы материалы по андроновской культуре Восточного Казахстана, поставлены общие вопросы исторического развития племен эпохи бронзы — создателей этой культуры.

Сбором полевых материалов, связанных с разработкой древнейшего периода истории нашей страны, помимо уже упоминавшихся археологических и этнографических экспедиций, занимались также Среднеазиатская (нач.—Б. Х. Кармышева), Восточно-

захстанская (нач.— С. С. Черников), Красноярская (нач.— М. Н. Грязнов), Оренргская (нач.— К. Ф. Смирнов), Северо-Кавказская (нач.— Е. И. Крупнов), Скифская состепная (нач.— П. Д. Либеров), Молдавская (нач.— Т. С. Пассек), Русская антрологическая (нач.— В. В. Бунак), Прибалтийская комплексная (нач.— Л. Н. Тентьева) и ряд других экспедиций. Во многих экспедициях принимали активное частие археологи, этнографы и антропологи союзных и автономных республик. Рабо археологических и этнографических экспедиций была посвящена объединенная ссия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук Н УССР, состоявшаяся в мае 1960 г. в Киеве. На сессии развернулась оживленная скуссия, которая была продолжена на объединенных заседаниях ученых советов Инитутов археологии АН СССР и АН УССР в Москве.

В целях расширения источниковедческой базы исследований по отечественной тории продолжалась публикация архивных материалов, а также велась работа в обсти вспомогательных исторических дисциплин. Помимо уже упоминавшихся изданий кументов по отечественной истории, можно, например, назвать такие публикации арвных материалов, как «Положение горнорабочих Урала в конце XIX — начале XX в.» здана Институтом истории), «Башкирские шежере» (издана Башкирским филиалом Н СССР, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева), «Материалы и докуенты по истории советской архитектуры» (подготовлены Институтом истории исусств) и т. д. Следует отметить также два первых выпуска продолжающегося издания ститута археологии «Нумизматика и эпиграфика». Весьма полезную работу проделала в течение года Лаборатория консервации и реставрации документов, закончивая, в частности, реставрацию обширного архива Меншикова — ценного фонда докуентов начала XVIII века. Координации работ по публикации документов, а также разитию вспомогательных исторических дисциплин во многом содействовала Археографиская комиссия Отделения исторических наук, руководимая акад. М. Н. Тихомировым. собо следует отметить в данной связи состоявшуюся в Ереване в июне 1960 г. сес ю по вопросам археографии, палеографии и источниковедения, проведенную Археографической комиссией совместно с Научно-исследовательским институтом древних руописей (Матенадараном) при Совете Министров Армянской ССР. На состоявшемся октябре собрании комиссии, в котором приняли участие представители крупйших архивохранилищ страны (Москвы, Ленинграда, Армянской, Узбекской, Украинской ССР и др.), намечено создать сводный каталог рукописей, хранящихся в СССР о конца XIV в.). В издаваемом комиссией «Археографическом ежегоднике» (вышли свет тома за 1958 и 1959 гг.; сдан в печать том за 1960 г.) публикуются статьи вспомогательным историческим дисциплинам, обзоры фондов, рукописных собраний, также отдельные ценные источники.

Наряду с отечественной историей учреждения Отделения уделяли значительное имание изучению истории стран мировой социалистической системы, в первую ередь истории социалистического строительства в этих странах. Возникновению и звитию строя народной демократии в странах Центральной и Восточной Европы, помимо уже упоминавшегося последнего тома «Истории Чехословакии», посвящена вышедшая также из печати книга сотрудницы Института истории АН СССР Н. Д. Смирновой «Образование Народной Республики Албании (1939—1945 гг.)». Большой интерес представляет законченная в прошлом году в Институте славяноведения монография П. В. Галенко «Национализация основных средств производства в Польской Народной Республике». В связи с пятнадцатилетием освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков состоялась сессия Ученого совета Института славяноведения, на которой были заслушаны доклады «Чехословацкая Республика на пути завершения строительства социализма» и «Становление социалистической культуры в Чехословакии».

Заметно продвинулась подготовка работ по истории социалистического строительства в Китайской Народной Республике. В данной связи следует отметить вышедшую из печати монографию В. И. Глунина «Социалистическая революция в Китае». Автор подробно рассматривает установление и упрочение народно-демократического государства в КНР. Основное внимание в книге уделяется конкретному исследованию классовой борьбы между рабочим классом и буржуазией в процессе мирных социалистических преобразований. Вышли в свет коллективный труд «Социалистическое преобразо-

вание сельского хозяйства КНР», работа И. А. Лысенко «Экономическое сотрудничество КНР со странами социалистического лагеря».

Важнейшие вопросы истории социалистического строительства в Монголии получили освещение в подготовленном к печати сборнике «40 лет Монгольской Народной Республики» и изданной монографии Г. С. Матвеевой «Социалистическое преобразование в сельском хозяйстве МНР». Опубликовано второе, переработанное издание книги акад. И. М. Майского «Монголия накануне революции». Достижения вьетнамского народа на пути строительства социалистического общества освещаются в выпущенном к 15-летию ДРВ сборнике статей «Демократическая Республика Вьетнам», в котором опубликовано несколько работ вьетнамских авторов.

Несколько работ посвящено изучению социалистической культуры стран народной демократии и истории культурных связей между народами социалистического лагеря. Так, Институтом славяноведения опубликован пятый выпуск «Литературы славянских народов», в большинстве статей которого рассматриваются вопросы развития социалистического реализма в чешской литературе и освещаются русско-славянские литературные связи. Институт истории искусств подготовил к печати ряд монографий, объединенных общей темой «Становление и передовой опыт социалистического искусства в странах народной демократии» (Л. П. Солнцева — «Театр социалистической Чехословакии», И. В. Нестьев — «Ганс Эйслер и его песенное творчество», В. Г. Клюев — «Театральная эстетика Б. Брехта и социалистический реализм»). Проблемы актерского мастерства в традиционном китайском театре освещаются в завершенной работе З. В. Воиновой «Театр нового Китая». Опубликована монография Н. А. Червовой, представляющая собой исторический очерк, который знакомит читателя с историей китайской гравюры XX века. Выпущен также сборник статей «Вопросы культурной революции в Китае».

В области новой и новейшей истории капиталистических стран особое внимание уделялось разработке таких направлений, как «История международного рабочего движения» и «История международных отношений». В этой связи прежде всего заслуживают внимания изданный Отделением исторических наук сборник статей «Империализм и борьба рабочего класса», посвященный памяти акад. Ф. А. Ротштейна (под ред. акад. В. П. Волгина, акад. А. М. Деборина, акад. И. М. Майского, Н. А. Ерофеева, А. С. Ерусалимского). Во вступительном разделе книги помещены воспоминания Гарри Поллита, Пальм Датта, Уильяма Галлахера и других авторов, специально написанные для этого сборника. В составлении сборника приняли участие 18 советских и 8 зарубежных авторов.

По проблеме «История международного рабочего движения в период общего кризиса капитализма» Институт истории опубликовал сборник статей и материалов «Ноябрьская революция в Германии» (под ред. В. Д. Кульбакина, Я. С. Драбкина, А. С. Ерусалимского и З. К. Эггерт), а также монографии К. Л. Майданика («Испанский пролетариат в национально-революционной войне 1935—1937 гг.») и Ф. Ф. Головачева («Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны»). Завершена также работа над монографиями М. М. Карлинер («Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны») и В. А. Малькова («Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса»). Институтом народов Азии издана книга С. А. Мхитаряна «Рабочее и профсоюзное движение во Вьетнаме» и подготовлена к печати монография С. Н. Ростовского «Деятельность международных рабочих организаций в странах Азии после второй мировой войны (1945—1950 гг.)». Институт славяноведения сдал в издательство монографию И. И. Мельниковой «Классовая борьба в Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929 гг.)».

Среди опубликованных работ по проблеме «История социалистических идей и классовой борьбы пролетариата до общего кризиса капитализма» заслуживает особого внимания монография акад. В. П. Волгина «Французский утопический коммунизм». Книга состоит из трех частей. В первой части рассматриваются взгляды французских утопических социалистов и коммунистов XVII—XVIII веков. Во второй части автор анализирует выступления утопистов во французской прессе 30—40-х годов XIX в., а также программные документы тайных обществ, близких к социализму и коммунизму. В третьей части разбираются важнейшие произведения французских уто-

ческих коммунистов первой половины XIX в. (Дезами, Пийо, Бланки и др.). Нахо-ится в печати монография В. П. Волгина «Сен-Симон и сен-симонизм».

По этой же проблеме в Институте истории издано и закончено несколько работ. том числе вышел в свет II том «Протоколов заседаний Парижской коммуны» (под д. акад. В. П. Волгина, Е. А. Желубовской, А. И. Молока). Эта работа снабжена торико-критическими комментариями и является важным источником для изучения рвого в мировой истории опыта установления диктатуры пролетариата. Завершена дготовка двухтомного коллективного труда, также посвященного истории Парижской ммуны. В его создании приняло участие 30 советских и 6 зарубежных историков. торы двухтомника сделали попытку дать новое научное обобщение истории Париж-ой коммуны. В Институте истории закончена работа над тремя исследованиями по тории международного рабочего движения: М. И. Михайлов — «Союз коммуни-ов — первая международная организация пролетариата», Н. А. Ерофеев — «Эми-ация в Англии в 30—40-х гг. XIX века и ее роль в истории рабочего движения и лониальной политики Англии» и Б. А. Рожков — «Английское рабочее движение в -х годах XIX века». Подготовлен к печати третий том «Французского ежегодника» д. ред. — акад. В. П. Волгин). Большая часть тома посвящена Бабефу в связи с 200-тием со дня его рождения. В составлении этой части тома наряду с советскими ными приняли участие крупные французские историки (Доманже, Собуль и др.).

Дальнейшему углублению исследовательской работы по истории международного бочего движения содействовало проведение научных сессий и дискуссий. Отделе-ие исторических наук провело сессии, посвященные 140-летию со дня рождения Энгельса (совместно с Ученым советом Института истории и Комиссией историков ССР и ГДР) и 200-летию со дня рождения Г. Бабефа (совместно с Ученым советом нститута истории). На заседании группы по изучению истории социалистических дей обсуждались вопросы истории социалистической мысли, недостаточно разработан-ые в мировой литературе (социальные идеи «бешеных», Пизакане, С. Марешаля и .). Особый интерес представляют итоги обсуждения вопросов о социальной основе анних форм утопического социализма, о соотношении эгалитаризма и утопического ммунизма, о роли крестьянской идеологии в генезисе социалистических идей.

По проблеме «История международных отношений в эпоху империализма» Ин-итутом истории выпущена в свет монография В. Г. Полякова «Англия и мюнхен-кий сговор (март—сентябрь 1938 г.)». На основе многочисленных фактов и доку-ентов в книге показано, что Советский Союз был готов оказать необходимую помощь ехословакии, в том числе и военную, в критический для нее период — осенью 938 года. Тем же институтом издана капитальная монография акад. Ф. А. Рот-йтейна «Международные отношения в конце XIX в.».

Вышла в свет книга акад. И. М. Майского «Воспоминания советского посла в ондоне». Опубликована работа С. Б. Горелик «Борьба американского империализма господство в Китае». Автор разоблачает фальсификации реакционных американ-ких историков, утверждающих, что империализм США в конце XIX и начале XX в. якобы выступал за целостность Китая. Закончена монография С. В. Никоновой «Английская политика создания антисоветских блоков (1924—1927 гг.)». Институт стории сдал в печать монографию Г. Н. Севостьянова «Подготовка и развязывание ойны на Тихом океане накануне второй мировой войны».

В Институте народов Азии вышла из печати большая коллективная монография «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке (США и страны СЕНТО)», в которой оказаны характер и методы колониальной политики США в послевоенный период Турции, Иране и Пакистане. К этому труду примыкает книга В. И. Павлова «Эко-омическая независимость Индии и американские кредиты». Институт народов Азии ыпустил также монографию Ю. В. Потемкина «Экономическая политика Франции в транах Магриба». Кроме того, Институтом народов Азии сданы в издательство кол-ективные работы: «США и страны Южной Азии», «США и страны Дальнего остока». Сдана в печать монография А. И. Динкевича «Экономическая и военная помощь» США Японии». В Институте Африки подготовлена к печати монография А. В. Зусмановича «Берлинская конференция 1884—1885 гг.».

Основные усилия научных коллективов, занимающихся новой и новей-ей историей стран Азии и Африки, были сосредоточены на разработке направления

«История национально-освободительной борьбы народов против колониализма и развитие стран Востока, вставших на путь независимости». Координация работ по данному направлению осуществлялась специальным Научным советом, который в течение прошлого года организовал две сессии. Первая из них, проведенная совместно с Государственным комитетом по внешним экономическим связям Совета Министров СССР (в апреле 1960 г.), была посвящена вопросам экономической помощи Советского Союза слаборазвитым странам и экономического проникновения США, Западной Германии и Японии в слаборазвитые страны Азии. В конце 1960 г. состоялась расширенная сессия этого же Научного совета, посвященная проблемам экономической независимости стран Азии и Африки.

Из работ по истории национально-освободительной борьбы колониальных народов в дооктябрьский период следует отметить изданную Институтом народов Азии публикацию «Тайпинское восстание. 1850—1864 гг.», где представлены важнейшие документы, освещающие идеологические, социально-экономические и политические аспекты деятельности тайпинов. Издана также монография Г. Д. Тягай «Очерки истории Кореи во второй половине XIX в.», в которой раскрыты социально-экономические и политические аспекты борьбы корейского народа с японскими колонизаторами накануне захвата ими Кореи.

Вопросам, связанным с распадом колониальной системы, наряду с уже упоминавшимися работами, где эти вопросы затрагиваются в той или иной мере, посвящен подготовленный к печати сборник критических статей «Против колониализма». На экономической секции Ученого совета Института народов Азии были обсуждены вопросы неэквивалентного обмена в период распада колониальной системы империализма.

По проблеме «Африка в колониальной системе империализма и национально-освободительное движение африканских народов» Институт Африки издал ряд научно-популярных брошюр («Африка смотрит в будущее», «Африка меняет лицо», «Заговор против Конго» и др.), а также экономический обзор по странам Африки за 1958 год. По этой же проблеме закончена монография Н. С. Луцкой «Новейшая история Марокко», в которой изложена история национально-освободительной борьбы марокканского народа против испанских и французских колонизаторов (1918—1938 гг.). Сдана в печать монография Л. Н. Прибытковского «Народы Нигерии в борьбе за независимость после второй мировой войны».

Институт Африки провел в истекшем году две дискуссии. Первая из них («Лозунг союза африканских государств») была посвящена обсуждению вопроса о региональных объединениях в Африке. Темой второй дискуссии явился вопрос об этнических и колониальных границах на этом континенте.

Значительно продвинулось вперед изучение экономического, политического и культурного развития стран Азии, ставших на путь независимости. В выпущенных Институтом народов Азии работах (коллективной монографии «Ленин и Восток», книге А. К. Кахарова и Г. М. Прохорова «Дружеская помощь и взаимовыгодное сотрудничество (экономические связи СССР с промышленно слаборазвитыми странами)» и в завершенном сборнике статей «Советско-арабские дружественные связи») раскрывается значение бескорыстной помощи, которую СССР оказывает слаборазвитым странам в укреплении завоеванной ими политической свободы и создании независимой экономики. Опубликован коллективный труд «Государственный капитализм в странах Востока». Тем же институтом издан сборник статей «Проблемы экономики Юго-Восточной Азии». Вышли также в свет коллективный труд «Экономика современной Индии», монография Ю. В. Ганковского и В. Н. Москаленко «Политическое положение в Пакистане (Государственный переворот 1958 г. и военная диктатура)».

Новейшая история ряда стран Азии, которые до сих пор в значительной степени оставались вне поле зрения советских востоковедов, исследуются в изданных Институтом народов Азии монографиях Н. В. Ребриковой — «Очерки новейшей истории Таиланда (1918—1959)», И. Б. Редько — «Непал после второй мировой войны», Э. Д. Талмуд — «Очерки новейшей истории Цейлона». Сдана в печать монография Р. Т. Ахрамовича «Афганистан после второй мировой войны».

Отдельную группу составляют работы, посвященные изучению аграрного вопроса в странах Востока. К числу этих работ относятся опубликованные монографии Р. П. Гу-

ич («Сельское хозяйство Индии и положение крестьянства»), П. П. Моисеева («Аг-ные отношения в современной Турции (1920—1958 гг.)»), а также подготовленная ечати работа Г. Г. Котовского («Аграрный вопрос в современной Индии»).

Вопросы аграрных отношений в странах Азии неоднократно обсуждались на спе-альной творческой группе Института народов Азии.

Особо следует отметить выход в свет коллективной работы «Новая история Индии» в. ред.— К. А. Антонова, Н. М. Гольдберг и А. М. Осипов).

В этой книге исследуются вопросы социально-экономической и политической исто-и Индии с середины XVII в. до 1917 года.

В течение прошлого года литература по истории стран Востока также пополнилась ботами, посвященными исследованию феодальных отношений в этих странах. Заслу-вает внимания, в частности, опубликованная Институтом народов Азии монография П. Петрушевского «Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв.». Ис-рия социально-экономических отношений в Делийском султанате в XIII—середине . в. анализируется в изданной тем же институтом книге К. З. Ашрафяна «Делий-ий султанат». Большое научное значение имеет изданный Институтом этнографии овый том публикации «Древние и средневековые источники по этнографии и истории родов Африки южнее Сахары» (отв. ред.—В. И. Беляев и Д. А. Ольдерогге). Суще-венным вкладом в разработку истории народов Африки является опубликованная в 60 г. монография Д. А. Ольдерогге «Западный Судан в XV—XIX вв.». Подготовлена печати монография А. И. Першица «Хозяйство и общественно-политический строй верной Аравии в XIX в.— первой трети XX в.».

Продолжалась работа по описанию восточных рукописей, находящихся в Инсти-те народов Азии. В 1960 г. закончены работы «Грузинские рукописи Института родов Азии» и «Описание персидских рукописей толковых словарей персидского ыка».

Ряд новых интересных исследований завершен по средневековой истории зару-жных европейских стран. Конкретно-исторический процесс отделения ремесла от ьского хозяйства и города от деревни в Англии X—XII вв. раскрывается на материа-разнообразных источников в опубликованной монографии А. Я. Левицкого «Города городское ремесло в Англии в X—XII вв.». История крестьянских движений в Англии сматривается в книге С. И. Архангельского «Крестьянское движение в Англии 40—50-х годах XVII в.».

Институт истории издал сборник статей Н. П. Грацианского «Из социально-эконо-ческой истории западноевропейского средневековья», посвященных в основном изу-нию земельных отношений. Социально-экономический строй отдельных европейских ран в период раннего средневековья исследуется в опубликованных монографиях П. Каждана («Деревня и город в Византии IX—X вв.») и Г. Г. Литаврина («Бол-рия и Византия XI—XII вв.»), а также в завершенной работе Л. Т. Мильской «Де-вня в Каталонии в X—XII вв.».

Институт этнографии опубликовал «Славянский этнографический сборник», вклю-ющий труды Л. В. Марковой, М. С. Шихаревой и Н. Н. Грацианской. Два из них священы истории сельской общины у болгар и сербов; в третьем исследуется народ-е жилище у словаков, его развитие в связи с социальными изменениями в словацкой ревне и разложением патриархально-семейного быта.

Значительная работа проделана в прошлом году в области публикации источников средневековой истории зарубежных европейских стран. Изданием сборника «Архив-е материалы по истории западноевропейского средневековья» открывается серия бликаций ценных материалов по истории западноевропейского средневековья, храня-ихся в архивах СССР. Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова вышел в свет III том рии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»— ордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica» (перевод с латинского). В «Гети-», принадлежащей перу готского историка Иордана, содержится ценный материал происхождении германских и славянских племен и истории так называемого «вели-го переселения народов». Опубликована византийская сельскохозяйственная энцик-педия X в.— «Геопоники». Этот труд содержит сведения о технике сельского хозяй-ва и агрикультуре, что дает возможность выяснить уровень развития производи-льных сил Византии того периода. Важнейший источник для изучения славянского

права — «Закон судный людем (пространная редакция)» подготовлен к печати акад. М. Н. Тихомировым и Л. В. Миловым. Институтом славяноведения сдана также в печать «Хроника Лаврентия из Бжезова» (совместное издание с Чехословацкой Академией наук), представляющая собою важный источник по истории чешского народа.

Среди изданных Институтом истории работ, посвященных исследованию рабовладельческих обществ в странах Средиземноморья, привлекают внимание монографии К. К. Зельина («Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до нашей эры») и Е. М. Штаермана («Мораль и религия угнетенных классов Римской империи»). В Институте истории завершены исследования Т. В. Блаватской — «Греция микенского времени», К. К. Зельина — «Социальная и политическая борьба в Аттике в VI — начале V века до нашей эры», Е. С. Голубцовой — «Западная Малая Азия в первом веке нашей эры» и Г. Г. Дилигенского — «Северная Африка в IV—V вв. н. э.». С разработкой античной истории стран Средиземноморья связана деятельность Албанской экспедиции (нач. — С. Ислями, научный руководитель — В. Д. Блаватский), продолжавшей раскопки города Аполлонии Иллирийской.

Несколько продвинулось в прошлом году изучение истории зарубежного искусства и литературы. Институт истории искусств, в частности, издал II том монографии В. Н. Лазарева «Происхождение итальянского Возрождения». Вышел в свет сборник «Из истории русского и западноевропейского искусства», в котором большое место занимают статьи по западноевропейскому искусству XIV—XIX веков. Опубликованы монография Г. А. Авенариуса «Чарльз Спенсер Чаплин» и сборник «Французское кино и искусство», в котором отражена борьба прогрессивной французской кинематографии с космополитическими тенденциями «американизации» киноискусства. Подготовлена к печати монография А. Д. Алексеева «Французская фортепьянная музыка». Привлекает внимание хорошо оформленная книга Г. А. Черновой «Миниатюры больших французских хроник».

В Институте славяноведения закончены монография В. В. Витт «Стефан Жеромский и польская литература первой четверти XX в.» и работа М. Б. Ешича «Сербская сатира конца XIX — начала XX в.». В Институте народов Азии опубликован сборник статей в честь акад. И. А. Орбели «Исследования по истории культуры народов Востока» и завершены «Очерки по истории китайской литературы», являющиеся первым выпуском «Очерков по истории китайской культуры».

В комплексных институтах Отделения велась работа по изучению восточных и славянских языков. Среди вышедших по данному разделу исследований особо следует отметить капитальный труд Н. А. Невского «Тангутская филология» (в 2 томах). Это исследование крупного советского востоковеда, скончавшегося накануне войны, подготовлено к печати и издано под редакцией акад. Н. И. Конрада. В изданных томах опубликована рукопись тангуто-русского словаря, составленного Н. А. Невским на основе расшифрованной им иероглифической письменности тангутского народа, создавшего в IX в. свое государство, которое (подобно Хорезму) было разрушено в XIII в. Чингисханом. Н. А. Невский определил значение более 5 тыс. знаков, чем открыл возможность изучения богатейшего уникального фонда тангутских ксилографов и рукописей. Эти материалы были найдены П. К. Козловым при раскопках «Мертвого города» Харахато, засыпанного песками пустыни Гоби, и в настоящее время хранятся в Ленинградском отделении Института народов Азии.

В Институте народов Азии продолжалось издание серии «Языки зарубежной Азии и Африки», получившей положительную оценку научной общественности и вызвавшей интерес как в нашей стране, так и за рубежом.

Опубликована монография И. М. Оранского «Введение в иранскую филологию» — первая обобщающая работа на русском языке по проблемам иранской филологии. Подготовлены к печати работы М. Г. Прядохина («Пособие по изучению нового китайского языка фонетического алфавита»), Г. П. Сердюченко («Материалы по русской транскрипции для зарубежных языков Востока»), Н. А. Сыромятникова («История новояпонского языка») и др.

Из лингвистических работ, сданных в печать Институтом славяноведения, следует отметить монографию С. Б. Бернштейна «Очерк сравнительной грамматики славянских языков». Завершена работа над первым томом «Атласа болгарских говоров» (юго

восточные говоры), подготавливаемым Институтом славяноведения АН СССР совместно с Болгарской Академией наук. Подготовлены к печати монография В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Днепра» и работа О. Н. Трубачева «Происхождение славянских названий домашних животных».

Наряду с созданием обобщающих трудов и монографических исследований сотрудники учреждений Отделения в течение года проделали некоторую работу по подготовке научно-популярной литературы. Среди этой литературы, в частности, привлекают внимание две научно-популярные книги С. И. Ковалева и М. М. Кубланова («Находки в Иудейской пустыне») и И. Д. Амусина («Рукописи Мертвого моря»). Следует также отметить научно-популярные работы И. Б. Берхина («Ленинский план построения социализма»), А. А. Фурсенко («Американская буржуазная революция XVIII в.»), Р. Ф. Иванова («Гражданская война в США 1861—1865 гг.»), Н. Я. Мерперта и Д. Б. Шелова («Древности нашей земли»), Н. Н. Воронина («Любите и сохраняйте памятники древнего искусства), М. Г. Левина («Очерки по истории антропологии в России») и др.

Значительную работу по пропаганде научных знаний проделали Музей антропологии и этнографии и Музей истории религии и атеизма. В течение года эти музеи посетило свыше 1 млн. человек, в том числе много зарубежных деятелей культуры.

Активнее в истекшем году стало участие научных сотрудников учреждений Отделения исторических наук в пропаганде научных и политических знаний. В свете постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» были расширены институтские лекторские группы, членами которых в течение года прочитано свыше 5 тыс. лекций. Большое внимание уделялось актуализации тематики лекций. Преобладающая часть их была посвящена деятельности советской делегации во главе с Н. С. Хрущевым на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 г., разъяснению решений июльского Пленума ЦК КПСС, борьбе Советского Союза за мир, положению в отдельных странах Азии и Африки, вопросам атеизма и др.

Одновременно с подведением итогов работы научных учреждений Бюро Отделения исторических наук рассмотрело на своих заседаниях отчеты за 1960 г. журналов «Вопросы истории» и «Вестник истории мировой культуры». В ходе обсуждения этих отчетов была отмечена большая работа, проделанная за год редколлегиями и редакциями обоих журналов. В решении Бюро Отделения по отчетному докладу главного редактора журнала «Вопросы истории» В. Г. Трухановского, в частности, констатируется, что переход журнала на новый профиль и новую структуру положительно сказался на его содержании; в журнале стало публиковаться больше проблемно-теоретических и историографических статей; значительно полнее, чем раньше, освещается научная жизнь в СССР и за рубежом. Вместе с тем Бюро Отделения отметило, что журнал еще недостаточно освещает развитие советской исторической науки в отдельных союзных и автономных республиках СССР, публикует мало рецензий на выходящую на местах историческую литературу. Было также обращено внимание редколлегии журнала «Вопросы истории» на необходимость установления более тесного контакта с другими историческими журналами.

Подведение итогов работы научных учреждений, объединяемых Отделением исторических наук АН СССР, позволило выявить в их деятельности ряд недостатков и пробелов, на которые прежде не обращалось должного внимания. В процессе обсуждения отчетов особо подчеркивалась необходимость добиться коренного перелома в разработке теоретических проблем исторической науки и в критике методологических основ буржуазной историографии. Было отмечено также медленное развертывание работы по некоторым новым, крупным исследованиям, в том числе по таким важнейшим проблемам, как история стран Африки. Указывалось на отставание в подготовке кадров высшей квалификации, особенно по истории советского общества и новейшей истории зарубежных стран. Было признано, что, несмотря на наличие большого числа специалистов по отдельным разделам истории культуры, все еще не ведется должной подготовки кадров по истории мировой культуры в целом. Недостаточное внимание уделяется подготовке специалистов по вопросам зарубежной археологии.

К числу серьезных, еще непреодоленных недостатков относится слабая координация научно-исследовательской работы по важнейшим проблемам общественных наук

между историками, экономистами, философами и филологами, в том числе между теми, кто работает в системе Академии наук СССР. Все еще недостаточно координируются исследовательские работы между институтами отделения. Не до конца ликвидирована мелкотемность исследований, что существенно препятствует сосредоточению усилий научных коллективов на разработке актуальных и важных в теоретическом отношении проблем. До сих пор в ряде институтов отделения остается недостаточно четким планирование рабочего времени ряда научных работников: некоторые ведущие специалисты чрезвычайно перегружены. Имелись случаи, когда над незаконченными в срок монографиями отдельные сотрудники продолжали работать длительное время, хотя эти исследования уже не значились в плане.

Все еще мало планируется коллективных монографий, являющихся одной из наиболее эффективных форм исследовательской работы в области истории. По-прежнему многие труды имеют описательный характер. Недостаточно еще массовых популярных изданий. Серьезным препятствием широкому распространению работ, подготавливаемых в учреждениях Отделения, являются крайне малочисленные тиражи изданий. Вместе с тем институты не всегда проявляют должную требовательность к качеству рукописей, представляемых в издательство.

Ю. В. Бромлей

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Советские историки торжественно отметили 140-летие со дня рождения Фридриха Энгельса, верного друга и соратника К. Маркса, великого революционера, одного из основоположников научного коммунизма.

История человечества не знала другой такой теории, которая оказала бы столь могучее воздействие на весь ход исторического развития, как великое революционное учение, создателями которого были К. Маркс и Ф. Энгельс. Это и понятно. Маркс и Энгельс дали ответы на важнейшие вопросы развития общества, проблемы, поставленные самим ходом исторического процесса. В своих трудах они научно обосновали неизбежность гибели капиталистического строя и торжества нового общественно-экономического строя — социалистического. Всепобеждающие идеи марксизма, получившие свое дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина, документах КПСС и других коммунистических и рабочих партий, стали ныне знаменем борьбы многих и многих миллионов трудящихся за мир, демократию и социализм. Именно поэтому враги марксизма, апологеты буржуазного общества стремятся всеми силами извратить подлинную сущность научного коммунизма. Так, секретарь Социалистического интернационала Браунталь заявляет, что марксизм представляет собой «подтверждение средневековой христианской концепции общности человечества» [1]. Западногерманский социолог М. Ланге в своих попытках извратить марксизм идет еще дальше. Он пишет, что «марксистское утверждение об исторической роли пролетариата навеяно христианскими представлениями о «страшном суде» [2]. Многие правые социалисты пытаются представить К. Маркса и Ф. Энгельса приверженцами идеологии американских и французских буржуазных революционеров XVIII столетия; из этого «тезиса» делается далее вывод, будто К. Маркс и Ф. Энгельс были противниками диктатуры пролетариата и поборниками буржуазной демократии, «улучшенной» с помощью социальных реформ [3]. Эти рассуждения охотно подхватил французский ревизионист А. Лефевр [4]. Английский историк ревизионистского толка Кристофор Хилл усердно занимается поисками «морального импульса», который якобы лежит в основе марксизма. Таким путем он пытается «снять» революционную сущность и научный характер марксистской теории [5].

[1] «Socialist International Information», 7 августа 1954 года.
[2] M. Lange. Marxismus-Leninismus. Stuttgart. 1957, S. 42.
[3] «Socialist International Information», 8 октября 1955 года.
[4] H. Lefebvre. Problémes actuelles du marxism. Paris. 1958.
[5] См. «New Reasoner», 1958, Summer, № 5, p. 117.

Все эти и подобные им попытки обречены на провал. Марксизм-ленинизм, творчески развиваемый Коммунистической партией Советского Союза, братскими коммунистическими и рабочими партиями, обогащенный практикой социалистического строительства, дает ответ на все главные вопросы современности, вдохновляет многие миллионы трудящихся в борьбе за мир, демократию и социализм.

1—2 декабря 1960 г. в Отделении исторических наук АН СССР состоялась научная сессия, посвященная 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса. В работе сессии, помимо советских историков, приняли участие историки ГДР.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения исторических наук акад. Е. М. Жуков. Во вступительном слове он подчеркнул актуальность проблем, связанных с разработкой истории марксизма, и призвал советских историков активизировать свои усилия в этом направлении. Затем руководитель группы по изучению истории Германии проф. А. С. Ерусалимский и руководитель делегации немецких историков акад. Лео Штерн обменялись приветствиями, выразив уверенность, что совместные усилия историков Советского Союза и Германской Демократической Республики приведут к новым положительным результатам в разработке важнейших проблем всемирной истории.

Доклад на тему «Ф. Энгельс — вождь и учитель международного пролетариата» прочитала доктор исторических наук Е. А. Степанова. Она отметила, что в современную эпоху марксистско-ленинское учение одерживает все новые и новые победы. Марксизм-ленинизм является источником силы коммунистических и рабочих партий, имеющихся в настоящее время в 87 странах и объединяющих в своих рядах свыше 36 млн. человек. Марксизм создавался в тесном содружестве двух гениев — К. Маркса и Ф. Энгельса. И хотя в свершении их совместного титанического научного подвига первое место принадлежит К. Марксу, Ф. Энгельс также внес неоценимый вклад в создание и развитие марксизма. Основы нового, революционно-материалистического мировоззрения были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в их первых совместных трудах «Святое семейство» и «Немецкая идеология».

Ф. Энгельс принял непосредственное участие в разработке первого программного документа научного коммунизма — «Манифеста Коммунистической партии», в котором дано цельное и стройное изложение основ исторического материализма. Энгельс написал проект этого документа, известный под названием «Принципы коммунизма». Маркс и Энгельс впервые превратили философию в науку, правильно освещающую основные законы развития природы, общества и человеческого мышления.

Маркс и Энгельс всегда подчеркивали, что успех международного рабочего движения в решающей мере зависит от нерушимого единства пролетариев всех стран. Они учили, что всякое нарушение этого единства, разобщенность в действиях пролетарских партий, национальных отрядов рабочего класса лишь ослабляют позиции пролетариев и укрепляют позиции буржуазии. Отметив, что Маркс и Энгельс боролись против любых попыток противопоставить национальные интересы пролетариата его интернациональным интересам, докладчик обстоятельно показал, как в наше время принципы пролетарского интернационализма практически воплощаются в нерушимом содружестве стран социалистического лагеря, в дальнейшем укреплении единства братских коммунистических и рабочих партий, всего международного коммунистического и рабочего движения.

Экономические исследования Маркса явились новым важным этапом в развитии диалектического и исторического материализма. Задача изложения марксистской философии и других составных частей марксизма была выполнена Ф. Энгельсом в работе «Анти-Дюринг», которую справедливо называют энциклопедией марксизма, освещающей широкий круг вопросов философии, политической экономии и социализма. Далее Е. А. Степанова показала значение трудов Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Диалектика природы», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», а также охарактеризовала его работу над вторым и третьим томами «Капитала», о которых В. И. Ленин писал, что это труд двоих: Маркса и Энгельса. На протяжении всей своей общественно-политической деятельности Маркс и Энгельс горячо поддерживали борьбу народов против национального гнета, они призывали рабочий класс к активному

участию в этой борьбе. В настоящее время коммунистические и рабочие партии, вооруженные великими идеями марксизма-ленинизма, стоят в авангарде борьбы за полную ликвидацию позорной системы колониализма.

Ф. Энгельс внес огромной значимости вклад в разработку учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса, о диктатуре пролетариата. После смерти К. Маркса Ф. Энгельс опубликовал его труд «Критика Готской программы», написал введение к «Гражданской войне во Франции», дал замечания на проект Эрфуртской программы. Ф. Энгельс, как и К. Маркс, допускал при определенных условиях возможность мирного завоевания власти пролетариатом. В то же время Энгельс разоблачал порочную идею «врастания» капитализма в социализм, ставшую ныне излюбленным тезисом правой социал-демократии и современного ревизионизма. Борясь с реформизмом и соглашательством в социалистических партиях, Энгельс резко критиковал догматизм и сектантство во всех его видах.

В докладе Е. А. Степановой была освещена также борьба Ф. Энгельса с милитаризмом, с угрозой войны. Традиции борьбы за мир стали законом деятельности всех коммунистических и рабочих партий.

Большой интерес представил тот раздел доклада, где Е. А. Степанова разоблачила жалкие попытки современных буржуазных и ревизионистских критиков противопоставить Энгельса Марксу, а также молодого Маркса зрелому Марксу. Некоторые «критики» марксизма пытаются охарактеризовать это великое учение как этическую концепцию, представить его не наукой, а утопией. С усердием, достойным лучшего применения, они стремятся извратить марксизм и его историческую роль в развитии общественной мысли. Докладчик дал резкий отпор подобной «критике», развенчал жалкие попытки принизить значение великого марксистского учения.

Содержательный доклад о борьбе Фридриха Энгельса за победу марксистской теории государства и революции прочитал Хорст Бартель (ГДР). Х. Бартель остановился также на современной борьбе марксистов-ленинцев с оппортунистами по вопросам государства и революции.

Докладчик подчеркнул, что восприятие марксистской теории государства и революции всегда было основным показателем действительно революционного подхода к рабочему движению. Принципиальная противоположность в решении этого вопроса между СЕПГ и КПГ, с одной стороны, и правыми лидерами СДПГ — с другой, отражает противоположность их политической линии. В программе, принятой на съезде СДПГ в Годесберге в 1959 г., сказано: «Правительство и оппозиция выполняют различные задачи равного значения, и те и другие несут ответственность за государство» [6]. Прикрываясь этой программой, правые лидеры СДПГ — Венер, Брандт, Кнёринген, Моммер, Эрлер и др.— 30 июня 1960 г. проголосовали за внешнеполитический курс Аденауэра, а в ноябре 1960 г.— на последнем съезде СДПГ в Ганновере — провели резолюцию, в которой они фактически поддержали предложение о вооружении бундесвера атомным оружием. Наряду с этим правые лидеры СДПГ вместе с Аденауэром, Штраусом, Глобке и Шредером проводят политику антикоммунизма, клевещут на социалистические государства и прежде всего на ГДР и СССР. В своем выступлении на съезде в Ганновере один из лидеров СДПГ, Брандт, открыто заявил, что лидеры СДПГ готовы не только поддерживать внутреннюю и внешнюю политику Аденауэра, но даже согласны проводить ее сами. Это предательство интересов рабочего класса превосходит все, что знала история оппортунизма в Германии. Однако рядовые социал-демократы и некоторые из лидеров СДПГ стоят на других позициях: они обеспокоены опасностью атомного вооружения, призывают к установлению мира во всем мире.

В этих условиях, подчеркнул докладчик, изучение истории борьбы Маркса и Энгельса с оппортунистами, в частности по вопросам государства и революции, имеет большое практическое значение. Х. Бартель отметил, что высказанная Марксом и Энгельсом мысль о несовместимости национальных интересов немецкого народа с прусско-германским милитаризмом и о необходимости уничтожения последнего стала ведущей в социалистическом движении Германии. Борьба за республику, за демократию отвечала интересам всех передовых немецких граждан. Эта борьба могла стать успеш-

[6] «Vorwärts», 20 ноября 1959 года.

ной только в том случае, если бы ею руководил рабочий класс. Против этого тезиса Маркса и Энгельса выступили оппортунисты, стремившиеся внедрить в сознание масс идею «государственного социализма», за который они пытались выдать систему бонапартистских мероприятий реакционного правительства Бисмарка (ограничительные пошлины, передача железных дорог в государственную собственность, учреждение государственной монополии на табак). На большом фактическом материале Г. Бартель тщательно прослеживает этапы и методы борьбы Ф. Энгельса против названных тенденций оппортунистов в 80-е годы прошлого столетия. Энгельс, разоблачая правых оппортунистов, подчеркивал, что завоевание политической власти пролетариатом является важнейшей всемирно-исторической задачей рабочего класса. Однако правые лидеры социал-демократии после смерти Энгельса предали забвению эти указания, чем расчистили дорогу оппортунизму и облегчили ревизионизму временную победу в немецком рабочем движении начала XX века.

В настоящее время, указал докладчик, наследие Маркса и Энгельса представляет собой золотой фонд международного рабочего движения. СЕПГ и КПГ воплощают в себе лучшие традиции истории германского пролетариата и его борьбы за социализм.

В докладе Я. И. Линкова «Ф. Энгельс и революционное движение в России» были прослежены связи Маркса и Энгельса с передовыми русскими политическими деятелями. Эти связи стали особенно тесными и значительными в последние годы жизни основоположников научного коммунизма. Маркс и Энгельс переписывались со многими русскими демократическими и революционными деятелями. В этой переписке освещались многие проблемы внутриполитического и экономического положения царской России, ее внешняя политика, вопросы революционного движения.

Маркс и Энгельс живо интересовались Россией — страной, игравшей важную роль на международной арене. Они изучали ее историю, социально-экономические отношения, знакомились с достижениями русской науки и культуры, читали в подлинниках творения русских мастеров слова.

Докладчик подчеркнул, что Маркс и Энгельс высоко ценили усилия передовых русских людей найти ответы на насущные вопросы, выдвигавшиеся в процессе борьбы народов России с крепостничеством и царизмом. Письма русских политических деятелей к Марксу и Энгельсу наглядно иллюстрируют ленинское положение о том, что марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [7]. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали самоотверженную борьбу народников с царизмом, хотя и подвергали критике их общие политические и экономические концепции. Следует отметить, что Я. И. Линков, по нашему мнению, недостаточно раскрыл причины, вследствие которых Маркс и Энгельс длительное время считали возможным воздерживаться от резкой полемики с народниками. Основоположники научного коммунизма видели, что внутри России в то время не было другой революционной силы, но они полагали, что ход революции в России вызовет к жизни иные силы народа и приведет к краху народнической идеологии.

После смерти Маркса Энгельс, продолжая руководить международным рабочим движением, по-прежнему уделял большое внимание России. В заключительной части доклада Я. И. Линков охарактеризовал взгляды Энгельса на характер и направление деятельности первых русских марксистов.

С содержательным докладом «Борьба Фридриха Энгельса за национальное единство Германии во время революции 1848—1849 годов» выступил на сессии проф. Карл Оберманн (ГДР).

К. Оберманн подчеркнул, что революция 1848—1849 гг. была выдающимся событием в германской истории. В ходе этой революции должны были быть решены важнейшие вопросы социально-экономического развития Германии и ее национального объединения. Маркс и Энгельс глубоко изучили и проанализировали характер и уроки этой революции. Ее опыт имеет громадное значение для современной борьбы за единую, подлинно демократическую Германию, ибо ныне, как и в 1848 г., борьба за

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 9.

единство немецкого государства неразрывно связана с борьбой против реакции и милитаризма.

К. Оберманн отметил, что национальные интересы немецкого народа в 40-е годы прошлого века требовали революционного свержения феодального абсолютизма, создания единого германского государства, демократического решения национального и аграрного вопросов. Борьба за решение главной проблемы революции 1848 г. — объединение Германии — была непосредственно связана с борьбой за демократию. Именно поэтому накануне и во время революции Маркс и Энгельс прилагали огромные усилия к тому, чтобы создать в Германии партию, способную довести до конца буржуазно-демократический переворот, добиться объединения Германии на демократической основе. Революционное движение 1848 г. в Германии с первого дня было движением народным, в котором рабочие составляли ведущий элемент, однако недостаточная политическая организованность пролетариата обусловила его поражение. Слабостью рабочего класса воспользовалась буржуазия, предавшая дело единства и демократизации Германии.

К. Оберманн, используя новые материалы, обнаруженные в архивах ГДР, рассказал об отдельных эпизодах борьбы Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии в Германии. Он обстоятельно осветил роль Энгельса в мобилизации демократических сил, в организации пролетариата для борьбы против реакции и милитаризма. Под воздействием нараставшего революционного движения, под влиянием идей Маркса, Энгельса и их товарищей по Союзу коммунистов наиболее передовая часть немецкого пролетариата все более осознавала свою революционную силу и стремилась к созданию в Германии самостоятельной революционной рабочей партии. Однако восторжествовавшая в 1849 г. реакция потопила в крови демократическое движение и сорвала действия по организации массовой партии пролетариата.

В дни вооруженной борьбы народных масс Южной Германии против армии прусского короля Энгельс героически сражался в составе революционного добровольческого отряда Виллиха. В кровопролитных боях участвовали многие немецкие пролетарии-коммунисты. Маркс, Энгельс и их друзья по Союзу коммунистов явились наиболее последовательными и решительными борцами за единство и демократизацию Германии в годы революции. Наследником дела Союза коммунистов являются ныне немецкие коммунисты — руководящая сила в борьбе за разрешение коренных национальных задач немецкого народа.

Участники сессии прослушали также доклад доктора исторических наук Г. Н. Севостьянова «Значение работ Ф. Энгельса по американскому капитализму для современного рабочего движения США».

Г. Н. Севостьянов напомнил, что переход от капитализма к социализму сопровождается острой идеологической борьбой между силами прогресса и реакции. Буржуазная социология стремится всеми силами «опровергнуть» теорию научного коммунизма. Особое усердие в этом направлении проявляют апологеты американского капитализма, рекламирующие теорию «исключительности» развития США, государства «всеобщего благоденствия». Эти люди, пытаясь доказать, что марксизм якобы неприменим к США, объявляют его «догмой», на все лады твердят, будто за последние годы изменилась самая природа капитализма. Так, проф. Томас Карвер, утверждающий, что в США якобы произошла «экономическая революция», в результате которой «ликвидировано расстояние между рабочими и капиталистами», договорился до того, что в США «на деле не существует классов». К этим фальсификаторским утверждениям присоединяют свой голос правые лидеры американских профсоюзов.

В трудах Энгельса об американском капитализме содержится глубокий анализ экономического и политического развития США, прозорливо определены тенденции дальнейшего хода развития важнейших социально-экономических процессов. Ф. Энгельс предугадал, что падение рабства в южных штатах приведет, и очень скоро, к быстрому развитию производительных сил США и «страна переживет такой подъем, который в кратчайший срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории...» [8]. И действительно, через 2—3 десятилетия после окончания гражданской войны эта страна заняла первое место в мире по уровню промышленного производства. В письме

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 424.

к Ф. Зорге Энгельс писал: «Капиталистическая централизация продвигается у вас семимильными шагами,— совсем не так, как здесь» [9] (то есть в Европе).

К. Маркс и Ф. Энгельс внимательно следили за развитием пролетарской борьбы в Соединенных Штатах. О всеобщей забастовке железнодорожников (июль 1877 г.) Маркс писал Энгельсу, что «этот первый взрыв... весьма вероятно, может послужить в Соединенных Штатах исходным пунктом для образования серьезной рабочей партии» [10]. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали активность американского пролетариата в борьбе с капиталистической эксплуатацией. Они справедливо указывали на неизбежность возникновения самостоятельной пролетарской партии в США. Энгельс был тесно связан с деятелями американского социалистического движения. Он переписывался с Ф. Зорге, Т. Куно, Ф. Келли-Вишневецкой, Г. Шлютером и другими.

В период своего пребывания в США (с 17 августа по 19 сентября 1888 г.) Ф. Энгельс встречался с Ф. Зорге и другими марксистами. Все, что Энгельс увидел в США, подтвердило его выводы. Америка предстала перед ним как страна социальных контрастов и резко выраженной классовой борьбы. Свои наблюдения о своеобразии домонополистической стадии развития капитализма в США Ф. Энгельс изложил в переписке с американскими марксистами и в ряде своих работ. Важнейшие указания Энгельса по вопросам американского рабочего движения сохранили актуальность до наших дней. Г. Н. Севостьянов подчеркнул, что Коммунистическая партия США в борьбе за мир, за единство действий рабочего класса, за демократию и социализм широко использует труды великих основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Материалы юбилейной сессии представляют большой научный и политический интерес. Их опубликование, несомненно, было бы весьма полезно.

М. И. Михайлов

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 529.
[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 484.

III МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В сентябре 1960 г. в столице Советской Украины, городе Киеве, состоялся третий межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Симпозиумы по аграрной истории стали теперь уже традиционными. Киевская сессия по своему размаху значительно превосходит предшествовавшие ей таллинскую и московскую сессии. Достаточно сказать, что в Киеве было прочитано свыше 60 докладов и сообщений, более 100 человек выступило в прениях. Сессия вылилась в широкое собрание историков-аграрников. В работе симпозиума приняло участие около 150 ученых Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, Молдавии, различных городов Российской Федерации. На обсуждение был вынесен ряд важных вопросов истории стран Восточной Европы XIV — начала XX века. Среди них вопрос о социальном расслоении крестьянства в России в XVI—XIX вв.; вопрос об уровне развития капитализма в русской деревне в начале XX в.; проблема крестьянского движения в пореформенной России и т. д.

Работа симпозиума проходила на пленарных и секционных заседаниях. На пленуме были обсуждены проблемные, обобщающие доклады, на секциях — в основном сообщения по конкретным вопросам. Всего работало пять секций, построенных по хронологическому принципу. Первая секция охватывала период до XVII в.; вторая — с середины XVII до конца XVIII в.; третья — первую половину XIX в.; четвертая — вторую половину XIX в.; пятая — XX век.

Большинство докладов и сообщений, обсужденных на симпозиуме, выполнено на высоком научном уровне, в них сделаны попытки решить или по-новому поставить

некоторые слабоизученные вопросы, в научный оборот введен свежий, до сих пор не публиковавшийся документальный материал.

Основное место на пленарных заседаниях, а частично и в секциях заняла проблема социального расслоения крестьянства. Повышенный интерес к этой теме обусловлен возрастающим вниманием советских историков к сложной проблеме генезиса капитализма в России и других странах Восточной Европы, где этот процесс по сравнению с Западной Европой отличался своеобразием, имел свои специфические особенности. На симпозиуме в Москве во время обсуждения докладов академика С. Д. Сказкина и В. К. Яцунского о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Восточной Европы и России проблема социального расслоения крестьянства заняла центральное место в прениях, которые показали ее недостаточную изученность в исторической науке. И уже менее чем через год, на III симпозиуме, было представлено большое количество докладов, трактующих проблему социального расслоения в разные периоды и для различных категорий крестьянства.

Это показывает, что вопрос о социальном расслоении крестьянства интересует многих советских ученых.

Из шести докладов, обсуждавшихся на пленарных заседаниях симпозиума, проблеме социального расслоения крестьянства было посвящено четыре.

Попытка подвести некоторые итоги изучения проблемы, выявить спорные и нерешенные вопросы была сделана И. Д. Ковальченко (МГУ) в докладе «Расслоение крестьянства в России в конце XV — первой половине XIX в. в освещении советской историографии». Исходя из ленинских положений, докладчик предложил такое понимание проблемы: расслоение крестьянства являлось длительным процессом, его завершающей стадией было разложение крестьянства. Расслоение вызывалось экономическими факторами, крепостничество задерживало этот процесс. Необходимо различать расслоение промыслового крестьянства и земледельческого, ибо в земледелии развитие капиталистических отношений происходило гораздо медленнее. Указанные ленинские положения И. Д. Ковальченко считает относящимися ко всему процессу расслоения крестьянства. Отмечая, что наряду с ними для правильного понимания проблемы важна ленинская характеристика разложения крестьянства в пореформенной России, докладчик наметил наиболее существенные признаки разложения: количественное сокращение среднего крестьянства, концентрация основной доли производства в руках деревенской верхушки, преобладание наемного труда, пролетаризация бедноты, типичность всех этих явлений. Исходя из указанных теоретических посылок, И. Д. Ковальченко рассматривает советскую литературу по проблеме социального расслоения и отмечает, что, несмотря на определенные успехи, разработка ее в настоящее время находится на начальной стадии.

В ряде работ, по его мнению, допущены серьезные ошибки методологического, а главным образом методического характера, приводящие к преувеличению элементов буржуазного развития деревни. Ряд исследователей, отметил докладчик, делает выводы о расслоении крестьянства, не показав места и не раскрыв значения фактов найма и продажи рабочей силы (статьи А. А. Преображенского, К. Н. Щепетова, И. А. Булыгина, Е. И. Индовой в сборнике «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.»). Другим крупным недостатком является смешение пролетаризации крестьянства с его пауперизацией, которая вызывалась не развитием капиталистических отношений, а усилением крепостнической эксплуатации и фискального гнета (статьи А. А. Преображенского, Г. Д. Балуевой в том же сборнике). Следующая ошибка, по мнению И. Д. Ковальченко, кроется в игнорировании учета всей совокупности данных о крестьянском хозяйстве (статьи Е. И. Индовой, Г. Д. Балуевой, монография К. Н. Щепетова «Крепостное право в вотчинах Шереметева»). Многие историки, сказал докладчик, уходят от определения типичности изученных ими явлений (статьи в сборнике «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.», «Очерки истории СССР. Период феодализма. Вторая половина XVIII в.»).

И. Д. Ковальченко подчеркнул отсутствие единой позиции по вопросу об этапах расслоения крестьянства. Одни ученые, говорил он, вообще не выделяют какие-либо этапы, рассматривая расслоение как процесс, связанный с разложением феодальных и зарождением новых отношений (академик С. Г. Струмилин в монографии «История чер-

ной металлургии в СССР», А. И. Копанев в статье в сборнике «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия»). Другие, очевидно, признают наличие трех этапов, ибо отличают расслоение от простого имущественного неравенства и от разложения крестьянства. Большинство исследователей говорит о двух этапах: простом имущественном неравенстве и социальном расслоении, или разложении. В целом И. Д. Ковальченко признал, что теоретически вполне допустимо ставить вопрос о наличии расслоения в XVII—XVIII вв., но для этого надо по-иному подходить к изучению конкретного материала, необходимо расширить круг источников (подворные описи и т. п.) и усовершенствовать методы их обработки.

Попытка показать развитие социального расслоения крестьянства в XVI—XVII вв. и в первой половине XIX в. была предпринята И. Д. Бойко (Институт истории АН УССР), А. З. Барабоем (Институт истории АН УССР) и Н. В. Устюговым (Институт истории АН СССР) [1].

И. Д. Бойко привел для различных районов Украины конца XVI — первой половины XVII в. документальный материал, доказывающий, по его мнению, что в то время более 40% крестьян не имели или почти не имели земли и жили продажей своей рабочей силы в промышленности и в земледелии, в том числе в зажиточных крестьянских хозяйствах, составлявших в среднем в различных районах Украины от 10 до 20%. Хозяйства зажиточных крестьян были прочно связаны с рынком. Все это дало ему основание утверждать, что в конце XVI, а тем более в первой половине XVII в. на Украине имел место процесс социально-экономического расслоения крестьянства, что отвечает высказываниям К. Маркса и В. И. Ленина о появлении зачатков разложения крестьянства еще при господстве натурального хозяйства. Не следует, однако, отметил И. Д. Бойко, переоценивать интенсивность и глубину расслоения украинского крестьянства, ибо оно происходило в условиях господства феодальных отношений.

Н. В. Устюгов на основании различных источников (главным образом писцовых и переписных книг) по Соликамскому и Яренскому уездам, исторической литературы и собственных исследований показал на примере черносошной деревни процесс социального расслоения крестьянства. Н. В. Устюгов отметил, что в черносошной деревне выделилась верхушка, переходившая к товарному производству зерна и других продуктов. Для некоторых хозяйств была характерна не только эксплуатация половников, но и применение вольнонаемного труда. Категорию наймитов составляли как лишившиеся земли местные крестьяне, так и крестьяне, пришедшие из соседних уездов Поморья. Земельной мобилизации способствовало долевое землевладение в Поморье, при котором можно было продавать, покупать, обменивать земельные участки. Крупную роль играла и финансовая политика царского правительства, способствовавшая разорению малосостоятельных слоев деревни. В Кунгурском уезде, например, к началу XVIII в. 13% крестьян не имели земли. К концу XVII столетия работа половников в хозяйствах богатых крестьян вытесняется эксплуатацией наемных людей. Богатые крестьяне широко развертывали скупщические операции в деревне. Обедневшие поморские крестьяне продавали свою рабочую силу не только в земледелии, но и на водном транспорте и даже в промышленности, главным образом солеваренной. Н. В. Устюгов делает отсюда вывод, что изученные им явления позволяют относить начало социального расслоения русской черносошной деревни, которое в дальнейшем приводит к капиталистическому расслоению, именно к XVII веку.

А. З. Барабой показал процесс расслоения крестьянства Правобережной Украины для конца XVIII — первой половины XIX в. путем сопоставления данных инвентарей помещичьих имений. Причинами расслоения, по мнению А. З. Барабоя, было втягивание как помещиков, так и самих крестьян в товарно-денежные отношения, развитие помещичьей промышленности, углубление разделения труда среди крестьян. Новой чертой для Украины первой половины XIX в. является появление и увеличение числа постоянных батраков, подвергавшихся эксплуатации в хозяйствах богатых крестьян.

---

[1] И. Д. Бойко. Расслоение украинского крестьянства во второй половине XVI — первой половине XVII в.; А. З. Барабой. К вопросу о расслоении крестьянства на Правобережной Украине в первой половине XIX в.; Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.

На симпозиуме были заслушаны также выступления академика С. Д. Сказкина (Институт истории АН СССР), А. И. Данилова (Казанский университет), В. М. Лавровского и А. Н. Чистозвонова (Институт истории АН СССР), являющихся специалистами по аграрной истории Западной Европы. Так, А. И. Данилов отметил, что в советской медиевистике считается прочно установленным фактом наличие далеко зашедшего имущественного и социального неравенства среди крестьянства в эпоху раннего средневековья. Опираясь на полиптики и другие источники, А. И. Данилов показал, что в каролингской монархии VIII—IX вв., с одной стороны, было значительное количество крестьян, у которых не было скота, крестьян, у которых не было надела, крестьян, освобожденных от барщины в силу их нищеты, и, с другой стороны, были крестьяне, имевшие в своем пользовании несколько наделов. А. И. Данилов привел также ряд фактов, доказывающих применение, конечно, в ограниченных размерах, наемного труда в каролингской деревне.

С. Д. Сказкин подчеркнул, что имущественная дифференциация характерна для крестьянства на протяжении всей его истории. Яркие примеры этой дифференциации в средневековой Англии дает знаменитая книга Страшного суда XI в., свидетельствующая о том, что наем нередко в принудительной форме применялся в феодальной деревне.

А. Н. Чистозвонов отметил, что в XIII в. в ряде областей Италии, во Фландрии, Франции была весьма сильно развита денежная рента, имело место свободное отчуждение крестьянского надела, субаренда, встречались промысловые деревни. В XIV в. все эти явления получили значительное развитие и географическое распространение. Ряд соображений аналогичного характера высказал и В. М. Лавровский.

Выступавшие в прениях исследователи (их было 22 человека) коснулись методологии проблемы и теоретической постановки вопроса. Выявились различные взгляды на проблему. Академик С. Д. Сказкин, А. И. Данилов, В. М. Лавровский, А. Н. Чистозвонов, В. К. Яцунский выступили против тех выводов, которые И. Д. Бойко и Н. В. Устюгов сделали из материала своих докладов. Подчеркивая необходимость руководствоваться едиными методологическими критериями при изучении генезиса капиталистических отношений в Западной Европе и в России, они утверждали, что лишь с превращением эксплуатации наемного труда в систему и при таком расслоении крестьянства, которое приводит к образованию новых типов сельского населения, можно говорить о генезисе капитализма в земледелии. В. К. Яцунский указывал, что все явления, о которых говорилось в докладах, вполне укладываются в рамки феодализма, ибо феодальная формация не застойна, ей свойственно развитие, и что история Поморья после XVII в. опровергает выводы Н. В. Устюгова. А. Н. Чистозвонов высказался за изучение расслоения в тесной связи с развитием производительных сил, с процессом первоначального накопления. С. М. Дубровский, Ю. Ю. Кахк, А. Н. Чистозвонов, Е. П. Шлоссберг отметили в качестве одного из самых существенных недостатков докладов игнорирование выявления дальнейшей судьбы наймитов и работодателей. Е. П. Шлоссберг считает, что в Белоруссии в связи с наметившимся в XVI в. переходом к денежному хозяйству начиналось расслоение крестьянства, однако с развитием фольварков произошла известная нивелировка зависимого населения.

Б. Б. Кафенгауз и А. Л. Шапиро призвали отказаться от неудачного, по их мнению, термина «социальное расслоение», ибо всякое неравенство и расслоение по своей природе социально. Б. Б. Кафенгауз предложил перейти к понятиям феодального и капиталистического расслоения.

А. Г. Маньков нарисованное в докладах расслоение прямо назвал феодальным. В то же время И. П. Хлыстов призвал отказаться от термина «расслоение», заменив его термином «разложение».

А. П. Пьянков, В. М. Лавровский, И. П. Хлыстов предложили при изучении проблемы исходить из эволюции феодальной ренты и замены ее капиталистической рентой. А. П. Пьянков, исходя из того, что лишь с конца XVIII в. в центральных районах России начинает преобладать денежная рента, полагает, что в XVII—XVIII вв. расслоение крестьянства было связано с феодальным строем, ибо этот период характерен прочностью натурального хозяйства.

А. П. Пьянков, И. П. Хлыстов, С. О. Шмидт, З. А. Огризко призывали при изучении расслоения строго придерживаться порайонного принципа.

Те из выступавших, кто относил начало социального расслоения крестьянства в феодальной России ко времени до XIX в., расходились в определении начальной грани процесса. А. М. Разгон считает, что лишь с XVIII в., когда в недрах феодализма стал развиваться капиталистический уклад, можно говорить о процессе расслоения, а не об отдельных его чертах. А. Л. Шапиро датирует начало расслоения XVII столетием, когда разорявшиеся крестьяне стали продавать свою рабочую силу в промышленности и на транспорте, а разбогатевшие крестьяне становились предпринимателями; однако в крестьянском земледельческом хозяйстве XVII в. наемный труд применялся изредка. Ю. А. Тихонов поддержал точку зрения об установлении трех этапов единого процесса: имущественное неравенство, свойственное периоду раннего и развитого феодализма; социальное расслоение, бытовавшее в период позднего феодализма в России начиная с XVII в.; разложение крестьянства, характерное для капиталистической формации во второй половине XIX века. По его мнению, социальное расслоение является как бы предысторией разложения крестьянства. А. З. Барабой отличает имущественное неравенство от социального расслоения и последнее от капиталистического расслоения, или разложения, которое начинается с конца XVIII в.; начало социального расслоения он относит к XVI веку.

В. А. Голобуцкий, Д. П. Маковский, И. Г. Рознер, датирующие в своих работах начало капиталистических отношений в русском земледелии XVI в., также заявили о своем несогласии с теми, кто не признает начала капиталистического расслоения в сельском хозяйстве до XIX в. либо считает наличие этого процесса недоказанным. По их мнению, такая точка зрения ведет к отрицанию того положения, что капитализм вызревает в недрах феодальной формации, а кроме того, не учитывается общее экономическое развитие страны, ведущее к становлению капиталистического способа производства.

В адрес докладчиков было сделано немало конкретных критических замечаний. И. П. Хлыстов, А. М. Разгон, З. А. Огризко, А. Л. Шапиро, Ю. А. Тихонов расценили требование И. Д. Ковальченко о всестороннем анализе крестьянского хозяйства, о выявлении типичных черт в его облике как невыполнимое в силу ограниченности источниковедческой базы. З. А. Огризко указала также, что подобное требование исходит из забвения того, что экономика XVII—XVIII вв. именно отличалась большим разнообразием форм. Не у всех встретило поддержку исходное положение И. Д. Ковальченко, сводившего, по существу, процесс социального расслоения к разложению крестьянства. Некоторые из выступавших высказались против резкого размежевания земледельческих занятий крестьян и промысловых.

А. П. Пьянков, А. М. Карпачев, А. М. Разгон упрекали И. Д. Бойко за переоценку явлений, показанных им в докладе, в односторонней подаче исследуемого материала.

А. Г. Маньков и С. Д. Сказкин критиковали Н. В. Устюгова за игнорирование крепостнических порядков в Поморье. А. Г. Маньков считает фискальный гнет тормозящим фактором процесса расслоения.

Таким образом, прения, вылившиеся в острую дискуссию, показали неразработанность проблемы социального расслоения крестьянства. Предстоит еще много сделать как в изучении вопроса в теоретическом плане, так и в накоплении конкретного исторического материала. Симпозиум показал, что плодотворная разработка проблемы возможна только коллективными усилиями всех ученых, специализирующихся в области как отечественной, так и зарубежной истории.

Ряд докладов и сообщений был посвящен крестьянскому движению, особенно в новое и новейшее время [2]. На пленуме этой проблеме был посвящен доклад Н. Н. Лещенко (Институт истории АН УССР).

[2] Н. Н. Лещенко. Методика изучения размаха и форм крестьянского движения XIX в.; Ф. И. Стеблий (Институт общественных наук АН УССР). Крестьянское движение в Восточной Галиции в первой половине XIX в. и его роль в развитии аграрных отношений; И. И. Костюшко (Институт славяноведения АН СССР). Крестьянское движение в Царстве Польском в годы проведения земельной реформы (1864—1870 гг.); Г. М. Дейч (Псковский пединститут). Об изменении характера и форм крестьянского движения в Псковской губернии в XIX — начале XX в.; Ю. И. Кирь-

Разработка вопросов истории крестьянского движения XIX в., отметил Н. Н. Лещенко, имеет не только научный, но и практический интерес. Актуальность данной тематики заключается в том, что она дает возможность глубоко познать причины и характер классовых противоречий в деревне и изучить многогранный опыт, приобретенный крестьянством в борьбе с эксплуататорами. Этот опыт был обобщен и использован Коммунистической партией в эпоху буржуазно-демократических и социалистической революций. В огне классовых битв крестьянство показало образцы мужества и самоотверженности, являющиеся источником воспитания советских людей в духе животворного советского патриотизма и классовой ненависти к угнетателям.

Несмотря на большую работу, проделанную советскими историками, сказал Н. Н. Лещенко, в разработке проблемы крестьянского движения XIX в. имеются и существенные пробелы. В частности, уделяется недостаточное внимание изучению социально-экономических факторов, обусловивших возникновение и характер крестьянских волнений, слабы анализ и обобщение размаха, целей и форм крестьянского движения, имеется также разнобой в методике исследования. У историков нет единого взгляда в отношении того, какая территория или административная величина может быть взята за единицу при определении размаха и динамики движения.

Примерная методика исследования крестьянского движения, по мнению Н. Н. Лещенко, должна строиться на следующих принципах:

1. Определение основных критериев, сути того или иного вида классовой борьбы, иными словами, введение общей терминологии, а именно: движение, волнение, выступление, стачка, восстание, революция. Наиболее распространенным для обозначения борьбы крестьян XIX в. может быть принят термин «волнение». К волнениям следует относить такие виды классовой борьбы, которые содержат в себе следующие признаки: а) нарушение в той или иной местности режима, установленного господствовавшими классами и охранявшегося законом (прекращение выполнения барщины и других феодальных повинностей), конфискация (захват) помещичьих земель, неподчинение местным властям и т. д.; б) участие в волнении более или менее значительной массы населения (село, деревня, хутор); в) применение определенной формы борьбы (прекращение уплаты оброка, податей или выкупных платежей, самовольное переизбрание должностных лиц, уничтожение господских посевов, разгром имения и т. д.).

2. Одним из общих требований подсчета количества крестьянских волнений, выступлений, восстаний должно быть изучение исследователем всех или подавляющего большинства материалов (архивных и печатных источников).

3. Обязательность установления единой территориальной или административной величины как единицы измерения степени распространения волнения в тот или иной период. Такой основной единицей является само волнение (выступление) с обязательным учетом количества сел и населения, участвовавших в волнении. Наряду с количественной характеристикой важное место в изучении крестьянского движения должен занять анализ его по формам и методам борьбы. Это позволит раскрыть характер, направление и остроту классовой борьбы в каком-либо районе в тот или иной период.

4. Весьма существенным общим требованием методики является изучение репрессивных мер, предпринимавшихся правительством в отношении волновавшихся крестьян.

По убеждению Н. Н. Лещенко, применение предложенной им методики исследования позволит с большей полнотой показать размах, характер и формы крестьянского движения XIX века.

Выступившие в прениях С. М. Дубровский, Б. Б. Кафенгауз, Б. Г. Литвак, Ю. И. Кирьянов, Г. М. Дейч, Ю. Ю. Кахк положительно отозвались о докладе, но сделали ряд отдельных замечаний. С. М. Дубровский и Б. Г. Литвак высказались за расширение терминологии для определения крестьянского движения. С. М. Дубровский считает, что каждое проявление борьбы крестьян необходимо определять конкретно (в одном случае это будет волнение, в другом — движение, в третьем — поджог и т. д.). Ю. Ю. Кахк, наоборот, считает принятие общего термина «волнение» наиболее правильным для плодотворного изучения проблемы.

янов (Институт истории АН СССР). Революционная борьба крестьянства Украины в годы первой мировой войны (до Февральской революции 1917 г.); А. Гайгалайте (Институт истории АН Литовской ССР). Забастовка крестьян в Литве в 1935 году.

Б. Г. Литвак обратил внимание на состояние разработки статистики крестьянского движения в России. Он считает, что целостная картина движения может быть создана только на основе широкого использования документов центральных и местных архивов.

По мнению Ю. И. Кирьянова, докладчик допустил ошибку, ограничив хронологические рамки своего исследования XIX веком. С точки зрения методики, более правильно XIX в. не отрывать от империалистической стадии в истории России. Б. Б. Кафенгауз выразил сожаление, что доклад ограничен территорией Украины.

На симпозиуме было представлено также несколько докладов и сообщений по проблеме истории производительных сил [3]. Из них доклад В. К. Яцунского (Институт истории АН СССР) был поставлен на пленарном заседании, остальные — в секциях.

В. К. Яцунский показал в цифрах изменения в размещении земледелия Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. Он охарактеризовал степень достоверности и сопоставимости имеющихся источников и способов их использования, а также составил таблицы размеров пашни и степени распаханности территории в конце XVIII в.— начале 60-х годов XIX в., в 1881 и 1912 гг. и среднегодового сбора хлебов в абсолютных величинах и на душу населения в 1802—1811 гг., 1857—1863 гг., в 1883—1887 и в 1909—1913 годах. Губернии были объединены В. К. Яцунским в хозяйственные районы, а районы — в три группы: районы старого заселения (до XVI в.), районы старой колонизации (XVI—XVIII вв.) и районы новой колонизации (вторая половина XVIII—XIX вв.).

Н. Н. Улащик рассмотрел вопрос о распространении культуры картофеля, главным образом в Литве и Западной Белоруссии в первой половине XIX в.; Г. П. Строд — вопрос о состоянии мериносового овцеводства в Латвии в первой половине XIX в.; Б. Б. Кафенгауз и С. А. Секиринский рассказали о развитии земледелия Крыма в первой половине XIX в., Г. Е. Кочин — о времени распространения и господства паровой трехпольной системы земледелия в Северо-Восточной Руси, Новгородской и Псковской землях, А. П. Пронштейн — о развитии земледелия на Дону в XVIII веке.

Киевский симпозиум показал, что изучение истории развития производительных сил по-прежнему остается узким местом исследования аграрной истории в целом. Удельный вес докладов и сообщений по этой проблематике даже несколько снизился по сравнению с предыдущими таллинской и московской сессиями, а тематика ряда докладов была узка. Необходимо усиление внимания к этой проблеме. Полезно комплексное ее решение с привлечением специалистов по истории сельского хозяйства.

С интересом были встречены доклады и сообщения по ряду других вопросов аграрной истории (история крестьянского и помещичьего хозяйства, проблема падения крепостного права, уровень развития капитализма в российской деревне в начале XX столетия, аграрная политика царизма в ряде районов пореформенной России и т. д.). Характерно, что разработка этих вопросов, как правило, ведется на основе свежей документальной базы. В этой связи особо заслуживают быть отмеченными доклады З. А. Маркиной (Киевский университет), Х. М. Лиги (Институт истории АН Эстонской ССР), Г. Т. Рябкова (Смоленский пединститут), М. С. Симоновой (Институт истории АН СССР) и др.

В. А. Маркина [4] на основе анализа инвентарей (XVIII в.), обнаруженных ею в Краковском архиве, а отчасти и в архивах СССР, пришла к интересным выводам. В ее докладе решается проблема о перспективах развития сельского хозяйства и социальных

---

[3] В. К. Яцунский. Изменения в размещении земледелия в Европейской России в 1796—1913 гг.; А. П. Пронштейн (Ростовский университет). Развитие сельского хозяйства на Дону в XVIII веке; Н. Н. Улащик (Институт истории АН СССР). Изменения в хозяйстве крепостной Литвы и Западной Белоруссии в связи с введением новых культур; Б. Б. Кафенгауз (Институт истории АН СССР). Из истории хозяйственного освоения Крыма (Демидовское имение 1829—1830 гг.); Г. П. Строд (Институт истории АН Латвийской ССР). Мериносовое овцеводство в Латвии в первой половине XIX века; С. А. Секиринский (Крымский пединститут). Некоторые черты развития сельского хозяйства Крыма и прилегающих к нему земель Южной Украины в конце XVIII — первой половине XIX века; Г. Е. Кочин (ЛОИИ). О времени распространения и господства паровой трехпольной системы земледелия в Северо-Восточной Руси, Новгородской и Псковской землях.

[4] «Магнатское поместье Правобережной Украины во второй половине XVIII в.»

отношений в украинской деревне во второй половине XVIII века. В. А. Маркина показала, что в это время в украинскую деревню широко проникли товарно-денежные отношения. При этом характерно, что носителями новых явлений были феодалы. Это весьма отличается от того, что наблюдалось в Западной Европе.

Инвентари как исторический источник были положены также в основу содержательных сообщений В. Ф. Инкина[5] (Львовский университет), Я. Д. Исаевича (Институт общественных наук АН УССР)[6], И. Г. Шульги (Ужгородский университет)[7]. Доклады Ю. А. Тихонова (Институт истории АН СССР)[8], М. М. Громыко (Сибирское отделение АН СССР)[9], Ф. И. Лаппо (Курский пединститут)[10], А. Д. Горского (МГУ)[11], В. М. Панеяха (ЛОИИ)[12] и других, основанные на русских исторических источниках (переписные, писцовые, таможенные книги, ревизские сказки и т. д.), также отличаются своеобразной постановкой проблемы и ценными выводами.

Сообщение Х. М. Лиги (Институт истории АН Эстонской ССР) «О земледелии в Эстонии в XVII в.» базируется на картографических источниках. На основе изучения планов имений Х. Лиги пришел к весьма оригинальному выводу о регрессивности фольварочных хозяйств. Фольварки, возникавшие в результате развития товарно-денежных отношений, приводили к деградации хозяйства. Характерно, что ряд других исследователей, посвятивших свои сообщения аналогичной теме на материалах Прибалтики, Западной Украины, Молдавии и других районов, пришли к аналогичным выводам[13]. Фольварочное хозяйство в условиях развития товарно-денежных отношений приводило к регрессу производительных сил.

Весьма содержательной была группа докладов о закрепощении крестьянства[14], об аграрной политике царизма в пореформенной России[15], о реализации реформы 1861 г. в ряде районов страны[16], о так называемом «крестьянском вопросе» в 60-х годах XVIII века[17] и т. д.

---

[5] «Расслоение крестьян Самборской экономии в середине XVIII в.».

[6] «Экономические взаимоотношения между городом и деревней и их влияние на развитие городов Прикарпатья XVI—XVIII вв.».

[7] «Положение крестьянства Закарпатской Украины во второй половине XVIII века».

[8] «Торговля крестьян Ветлужских станов Галицкого уезда на Устюжском рынке в XVII в. (К вопросу о связи крепостного крестьянского хозяйства с рынком)».

[9] «Приписная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII в.».

[10] «Ревизские сказки, как источник по истории русского крестьянства (по материалам 3-й ревизии)».

[11] «О сущности черного крестьянского земледелия в Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI вв.».

[12] «К вопросу о холопах-страдниках в XVI в. и их роли в сельскохозяйственном производстве».

[13] Э. Тарвель (Институт истории АН Эстонской ССР). О развитии фольварочного хозяйства в государственных имениях южной Эстонии в конце XVI и начале XVII в.; Ю. М. Гроссман (Львовский университет). Барское хозяйство и крестьяне Белзского староства во второй половине XVI — первой половине XVII в.; Н. А. Мохов (Институт истории АН Молдавской ССР). Соотношение земледелия и скотоводства в с. х. Молдавии в XV—XVIII вв.; Е. П. Шлоссберг (Институт истории АН БССР). Фольварочно-барщинное хозяйство и дзижение феодальной ренты в Белоруссии в XVII—XVIII вв.

[14] Ю. М. Юргинис (Институт истории АН Литовской ССР). Закрепощение крестьян в Литве; И. У. Будовниц (Институт истории АН СССР). Монастыри-вотчинники XIV—XVI вв.; В. И. Корецкий (Институт истории АН СССР). Влияние крестьянской войны начала XVII в. на закрепостительное законодательство; А. Г. Маньков (ЛОИИ). Крепостное право на южных и западных окраинах Русского государства во второй половине XVII в.; А. Л. Шапиро (ЛГУ). Об организации обложения феодальных крестьян владельческими повинностями.

[15] М. И. Козин (Институт истории АН Латвийской ССР). Аграрная политика царизма в Прибалтике в 60-х годах XIX века; В. А. Золотов (Ростовский университет). Аграрная политика царизма по отношению к казачеству после первой русской революции.

[16] И. С. Лихина (Полтавский пединститут). Проведение крестьянской реформы 1861 г. в Полтавской губернии; Б. Г. Литвак (Институт истории АН СССР). Предварительные итоги обработки уставных грамот шести губерний Черноземного центра; Л. П. Мулявичус (Институт истории АН Литовской ССР). Особенности отмены крепостного права в Литве.

[17] М. Т. Белявский (МГУ). Обсуждение крестьянского вопроса накануне крестьянской войны под предводительством Пугачева (конкурс о крестьянской соб-

С интересом была встречена группа докладов и сообщений по проблеме развития капитализма в сельском хозяйстве, а также разложения крестьянства в эпоху империализма [18].

Так, А. М. Анфимов на основе земских статистических данных нескольких губерний России попытался определить удельный вес разных экономических типов земледельческого хозяйства. К капиталистическому типу им отнесены зажиточные хозяйства с наймом рабочей силы.

М. А. Рубач и С. М. Дубровский не согласились с предложенной А. М. Анфимовым методологией. Они считают, что в данном случае докладчик занизил степень развития капитализма и что факт господства капиталистического хозяйства в деревне России в начале XX в. не вызывает сомнений. М. С. Симонова, В. А. Золотов, Г. М. Цейч в основном одобрили методику расчетов докладчика, отметив при этом необходимость ее уточнения и расширения документальной базы.

Оригинальным было выступление М. С. Симоновой. Она сообщила об интересной находке. В фонде Центрального статистического комитета МВД ею обнаружены материалы земского отдела МВД, насчитывающие около 180 тыс. статистических листков по учету мобилизации надельной земли за 1914—1917 гг. (Центральный государственный исторический архив Ленинграда).

На основе обработки только части материалов фонда по Воронежской губернии М. С. Симонова пришла к довольно неожиданному выводу. В мобилизации надельной земли губернии участвовали все слои крестьянства: бедняки, середняки, кулаки. Роль этих прослоек была различна. Особенностью губернии являлась определяющая роль беднейшего крестьянства и середняков в мобилизации земли. Этот вывод меняет обычное представление о процессе мобилизации земли. Вывод, конечно, нуждается в дальнейшем, более глубоком обосновании на основе новых документальных материалов.

С. М. Дубровский сделал попытку подвести итоги большой работе, проделанной советскими историками по изучению общины. Он проследил исторические судьбы русской общины с момента ее зарождения и до ликвидации.

На примере использования различных источников по социально-экономической истории России периода империализма (статистика землевладения 1905 г., военно-конские переписи и земские подворные переписи) М. А. Рубач попытался показать роль перечисленных материалов для исследования вопроса об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве страны в период империализма. М. А. Рубач пришел к выводу, что капиталистическое хозяйство преобладало в начале XX в. во всей Европейской России.

Следует оценить как положительное явление в работе симпозиума большое число докладов и сообщений по местной тематике [19]. Порайонное изучение истории заслужи-

---

ственности 1766—1768 гг.); М. К. Степерманис (Институт истории АН Латвийской ССР). Влияние французской революции 1789—1794 гг. на аграрный вопрос в Латвии.

[18] А. М. Анфимов (Институт истории АН СССР). К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства (по материалам Калужской, Ярославской и Ставропольской губерний); С. М. Дубровский (Институт истории АН СССР). К вопросу об общине в начале XX века; М. А. Рубач (Институт истории АН УССР). Классовое расслоение крестьянства Украины в начале XX в. (критический анализ источников); М. С. Симонова (Институт истории АН СССР). Мобилизация крестьянской надельной земли в период столыпинской аграрной политики.

[19] О. Е. Иванова (ЛГУ). К вопросу о характере земельной ренты в Малой и Великой Польше от XVI до середины XVIII в.; А. А. Касименко (Институт истории АН УССР). Помещичье землевладение на Левобережной Украине в конце XVIII — первой половине XIX в. и несостоятельность «теории» «бесклассовости» украинской нации; В. В. Чепко (Институт истории АН БССР). Некоторые вопросы состояния хозяйства помещичьих крестьян Белоруссии в первой половине XIX в.; В. И. Неупокоев (Отделение исторических наук АН СССР). «Вольные» люди Литвы в первой половине XIX века; П. К. Алефиренко (Институт истории АН СССР). Украинские владения графа М. Г. Головкина и Миниха в 30-х годах XVIII в.; Е. А. Яцкевич (Институт общественных наук АН УССР, Львов). Зарождение капиталистических отношений в бесфольварочных селах и селах с промышленными и ремесленными предприятиями Галиции в конце XVIII — начале XIX в.; А. Г. Каревская (Куйбышевский пединститут). Крестьяне-дарственники Самарской губернии; И. П. Хлыстов (Ростовский университет). Развитие капитализма в

вает всяческого поощрения. Не удивительно, что сообщения, в которых были сделаны попытки (пусть не исчерпывающие) показать характер и своеобразие аграрных отношений в различных районах Восточной Европы, вызвали большой интерес.

Рассмотрению подверглись самые разнообразные вопросы аграрной истории на широком отрезке времени: помещичье хозяйство на Украине в XVIII — первой половине XIX в., крестьянское хозяйство Белоруссии в первой половине XVII в., особенности отмены крепостного права в Литве и других районах, особенности развития капитализма в сельском хозяйстве Украины, Дона, Кубани и т. д. Исследования по районной тематике помогут выяснению специфики отдельных районов, а через них перекинут мостик к созданию обобщающих работ по важнейшим вопросам аграрной истории, таким, как проведение реформы 1861 г., столыпинская аграрная реформа, степень развития капитализма в сельском хозяйстве, крестьянское движение и т. д.

Подводя итоги проделанной работы, участники киевской сессии в резолюции подтвердили правильность общих принципов, на основании которых была составлена ее программа: сочетание тем обобщающего характера с конкретными исследованиями,— но в то же время было признано целесообразным избегать чрезмерной многотемности и грандиозности программы.

Участники симпозиума квалифицировали выступления специалистов по аграрной истории Западной Европы на сессии как удачное мероприятие и признали необходимым организовать такие выступления и на следующих сессиях. Они подтвердили пожелание московской сессии усилить научные связи с историками стран народной демократии. Участники сессии подчеркнули необходимость усиления внимания к истории производительных сил в сельском хозяйстве, без чего невозможно марксистско-ленинское изучение истории производственных отношений. Они обратились с призывом к научным учреждениям усилить выявление и публикацию источников по аграрной истории. Резолюция дает правильную оценку состояния и задач нашей историографии в области изучения аграрной истории. В частности, нельзя не признать, что многие историки, занимающиеся аграрной историей России, далеко не достаточно знакомы с аграрной историей других стран Европы и крайне редко применяют сравнительно-исторический метод. Более тесный контакт с историками стран народной демократии окажет большую помощь, особенно в изучении аграрной истории других стран Восточной Европы.

Историки-аграрники за последние годы добились известных успехов в накоплении богатого и содержательного фактического материала и на этой основе создали ряд ценных конкретных исследований. Однако киевский симпозиум со всей очевидностью показал, что необходимо обратить особое внимание на теоретическую разработку вопросов аграрной истории и самой методики исторического исследования. Только при этом условии решение проблем может быть плодотворным.

Сессия приняла предложение Академии наук Латвийской ССР созвать следующую сессию симпозиума в Риге осенью 1961 года. Академия наук Латвийской ССР постановила напечатать до сессии тезисы докладов. Это мероприятие устранит существенный организационный недостаток, имевший место в работе симпозиума.

Бюро Отделения исторических наук рассмотрело и одобрило итоги работы киевского симпозиума. Материалы симпозиума будут изданы в виде Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы за 1960 год.

Г. А. Фавстов

сельском хозяйстве Донской области; П. А. Шацкий (Ставропольский пединститут). Из истории развития частного землевладения у кубанских казаков во второй половине XIX века; Е. П. Лукьянов (Институт истории АН БССР). Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии; К. И. Шабуня (Институт истории АН БССР). О некоторых чертах развития аграрных отношений в Белоруссии во второй половине XIX — начале XX в.; П. А. Бутылкин (Сталинградский пединститут). Землевладение и землепользование в Нижнем Поволжье накануне Великой Октябрьской социалистической революции; Ю. Л. Райский (Курский пединститут). Столыпинское землеустройство на надельных землях Черноземного центра и его провал; Д. Е. Шемяков (Институт истории АН Молдавской ССР). Аграрные отношения в Молдавии накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Обзоры и рецензии

«Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий. 1 мая — 25 июля 1917 г. Т. 2. М. 1959. Составители Г. П. Макарова (ответ. составитель), В. В. Лебедев, К. М. Первухина. Тираж 5 000 экз. 686 стр. Цена 34 руб. 35 коп.

Второй том «Хроники» Великой Октябрьской социалистической революции, подготовленный авторским коллективом Института истории АН СССР, посвящен одному из важнейших периодов подготовки социалистической революции — периоду июньского и июльского политических кризисов. Хронологически второй том охватывает события, происходившие в стране с 7 мая по 25 июля 1917 г., и является продолжением вышедшего ранее первого тома, встретившего его положительную оценку в нашей печати [1].

Сведения, помещенные во втором томе, характеризуют борьбу Коммунистической партии за дальнейшее развитие революции, за осуществление решений VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). Подробно освещены роль В. И. Ленина как руководителя партии и революции, важнейшие стороны его жизни и деятельности в этот период.

В «Хронике» хорошо отражена деятельность Центрального Комитета нашей партии. Надо отметить, что перед составителями при освещении деятельности ЦК РСДРП(б) стояло немало трудностей. Известно, что большинство документов ЦК за этот период не сохранилось. Несмотря на это, составители, используя периодическую печать, сумели отразить деятельность ЦК с достаточной полнотой.

В многочисленных сообщениях составители раскрыли, в частности, рост влияния местных организаций большевистской партии среди рабочих, солдат и крестьян, их борьбу за претворение в жизнь решений партии (стр. 34, 41, 84, 110, 111, 131 и др.). Значительное внимание в томе уделено низовым организациям большевистской партии (стр. 26, 27, 330 и др.). Хорошо освещена деятельность Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, I Всероссийского съезда Советов (стр. 222, 235, 242 и др.). На наш взгляд, составители убедительно показали неустанную работу партии по завоеванию большинства в Советах (стр. 102, 235, 454 и др.).

В «Хронике» убедительно повествуется об активном участии широких народных масс в революционном движении, о революционном творчестве рабочего класса, крестьянских и солдатских масс. Книга дает яркое представление о ходе июньской и июльской демонстраций в Петрограде и других городах страны.

Составители поступили правильно, включив в книгу сведения, характеризующие внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства, о котором В. И. Ленин писал: «Ни единого шага к прекращению войны, к отказу от аннексий (захватов), к обузданию капиталистов, наживающих бешеные прибыли и доводящих страну до гибели, ни единого такого шага правительство не сделало» [2].

★

Издание хроники Октябрьской революции в нашей стране имеет довольно большую историю. В 20—40-х годах был издан ряд хроник, которые хотя и содержали серьезные недостатки и ошибки принципиального характера, в то же время сыграли известную роль в развитии советской исторической науки [3].

Вышедшие в свет хроники Октябрьской революции не равноценны. Качество таких работ (относящихся к вспомогательной исторической литературе) определяется несколькими моментами. Во-первых, степенью полноты использованных источников. Только широкое привлечение архивных источников и материалов периодической печати позволяет дать подлинно научное изложение истории социалистической революции. Во-вторых, типичностью и достоверностью отбираемых в хронику сведений. Составители должны отбросить все случайные факты истории развития революции, включив в хронику основные и важнейшие. В-третьих, критическим подходом к использованному тексту источника (тщательная проверка сообщаемых в нем сведений). Большое зна-

[1] См. «Вопросы истории», 1959, № 7.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 491.

[3] Подробнее об этом см. «Вопросы истории», 1959, № 7.

0. «Вопросы истории» № 3.

чение имеет также принцип составления сопровождающего фактические сведения научно-справочного аппарата (исковые данные, вводные статьи, указатели). Тщательно выверенный аппарат приносит много пользы исследователю. Учитывая все эти моменты, следует признать, что рецензируемая книга выгодно отличается от прежних изданий такого рода. Составители второго тома использовали широкий круг источников — материалы 24 архивов, 123 газет, 16 журналов, 193 сборников документов, воспоминаний и др.

В основном правильно, как отмечалось, отобраны и включены в «Хронику» важнейшие исторические факты, характеризующие развитие революции в указанный период. Не вызывает возражений метод подачи сведений, использование текстов источников и принцип составления справочного аппарата.

Однако составителям и редакционной коллегии не удалось избежать досадных ошибок и недоделок.

В «Хронику» не включен ряд фактов, весьма важных для правильного понимания событий, имевших место в мае — июле 1917 года. Читатель не найдет в ней, например, сведений о выступлении В. И. Ленина на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов 22 мая 1917 г.[4], о письме В. И. Ленина в редакцию «Правды» 13 июня 1917 г., о заседании Военной организации при ЦК РСДРП(б) 24 мая 1917 г. (на котором рассматривался вопрос об организации в Петрограде солдатской демонстрации в знак протеста против политики Временного правительства[5]), об обращении Военной организации при ЦК РСДРП(б) от 21 июня 1917 г. (поддержанного ЦК и ПК РСДРП(б) к солдатам и рабочим с призывом воздержаться от неорганизованных выступлений[6]. Нет в «Хронике» сообщения о забастовочном движении рабочих-текстильщиков Подмосковья, борьба которых носила острый, упорный и длительный характер[7].

Отсутствуют в книге и некоторые важные сведения, показывающие контрреволюционную политику Временного правительства. Так, ничего не сказано о принятии Министерством продовольствия 30 мая 1917 г. инструкции об охране посевов и организации засева пустовавших земель. Эта инструкция проливает яркий свет на реакционную сущность закона о посевах от 11 апреля; она фактически ставила под охрану губернских властей помещичьи имения и земли. В инструкции «Об охране посевов» говорилось, что местные органы власти должны принять все меры к тому, чтобы «дать возможность владельцам земель самим произвести посевы в обычных размерах и возможно полно использовать принадлежащий им живой и мертвый инвентарь...»[8]. Отсутствует в «Хронике» и характеристика инструкции от 16 июля, утвержденной министром земледелия Временного правительства Черновым. Эта инструкция в завуалированной форме проводила идею защиты интересов помещиков. Не включены сведения о приказе Керенского и Брусилова от 9 июля 1917 г. о приведении к повиновению отдельных воинских частей силой оружия и др.

В ряде случаев составителями не приняты во внимание важнейшие уточнения, сделанные исследователями за последнее время. Например, в сообщении за 10 июля говорится о том, что В. И. Ленин в этот день написал статью «Политическое положение», содержавшую глубокий анализ обстановки в стране после июльских дней. В этой статье впервые было сказано о временном снятии лозунга «Вся власть Советам» и подчеркивалась необходимость вооруженного восстания. Долгое время существовало мнение, что В. И. Лениным к VI съезду партии были написаны специальные тезисы, в которых он также ставил и разрешал эти вопросы. Но тезисы считались ненайденными. В 1959 г. в статье А. М. Совокина[9] было доказано, что статья «Политическое положение» и представляет собой не что иное, как тезисы В. И. Ленина, подготовленные им для VI съезда партии. Эти тезисы обсуждались на расширенном совещании ЦК РСДРП(б) 13—14 июля. Составителям следовало отразить данное обстоятельство в сообщении о статье В. И. Ленина «Политическое положение».

---

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 448—467.

[5] См. «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация». М. 1959, стр. 483.

[6] См. «Солдатская правда» № 49, 4 июля (21 июня) 1917 года.

[7] См. «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация», стр. 241—273.

[8] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 351, оп. 8, д. 13, л. 4.

[9] См. «Вопросы истории КПСС», 1959, № 4, стр. 125—138.

Недостаточно полно в «Хронике» осве-
ается расширенное совещание ЦК
СДРП(б) 13—14 июля 1917 г., имевшее
ажное значение для определения путей
альнейшего развития революции. До не-
авнего времени материалов об этом сове-
ании было мало. Однако последние иссле-
ования существенно расширяют наши
нания о нем. Ныне известен состав участ-
иков совещания (А. С. Бубнов, М. С. Оль-
инский, Н. И. Подвойский, Я. М. Сверд-
ов, И. В. Сталин и др.). Известна и по-
естка дня совещания. Обсуждались
опросы о явке В. И. Ленина на суд, о
екущем моменте (тезисы В. И. Ленина о
озыве VI съезда РСДРП(б) [10].

Не раскрыта во втором томе «Хроники»
и гнусная роль, которую сыграл Керен-
кий в организации клеветнической кампа-
ии против В. И. Ленина, имевшей целью
анести удар по революции. Долгое время
ициатора публикации грязной фальшив-
и, в которой клеветники пытались очер-
ить партию и В. И. Ленина, установить
сследователям не удавалось. В «Хронике»
сть сообщение о том, что Керенский 4 июля
тправил телеграмму Г. Львову с требова-
ием подавления вооруженной силой июль-
кой демонстрации, разоружения военных
астей и предания суду участников выступ-
ения [11]. Следовало, однако, указать, что
той телеграммой Керенский фактически
анкционировал и потребовал опубликова-
ия грязной фальшивки, составленной
лексинским и Панкратовым.

Не всегда правильно составители исполь-
уют тексты источников. В «Хронике» за
июня помещено сообщение о совещании
ленов ЦК и ПК РСДРП(б) с работниками
айонных партийных организаций по вопро-
ам подготовки июньской демонстрации.
основу этого сообщения положен текст
аявления ЦК РСДРП(б), напечатанного в
Правде» 11 июня 1917 года. Но в тексте
аявления допущена опечатка: вместо 6
казано 5 июня. Составители, некритически
спользовав текст газеты, опубликовали это
ообщение под неправильной датой.

К сожалению, встречается в книге дубли-
ование некоторых приводимых фактов. На-
ример, сообщение об открытом письме Си-
ирского бюро ЦК РСДРП(б), написанном
конце июня 1917 г., помещено в «Хро-
ике» дважды — за 24 и 30 июня. Если бы
составители обратились к первоисточнику, хранящемуся в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и внимательно отнеслись ко всем имевшимся в их распоряжении текстам документа, то ошибочного включения сообщаемого факта от 24 июня не было бы.

Некритическое отношение к тексту источников может привести и к более серьезным ошибкам. Об этом свидетельствует изложение в «Хронике» фактов, связанных с воззванием ЦК РСДРП(б) о проведении мирной организованной демонстрации в июне 1917 года. Составители помещают сообщения об этом воззвании трижды — за 9, 13 и 17 июня. Известно, что воззвание ЦК «Ко всем трудящимся» было написано по поручению ЦК И. В. Сталиным в связи с демонстрацией рабочих и солдат Петрограда, назначенной ЦК и ПК РСДРП(б) на 10 июня 1917 года. Впервые оно было отпечатано 9 июня в виде листовки (составители в сообщении за 9 июня, говоря о распространении листовки, не отмечают, что это было воззвание ЦК РСДРП(б). 13 июня 1917 г. воззвание было вторично опубликовано в «Правде» и «Солдатской правде» с целью разоблачения клеветнических измышлений соглашателей, обвинявших большевиков в «заговоре», в организации вооруженных демонстраций и т. д. Помещенное в «Хронике» сообщение о воззвании от 13 июня без объяснения причин вторичного опубликования выглядит как призыв к новой демонстрации, хотя только 14 июня 1917 г. (стр. 313) ЦК нашей партии сообщил о своем решении принять участие в демонстрации, назначенной съездом Советов на 18 июня, и развернуть агитационную кампанию за участие масс в этой демонстрации. В третий раз воззвание ЦК РСДРП(б), дополненное призывом к демонстрации 18 июня 1917 г., было вновь напечатано в газете «Правда», о чем правильно говорится в томе.

В сообщении за 25 июля составители допустили ошибку, указывая число членов партии к моменту VI съезда РСДРП(б). Приведенная ими цифра — около 177 тыс.— означает количество членов РСДРП(б), представленных на VI съезде. В партии к августу 1917 г. насчитывалось около 240 тыс. человек. Эту цифру назвал в своем выступлении на съезде Я. М. Свердлов [12].

В ряде случаев составители не совсем точно, без должной научной проверки ссылают-

[10] Там же.

[11] См. «Революционное движение в Росии в июле 1917 г. Июльский кризис». М. 959, док. № 223.

[12] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы», М. 1958, стр. 36, 204—206.

ся на источники. Так, в хронике за 5 июля публикуется сообщение о расширенном совещании Московского комитета РСДРП(б), обсуждавшего вопрос о событиях 3—5 июля в Петрограде. Текст его изложен авторами на основании протокола заседания МК от 5 июля 1917 г., опубликованного в газете «Социал-демократ» и перепечатанного затем в сборнике «Подготовка и победа Октябрьской революции в г. Москве». В рецензируемом томе приведены исковые данные только на эти источники. Однако известно, что в сборнике «Подготовка и победа Октябрьской революции в г. Москве» опубликован краткий вариант записи протокола, хотя в архиве МК и МГК КПСС имеются два варианта (краткая и полная записи). Второй, более полный вариант текста, написанный М. П. Петровой, дает ряд новых сведений о революционных событиях в Москве в июльские дни. Поэтому составители хроники обязательно должны были сказать о существовании второй редакции протокола, дав, помимо указанных ссылок, и ссылку на архив МК и МГК КПСС [13].

Имеются в книге и другие недостатки. К ним относится повторное изложение одних и тех же фактов под различными датами (повторяются сведения о совещании делегатов и уполномоченных волостей, сел и деревень в Спасском уезде, Казанской губернии, о борьбе рабочих Наспенского стекольного завода и др.), неправильная датировка событий. Демонстрация 10 июня была запрещена Временным правительством не 10, как утверждается в «Хронике», а 9 июня. Воззвание Витебского Совета с призывом к демонстрации 18 июня было не 8, а 10 июня. Составители второго тома повторили здесь ошибку авторов сборника «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», которые дают это сообщение по № 23 «Известий» Витебского Совета. Однако этот номер газеты вышел не 8, а 10 июня, когда и было обнародовано воззвание Витебского Совета.

Несмотря на отмеченные недостатки, большая научная ценность «Хроники» как пособия, внесшего значительный вклад в дело дальнейшего углубленного изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции, несомненна. Эта книга окажет большую помощь исследователям и широким кругам читателей при изучении революционных событий лета 1917 года.

И. Н. Владимирцев,
Ю. У. Томашевич

[13] Архив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 1, д. 4, лл. 57—64, 91.

А. Р. ИОАННИСЯН. *Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX века.* Академия наук Армянской ССР. Институт истории. Ереван. 1958. 446 + LX стр. Тираж 2.000. Цена 13 руб. 20 коп.

Международные отношения начала XIX в. и соперничество европейских держав на Ближнем и Среднем Востоке, в частности в Иране и на Кавказе, неоднократно освещались в исторической литературе. Однако в целом эта тема, важная для истории ряда стран и народов, еще недостаточно исследована, несмотря на наличие специальных работ как советских [1], так и зарубежных авторов [2]. Советские историки показали несостоятельность доводов буржуазной историографии, которая стремится представить Англию и Францию «вековыми защитницами»

[1] А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. М.-Л. 1948; О. П. Маркова. Восстание в Кахетии 1812 г. М. 1951; М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М. 1952; «Присоединение Азербайджана к России». Баку. 1955; В. Антюхина. Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I. «Ученые записки» Ленинградского университета. 1939. № 36; З. Т. Григорян. Борьба Англии и Франции против освобождения Армении из-под ирано-турецкого ига. «Вопросы истории». 1952. № 3.

[2] J. W. Kaye. History of the War in Afganistan. Vol. I. London. 1851; O. von Schlechta-Wssehrd. Die Kämpfe zwischen Persien und Russland in Transkaukasien. «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften». Bd. 46. Wien. 1864; E. Driault. La politique orientale de Napoléon. Paris. 1904; Ali Akbar Siassi (prof. Dard — Fonam de Téhéran). La Perse ou contact de l'Occident. Paris. 1931; C. H. Philips. The East India Company. Manchester. 1940; V. J. Puryear. Napoleon and the Dardanelles. Berkeley and Los Angeles. 1951.

тересов народов Закавказья. Правящие
уги западноевропейских держав, борясь
господство над Ираном и Турцией, стре-
лись сохранить иго этих феодально-отста-
х государств в Закавказье и таким путем
лючить его в сферу своего влияния.
Монография А. Р. Иоаннисяна наиболее
лно в советской исторической литерату-
освещает борьбу Англии и Франции за
обладание в Иране, их противодействие
исоединению Закавказья к России[3]. Эти
бытия показаны на широком фоне раз-
тия англо-франко-русских отношений за
риод от Французской буржуазной рево-
ции конца XVIII в. до Венского конгресса
814—1815 гг.). А. Р. Иоаннисян вводит в
учный оборот значительный материал из
хива внешней политики России, Цент-
льного архива древних актов, Военно-
торического архива и Научно-исследова-
льского института древних рукописей при
вете Министров Армянской ССР — Мате-
дарана. Это тем более ценно, что до сих
о одним из основных источников для изу-
ния англо-французской борьбы в Иране
к лет являлись напечатанные материалы
анцузских и английских архивов.
Р. Иоаннисян привлек новейшие зару-
жные публикации[4] и наряду с русскими
лоиспользованные английские, француз-
е и иранские источники, опубликованные
прошлом столетии. Критически сопостав-
я данные, сообщаемые представителями
зличных заинтересованных сторон, он
ремится восстановить действительную кар-
ну событий.
Книга открывается очерком развития
гло-франко-русских отношений в Иране и
Кавказе (начиная с XVI в.), который
одит читателя в сложную и быстро изме-
вшуюся в начале XIX в. обстановку на
ижнем и Среднем Востоке. Рассматри-
емый автором период англо-французского
ерничества в Иране характеризовался,
к известно, сменой исключительного влия-
я то одной, то другой стороны. Эта борь-
возобновившаяся со времени отправки в
ан французской миссии Оливье (1796 г.)
и английской миссии Малькольма (1799 г.), привела вначале к внешне блестящему, но непрочному успеху Англии (договор 1801 г.). Иран, вступив в конфликт с Россией после присоединения к ней Грузии, настаивал на расширении военной поддержки со стороны своего английского союзника. Англия же требовала от Ирана за такую помощь передачи ей портов в Персидском заливе. Это обстоятельство, а также военные успехи Наполеона в Европе и усиление французского влияния в Турции привели к повороту во внешней политике Ирана и утверждению влияния Франции (договоры 1807 и 1808 гг.). Однако помощь последней оказалась недостаточно эффективной, и щедрые обещания, подкрепленные военной и финансовой поддержкой со стороны Англии, привели снова к установлению в Иране английского влияния, укрепившегося после поражения наполеоновской Франции (договоры 1809, 1812, 1814 гг.). В соответствии с этими этапами англо-французского соперничества в Иране и построено изложение материала в книге А. Р. Иоаннисяна. При этом события, имевшие место в Иране и на Кавказе, тесно увязаны с событиями, происходившими в Европе, с развитием восточного вопроса в целом.

Разоблачая фальсификации буржуазной историографии, советские ученые в ряде работ показали, что соперничество западноевропейских держав в Иране, не прекращавшееся даже в периоды союзнических отношений между этими державами, не мешало им одновременно вести на Востоке борьбу против России. А. Р. Иоаннисян обосновывает это правильное положение новыми данными. Анализируя деятельность английских агентов в Иране и Турции, он показывает, что англо-иранский договор 1801 г. был направлен не только против Франции, но и против России. А. Р. Иоаннисян приводит неизвестные ранее факты (извлеченные, в частности, из неопубликованных донесений русского консула в Трапезунде Рубо де Понтеве), которые свидетельствуют о том, что Англия начала оказывать военную помощь Ирану не в 1809 г., как принято было считать, а еще в период мирных отношений с Россией, то есть сразу после заключения договора 1801 г., который сыграл серьезную роль в развязывании русско-иранской войны 1804—1813 годов. Неопубликованные материалы автор привлекает и при освещении роли английской дипломатии в заключении Гюлистанского

[3] См. также А. Р. Иоаннисян. Борьба
нглии и Франции против присоединения
мении к России. «Известия» Академии
ук Армянской ССР. Общественные нау-
. 1953. № 3; его же. Французская мис-
я в Иране в 1796 г. «Советское востоко-
ение». 1956. № 1.

[4] V. J. Puryear. Указ. соч.; «The cor-
pondence of D. Scott, director and
airman of the East India Company». Ed.
H. Philips. Vol. II. London. 1951.

мирного договора. Опасаясь усиления влияния России на Востоке после ее побед в 1812 г. над Наполеоном и войсками Аббас-мирзы, Англия, оказывавшая до этого военную помощь Ирану, была теперь заинтересована в прекращении русско-иранской войны. Вместе с тем она стремилась использовать свое посредничество для сохранения английского преобладания в Иране и возможности вмешательства в кавказские дела.

Зарубежная историография утверждает, будто Франция в период Тильзитского мира поддерживала дружественные отношения с Ираном, воевавшим тогда против России, исключительно потому, что Наполеон готовил экспедицию в Индию. А. Р. Иоаннисян приводит новые данные об антирусской деятельности миссии Гардана и попытках французской дипломатии накануне эрфуртских переговоров добиться от России заключения мира с Ираном на основе передачи ему Грузии (стр. 189—194). Опровергая вымыслы буржуазных историков об исключительной вине России в охлаждении русско-французских отношений в 1809 г., А. Р. Иоаннисян подчеркивает, что немаловажную роль сыграло здесь сопротивление Наполеона присоединению Закавказья к России (стр. 206).

Англо-французское соперничество в конце XVIII — начале XIX в. являлось стержнем международных отношений как в Европе, так и на Востоке. И вполне закономерно, что автор уделил самое пристальное внимание политике наполеоновской Франции в Иране и Закавказье. В книге А. Р. Иоаннисяна впервые так полно и по-новому изложена деятельность французской дипломатии в Иране, начиная с появления эмиссаров Директории Оливье и Брюгьера в 1796—1797 гг. и кончая действиями представителей сначала Людовика XVIII во время первой Реставрации, а затем и Наполеона в период «Ста дней» (1815 г.). При изучении наполеоновской политики в Иране в исторической литературе были исследованы преимущественно 1805—1809 гг., характеризовавшиеся наибольшей активностью франко-иранских отношений. Работа А. Р. Иоаннисяна вносит новое в освещение этого периода, а также таких вопросов, как поворот во внешней политике Фатх Али шаха от союза с Англией к союзу с Францией (1802—1804 гг.) и политика Наполеона после разрыва отношений между Францией и Ираном (1810—1815 гг.).

Французский буржуазный историк начала XX в. Э. Дрио, основываясь на письме шаха Наполеону (оно было получено в Париже в начале 1805 г.), сделал вывод, что в 1804 г. Иран первым обратился к Франции с предложением о союзе[5].

Советские ученые В. И. Антюхина и О. П. Маркова обратили внимание на то, что Наполеон, судя по официальному изданию его переписки, уже в 1803 г. выразил намерение возобновить прерванные после миссии Оливье отношения с Ираном, причем О. П. Маркова, опираясь еще на один источник (переписка французского консула Ж. Ф. Руссо), высказала предположение, что именно «в связи с последовавшей затем разведкой» Фатх Али шах обратился с письмом к Наполеону[6]. Наполеон еще в начале 1802 г. решил направить своего агента в Иран[7]. А. Р. Иоаннисян, тщательно сопоставляя различные материалы (в том числе неопубликованные донесения русского посла в Константинополе Италинского), показывает, как французская дипломатия попыталась осуществить этот замысел, используя окончание войны с Турцией и заключение Амьенского мира между Францией и Англией (1802 г.). Автор не без основания считает, что прибывший в Иран в 1802 г. в качестве французского представителя «армянский купец Давид» — это не кто иной, как Давид Цатурович Шахназарянц (Мирза Давуд Задур хан), являвшийся в то время уполномоченным французского консула Ж. Ф. Руссо в Багдаде, а впоследствии, при Людовике XVIII, побывавший в Париже в качестве иранского посла. К сожалению, автор не привлек здесь решающее свидетельство — биографию самого Шахназарянца[8].

В книге нет историографического очерка. Отсутствие его отчасти компенсируется выяснением различных точек зрения и их критикой в ходе изложения. Однако то, что автор рецензируемого труда отмечает обычно только слабые стороны предшествующих работ, создает впечатление, будто их авторы только и делали, что ошибались. Некоторые

---

[5] E. Driault. Указ. соч., стр. 172—173.

[6] О. П. Маркова. Указ. соч., стр. 250; В. Антюхина. Указ. соч., стр. 260.

[7] «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией». Т. II. Тифлис. 1868, стр. 9; Сборник Русского исторического общества. Т. 70. СПБ. 1890, стр. 480; С. Б. Окунь. История СССР. 1796—1825. Л. 1948, стр. 136.

[8] Г. Шермазанян. Материалы к национальной истории. Ростов-на-Дону. 1891, стр. 118—126 (на армянском языке).

атьи советских историков вовсе не упомя-
ты А. Р. Иоаннисяном [9]. Недостаточно
имательное отношение к имеющимся ра-
там приводит его подчас к неверным вы-
дам. Так, В. И. Антюхиной приписано по-
орение мысли Вандаля о том, что единст-
ной целью миссии Гардана являлась под-
овка экспедиции в Индию (стр. 186—187).
ежду тем это не соответствует действи-
льности. «Первая задача Гардана,— пишет
И. Антюхина,— состояла в том, чтобы
ими силами возбуждать борьбу с Россией
расширять ее». Она цитирует инструкцию
полеона Гардану («...наша главная
ль — это установить тройственный союз
жду Францией, Портой и Персией, проло-
ить дорогу в Индию и приобрести союз-
ка против России») и показывает, что
ятельность миссии Гардана была направ-
на против России [10]. В главе о посольстве
рдана имеются и фактические неточности.
енная конвенция и торговый договор
жду Францией и Ираном были подписа-
в январе 1808 года. Автор же (стр. 161—
3) говорит о дате подписания этих согла-
ний, опираясь на донесение Гардана от
декабря 1807 года. Ссылается он и на
бликации самих соглашений, но не от-
чает и не объясняет расхождения в датах.
жду тем предлагаемая им датировка сде-
на на основе неточного перевода донесе-
я Гардана (слова Гардана «я составил»
евратились в «я подписал»).

Много нового вносит А. Р. Иоаннисян в
вещение борьбы Франции за влияние в
ране после разрыва франко-иранских от-
шений (1809—1810 гг.). В исторической
ературе ранее высказывалось мнение,
что эта борьба прекратилась на многие
ы. Автор приводит неизвестные до сих
материалы, касающиеся прибытия в
ан французских эмиссаров Утрея, Каде-
и Друвилля в 1810—1811 гг., а также
дения о попытках Наполеона в 1812—
5 гг. поддерживать отношения с Ира-
и использовать его против России.

Одной из положительных сторон иссле-
дования А. Р. Иоаннисяна является то, что им показана связь вопросов дипломатии с проблемой торговой политики. Автор приводит и характеризует английские и французские планы экономического подчинения Ирана и Закавказья. Правда, нельзя не отметить, что известные ему материалы дают возможность сделать это гораздо шире в отношении Закавказья. Привлечение цифровых данных, характеризующих уровень развития торговых связей Ирана с Россией и Западной Европой (такие данные содержатся, в частности, в источниках, использованных автором), позволило бы дать более полное представление об экономических позициях европейских держав в этом районе и показать одну из причин неустойчивости политических союзов Ирана тех лет.

В монографии А. Р. Иоаннисяна, посвятившего ряд своих работ истории армянского освободительного движения, подробно изучен вопрос о позиции Англии и Франции в отношении Армении в начале XIX века. Переписка армянских католикосов и записки членов дипломатических миссий Англии и Франции, анализируемые автором, выявляют повышенный интерес английской и французской дипломатии к политической ориентации высшего армянского духовенства. Поддерживая притязания Ирана на Закавказье, французская дипломатия, пишет А. Р. Иоаннисян, ставила в то же время «своей целью завязать сношения с Эчмиадзином, чтобы подчинить своему влиянию армяно-григорианскую церковь и с ее помощью отклонить армян, и прежде всего армянские господствующие классы, от русской ориентации» (стр. 171). Одновременно французская дипломатия стремилась выступить в роли покровителя армян-католиков.

Английская дипломатия, подобно французской, понимая роль и значение Эчмиадзина как религиозного центра армян, также стремилась завязать с ним сношения. Английский посол Х. Джонс обсуждал в 1809 г. с мирзой Бозоргом, министром Аббаса-мирзы, наследника и соправители шаха, проект хартии, которая подтвердила бы привилегии армян, данные еще шахом Аббасом. Согласно проекту, эти привилегии должны были гарантироваться английским послом в Иране (стр. 249—251). Новый английский посол, Г. Узли, стремившийся показать, что он «весьма расположен к армянской нации», не скупился на любезные слова и щедрые дары в Эчмиадзине (стр. 429). Со своей стороны, как указывает автор, высшее армян-

---

Например, С. С. Маркосян. Русско-
анцузская и русско-английская борьба в
ссии в связи с завоеванием Закавказья.
ван. 1935 (на армянском языке);
А. Игамбердыев. Русско-иранская
на 1804—1813 гг. «Труды» Узбекского
верситета. Вып. 51. 1952; С. В. Шоста-
вич. Из истории английской экономиче-
й экспансии в Иране. «Труды» Иркут-
го университета. Вып. XII. 1956.
В. Антюхина. Указ. соч., стр. 266—
.

ское духовенство поддерживало коммерческие и финансовые отношения с представителями Англии, во владениях которой имелись армянские колонии и которая пользовалась большим влиянием на Ближнем Востоке. «Однако политические цели Англии на Кавказе резко противоречили интересам подавляющего большинства представителей армянских господствующих классов, заинтересованных в присоединении Закавказья к России. Интересы эти не могли, конечно, не учитываться Эчмиадзином» (стр. 254). Вместе с тем в таком специальном исследовании хотелось бы видеть более конкретные данные о торговых связях Закавказья начала XIX в. и об армянском купечестве, что дало бы возможность глубже объяснить внешнеполитическую ориентацию армянских господствующих классов и политику Эчмиадзина.

В рамках рецензии, разумеется, нельзя остановиться на всех выявленных А. Р. Иоаннисяном фактах и источниках. Новые выводы, как и неизвестные ранее факты, содержатся в каждой главе его обстоятельного труда.

Несколько замечаний относительно иранских источников, используемых в монографии. Автор широко привлекает одну из иранских хроник, известную в английском переводе Х. Джонса под названием «Династия Каджаров»[11]. В то же время в главе о посольстве Оливье и Брюгьера он приводит два различных по смыслу перевода (английский и французский). Обращение к подлиннику устранило бы наличие этого противоречия. Эту хронику («Китаб-и Маасир-и султанийэ») составил Абдарразак бек Думбули, приближенный Аббаса-мирзы, и она была издана в Тавризе в 1826 г. (кстати, это одна из первых печатных книг в Иране). Автор не попытался выяснить, к какому источнику восходят сведения О. Шлехта-Всерда о французском посольстве в Иране в 1802 году. Между тем цитируемое им место содержится в хронике «Тарих-е Зульгарнайн», составитель которой, мирза Файзулла Ширази, являлся личным секретарем Фатх Али шаха[12]. Таким образом, выясняется, что свидетельство тавризской хроники дополняется данными тегеранской хроники.

Из западноевропейских источников полезно было бы привлечь переписку министра иностранных дел Англии Р. Кэстльри, документы миссий Д. Малькольма, записки Ж. Б. Руссо (члена миссии Гардана) и особенно составленную им биографию отца — Ж. Ф. Руссо[13]. Можно было бы упомянуть работы Каррэ де Вернея, Сардари и Шэдмана[14]. В последней, между прочим, содержатся материалы из английских архивов.

При использовании ряда неопубликованных докладных записок А. Р. Иоаннисян не называет дат, а иногда и авторов. Между тем последние нередко являлись свидетелями многих из описываемых ими событий. Так, свидетельство о поддержании англо-иранской торговли в период победы французского влияния в Иране и росте ее после разрыва с Францией (стр. 215) принадлежит русскому офицеру Е. И. Энгельмейеру, посланному в Иран в 1814 году[15]. В то же время отсутствие указания на дату записки товарища министра финансов Гурьева затрудняет пользование имеющимися в ней данными (стр. XXI—XXIII). Было бы желательно также упорядочить ссылки на публикации, используемые в работе. Так, англо-иранские договоры 1801, 1809, 1812 и 1814 гг. даны по трем различным изданиям, следовало бы воспроизвести по наиболее полному, составленному Этчисоном.

В целом монография А. Р. Иоаннисяна — серьезный вклад в изучение истории Закавказья и международных проблем начала XIX века.

Л. С. Семенов

---

[11] «The Dynasty of the Kajars». London. 1833.

[12] См. «Известия штаба Кавказского военного округа». Тифлис. 1913. № 36.

[13] «Correspondence of vicont Castlereagh». Vol. V. London. 1851; «Despatches, Minutes and Correspondence of marquis Wellesley». Vol. II, V. London. 1836; J. W. Kaye. The Life and Correspondence of Sir J. Malcolm. Vol. I—II. London. Bombey. 1856; (J. B. Rousseau. Extrait d'un itinéraire en Perse. Paris. 1813; его же. Notice historique sur la Perse. Marseille. 1818; (J. B. Rousseau). Eloge historique de feu J. F. X. Rousseau. Paris. 1820.

[14] R. Quarré de Verneuil. Napoléon Ier et la Perse. Paris. 1905; Reza Sardari. Les traités entre l'Iran et la Russie depuis le XVI siècle jusq'u à 1917. Paris. 1944; S. F. Shadman. A Review of anglo-persian relations. 1798—1815. «Journal of the Royal Central Asian Society». Vol. XXXI. 1944, part I.

[15] См. Л. С. Семенов. О некоторых источниках по истории русско-персидских отношений первой трети XIX в. «Вестник» Ленинградского университета. 1959. № 2.

В. М. КУЛИШ. *Второй фронт. Операции в Западной Европе в 1944—1945 гг.* Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. М. 1960. 456 стр. и альбом схем. Цена 1 руб. 80 коп.

Вопрос о втором фронте в Европе в пе-од второй мировой войны — тема, далеко исчерпанная советскими историками. СССР опубликован ряд статей по этому просу. Но монографических исследований сих пор не было.

Книга В. М. Кулиша представляет со-й первый в нашей литературе военно-горический очерк, посвященный анализу ераций на втором фронте второй мировой йны. Военные, стратегические, оператив-е и тактические вопросы рассматривают-в ней в органической взаимосвязи с эко-мическими и социально-политическими кторами, решившими исход второй миро-й войны.

При работе над книгой автор опирался на уды классиков марксизма-ленинизма, ициальные советские документы и мате-алы Нюрнбергского процесса. Им исполь-ованы советская литература и периодиче-ая печать, большое количество англий-их, американских и немецких публикаций, рубежная военная пресса.

Книга состоит из трех частей. Часть пер-я (главы 1—10) посвящена рассмотре-ю военных действий в Западной Европе 1944 году. В ней анализируется военно-литическое и стратегическое положение шистской Германии к началу 1944 г., аны воюющих сторон, операции воору-нных сил США и Англии на средиземно-рском театре военных действий, их втор-ение в Нормандию и операции во Фран-и летом—осенью 1944 г., а также на-упление немецко-фашистских войск зи-й 1944—1945 годов.

Во второй части (главы 11—15) показа-военно-политическая обстановка в Евро-в начале 1945 г., рассмотрены операции ло-американских войск в завершающий риод войны.

Часть третья (главы 16—17) содержит щие выводы о роли второго фронта в Ев-пе, а также по основным моментам под-товки и ведения военных операций.

Вопрос об открытии второго фронта в ропе представлял собой важнейшую облему межсоюзнических отношений вных государств — участников антигит-еровской коалиции. Хорошо известно, что, аствуя в этой коалиции, СССР, США и глия руководствовались совершенно раз-личными понятиями о союзническом долге. В то время как Советский Союз, со скрупулезной точностью выполняя свои обязательства перед западными союзниками, в ожесточенных сражениях решал исход мировой войны, стратеги американского и английского империализма избрали совершенно иной путь. Стремясь в максимальной степени ослабить Советский Союз и подчинить его своему влиянию, они использовали любой предлог для невыполнения торжественно взятых на себя союзнических обязательств по созданию второго фронта в Европе.

Автор книги убедительно показывает, что к началу 1944 г. в результате успешных наступательных действий Советской Армии на фронтах второй мировой войны произошло резкое изменение соотношения сил в пользу антифашистской коалиции. Советские войска нанесли гитлеровскому вермахту решающие поражения и твердо удерживали в своих руках стратегическую инициативу. Немецко-фашистские войска несли на Восточном фронте огромные потери и вынуждены были их восполнять, перебрасывая из Западной Европы наиболее боеспособные дивизии. «Можно сказать без преувеличения,— признавал впоследствии бывший начальник оперативного отдела штаба немецко-фашистских войск генерал-лейтенант Циммерман,— что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику» (стр. 25). Согласно приводимым автором книги сведениям, в конце 1943 г. на советско-германском фронте сражалось более 60% всех немецко-фашистских войск, тогда как во Франции, Бельгии и Голландии находилось всего 19% гитлеровской армии, причем это были недостаточно технически оснащенные войска с пониженной боеспособностью.

В книге приводятся данные о том, что атлантическое побережье оккупированной гитлеровцами Европы не имело прочной обороны. «Германия,— признавал бывший начальник генерального штаба немецко-фашистских сухопутных сил Гальдер,—не имела никаких оборонительных средств против десантного флота, который был в распоряжении союзников и действовал под прикры-

тием авиации, полностью и безраздельно господствовавшей в воздухе» (стр. 26).

При всех этих весьма благоприятных условиях второй фронт не был открыт до тех пор, пока западным державам не стало совершенно ясно, что Советский Союз, добившийся в героическом единоборстве с фашистской Германией коренного перелома в ходе всей второй мировой войны, способен самостоятельно завершить разгром агрессора. «...Когда весь ход второй мировой войны коренным образом изменился,— отмечал Н. С. Хрущев,—когда события повернулись для западных стран так, что если бы они опоздали с открытием второго фронта, то советские войска могли оказаться не только в Берлине, но и в Париже, тогда наши союзники стали поспешно действовать. Тогда-то и был открыт второй фронт. Было похоже на то, что наши союзники спешили тогда с его открытием, чтобы не дать народам стран Западной Европы самим, с помощью Советской Армии разгромить войска оккупантов» [1].

Англо-американские стратеги больше всего опасались революционных социально-политических сдвигов в Европе после второй мировой войны. Они отдавали себе отчет, что триумфальные победы Советской Армии вдохновляли трудящихся европейских и других стран не только на активное сопротивление фашистским оккупантам, но и на выступления против порождающего фашизм и войну капиталистического строя. Стремление любыми средствами помешать этому оказывало огромное влияние на военную стратегию США и Англии, на выбор ими театров военных действий, направление ударов, на сроки и темпы проведения военных операций. Англо-американская стратегия носила крайне противоречивый характер. Она определялась двумя основными тенденциями: с одной стороны, стремлением максимально ослабить Советский Союз путем затягивания открытия второго фронта, а с другой — желанием развернуть в подходящее время широкие военные операции на европейском континенте с тем, чтобы не дать народам Западной Европы самим с помощью Советской Армии разгромить войска оккупантов.

Подробно рассматривая вопрос о сроках вторжения союзных войск в Европу, В. М. Кулиш пишет, что правительства Англии и США еще в 1941 г. договорились между собой об открытии второго фронта в Европе в 1943 г., однако затем они обязались перед Советским правительством начать вторжение в 1942 году. Вопреки этому обещанию во время переговоров личного представителя президента США Гопкинса и начальника штаба американской армии Маршалла с английскими руководителями во главе с Черчиллем в апреле 1942 г. в Лондоне были предусмотрены два варианта вторжения в Европу. Один из них — основной — предполагалось осуществить не ранее лета 1943 года. Другой же вариант вторжения планировался на тот случай, «если на русском фронте создастся отчаянное положение или если обстановка в Западной Европе будет критической для Германии» (стр. 19). Такой план действий англо-американского командования соответствовал расчетам на взаимное ослабление Советского Союза и Германии.

После сокрушительного поражения, понесенного немецко-фашистскими войсками под Сталинградом, американцы и англичане на Квебекской конференции (летом 1943 г.) принимают новый план военных действий в Европе, согласно которому вторжение в Северо-Западную Францию (операция «Оверлорд») рассматривалось как первая по важности операция, а действия на юге Европы как вспомогательные.

Решение сосредоточить основные усилия союзных войск на военных действиях в Северо-Западной Франции не соответствовало в то время замыслам английских правящих кругов. Автор книги подробно останавливается в связи с этим на противоречиях между США и Англией в области стратегии войны, обусловленных различием и столкновением их империалистических интересов. Не отрицая важности вторжения в Северо-Западную Францию, англичане настаивали прежде всего на проведении крупных операций в Италии и на Балканах. В то же время американцы, отнюдь не отказываясь от возможности усилить свое влияние на Балканах и на Среднем Востоке, рассматривали в качестве главной задачи открытие военных действий во Франции. На Тегеранской и Каирской конференциях была подтверждена первостепенная важность проведения операций в Северо-Западной Франции. Англо-американский стратегический план кампании 1944 г. также предусматривал осуществление этой операции в качестве главной, а операций

[1] Речь Н. С. Хрущева на девятой общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта 1959 года. «Правда», 27 марта 1959 года.

кной Франции, Италии и восточной ча- Средиземного моря — в качестве вспо- ательных.

Можно было ожидать, что в соответствии аким планом для операции во Франции ет выделена большая часть английских мериканских вооруженных сил. Но этого произошло. Сухопутные и военно-мор- е силы союзников были почти равно- рно распределены между двумя театра- военных действий. Это было вызвано четами англичан и американцев достичь их стратегических целей в Южной и о-Восточной Европе до того, как возник- неотложная необходимость начать ре- гельные действия на севере Франции. Рассматривая операции вооруженных сил ША и Англии на средиземноморском тре военных действий в первой полови- 1944 г., автор книги подчеркивает, что не обеспечивали успеха десантной опе- ии в Нормандии. В ходе этих операций ло-американское командование в допол- ие к находившимся в Италии к концу 3 г. 14 своим дивизиям перебросило а еще около 16 дивизий, в то время как цы увеличили за это же время число их дивизий в Италии с 20 до 23. Не- ко-фашистское командование своими ствиями в Италии стремилось отвлечь ска противника от Франции и добилось этом успеха. Действия англо-американ- х войск в Италии не привели и к дости- нию частной стратегической цели — вы- ду в долину реки По, хотя для этого бы- все необходимые условия.

Между тем победоносные наступатель- действия советских войск усиливали вогу в правящих кругах Англии и США аставили их форсировать вторжение во анцию летом 1944 года. В директиве единенного совета начальников штабов енхауэру от 12 февраля 1944 г., опреде- шей дату вторжения во Францию — май 4 г.,— предписывалось, несмотря на это, ть готовым в любое время к тому, чтобы ргнуться на континент с теми силами, орые к тому времени будут в его распо- жении (стр. 100). Совершенно очевидно, этот вариант вторжения, связанный с можным отходом немецко-фашистских ск из Франции, предусматривал не во- ую помощь Советскому Союзу, а по- шное создание на территории Западной юпы стратегического противовеса на- пающим советским войскам.

К началу операций в Нормандии общая ленность американо-английских экспеди- ционных сил, сосредоточенных на Британских островах, превышала 2 875 тыс. чел., располагавших 5 тыс. танков, 10,5 тыс. самолетов и громадным военно-морским флотом. Численность фашистских войск равнялась 1 370 тыс. чел., гитлеровцы имели здесь 1,9 тыс. танков и 0,5 тыс. боевых самолетов.

Столь благоприятное для США и Англии соотношение сил сложилось в результате того, что главные силы фашистской Германии перемалывались на советско-германском фронте. «Успешные действия Советской Армии, обескровившей к этому времени фашистскую Германию, создавали благоприятные условия для подготовки вторжения. Американо-английское командование имело возможность в 1944 г. направить основные экономические и военные усилия на подготовку операции «Оверлорд», не беспокоясь за положение на других фронтах»,— справедливо отмечает автор книги (стр. 127).

Рассматривая действия англо-американских войск во Франции, автор анализирует факторы, определявшие в то время обстановку на театре военных действий.

В. М. Кулиш справедливо обращает внимание на тот факт, что англо-американские противоречия неизменно оказывали отрицательное влияние на ход военных действий на всем протяжении войны. Они отражались на принятии стратегических и оперативных решений, сильно осложняли подготовку, планирование и ведение операций, вели к распылению сил. Как отмечает автор книги, стремление США и Англии использовать ресурсы союзника в своих интересах сеяло недоверие между ними и затрудняло правильный выбор направления главного удара (стр. 407—408). Несогласованность действий американских и английских войск нередко приводила к замедлению темпов наступления и открывала перед немецко-фашистским командованием широкие возможности для маневра. Так, в процессе борьбы за расширение плацдарма в Нормандии, когда английские войска предпринимали наступление с целью захвата Кана, американские соединения топтались на месте. В результате немецко-фашистское командование имело возможность направлять подходившие к фронту части в район Кана, оставляя минимум сил против американцев (стр. 135).

Значительную роль в ослаблении гитлеровской армии во Франции играли французские силы внутреннего Сопротивления.

В книге показано усиление их боевой активности после открытия второго фронта.

В августе 1944 г. вооруженные силы движения Сопротивления, насчитывавшие около 500 тыс. бойцов, перешли в решительное наступление и освободили целые провинции к югу от Луары и западнее Роны. Под контролем французских партизан оказался район между городом Экс и рекой Роной, а также Западные Альпы к востоку от Гренобля.

К середине августа, когда англо-американские соединения подходили к Парижу, немецко-фашистские войска вынуждены были отступать не только на севере, но и на юге Франции. В этой обстановке, как справедливо отмечает автор книги, в проведении союзниками военных операций на юге Франции уже не было стратегической необходимости (стр. 184). Но успехи французского Сопротивления теперь тревожили не только немецко-фашистское, но и англо-американское командование. Именно поэтому американцы «торопились ввести свои войска в Южную Францию, где движение Сопротивления было особенно сильным, с целью поддержать там реакционные силы» (стр. 185). Проведение операций на юге Франции явилось одним из многих примеров того, как соображения социально-политического характера отодвигали на задний план требования военной целесообразности.

В монографии убедительно разоблачаются империалистические планы США и Англии в отношении Юго-Восточной Европы. Наступательные действия Советских Вооруженных Сил все больше тревожили империалистические круги этих стран. 12 августа 1944 г. премьер-министр Южно-Африканского Союза Смэтс подал совет Черчиллю форсировать вторжение на Балканы через Триест и Вену. А уже 28 августа Черчилль писал Рузвельту о том, что «прибытие мощной армии в Триест и Истрию в течение 4—5 недель дало бы эффект, выходящий далеко за чисто военные рамки...» (стр. 262).

В сентябре 1944 г. на второй Квебекской конференции при рассмотрении общего плана военных действий в Европе английскими руководителями был поставлен вопрос о занятии ряда важнейших районов Европы до вступления в них Советской Армии. «Я очень хотел,— пишет Черчилль в своих мемуарах,— чтобы мы опередили русских в некоторых районах Центральной Европы... Я очень хотел, чтобы в случае ухода немцев из Италии или их отступления к Альпам Александер имел возможность нанести свой комбинированный удар через Адриатику, захватить и оккупировать полуостров Истрию и попытаться войти в Вену раньше русских» (стр. 229). Предложения Черчилля встретили полную поддержку американских представителей и составили основную идею стратегического плана действий союзных войск в Европе.

В середине декабря 1944 г. немецко-фашистское командование предприняло попытку нанести молниеносный контрудар в Арденнах, успех которого оно предполагало использовать для раскола антигитлеровской коалиции и заключения сепаратного мира с Англией и США. В ходе наступления немцев создалась критическая обстановка для союзных войск, фронт был прорван, для перехвата инициативы не хватало наличных сил, а свободные резервы отсутствовали. 6 января 1945 г. Черчилль направил И. В. Сталину послание с просьбой оказать помощь союзным войскам. 12 января 1945 г. началось грандиозное наступление Советской Армии, охватившее весь советско-германский фронт — от Балтики до Балкан. Результаты не замедлили сказаться. 16 января Гитлер принял решение перейти к обороне на Западе. 6-я танковая армия «СС», а вслед за ней и другие наиболее боеспособные дивизии были переброшены на советско-германский фронт. Англо-американские войска были спасены от угрозы «второго Дюнкерка». Анализируя политические и военные события, связанные с наступлением немецко-фашистских войск в Арденнах зимой 1944—1945 гг., автор книги дает убедительный ответ западным фальсификаторам истории второй мировой войны, упорно замалчивающим или отрицающим решающую роль Советского Союза в ликвидации нависшей над англо-американскими войсками опасности.

Стремительный натиск Советской Армии в начале 1945 г. явился причиной пересмотра англо-американским командованием своих планов в Юго-Восточной Европе, а также ослабления им своих сил на средиземноморском театре военных действий. В срочном порядке из Италии на север было переброшено 5 дивизий (из них 2 бронетанковые) и часть 12-й воздушной армии. «Поставив себе целью упредить Советскую Армию в захвате ряда важных центров Европы, американо-английское командование стремилось усиливать свои войска на Западном фронте прежде всего за счет

алии. Наступление Советской Армии при-екло к себе основную массу гитлеров-их вооруженных сил и внимание немец-фашистского командования; оно ослаби-напряженность на Западном фронте, в алии и Северо-Западной Европе»,— спра-дливо отмечает автор (стр. 326).

После провала «балканского варианта» рого фронта, охваченный страхом перед зможными революционными последствия-разгрома Советской Армией гитлеров-ой Германии и освобождения ею народов ропы, Черчилль цинично раскрыл свои варные замыслы. Весной 1945 г. он вы-пил с требованием создания «антиком-нистического барьера» в Европе, вклю-ощего Германию, Чехословакию, Авст-о (стр. 359). В мемуарах он подробно из-кил свои соображения по поводу антисо-ской политики и стратегии США и Анг-и на завершающем этапе войны в Евро-«В-о-п-е-р-в-ы-х, Советская Россия ста-смертельной угрозой для свободного ми-в-о-в-т-о-р-ы-х, надо немедленно создать ый фронт против ее стремительного про-ижения; в-т-р-е-т-ь-и-х, этот фронт в Ев-е должен уходить как можно дальше восток; в-ч-е-т-в-е-р-т-ы-х, главная и под-ная цель англо-американских армий — лик; в-п-я-т-ы-х, освобождение Чехослова-ии и вступление американских войск в агу имеет важнейшее значение; в-ш-е-ы-х, Вена, и, по существу, вся Австрия, жна управляться западными держава-по крайней мере на равной основе с ескими Советами...» (стр. 359). Таковы ти сокровенные мысли политического и нного лидера государства, которое не гло бы спастись от угрозы фашистского абощения, если бы советский народ и Вооруженные Силы не приняли на себя ое тяжелое военное бремя. Черчилль и единомышленники не только не стре-ились уменьшить эти жертвы, но пыта-ь сделать все от них зависящее, чтобы ществить свои антинародные замыслы. движение Черчиллем весной 1945 г. «про-ммы» создания «антикоммунистического ьера» было началом той политики от-той подготовки войны против бывшего зника, которая позднее была провозгла-а им в его печально знаменитой фул-ской речи.

начительный интерес представляет тья, заключительная часть рецензируе-книги, в которой рассматриваются об-е вопросы политики и стратегии США и лии, основные моменты подготовки и ведения ими военных операций и формулируются некоторые обобщающие выводы. Справедливо отмечая, что в определении стратегических замыслов США и Англии соображения социально-политического порядка превалировали над военной целесообразностью, автор заключает, что второй фронт не выполнил своей основной задачи — оттянуть с советско-германского фронта 40 немецких дивизий в самый тяжелый для антигитлеровской коалиции момент войны. «Более того, в этот наиболее ответственный период второй мировой войны американо-английские войска фактически не вели крупных операций против вооруженных сил фашистского блока в Европе»,— отмечает он (стр. 399).

В. М. Кулиш правильно указывает на тот факт, что и в последний период войны второй фронт не сыграл значительной роли. Распыление сил западных союзников между различными театрами военных действий, обусловленное империалистическими интересами правящих кругов США и Англии, ошибки союзного командования, чрезмерная осторожность и методичность в тактике — все это определило затяжной характер военных действий в этот период.

Интересная и хорошо аргументированная книга В. М. Кулиша не лишена серьезных недостатков. К сожалению, в ней нет даже беглого обзора источников. А между тем такого рода критический обзор дал бы возможность автору значительно расширить критику фальсификаторов истории второй мировой войны, более полно разоблачить их непрекращающиеся попытки исказить историю второго фронта, оклеветать Советский Союз и использовать эту фальсификацию и клевету в интересах идеологической подготовки новой агрессии.

В книге не показана предыстория второго фронта, не нашла отражения также и борьба народных масс США и Англии за своевременное его открытие. Вместе с тем этот вопрос имеет немалое значение. Давление, постоянно оказываемое прогрессивными силами этих стран на свои правительства, было одним из важных факторов, заставлявших правящие круги США и Англии принимать действенные меры для открытия второго фронта в Европе, и сыграло положительную роль в разгроме фашизма.

На наш взгляд, автору следовало бы также более отчетливо показать роль Рузвельта в открытии второго фронта. Известно, что Рузвельт был противником фашизма,

стремился к разгрому фашистского блока, добивался безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Несмотря на некоторую противоречивость своей позиции в этом вопросе, он активно выступал за реализацию межсоюзнических соглашений о втором фронте. Как отмечает У. Фостер, Рузвельт «хотел открыть второй фронт значительно раньше, чем это было сделано, но колебался и поддавался нажиму крайних реакционеров, затягивавших открытие второго фронта. Все же он настаивал на том, что Европа является основным театром военных действий, и главным образом благодаря этой его позиции военные усилия США не были сосредоточены в еще большей мере на войне против Японии в ущерб европейскому театру войны» [2].

В годы второй мировой войны американские реакционные круги постоянно стремились к сосредоточению главных военных усилий США на Дальнем Востоке, что привело бы практически к отказу от открытия второго фронта в Европе. Как один из недостатков книги следует отметить, что автор не показал взаимосвязи дальневосточной и европейской стратегии США и Англии. Вместе с тем, анализируя эту взаимосвязь, автор получил бы возможность показать то огромное влияние, которое оказывали боевые действия Советской Армии против фашистского вермахта на ход войны на Дальнем Востоке еще до вступления СССР в войну против Японии.

Книга не лишена и других погрешностей, в том числе и таких, которые вполне могли быть устранены на издательской стадии работы. Особенно это относится к литературному редактированию.

В целом, однако, книга является ценным научным исследованием одного из коренных вопросов истории второй мировой войны. Она, несомненно, привлечет внимание широкого круга читателей.

В. М. Кулаков

[2] У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 615.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

А. Ц. МЕРЗОН, Ю. А. ТИХОНОВ. *Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.)*. М. Изд-во АН СССР. 1960. 715 стр. Тираж 1 300. Цена 29 руб. 10 коп.

Рецензируемый труд — это два монографических исследования, объединенных общей темой и посвященных рынку одного из крупных в экономическом отношении городов Русского государства XVII в.— Устюга Великого. Первое исследование, принадлежащее перу покойного А. Ц. Мерзона, рассматривает рынок Устюга во второй четверти XVII в.; второе, выполненное Ю. А. Тихоновым, относится к 50—70-м годам того же столетия.

Монографии написаны на большом документальном материале, хранящемся в различных фондах ЦГАДА, а также в Государственном архиве Вологодской области и его Великоустюжском филиале. Монография А. Ц. Мерзона состоит из введения и четырех глав; монография Ю. А. Тихонова — из введения и трех глав. В конце книги дается общее заключение, которое подводит итог обоим исследованиям. Книга снабжена именным и географическим указателями. Кроме того, в монографии А. Ц. Мерзона имеются две карты: одна, посвященная торговым связям Устюга сельской округой в XVII в., другая — торговым связям Устюга с различными городами и областями Русского государства XVII века.

Следует сказать, что монографии написаны в разных планах. В центре внимания первой находятся рыночные связи Устюга Великого. Все внимание во второй обращено на развитие товарного производства Устюге и его уезде. Общее для обоих исследований заключение, цель которого — объединить обе части работы в единое целое, не снимает этой разноплановости. Она была очевидна и для ответственного редактора Н. В. Устюгова, который не только попытался объяснить ее в своем предисловии, но и назвал «несомненным достоинством публикуемой книги» (стр. 4).

Несмотря, однако, на разъяснения, разноплановость работ, публикуемых в одной книге, не является, на наш взгляд, ее достоинством, ибо работы относятся к разным хронологическим периодам и должны были бы служить продолжением друг друга. Н

е этого не получилось, потому что ряд блем, поднятых А. Ц. Мерзоном, не при- к внимания Ю. А. Тихонова и, следова- но, не получил дальнейшего освещения, наоборот, ряд проблем, рассмотренных А. Тихоновым, отсутствует в работе Ц. Мерзона и, следовательно, не имеет ала.

влечение исследованием рыночных свя- привело А. Ц. Мерзона к тому, что росы производства остались вне поля ия автора. Ю. А. Тихонов же сделал в сторону производства и неоправдан- мало внимания уделил освещению ры- ных связей; последняя глава его рабо- — «Торговые связи устюжского рын- — явно бедна и не может удовлетворить теля, не говоря уже о диспропорции и [1].

о сути дела, монографии А. Ц. Мерзона . А. Тихонова — две самостоятельные и, объединенные одним переплетом.

месте с тем надо отметить, что каждая их ценна как по своему богатому фак- скому материалу, так и по хорошо ар- ентированным выводам. Выбор темы эграфий и их хронологические рамки лне оправданны.

ри изучении проблемы формирования оссийского рынка авторы исходили из от В. И. Ленина, и прежде всего из его вополагающего труда «Развитие капи- зма в России». Обе монографии — плод много труда по обработке источников, первую очередь таких сложных и тру- ких, как таможенные, писцовые и пере- ые книги. Поскольку работы написаны зных планах, остановимся на каждой из в отдельности.

абота А. Ц. Мерзона сделана с большой тельностью и вдумчивостью. В ней мно- енных таблиц, которые вместе с хорошо авленной картой облегчают читателям ьзование книгой и придают монографии ядность и убедительность.

днако не все таблицы удовлетворяют теля в полной мере. Например, таблица — о количестве ремесленников в ожском уезде — не приводит данных о ичестве всего населения в уезде и поэто- е дает представления об удельном весе есленников.

е всегда таблицы и выводы из них со- гласованы. Так, из таблицы № 8 — о количестве пашен и сенокосных угодий на территории Устюга — следует, что 50% угодий владели посадские люди, принадлежавшие к наиболее зажиточной части посадского населения, а вывод таков (стр. 132): наличие угодий у посадских людей свидетельствует о том, что Устюг еще не отделился полностью от деревни, и далее: земельные участки использовались устюжанами преимущественно под огороды.

Таблицы, как правило, не имеют легенд, поэтому читателю остается неизвестным, на основании каких данных они были составлены.

В книге чрезвычайно мало сведений о ценах на товары, которые обращались на устюжском рынке.

В заключение (стр. 322) А. Ц. Мерзон пишет: «Экономическое значение устюжского рынка состояло в том, что представители купеческого капитала встречались на нем с большим количеством ремесленников, крестьян, сибирских промышленников, а также мелких товаропроизводителей с их ограниченными возможностями для ведения посреднических операций». Никакой устюжской специфики здесь нет, те же явления наблюдались и в других городах, например, в Тихвине, и были характерны не для какого-либо отдельного города, а для определенного этапа развития рыночных связей.

Очень интересен и ценен собранный А. Ц. Мерзоном материал о товарности сельского хозяйства во второй четверти XVII в. (причем товарным было не только зерно, но и технические культуры, а также изделия крестьянской промышленности); о размерах скупщических операций в сельском хозяйстве и крестьянской промышленности; об использовании наемного труда в хозяйстве зажиточных крестьян; об имущественной дифференциации посадских людей и уездных крестьян.

Хорошо показаны широта и многообразие рыночных связей Устюга и его роль во внутренней и внешней торговле Русского государства XVII века.

Автор приходит к выводу, что в «Поморье ростки новых, буржуазных отношений были особенно заметны» (стр. 315) и что «имущественное расслоение внутри черносошных крестьян Устюжского уезда происходило быстрее, чем в областях, населенных частновладельческими крепостными крестьянами» (стр. 367). Однако, говорит А. Ц. Мерзон, и «на территории Поморья

В этой главе (3) всего лишь 35 стра- (618—653), в то время как товарному зводству на посаде и в уезде отведе- 19 страниц (399—618).

оно тормозилось общим господством феодального строя в России» (стр. 367).

Монография Ю. А. Тихонова выгодно отличается от работы А. Ц. Мерзона тем, что в основу исследования устюжского рынка положено изучение товарного производства как в самом Устюге Великом, так и в его уезде. Правда, увлечение автора товарным производством привело к тому, что, как уже отмечалось, рыночные связи Устюга оказались весьма слабо изученными, в частности остались совершенно неосвещенными торговые связи Устюга с Сибирью, в результате чего содержание работы не совсем соответствует ее названию.

Вторая положительная черта работы Ю. А. Тихонова — систематическое сопоставление состояния ремесла, мелкого производства и т. д. в ряде городов Русского государства XVII в.: Москве, Тихвине, Ярославле и некоторых других. Это сопоставление не только интересно, но и важно, так как позволяет установить известную закономерность в развитии отдельных ремесел, производств и т. д.

Надо отметить и тщательность, с какой составлен аппарат исследования. Вместе с тем в монографии чувствуется некоторая недоработанность. Так, описывая состояние того или иного производства, Ю. А. Тихонов не анализирует материал, а дает длинные перечни имен (стр. 465, 478—479, 484, 529—530, 546—547 и др.). То же можно сказать и в отношении торговли: на стр. 648 приведен длинный список фамилий покупателей зерна, муки, крупы на Устюге. Гораздо важнее было бы определить социальную принадлежность перечисленных лиц.

В работе встречаются слишком общие, неконкретные определения. Например, на стр. 505—506 говорится: «Торговля крестьян занимала значительное (разрядка наша.— *К. С.*) место в мелкой розничной торговле на посаде»; «Крестьянская торговля занимала большое (разрядка наша.— *К. С.*) место на посадском торге». Определения «значительное», «большое» ни о чем не говорят читателю, ибо не дают представления об удельном весе крестьянской торговли на Устюжском посаде. Кроме того, в одном случае сказано, что крестьянская торговля занимала «значительное», а в другом — «большое» место в мелкой торговле Устюжского посада, что, как нам представляется, не одно и то же.

В отношении таблиц, составленных Ю. А. Тихоновым, в целом очень ценных и наглядных, следует заметить, что некоторые из них не совсем удачны. Так, в таблице № 11 — «Отвоз крестьянами Устюжского уезда зерна собственного производства на продажу в Холмогоры и Архангельск» — объединены совершенно разнородные понятия: количество крестьян, зерна, плотов, лодок, паузков, работных людей. Отсутствие данных о работных людях за ряд лет не говорит о том, что в какие-то годы труд их не применялся. Видимо, в использованных Ю. А. Тихоновым источниках отсутствовали сведения о них, что следовало оговорить.

В тексте, предваряющем и заключающем таблицу № 11 (стр. 525 и 527), указывается на то, что крестьяне наряду с хлебом своего производства часто везли на рынок скупленное ими зерно. К сожалению, не показано общее количество зерна, которое вывозили крестьяне, а поэтому нельзя определить удельный вес собственного и скупленного зерна, вывозимого крестьянами на рынок в Холмогоры и Архангельск. Непонятна таблица № 10 и боковые итоги в таблицах №№ 10, 12, 14. На стр. 534 приведен материал о соотношении количества крестьянских и половничьих хозяйств в Южских волостях. Однако автор не показал, как распределялись половничьи хозяйства по отдельным хозяйствам (монастырским, церковным, крестьянским), не уточняет он и количества половников по отдельным крестьянским хозяйствам. Говорится лишь (стр. 536), что в отдельных крестьянских хозяйствах были от 4—6 до 16—17 половников.

В работе есть и некоторые недосмотры: так, к товарному овощеводству (стр. 568) отнесена продажа грибов и брусники, а к товарному животноводству (стр. 570) — уток и гусей.

Отсутствуют карты торговых связей Устюга в 50—70-х годах XVII в., нет даже ссылок на карты, приложенные к работе А. Ц. Мерзона.

Работа Ю. А. Тихонова содержит большой ценный материал о товарности сельского хозяйства в Устюжском уезде в 50—70-х годах XVII в., об использовании в отдельных крестьянских хозяйствах наемного труда, имущественном расслоении крестьян, о внутриклассовой борьбе крестьян, о наличии в Устюжском уезде большого количества волостных торговых центров и ярмарок.

Возвращаясь к книге в целом, следует отметить, что в ней мало перекрестных ссылок. Этот недостаток еще больше подчеркивает разноплановость и разобщенность

ших ее частей и лишает книгу динамично-
в тех случаях, когда авторы описыва-
одни и те же процессы, но на разных
нологических отрезках. Например,
А. Тихонов пишет (стр. 490) о количе-
ремесленников на Устюге так, словно
него никто и никогда об этом не писал,
то время как в работе А. Ц. Мерзона при-
ено количество ремесленников для вто-
й четверти XVII века. Сравнение же цифр,
иводимых А. Ц. Мерзоном и Ю. А. Ти-
новым, чрезвычайно показательно, ибо во
рой четверти XVII в. имелось всего лишь
3 ремесленников, а в 50—70-х годах их
считывалось уже 500.

Оба исследователя — и А. Ц. Мерзон и
А. Тихонов — пришли к выводу о высо-
й товарности сельского хозяйства в
тюжском уезде как во второй четверти,
к и в 50—70-х годах XVII века. Оба сде-
ли интересные наблюдения над производ-
зом крестьянами зерна, продажей его са-
ми производителями и скупщиками, имуществен-
ным расслоением посада и деревни
т. д., однако, как уже отмечалось, никаких
перекрестных ссылок в книге нет. Это, ко-
нечно, ее серьезный недостаток.

Авторы пришли к следующему заключе-
нию: 1) социально-экономическое развитие
Устюга и прилегающего к нему района в
VII в. отражало процесс складывания еди-
ного всероссийского рынка; 2) товарное
производство во второй половине XVII в.
преобладствовало на Устюжском посаде, а в
сельском хозяйстве играло уже заметную
роль; 3) развитие товарного производства и
товарного обращения усиливало имущест-
венное неравенство населения и приводило
к его социальному расслоению в городе и
деревне; 4) социальное расслоение тормози-
лось господством феодальных отношений в
России; 5) основные тенденции хозяйствен-
ного развития Поморья выступают с полной
определенностью, а специфические условия
русского Севера наложили отпечаток на
экономику и социальные отношения Устюж-
ского края, однако не настолько, чтобы вы-
вести его из-под действия общих законо-
мерностей, которыми характеризовалось
складывание всероссийского рынка на на-
чальной стадии генезиса буржуазных отно-
шений в России. Эти выводы обоснованы
большим фактическим материалом, тщатель-
но выверенным и продуманным. Надо так-
же отдать справедливость авторам в том,
что они сумели сохранить чувство меры и
в своих выводах осторожны и сдержанны.

Заканчивая разбор книги, отметим, что А. Ц. Мерзону и Ю. А. Тихонову, подвергшим детальному анализу экономические и социальные отношения Устюга и связанного с ним района, удалось связать эти отношения с общими вопросами социально-экономической жизни Русского государства XVII в. и показать на большом фактическом материале связь экономических и социальных процессов, протекавших в Устюге и его уезде.

Рецензируемая книга — положительное явление в исследовании вопроса о социально-экономической истории Русского государства XVII века.

К. Н. Сербина

«Очерки новой и новейшей истории Мексики». Под редакцией М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова. Соцэкгиз. М. 1960. 511 стр. Тираж 10 000. Цена 1 руб. 16 коп.

«Очерки новой и новейшей истории Мексики» изданы в стопятидесятую годовщину начала героической борьбы латиноамериканских народов за независимость, в пору бурного подъема национально-освободительного движения в латиноамериканских странах.

В последние годы в Мексике наблюдается обострение идеологической борьбы в области исторической науки. Идеологи буржуазно-клерикальной реакции, фальсифицируя прошлое страны, стараются оправдать агрессивную политику США, в ложном свете представить историю борьбы народных масс, оклеветать выдающихся демократических деятелей Мексики. Этой реакционной тенденции в исторической науке Мексики противостоит прогрессивная историография патриотически настроенных мексиканских исследователей, которые немало уже сделали для изучения истории своей страны [1].

Против фальсификаторов выступает Коммунистическая партия Мексики. В партийных документах и на страницах коммунистической печати регулярно освещаются с марксистских позиций важнейшие вопросы прошлого и настоящего страны, дается критический анализ отдельных наиболее важных работ по истории Мексики.

В «Очерках новой и новейшей истории Мексики», написанных группой советских исследователей, учтены последние достиже-

[1] Характеристику трудов мексиканских историков см., например, в обзоре М. С. Альперовича «Современная мексиканская историография войны за независимость». «Вопросы истории», 1961, № 2.

ния мексиканской прогрессивной исторической науки, ведущей непримиримую борьбу с фальсификаторами мексиканской истории.

Монография рассматривает широкий круг узловых проблем мексиканской истории с начала XIX в. до наших дней. Главное место в этом труде уделяется истории войны мексиканского народа за независимость, против испанских колонизаторов, борьбы мексиканцев против агрессии США и англо-франко-испанских интервентов, характеристике буржуазной революции середины XIX в. и мексиканской революции начала XX в., социально-экономического развития страны в период между первой и второй мировыми войнами.

Знакомство с этим первым в советской историографии обобщающим трудом по истории Мексики позволяет прийти к выводу, что советскими учеными сделано уже многое в области изучения проблем исторического развития этой страны. Книга написана живо, увлекательно, на основе обширного круга источников — документов, материалов прессы, а также мемуарной литературы и монографических исследований.

В «Очерках» дается марксистская периодизация истории Мексики и выделяются переломные события в истории страны: война за независимость, буржуазная революция и гражданская война середины XIX в., мексиканская революция начала XX века. Однако недостаточно учтен при этом опыт периодизации новой истории европейских стран. Начало новой истории Мексики, на наш взгляд, следовало бы отнести к колониальному периоду — XVII—XVIII вв., а не к началу войны за независимость, как это сделано в книге.

Бесспорное достоинство работы в том, что на всем ее протяжении ясно и убедительно, на основе богатого, яркого материала проводится мысль о решающей роли народных масс в историческом процессе. Борьба народных масс рассматривается во всей ее сложности и противоречивости, освещается в неразрывной связи с общим социально-экономическим развитием страны. Авторы постоянно подчеркивают, что господство феодальных отношений, латифундизм являлись одной из главных причин революционных выступлений народных масс, боровшихся за землю.

Удачны главы, посвященные бурному подъему национально-освободительной борьбы под руководством национальных героев Идальго и Морелоса против испанского колониализма в 1810—1815 гг., героической, самоотверженной борьбе мексиканского народа против американских агрессоров во время мексикано-американской войны 1846—1848 годов. С неослабным вниманием читаются страницы об освободительной борьбе мексиканского народа против французских интервентов и внутренней реакции в 1861—1867 годах.

Отмечая самоотверженность, патриотизм народных масс, в том числе и коренного индейского населения Мексики, авторы в то же время подчеркивают, что феодально-клерикальные группировки неоднократно предавали национальные интересы, шли на сговор с врагами. Так было во время движения Идальго и Морелоса, так было во время войны между США и Мексикой, то же происходило и в период французской интервенции.

Большое место в книге отводится разоблачению захватнической политики правящих кругов США по отношению к Мексике на различных этапах ее истории.

Правильная, всесторонняя характеристика роли народных масс, разоблачение захватнической политики США и анализ отношения различных социальных сил к этой политике позволили авторам книги удачно и четко поставить вопрос о демократическом патриотическом движении в стране, о развитии прогрессивной общественно-политической мысли.

Интересны разделы, посвященные либеральному движению в Мексике XIX в., характеристике осуществленных либералами социально-экономических реформ. Авторы отмечают, что либеральное движение не являлось однородным: в нем имелись как умеренные, так и более демократические, радикальные течения. Умеренные отражали интересы обуржуазившихся помещиков, зарождавшейся крупной мексиканской буржуазии, высшего чиновничества. Левые либералы, так называемые «пурос», как отмечается в книге, опирались на городскую интеллигенцию, ремесленников и часть крестьянства и являлись в тот период выразителями общедемократических требований передовых сил мексиканского общества. Борьба либералов, возглавляемых представителями левого течения Бенито Хуаресом, Мельчором Окампо, Гомесом Фариасом, Хосе Мария Луисом Мора, против военщины и феодально-клерикальной реакции способствовала прогрессивному развитию страны.

Несмотря на то, что авторы, пожалуй, чересчур редко вступают в прямую поле-

с реакционными историками, их тезис
триотизме мексиканского либерализма
сит удар по реакционной историогра-
которая пытается представить про-
ивных деятелей прошлого сторонника-
англо-саксонизации» Мексики, носителя-
«импортированных», чуждых стране

то же время в книге подчеркивается
ость и неорганизованность демократи-
их сил, оказавшихся не в состоянии
ршить буржуазно-демократическую ре-
цию. Показана все усиливавшаяся тен-
ия некоторых либеральных групп к со-
шению с помещичьими и католическими
ами, что затрудняло борьбу за прове-
е коренных буржуазно-демократических
бразований и не позволило нанести ре-
льный удар феодализму.

торы «Очерков», как нам кажется, не-
аточно внимания уделяют вопросу о
ифике мексиканского либерализма по
шению с либерализмом европейским.
ается, что левых либералов Мексики
но характеризовать как передовых дея-
й буржуазно-демократического направ-
я. В «Очерках» следовало бы, на наш
яд, подчеркнуть, что традиции левых
ралов высоко ценятся прогрессивными
ми современной Мексики.

емало места в книге занимают события
иканской революции 1910—1917 гг. и
ктеристика ее влияния на последующее
итие страны. В работе разоблачается
ссивная политика империалистических
ов США, дважды (в 1914 и 1916 гг.)
лавших свои войска для подавления
люции.

льшое внимание в разделе уделяется
тьянскому течению в революции. Исто-
ски верно оценивается деятельность вы-
ихся руководителей революционного
тьянства Эмилиано Сапаты и Фран-
о Вильи. В книге подчеркивается сти-
ость, неорганизованность крестьянского
жения, отсутствие союза с рабочим клас-
что не могло не привести к поражению
тьянских масс в гражданской войне
ив буржуазно-помещичьей контрреволю-
Поражение крестьянства не позволило
нным образом разрешить буржуазно-
кратические задачи революции.

ражданская война в Мексике 1910—
гг.— сложное и противоречивое явле-
Даже прогрессивная мексиканская ис-
ография (в качестве примера можно
аться на книгу Рафаэля Рамоса Педр-
а «Борьба классов в мексиканской ис-

тории»[2], в которой делается, пожалуй, первая попытка марксистской интерпретации мексиканской истории) не дает четкой оценки событий гражданской войны. Несомненной заслугой авторов «Очерков» является то, что они смогли правильно осветить основные вопросы этого важного периода мексиканской истории.

Однако не со всем в освещении проблем мексиканской революции можно согласиться, не все вопросы рассмотрены одинаково глубоко и обстоятельно, некоторые из них требуют дополнительного изучения.

Так, недостаточно глубоко, без необходимых обобщений, прослежен вопрос о том, как сказалось поражение демократических сил в гражданской войне на разрешении задач мексиканской революции. Слабая мексиканская национальная буржуазия, напуганная размахом крестьянского движения, выступила на стороне реакционной буржуазно-помещичьей группировки. При отсутствии сильного, организованного пролетариата, способного руководить крестьянством и придать революции подлинно народный характер, крестьянское движение потерпело поражение. Буржуазно-помещичья группировка приложила все силы, чтобы ограничить масштабы социально-экономических преобразований.

Развитие событий после 1917 г. показало, что социальные группировки, захватившие власть в стране, пытались задержать революционное движение масс, которое усилилось под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции. В книге ярко показана борьба народных масс в 20-е годы, самоотверженная деятельность молодой Коммунистической партии Мексики. Авторы отмечают возросшую роль рабочего класса в политической жизни страны, рассказывают о формах борьбы трудящихся.

В книге подчеркивается, что правящие буржуазные группировки, вынужденные идти на некоторые уступки народным массам, демагогически заявляли, что мексиканская революция «перманентна», что она продолжается и ее осуществляет правительство.

Между первой и второй мировыми войнами несколько усилились позиции национальной буржуазии, сделавшей попытку укрепиться у власти, повести более решительную борьбу с помещиками и иностран-

[2] Rafael Ramos Pedrueza. La lucha de clases a traves de la historia de México. México. 1941.

ным империализмом. Активизация национальной буржуазии происходила в условиях подъема национально-освободительного движения, роста выступлений народных масс.

Большой интерес представляет изучение периода 30-х годов, когда в Мексике наблюдался подъем антиимпериалистического, антифеодального движения. В то время под давлением трудящихся масс правительство президента Карденаса (1934—1940 гг.) вынуждено было приступить к ряду прогрессивных, демократических преобразований. В стране была осуществлена аграрная реформа, национализированы железные дороги и нефтяная промышленность, принадлежавшие иностранному капиталу. В то же время, как справедливо отмечается в книге, правительство Карденаса, представлявшее интересы национальной буржуазии, не вело решительной, последовательной борьбы против империализма и внутренней реакции, за полное экономическое освобождение страны. При всем положительном значении реформ они носили печать буржуазной ограниченности. Неустойчивая позиция национальной буржуазии привела в конечном счете к компромиссу с империализмом, к отказу от проведения всесторонних буржуазно-демократических преобразований.

В годы второй мировой войны национальная буржуазия постепенно была оттеснена от руководящих позиций в политической жизни страны, к власти пришла так называемая бюрократическая буржуазия, связанная с крупным землевладением, крупным финансовым и торговым капиталом, заинтересованная в тесном сотрудничестве с иностранными монополиями. В свете этих изменений первостепенное значение приобретает рассмотрение вопроса о роли трудящихся масс, которые хотя и были главной силой национально-освободительного движения, тем не менее находились под идеологическим влиянием национальной буржуазии, что не могло не привести к ослаблению демократического движения в стране.

На протяжении всей книги авторы обращаются к вопросам социально-экономического развития Мексики, говорят о препятствиях, тормозивших ее движение по капиталистическому пути (стр. 187, 306—307, 322, 389 и др.). К сожалению, эти проблемы излагаются в большинстве случаев абстрактно, декларативно, без достаточного учета конкретно-исторической обстановки. Особенно страдают таким недостатком разделы, которые освещают новейший период истории Мексики.

С этим главным упущением связана и недостаточно конкретная разработка некоторых аспектов аграрной проблемы. Читатель не узнает из «Очерков», как на разных этапах истории Мексики (например, в годы правления Хуареса) стоял вопрос о крестьянской общине и образовании класса мелких собственников. В связи с этим следовало подробнее сказать, почему в период президентства Карденаса, когда проводилась аграрная реформа, прогрессивные силы выступали в поддержку общинного землевладения.

Эти недостатки, однако, не могут повлиять на общую положительную оценку работы. «Очерки новой и новейшей истории Мексики», бесспорно, представляют успешную, плодотворную попытку создания живой, интересной научной книги для самых широких читательских кругов.

А. Ф. Шульговский

И. М. ТАБАГУА. *Русско-французские отношения перед первой мировой войной.* Издательство Тбилисского государственного университета имени Сталина. Тбилиси. 1960. 252 стр. Тираж 2 000. Цена 9 руб. 40 коп. (на грузинском языке).

На протяжении почти двух столетий большое влияние на развитие мирового исторического процесса оказывают взаимоотношения между Россией и Францией. Поэтому изучение русско-французских, а затем советско-французских отношений занимает значительное место в трудах как советских историков, так и историков за рубежом. Одному из важнейших периодов русско-французских отношений посвящается книга доцента Тбилисского университета И. М. Табагуа. Автор, изучив существующую литературу, архивные документы на русском и французском языках, написал хорошее научное исследование. Оно выполнено на основе тех положений, которые были высказаны по данному вопросу классиками марксизма-ленинизма. Следует отметить наличие в книге кратких резюме содержания на русском и французском языках. В качестве приложения в книге напечатаны некоторые документы на французском и русском языках и в переводе на грузинский язык. Книга снабжена указателем имен.

Работа И. М. Табагуа состоит из введения и четырех глав. В них показано разви-

е русско-французских отношений от
ранкфуртского мира (1871 г.) до начала
ервой мировой войны.

Нельзя не согласиться с автором, когда
при освещении франко-русских взаимо-
ношений попутно освещает и основные
правления внешней политики таких евро-
йских государств, как Германия, Англия,
встрия и Италия. Без этого невозможно
олно показать русско-французские отноше-
я. Однако, как нам кажется, автор иногда
лекается этим фоном в ущерб изложению
новных вопросов темы.

В конце вступительной части автор рас-
атривает источники и литературу по изу-
емому им вопросу. Особое внимание уде-
но здесь трудам советских историков
З. Манфреда, В. М. Хвостова, Ю. В. Бо-
сова и др. Однако обзор литературы и
точников очень краток и фрагментарен.

В начале книги говорится о последствиях
ранко-прусской войны. Появление новой
рупной державы — Германской империи —
ренным образом изменило соотношение
л в Европе. Германия стала угрожать
ществованию ослабевшей Франции. В этих
ловиях Франции были необходимы союз-
ики. Естественным союзником в тогдаш-
их условиях для Франции могла быть лишь
оссия, так как усиливавшаяся Германия
редставляла и для нее определенную угро-
у. И. М. Табагуа рассказывает о том, как
ранция была спасена от разгрома благо-
аря вмешательству России (1875 г.), и ука-
ывает на сближение обеих стран, хотя это
вело к тому, что затрудняло действия
оссии на Востоке, где ее интересы стал-
ивались с интересами Франции.

Затем автор показывает развитие рус-
ко-французских отношений после Берлин-
кого конгресса (1878 г.). В это время про-
сходит временное сближение Франции с
ерманией. Германия, чтобы ослабить по-
иции Франции в Европе и ухудшить ее
тношения, в частности, с Англией и Ита-
ией, а также отвлечь как-то ее внимание
т Эльзаса и Лотарингии, толкает ее на
уть захвата новых колоний. В результате
бострения итало-французского антагонизм-
а Италия в 1882 г. присоединяется к гер-
ано-австрийскому союзу, заключенному в
879 году. Обострение экономических отно-
лений между Россией, Германией и Англи-
й в середине 80-х годов способствует но-
ому сближению между Россией и Фран-
ией. В 1887 г. Бисмарк еще раз попытался
азгромить Францию. Однако ему не уда-
ось осуществить свой план, так как он не
смог добиться нейтралитета России. С это-
го времени, как правильно отмечает И. М.
Табагуа, усиливается стремление к заклю-
чению франко-русского военного союза.

Важному вопросу — созданию русско-
французского союза — в книге посвящена
отдельная глава. В ней говорится о пред-
посылках более тесного сближения России
с Францией. Отношения России с Германи-
ей к началу 90-х годов XIX в. ухудшились.
В то же время русско-французские отноше-
ния улучшались, что нашло свое выраже-
ние во взаимных визитах военно-морских
эскадр России и Франции (в 1891 и 1892 го-
дах). 22 августа 1891 г. было заключено
русско-французское соглашение о союзе, а
17 августа 1892 г. подписана военная кон-
венция, вступившая в силу в 1893 году.
Так оформился русско-французский воен-
ный союз, направленный против австро-гер-
манского блока. Оба союза носили импери-
алистический характер.

Заключительная часть монографии по-
священа периоду, непосредственно предше-
ствующему первой мировой войне. Здесь
автор специально останавливается на эко-
номическом развитии России и Франции, на
вопросе о том, как французский капитал
постепенно захватывал все более важные
позиции в экономике России. И. М. Таба-
гуа показывает также, как шло окончатель-
ное оформление двух империалистических
группировок в Европе: Тройственного
союза и Тройственного согласия, или Ан-
танты. Он касается, в частности, вопроса об
отношении европейских государств к рус-
ско-японской войне. Германия безуспешно
стремилась в этот момент оторвать Рос-
сию от Франции, нанести последней новый
удар и расстроить франко-английский союз.
Угроза со стороны Германии ускорила
окончательное сближение России и Англии
и заключение в августе 1907 г. русско-ан-
глийского договора.

В конце книги автор делает краткие вы-
воды. Он указывает, что создание франко-
русского союза было вызвано сложившей-
ся в Европе в последней трети XIX в. об-
становкой. Вопрос о таком союзе возник
сразу после заключения Франкфуртского
мира. Но процесс его создания ввиду ряда
обстоятельств длился очень долго. Русско-
французский союз имел большое значение.
Он мешал Германии вновь разгромить
Францию и сохранял определенное равно-
весие сил в Европе. Стало быть, в таком
союзе была заинтересована Франция. Од-
нако возникновение Германской империи и

ее агрессивные устремления создавали угрозу и для России. Поэтому и для нее союз с Францией также имел определенное значение. Вместе с тем И. М. Табагуа подчеркивает, что русско-французский союз носил империалистический характер, явился одним из этапов подготовки первой мировой войны.

Создание русско-французского союза было крупным внешнеполитическим поражением империалистической Германии, так как перед нею встала перспектива войны на два фронта. Союз с Францией означал коренной поворот во внешнеполитическом курсе России. С политикой дружбы с Германией было покончено. Русско-французский союз был большим достижением и для Франции. Он обеспечивал ее безопасность и существование как великой державы. Автор отмечает также, что англо-французский союз был невозможен без сближения Англии с Россией. Так как Россия была ослаблена в результате русско-японской войны и революции 1905—1907 гг., ее независимое положение в Антанте постепенно слабело.

В целом хорошая книга И. М. Табагуа не свободна от некоторых недостатков. Автор часто увлекается второстепенными вопросами. Например, он дает подробную историю франко-германских отношений. Последние, конечно, нужно было показать, но в той мере, в какой это необходимо для освещения основного вопроса. Желательно было бы, чтобы автор дал оценку русской дипломатии того периода, которая вела до 80-х годов XIX в. весьма искусную внешнюю политику. Книга в известной степени перегружена выдержками и цитатами из произведений других авторов и особенно из архивных документов.

Работа И. М. Табагуа создана на важную и интересную тему и представляет несомненный научный интерес.

С. Д. Чхартишвили

НОВЫЕ КНИГИ*

История СССР

Ленин В. И. *Полное собрание сочинений.* Изд. 5. Т. 12. Октябрь 1905 — апрель 1906. М. Госполитиздат. 1960. XXIII. 575 стр. 225 000 экз. 65 коп.

Ленин В. И. *Избранные произведения.* В 3 т. Т. 1 (1897 — янв. 1917 г.). М. Госполитиздат. 1960. XX, 843 стр. 150 000 экз. 1 р. 47 к.

Алма-Ата — столица Казахской ССР. Казгосиздат. 1960. 307 стр. (40 лет КазССР. 1920—1960). 9 000 экз. 65 коп.

Археологическая карта Казахстана. Реестр. Сост. Е. И. Агеева и др. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР. 1960. 449 (35) стр. 1 050 экз. 5 р. 25 к.

Барановский А. *Экономика Украины в семилетке.* Киев. Госполитиздат УССР. 1960. 93 стр. 15 000 экз. 11 коп.

Барац В. *Дела и люди одного совхоза.* М. Профиздат. 1960. 112 стр. 4 500 экз. 18 коп.

Белоруссия — глазами зарубежных гостей. (Сборник статей и высказываний). Сост. И. Козлов и А. Грецкий. Минск. Госиздат. БССР. 1960. 77 стр. 5 000 экз. 8 коп.

Бессмертие юных. М. «Правда». 1960. 384 стр. 55 000 экз. 63 коп. Из истории подпольных комсомольских организаций г. Краснодона, Николаевской, Калужской и Витебской областей и г. Каунаса в годы Великой Отечественной войны.

Бовыкин В. И. *Очерки истории внешней политики России.* Конец XIX в. — 1917 г. Пособие для учителя. М. Учпедгиз. 1960. 215 стр. 14 000 экз. 54 коп.

Будовниц И. У. *Общественно-политическая мысль Древней Руси.* XI—XIV вв. М. Изд-во АН СССР. 1960. 488 стр. 2 500 экз. 2 р. 10 к.

Буков К. *В битве великой.* М. «Московский рабочий». 1960. 165 стр. 3 000 экз. 20 коп. О жизни и деятельности партийной организации Москвы в 1918—1920 годы.

В братской семье советских народов. Госполитиздат УССР. 1960. 391 стр. 13 000 экз. 68 коп. Сборник статей о Советской Украине.

Вопросы теории социалистического общества. Сборник статей. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 255 стр. 6 500 экз. 90 коп.

Вопросы экономики сельского хозяйства Молдавии. Материалы экон. совещания по сельскому хозяйству. Кишинев. «Штиинца». 1960. 183 стр. 1 500 экз. 24 коп.

Воропаев Д. А. и Иовлев А. М. *Борьба КПСС за создание военных кадров.* 2-е, испр. и доп. изд. М. Воениздат. 1960. 243 стр. 48 коп.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 3. Госполитиздат. 1960. 388 стр. 100 000 экз. 1 р. 30 к.

* Стоимость книг дается в масштабе цен, установленном с 1 января 1961 года.

Гладков И. А. *В. И. Ленин о социалистическом планировании народного хозяйства.* М. Госпланиздат. 1960. 156 стр. (К 40-летию Госплана СССР). 25 000 экз. 24 коп.

Горчаков О. и Пшимановский Я. *Вызываем огонь на себя.* М. «Мол. гвардия». 1960. 238 стр. 100 000 экз. 4 коп. В книге освещается деятельность интернационального подполья в поселке Се... в годы Великой Отечественной войны. Организаторами этого подполья были советская молодежь, поляки, чехи.

Гречанюк Н. и др. *Балтийский флот.* ...ст. очерк. М. Воениздат. 1960. 375 стр. ... р. 02 к.

Дихтяр Г. А. *Внутренняя торговля в ...ореволюционной России.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 237 стр. 2 200 экз. 1 руб.

Есаков В. А. *Александр Гумбольдт в ...оссии.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 110 стр. ...000 экз. 40 коп.

Законы РСФСР и Постановления Верховного Совета РСФСР. Приняты на третьей ...ессии Верховного Совета РСФСР пятого ...зыва. 25—27 окт. 1960 г. М. Изд. Верховного Совета РСФСР. 1960. 359 стр. 50 коп.

Зубаков В. Е. *Невская твердыня.* Битва за Ленинград в годы Великой Отечественной войны 1941—1944. М. Воениздат. 1960. 203 стр. 22 коп.

Из истории социалистического строительства в Казахстане. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР. 1960. 225 стр. («Труды» Института ...стории, археологии и этнографии. Т. 9. История). 1 150 экз. 1 р. 62 к.

История скотоводства в Северном Причерноморье. М. Изд-во АН СССР. 1960 ... 66 стр. 1 400 экз. 1 р. 25 к.

Казакевич Р. А. *Социал-демократические организации Петербурга конца ...0-х — начала 90-х годов.* Кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1960. 208 стр. 1 300 экз. ...4 коп.

К истории образования автономной области калмыцкого народа. Окт. 1917 — ...оябрь 1920 гг. Сборник документов и материалов. Элиста. Калм. кн. изд. 1960. ...04 стр. 1 500 экз. 23 коп.

Климов И. М. *Образование и развитие Татарской АССР.* 1920—1926. Казань. Изд-во Казанского ун-та. 1960. 368 стр. 3 000 экз. ... р. 43 к.

Кондаков А. *Разгром десантов Врангеля на Кубани.* Краснодар. Кн. изд. 1960. ...09 стр. 5 000 экз. 15 коп.

Конюхов Г. *КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране 1928—1929.* М. Соцэкгиз. 1960. 243 стр. 5 000 экз. 59 коп.

Ленинские страницы. Документы, воспоминания, очерки. Сост. Б. Яковлев. М. «Известия». 1960. 299 стр. 30 000 экз. 60 коп. В сборник включены материалы о В. И. Ленине, опубликованные в декабре 1959 г. и январе — апреле 1960 г. в «Известиях» и «Неделе», а также некоторые впервые публикуемые документы.

Листовки Коммунистического подполья Бессарабии. 1918—1940. Сборник документов. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1960. 513 стр. 2 500 экз. 91 коп.

Майский И. М. *Путешествие в прошлое.* Воспоминания о русской полит. эмиграции в Лондоне. 1912—1917 гг. М. Изд-во АН СССР. 1960. 326 стр. 20 000 экз. 1 р. 10 к.

Малышев И. В. *О роли народных масс в советском социалистическом обществе.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 159 стр. 10 000 экз. 50 коп.

Материалы по истории Чувашской АССР. Сборник статей. Вып. 4. Чебоксары. Чувашгосиздат. 1960. 195 стр. 1 500 экз. 95 коп.

Махарадзе Н. Б. *Филипп Махарадзе.* Жизнь и революционная деятельность. Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1960. 151 стр. 5 000 экз. 50 коп. Книга о старейшем деятеле Коммунистической партии Грузии.

Мироненко В. М. *В. И. Ленин — вождь Великого Октября.* Пособие для учащихся. М. Учпедгиз. 1960. 160 стр. 50 000 экз. 42 коп.

Мугуев Х. М. *Весенний поток.* М. Воениздат. 1960. 296 стр. (Военные мемуары). 62 коп. Воспоминания о героических делах воинов 11-й армии в 1919—1920 годах.

О деятельности партийных организаций по воспитанию молодежи в бригадах коммунистического труда. (Сборник статей). М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960 г. 146 стр. 8 000 экз. 45 коп.

Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. В 2 т. Т. 1. Омская партийная организация в первый период Великой Отечественной войны. Июнь 1941 г.— ноябрь 1942 г. Сост. И. Д. Клеткин и др. Омск. Кн. изд. 1960. 264 стр. 5 000 экз. 52 коп.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. Под ред. М. В. Нечкиной и др. М. Изд-во АН СССР. 1960. 862 стр. 5 000 экз. 3 р. 45 к.

Очерки истории Марийской АССР. 1917—1960 гг. Йошкар-Ола. Маркнигоиздат. 1960. 450 стр. 3 000 экз. 1 р. 82 к.

Партолин Ф. Г. *Вступление СССР в период развернутого строительства коммунистического общества.* XXI съезд КПСС. (Курс лекций). М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 167 стр. 37 000 экз. 18 коп.

Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны. 1918—1920 гг. Сборник документов и материалов. Сост. Н. Я. Покидаев и Л. А. Филина. Пенза. Кн. изд. 1960. 287 стр. 2 000 экз. 66 коп.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 13—16 июля 1960 г. Стеногр. отчет. М. Госполитиздат. 1960. 339 стр. 30 000 экз. 60 коп.

Попель Н. К. *Танки повернули на Запад.* М. Воениздат. 1960. 381 стр. (Военные мемуары). 79 коп.

Против идеализации младолатышского движения (Сборник статей). Рига. Изд-во АН Латв. ССР. 1960. 224 стр. 1 200 экз. 99 коп.

Равич Н. *Молодость века.* М. Воениздат. 1960. 348 стр. (Военные мемуары). 68 коп. Автор повествует о событиях, свидетелем которых он являлся в годы гражданской войны, о подпольной работе в Белоруссии, оккупированной буржуазно-помещичьей Польшей, о своей службе в Афганистане и

Турции в годы национально-освободительного движения в этих странах.

Развитие производительных сил Восточной Сибири. Труды конференции. 1958 г. Районные и межрайонные комплексные проблемы. М. Изд-во АН СССР. 1960. 191 стр. 1 800 экз. 1 р. 03 к.

Рогожин В. А. *За мир без оружия!* Л. Лениздат. 1960. 95 стр. 5 000 экз. 9 коп. О борьбе СССР за всеобщее и полное разоружение.

Сартаев С. *Образование и становление казахской советской государственности.* Алма-Ата. Казгосиздат. 1960. 130 стр. 8 000 экз. 36 коп.

Смирнов И. С. *Ленин и советская культура.* Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства. Окт. 1917 г.— лето 1918 г. М. Изд-во АН СССР. 1960. 448 стр. 15 000 экз. 1 р. 70 к.

40 лет плана ГОЭЛРО. Сост. В. Ю. Стеклов. Под общ. ред. П. С. Непорожнего. М.-Л. Госэнергоиздат. 1960. 368 стр. 3 000 экз. 1 р. 68 к. Сборник материалов, содержащий основные высказывания В. И. Ленина по вопросам электрификации, важнейшие решения Коммунистической партии и Советского правительства, выступления и доклады Г. М. Кржижановского, С. Орджоникидзе, Н. С. Хрущева, а также статистические данные.

40 лет Удмуртской АССР (Сборник статей). Ижевск. Удмурт. кн. изд. 1960. 223 стр. 2 000 экз. 43 коп.

40 лет Марийской АССР. Йошкар-Ола. Маркнигоиздат. 1960. 208 стр. 3 000 экз. 70 коп. Очерк политического, экономического и культурного развития республики.

Спасский И. Г. *Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 годов.* Сводный каталог ефимков. Л. Изд-во Гос. Эрмитажа. 1960. 73 стр. 5 000 экз. 1 руб.

Сто лет. Сборник очерков, воспоминаний и документов из истории шахты им. Дзержинского. Сост. А. А. Панов. Сталино. Кн. изд. 1960. 271 стр. (История фабрик и заводов). 5 000 экз. 50 коп.

Строительство коммунизма и рост творческой активности масс. Сборник статей. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 300 стр. 6 000 экз. 1 р. 05 к.

Терентьева Л. Н. *Колхозное крестьянство Латвии.* Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района, Латвийской ССР. М. Изд-во АН СССР. 1960. 371 стр. 2 000 экз. 2 р. 10 к.

Тихонов Б. Г. и Гришин Ю. С. *Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 208 стр. 1 500 экз. 1 р. 50 к.

Фуров В. Г. *Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства.* 1953—1959 гг. На материалах Алт. края. Новосиб. и Омской обл. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 175 стр. 11 000 экз. 56 коп.

Хрущев Н. С. *За мир, за разоружение, за свободу народов!* Выступления в Нью-Йорке, на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 19 сент.— 13 окт. 1960 г. Речь на митинге трудящихся Москвы о работе советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 20 окт. 1960 г. М. Госполитиздат. 1960. 336 стр. 100 000 экз. 60 коп.

Черников С. С. *Восточный Казахстан в эпоху бронзы.* М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение. 1960. 272 стр. 1 500 экз. 2 р. 10 к.

Это было на Балтике. Очерки и воспоминания. Вып. 1. М. «Мор. транспорт». 1960. 244 стр. 6 000 экз. 52 коп. Сборник составлен участниками революционных событий, работниками Балтийского пароходства, историками и журналистами и посвящен страницам истории советского транспортного флота на Балтике.

Всеобщая история

Арабские страны. История, экономика и литература. М. Изд. вост. лит. 1960. 152 стр. (Ин-т народов Азии. «Ученые записки». Т. 22). 2 100 экз. 50 коп.

Берг Д. С. *Вклад европейских стран народной демократии в экономическое соревнование двух систем.* Л. 1960. 60 стр. 6 800 экз. 12 коп.

Борисов Ю. В *Советско-французские отношения и безопасность Европы.* М. Изд-во ИМО. 1960. 199 стр. 6 000 экз. 63 коп. Основное место в работе занимает анализ истории советско-французских отношений в связи с современной борьбой за мир.

Винцер Ю. И. *Английские капиталовложения за границей в период империализма.* М. Изд-во ИМО. 1960. 791 стр. 1 500 экз. 2 р. 20 к. Рассматривается период от канун первой мировой войны до нашего времени.

Волгин В. П. *Французский утопический коммунизм.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 376 стр. 4 200 экз. 1 р. 57 к.

Восленский М. С. *Внешняя политика и партии ФРГ.* М. Изд-во ИМО. 1960. 310 стр. 4 000 экз. 1 р. 13 к.

Гладков Т. *Жизнь Большого Билла.* М. Профиздат. 1960. 168 стр. 20 500 экз. 21 коп. Книга посвящена деятелю мирового и американского рабочего движения Уильяму Хейвуду (1869—1928 гг.).

Гонионский С. А. *Латинская Америка и США.* 1939—1959. Очерки истории дипломат. отношений. М. Изд-во ИМО. 1960. 542 стр. 15 000 экз. 1 р. 92 к.

Данциг Б. М. *Ирак в прошлом и настоящем.* М. Изд. вост. лит. 1960. 255 стр. 2 500 экз. 83 коп.

Дело Манолиса Глезоса. Сост. Я. Вультепсис. Пер. с греч. М. Изд. иностр. лит. 1960. 483 стр 1 р. 11 к. Сборник материалов издан Административным комитетом Единой демократической левой партии Греции (ЭДА).

Демократическая Республика Вьетнам. 1945—1960. М. Изд. вост. лит. 1960. 248 стр. 1 900 экз. 98 коп. Сборник статей вьетнамских и советских ученых.

Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 г. М. Госполитиздат. 1960. 64 стр. 1 000 000 экз. 7 коп.

Древние и средневековые источники по ...нографии и истории народов Африки южнее Сахары. (В 3 томах). Подготовка текстов и пер. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. 1. Арабские источники VII—X веков. ...-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние 960. 399 стр. 1 800 экз. 1 р. 87 к.

Егоров В. Н. *Политика Англии на ...альнем Востоке.* Сентябрь 1939 г.— ...брь 1941 г. М. Изд-во ИМО. 1960. 222 стр. 500 экз. 70 коп.

Зейдвиц М. *Германия между Одером и ...рейном.* К новейшей истории Германии. Пер. нем. М. Соцэкгиз. 1960. 709 стр. 7 000 экз. р. 47 к.

Кадар Я. *Избранные статьи и речи.* 957—1960 гг. Пер. с венгер. М. Госполитиздат. 1960. 643 стр. 1 р. 23 к.

Кемп-Ашраф П. М. *Африканцы в демократическом движении Англии начала XIX века.* Пер. с англ. Предисл. В. Ф. Семенова. М. Изд. иностр. лит. 1960. 563 стр. р. 03 к.

Колвин И. *Двойная игра.* Пер. с англ. Предисл. М. Мильштейна. М. Воениздат. 960. 368 стр. 70 коп.

Корнилов Ю. *Мини и Рейтер — прислужники монополий.* М. Госполитиздат. 960. 72 стр. 55 000 экз. 9 коп. О реакционной деятельности лидеров американских профсоюзов.

Онушкин В. *«Атомный бизнес» американских монополий.* М. Соцэкгиз. 1960. 43 стр. 6 000 экз. 45 коп.

Петров Д. Б. *Авраам Линкольн — великий гражданин Америки.* М. Учпедгиз. 960. 116 стр. 15 000 экз. 20 коп.

Политика США на Ближнем и Среднем Востоке. США и страны СЕНТО. (Сборник статей). М. Изд. вост. лит. 1960. 344 стр. 200 экз. 1 р. 40 к.

Поллит Г. *Марксизм и рабочее движение в Великобритании.* М. Госполитиздат. 960. 99 стр. 50 500 экз. 12 коп.

Проблемы индустриализации суверенных слаборазвитых стран Азии (Индия, Индонезия, Бирма). М. Изд-во АН СССР. 1960. 437 стр. 2 200 экз. 1 р. 45 к.

Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы. М. Госполитиздат. 1960. 468 стр. 30 000 экз. 77 коп.

Рашид-ад-дин. *Сборник летописей.* Т. 2. Пер. с перс. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 248 стр. 2 500 экз. 1 р. 58 к.

Славянский этнографический сборник. М. Изд-во АН СССР. 1960. 272 стр. 1 500 экз. 1 р. 50 к.

Социалистическая индустриализация стран народной демократии. М. Госпланиздат. 1960. 300 стр. 4 000 экз. 1 р. 17 к.

Средние века. Сборник. Вып. 18. М. Изд-во АН СССР. 1960. 354 стр. 1 500 экз. 1 р. 85 к.

Талмуд Э. Д. *Очерки новейшей истории Цейлона.* 1917—1956 М. Изд. вост. лит. 1960. 190 стр. 2 200 экз. 65 коп.

Томас А. Б. *История Латинской Америки.* Пер. с англ. Предисл. М. С. Альперовича и Л. Ю. Слезкина. М. Изд. иностр. лит. 1960. 647 стр. 3 р. 74 к.

Толстиков В. Г. *Трагедия Южной Кореи.* М. Соцэкгиз. 1960. 95 стр. 25 000 экз. 10 коп. О борьбе населения Южной Кореи против американского империализма, за мирное объединение страны.

Ульбрихт В. *Основные вопросы политики Социалистической единой партии Германии.* Доклад на 30 пленуме Социалистической единой партии Германии. *Борьба за мир, за победу социализма, за национальное возрождение Германии как миролюбивого демократического государства.* Доклад на V съезде СЕПГ. М. Госполитиздат. 1960. 288 стр. 65 000 экз. 35 коп.

Цеденбал Ю. *Социалистические преобразования в Монгольской Народной Республике.* М Госполитиздат. 1960. 119 стр. 48 500 экз. 15 коп.

VI съезд Коммунистической партии Испании. 28—31 янв. 1960. Пер. с испан. М. Госполитиздат. 1960. 307 стр. 57 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Советская этнография» № 6. «Колониальный режим должен быть ликвидирован». Передовая; С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии; Д. А. Ольдерогге. Основные черты развития систем родства; М. И. Брагинский. Социальные сдвиги в Тропической Африке после второй мировой войны; Б. И. Шаревская. Миссионерская пропаганда на службе неоколониализма в Африке; Макс Глукман. Племенной уклад в современной Центральной Африке; И. А. Сванидзе. Изменения в хозяйстве и обществе у народа тонга при колониальном режиме; И. И. Потехин. О феодализме у ашанти.

«Исторический архив» № 6. Документы: «Об интервенции США против Советской России (1919 г.)». Подг. А. В. Березкин, В. И. Мазаев; «О миссии М. В. Фрунзе в Турцию в 1921 — 1922 гг.». Подг. В. А. Червяков; «Последние часы Временного правительства (Дневник министра Ливеровского)». Подг. акад. И. И. Минц, Б. В. Тетерин; «Комитет революционной обороны Петрограда (Февраль — март 1918 г.)». Подг. А. Л. Фрайман; «О проникновении английского капитала в нефтяную промыш-

ленность России (1898 — 1902 гг.)». Подг. М. Я. Гефтер, А. М. Соловьева, Л. Е. Шепелев; «Казахские рабочие на золотых приисках в конце XIX в.». Подг. В. С. Познанский; «Новое о восстании К. Булавина». Подг. Е. П. Подъяпольская; В. З. Дробижев. Некоторые вопросы передачи текста массовых источников; Л. И. Бедерис, Е. О. Зильберис. Публикация документальных материалов в периодической печати (Из опыта литовских архивистов); И. И. Белов, А. Н. Гаврилов. Центральный государственный архив РСФСР; В. И. Старцев, О. И. Шкаратан. Сохранить документы движения бригад коммунистического труда.

«Вестник древней истории» № 4. «История рабства в античном мире в семилетнем плане Института истории АН СССР»; С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман. О некоторых вопросах истории рабства; В. А. Рубин. Народное собрание в древнем Китае в VII — V вв. до н. э.; Л. Н. Казаманова. К вопросу о семье и наследственном праве на Крите в VI — V вв. до н. э.; И. М. Тронский. Новонайденная комедия Менандра «Угрюмец» («Человеконенавистник»); Г. А. Кошеленко. Городской строй полисов Западной Парфии; Л. Пресс. К вопросу о строительстве на Крите в эпоху неолита и бронзы (Реконструкция социальных отношений на основании археологических памятников); Л. А. Ельницкий. Выступление мамертинцев; Л. Н. Гумилев. Некоторые вопросы истории хуннов.

«Вестник Московского университета». Исторические науки № 6. И. С. Семыкин. Батрацкие стачки против кулачества в 1929 году; М. Т. Белявский. Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766 — 1768 гг.); В. С. Соколов. Евтропий, римский историк IV в. н. э.

«Вестник АН СССР» № 11. А. А. Губер. На конгрессе историков в Стокгольме.

«Вестник АН Казахской ССР» № 10. К. И. Сатпаев. Расцвет науки в Советском Казахстане; С. Н. Покровский. Учредительный съезд Советов Казахской АССР.

«Вестник АН Казахской ССР» № 11. П. И. Тугов. Из истории рабочих продотрядов в Казахстане (1918—1920 гг.).

«Украинский исторический журнал» № 6. П. Д. Коваль. Фридрих Энгельс — великий борец за торжество коммунизма; А. А. Хижук. Партийные организации Украины в борьбе за укрепление колхозов механизаторскими кадрами в пятой пятилетке; М. А. Коновалов. Культурное строительство в деревне (1930 — 1936 гг.); Н. И. Горлач. Роль профсоюзов Украины в социалистическом преобразовании сельского хозяйства (1929 — 1932 гг.); И. М. Гапусенко. Славянское население на северном побережье Черного и Азовского морей; Анджей Поппе. Некоторые вопросы заселения польско-русского рубежа в раннем средневековье; И. А. Багмут. Распространение произведений Фридриха Энгельса в России и на Украине; Г. М. Кривошея. Развитие Львовско-Волынского угольного бассейна (1956—1960 гг.); Э. Е. Писаренко. Судостроительный завод им. Коминтерна в 1921 — 1941 гг.; Э. Б. Карцовник. Подготовка кадров на Днепрострое (1927 — 1932 гг.); А. А. Ямковой. Производственные совещания на промышленных предприятиях Украины (1924 — 1925 гг.); Я. И. Корчмар. Возникновение металлургических заводов на Украине в XIX ст.

«Известия АН Азербайджанской ССР». Серия общественных наук № 3. М. Х. Шарифли. О создании государства Саларидов (на азерб. яз.); З. М. Буниатов. «Албанская хроника» Мхитара Гоша (на азерб. яз.); А. А. Мамедов. Изменения в составе рабочего класса Азербайджана в годы первой пятилетки (на азерб. яз.); Г. И. Гасанов. Вопросы войны, мира и революции в общественной мысли Азербайджана в годы первой мировой войны (на азерб. яз.).

«Известия АН Азербайджанской ССР». Серия общественных наук № 4. А. С. Сумбатзаде. Производство медной посуды и оружей в местечке Лагич в XIX в.; Г. Абдуллаев. Иранские происки против Кубинского ханства и Картли-Кахетинского царства в 1776 и 1778 гг.; С. М. Казиев. Отчет об археологических работах в сел. Варданлы (1956 г.) (на азерб. яз.); А. Я. Нуриева. К изучению архитектурных памятников Апшерона XVII — XIX вв. (на азерб. яз.).

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки № 9. Г. Б. Гарибджанян. В. И. Ленин и укрепление Советской власти в Закавказье (на арм. яз.); А. Л. Бадалян. К истории развития торгового скотоводства в Армении в конце XIX века.

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки № 10. Г. К. Нор-Аревян. Борьба КП Армении за технический прогресс в области промышленности в годы IV пятилетки; А. П. Айрапетян. О подготовке специалистов народного хозяйства в годы второй пятилетки в Армянской ССР (на арм. яз.).

«Известия АН Казахской ССР». Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 2(13). Т. Е. Елеуов. Борьба за образование Казахской Автономной Советской Социалистической Республики; А. Мухтаров. Деятельность Кирвоенревкома по подготовке образования Казахской АССР; Г. Ф. Дахшлейгер. Красный караван ЦИК Казахской АССР (1922 г.); В. К. Сидоров. Из истории работы партийных организаций на юге Казахстана в 1921 — 1923 годах; Б. Н. Абишева. От великого почина до бригад и коллективов коммунистического труда (На материалах Казахстана); Е. И. Агеева. Из истории развития городской культуры Казахстана (По материалам раскопок на городище Баба-Ата); М. Ряхов. Учредительный съезд Советов Казахской АССР; В. Познанский. Д. М. Карбышев о героической обороне Уральска в 1919 году.

«Известия АН Киргизской ССР». Серия общественных наук. Т. II, вып. 3 (Исто-ия). К. Г. Забиров. Подъем сельского зяйства в Киргизии после сентябрьского ленума ЦК КПСС; В. Н. Семенков. орьба большевиков Кызыл-Кия за власть оветов; В. П. Шерстобитов. К вопро-о продовольственной разверстке в Кир-изии; К. И. Петров. Этногенез киргизов их движение на Тянь-Шань в XIII—V вв.; П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии; И. Кожомбер-иев. Могильник Акчий-Карасу в долине етмень-Тюбе; Н. Д. Черкасов. Буме-нг в наскальных рисунках древнего Кир-изстана; И. А. Батманов. Упоминания кыргызах в памятниках орхоно-енисейской исьменности, В. В. Гинзбург. Мате-иалы к антропологии древнего населения жной Киргизии; В. Я. Галицкий. Ри-унки и очерки художника Б. В. Смирнова ак историко-этнографический источник све-ений о Киргизии начала XX столетия; А. А. Салахетдинова. Сведения о иргизах в «Абдулла-намэ» Хафиз- и таны-а.

«Известия АН Латвийской ССР» № 9. М. Козин. Экономические взгляды Ф. Га-айса (В. Земцева); Э. Мугуревич. На-одки изделий из розового шифера на тер-итории Латвии.

«Известия АН Туркменской ССР». Серия общественных наук № 4. Ш. Б. Батыров. вопросу об образовании и развитии уркменской социалистической нации; . Караджаева. К вопросу об изуче-ии положения женщины-туркменки в ореволюционный период; Д. С. Киселев. азвитие советской государственности ра-ее отсталых народов СССР (на опыте уркменской ССР); З. И. Усманова. О ремени возникновения поселения на месте ородища Эрк-Кала.

«Доклады АН Азербайджанской ССР» № 6. М. Х. Шарифли. Объединение Шир-ана с царством Лизан (на азерб. яз.); гамир Кулиев. «Хедайикуссеяхе» Гад-ки Зейнал-Абдина Ширвани.

«Доклады АН Азербайджанской ССР» № 7. И. Джавадов. О стоянке римских ойск зимой 66/65 г. до н. э. в Закавказье; Г. Гаджиев. Разрушенный курган ела Касум-Исмаилова Кировабадского айона.

«Доклады АН Азербайджанской ССР» № 8. И. Гасанов. К вопросу об убийстве ачага Наби; Али Гусейнзаде. Родо-ловная талышских ханов (на азерб. яз.).

«Доклады АН Азербайджанской ССР» № 9. И. Нариманов, Дж. Рустамов. еолит в Тойретепе (на азерб. яз.).

«Доклады АН Азербайджанской ССР» № 10. А. Мамедов. Письмо шаха Исмаи-ла на азербайджанском языке (на азерб з.); А. Гаджиев. Интересная находка на азерб. яз.); Г. Гулиев. О башнях се-ла Согюб Конахкендского района (на азерб. з.); В. Я. Гарник. Неизвестные памят-ники средневековой Барды.

«Сообщения АН Грузинской ССР». Т. XXV, № 1. К. В. Голенко. Новый тип онет царя Сав (лака).

«Сообщения АН Грузинской ССР». Т. XXV, № 2. Н. Ю. Ломоури. К вопро-су о греческой колонизации побережья Колхиды.

«Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР». Новая серия. Т. 58. Американский этнографический сборник I. Ю. П. Аверкиева. К истории общественного строя у индейцев севе-ро-западного побережья Северной Америки; Л. А. Файнберг. О формах социаль-ной организации у индейцев северо-запад-ной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в.; И. Ф. Хорошаева. Современное индейское население Мексики.

«Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР». Новая серия. Т. 60. Восточно-азиатский этнографический сборник. Р. Ф. Итс. Мяо (Историко-этнографический очерк); Ю. В. Ионова. Корейская деревня в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк); К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948—1949 гг.).

«Труды Дальневосточной археологической экспедиции». Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР Института археологии АН СССР № 86. Древние культуры Дальнего Востока. А. П. Окладников. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура; В. Е. Ларичев. Неолитические памятники бассейна верхнего Амура (Ананци, Дунбэй); Ж. В. Андреева. Поселения раннего железного века в Ольгинском и Лазовском районах Приморского края; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культур Южного Приморья III—I тысячелетий до н. э.; Р. В. Чубарова. Археологические памятники на севере Сахалина; Н. А. Береговая. Археологические находки на о. Шалаурова; А. П. Окладников, И. А. Некрасов. Древние поселения в долине р. Майна; Н. Н. Забелина. Из области средневекового искусства Дальнего Востока; Е. И. Кычанов. Первый бохайский письменный памятник на камне; Э. В. Шавкунов. Клад чжурчженьских зеркал; Э. В. Шавкунов. Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956—1958 гг.

«Труды студенческого научного общества Чувашского государственного педагогического института имени И. Я. Яковлева». Вып. II. Б. А. Цветков. Установление и упрочение Советской власти в Цивильском уезде (1917—1918 гг.).

«Труды Азербайджанского политехнического института». Вып. V. Д. А. Алиев. Борьба Коммунистической партии Азербайджана за социалистическую индустриализацию республики (1926—1929 гг.); Г. Б. Садыгов Социалистические мероприятия Бакинского Совета Народных Комиссаров (1917—1918 гг.) (на азерб. яз.).

«Ученые записки Института международных отношений». Вып. 2. Г. А. Деборин. Развитие ленинских принципов внешней политики СССР в решениях XXI съезда КПСС и выступлениях Н. С. Хрущева,

В. П. Трепелков. Современный капитализм в свете ленинской теории империализма; Н. Н. Любимов. Деятельность В. И. Ленина в связи с Генуэзской конференцией 1922 года (по новым документам XXXVI Ленинского сборника); И. А. Соколов. Международное значение ленинского кооперативного плана; А. М. Смирнов. В. И. Ленин и социалистическая монополия внешней торговли; В. И. Менжинский. В. И. Ленин о внешней политике социалистического государства; В. А. Масленников. В. И. Ленин и национально-колониальный вопрос; Г. И. Каверин. В. И. Ленин и международное коммунистическое движение; Б. С. Крылов. Ленинское учение о формах перехода от капитализма к социализму на современном этапе; В. Л. Исраэлян. Проблема государственных границ в трудах В. И. Ленина.

«Ученые записки Костромского государственного педагогического института имени Н. А. Некрасова». Вып. 7. И. П. Шульман. 25-летие вооруженного выступления рабочих против фашизма в Австрии; С. В. Аксенов. Политическое воспитание рабочих и борьба КПСС против буржуазной идеологии в первые годы нэпа (1921—1923 гг.); К. А. Булдаков. Положение государственных крестьян после реформы П. Д. Киселева и классовая борьба в 40—60-х гг. XIX века (По материалам Костромской губернии).

«Ученые записки Мозырского государственного педагогического института». Вып. 3. В. М. Черкас. Расцвет социалистической культуры народов СССР; И. И. Парфенов. К вопросу о борьбе большевиков Белоруссии за создание Вооруженных Сил Советской республики в 1918 г.

«Ученые записки Московской высшей заочной школы профдвижения ВЦСПС». Вып. 2. Е. Чернова. В. И. Ленин — вождь и организатор Великой Октябрьской социалистической революции; А. Гусаков. Произведение В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и современность; Г. Алексеев. В. И. Ленин о коммунистическом труде; В. Караваев. В. И. Ленин о социальном страховании; И. Борщенко, Н. Кузнецов. Профсоюзная печать России в 1907 — 1917 годах; П. Шилкин. Борьба большевистской партии за восстановление и укрепление профессиональных союзов России в 1910—1914 годах; В. Дробижев. Участие профсоюзов в создании советов народного хозяйства в 1917—1918 годах; М. Левинская. О культурно-просветительной работе советских профсоюзов (октябрь 1917 года — 1918 год); Н. Кондакова. Роль профсоюзов в развитии Всесоюзного социалистического соревнования металлургов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 годы). По материалам профсоюза рабочих черной металлургии восточных районов; В. Февралева. Социалистическое соревнование работников совхозов в годы Великой Отечественной войны. По материалам профсоюзных организаций; И. Кириллов. Возрастание роли профсоюзов как массовых общественных организаций на современном этапе коммунистического строительства.

«Ученые записки Московского государственного библиотечного института». Вып. 7. А. С. Баринов. Из истории борьбы за слом буржуазного аппарата власти и создание центральных органов Советского государственного аппарата (октябрь 1917 г.—январь 1918 г.), А. В. Андреев. Вопросы советского государственного строительства после заключения Брестского мира (март—июль 1918 г.); М. Л. Кунина. Борьба политических партий во Франции в период подготовки франко-советского договора 1935 года; А. А. Зырина. Организация политико-воспитательной работы среди молодых рабочих на промышленных предприятиях в первый период Великой Отечественной войны; И. Г. Марков. Социалистическое накопление и его роль в создании материально-технической базы коммунизма.

«Ученые записки Всесоюзного заочного института инженеров железнодорожного транспорта». Вып. 5. В. Т. Луценко, П. Е. Емельянов. Семилетка — конкретное воплощение в жизнь ленинского плана построения коммунизма в СССР; М. Н. Попов. Учение В. И. Ленина о государстве и диктатуре пролетариата и его дальнейшее развитие в решениях XX и XXI съездов КПСС; И. М. Светлолобов. О революционной деятельности В. И. Ленина в сибирской ссылке; А. Г. Напорко. В. И. Ленин о развитии железнодорожного транспорта СССР.

«Средние века». Сборник Института истории АН СССР. Вып. XVIII. С. Д. Сказкин. В. И. Ленин и некоторые проблемы медиевистики; А. И. Данилов. К вопросу о критике буржуазной историографии в произведениях В. И. Ленина; Е. В. Гутнова. Значение трудов В. И. Ленина для разработки проблем историографии средних веков; Ю. М. Сапрыкин. В. И. Ленин о феодализме и генезисе капиталистических отношений в земледелии; «Советская медиевистика и ее задачи в области историографии». Ред. статья; О. Л. Вайнштейн. Реакционные течения в современной американской медиевистике; Е. В. Гутнова. Некоторые проблемы социальной истории средневековой Англии в современной англо-американской медиевистике; А. С. Самойло. Ценные факты и нелепые выводы (О некоторых новых американских работах по истории колониального периода США); А. И. Данилов, А. И. Неусыхин. О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиевистике ФРГ; Н. Ф. Колесницкий. Современная немецкая буржуазная историография о феодальном государстве в Германии; А. Я. Гуревич. Основные проблемы истории средневековой Норвегии в норвежской историографии; В. А. Якубский. Некоторые проблемы медиевистики в трудах историков Польской Народной Республики (1945—1959 гг.); Л. Демень. Изучение истории средневековой Румынии в Румынской Народной Республике (1945—1959 гг.).

«Сборник статей Института археологии АН СССР. Нумизматика и эпиграфика». 1. Б. Гиршберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв.; В. Л. Янин. К истории русской монетной чеканки в 1612—1613 гг.; Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет; Е. А. Давидович. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в.; А. И. Болтунова. Неизданные надписи Боспора; Г. Б. Шелов. Анапский клад монет 1954 г.; В. В. Кропоткин. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV века; К. В. Оленко. Второй патрэйский клад монет 1951 г.).

«Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института». Вып. 3. Л. А. Сморкалов. Торжество идей ленинизма; Р. А. Джанибекова. Торжество ленинской национальной политики и расцвет дружбы народов СССР; С. М. Арутюнян, С. А. Чекменев. Победа культурной революции в национальных районах Северного Кавказа; И. И. Серова. Борьба совхозных партийных организаций на целине за упрочение их связи с массами; Л. А. Сморкалов. Комсомол Кировской области в годы Великой Отечественной войны.

«Палестинский сборник Российского Палестинского общества АН СССР». Вып. 6 (69). Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда.

Хроника научной жизни

НАУЧНЫЕ СЕССИИ В СВЯЗИ СО 140-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. ЭНГЕЛЬСА

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 29 ноября 1960 г. состоялась научная сессия сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященная 140-летию со дня рождения Фридриха Энгельса. Научные сессии сектора, организуемые ежегодно в дни рождения основоположников марксизма, стали как бы формой творческих отчетов об исследовательской работе, проводимой его сотрудниками в процессе подготовки томов второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. На данной сессии были заслушаны три доклада, в которых были использованы новые архивные материалы.

В. Э. Кунина в своем докладе «Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Англии в начале 70-х годов XIX века» на конкретных примерах из истории английского рабочего движения убедительно показала, сколь большую деятельность осуществлял Энгельс по пропаганде идей научного коммунизма, по организации английских секций I Интернационала и сплочению революционных сил пролетариата. Эта деятельность, протекавшая в острой борьбе с идеологами тред-юнионизма и реформизма по самым различным вопросам (воспитание масс в духе пролетарского интернационализма, создание рабочей партии и др.), способствовала упрочению боевых, революционных традиций в английском рабочем движении.

Доклад Н. Ю. Колпинского «Разработка Энгельсом в 1873 г. тактики пролетариата в испанской буржуазной революции» был посвящен малоизученным страницам истории о практическом руководстве Энгельса подлинно пролетарским крылом испанских секций I Интернационала. Изучив хранящуюся в архиве ИМЛ переписку между видным деятелем испанского рабочего движения Х. Меса и Ф. Энгельсом (февраль—март 1873 г.), Н. Ю. Колпинский сумел проанализировать основные тактические установки, дававшиеся Энгельсом вождям испанских пролетариев в условиях развернувшейся тогда буржуазной революции, и показал, какое существенное значение имели эти установки для выработки пролетарского мировоззрения у испанских рабочих, подверженных в то время влиянию анархистских теорий.

Е. П. Кандель в своем докладе «Против фальсификации роли Энгельса в формировании и разработке марксизма» подверг критике современных буржуазных фальсификаторов истории марксизма и дал отпор нападкам правосоциалистических и ревизионистских идеологов на марксистскую науку. Потерпев неудачу в открытых атаках на марксизм, его враги прибегают ныне

к более изощренным приемам борьбы и пытаются фальсифицировать роль Ф. Энгельса в разработке марксистского учения, противопоставить Маркса Энгельсу, а также смазать коренную противоположность между марксистской философией и предшествовавшими философскими системами (гегельянство, фейербахианство). Е. П. Кандель показал полную несостоятельность «теорий» католических (Веттер, Бохенский, Биго, Кальвез и др.), протестантских (Тир, Фетчер, Ландгребе), а также реформистских и ревизионистских (Ландсхут, Рубель и т. д.) критиков марксизма.

Сектор отметил 140-летие со дня рождения Ф. Энгельса изданием специального выпуска Научно-информационного бюллетеня, содержащего статьи по вопросам революционно-практической и научно-теоретической деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.

В. Н. Поспелова

★

25 ноября 1960 г. в Институте истории АН СССР состоялось объединенное заседание секторов византиноведения, истории древнего мира, средних веков, религии и атеизма в связи со 140-летием со дня рождения Фридриха Энгельса.

После вступительного слова председательствующего, акад. С. Д. Сказкина, с докладом «О «Крестьянской войне в Германии» Фридриха Энгельса» выступил проф. М. М. Смирин. Значение данного труда Энгельса, как подчеркнул докладчик, далеко выходит за рамки освещения истории крестьянской войны, хотя и эта задача сама по себе весьма важна. Ф. Энгельсом был дан глубокий анализ проблем классовой борьбы в эпоху разложения феодализма, показаны исторические особенности раннебуржуазной революции в Германии, охарактеризованы великие революционные традиции немецкого народа.

Освещая историю крестьянской войны, Ф. Энгельс вскрыл истинный смысл различных течений в Реформации, показал особенности централизации немецкого государства, заключавшиеся в неспособности бюргерства возглавить формировавшуюся нацию и повести народные массы на штурм феодального строя. Особое значение придавал Ф. Энгельс крестьянско-плебейской оппозиции, лидером которой был Томас Мюнцер с его прогрессивным учением, содержавшим в зародыше коммунистические идеи.

Крестьянскую войну Ф. Энгельс расценил как переломный момент в истории Германии. Предательство немецким бюргерством интересов народных масс привело к национальной трагедии. После поражения крестьянско-плебейского лагеря в годы крестьянской войны усилилась власть князей и сохранилась феодальная раздробленность Германии. Задача ликвидации этой раздробленности встала перед революцией 1848 года. Но трусливая буржуазия отказалась пойти на борьбу с монархами немецких территорий. Поэтому лишь пролетариат мог быть лидером революции, возглавить народные массы и решить главную национальную задачу страны. Таким образом, анализ исторического прошлого Германии послужил Энгельсу исходным моментом для оценки текущих политических событий.

Труд Ф. Энгельса, подчеркнул М. М. Смирин, учит нас, как нужно подходить к изучению важнейших исторических эпох. Советские медиевисты в своих общетеоретических и конкретных работах стремятся следовать путем, проложенным великими учеными, основоположниками марксистско-ленинской теории. Их произведения, в том числе и данная книга Ф. Энгельса, являются для нас образцом научного исследования.

Второй доклад, «Ф. Энгельс об истории ранней Греции», сделал Я. А. Ленцман. Указав на постоянный интерес классиков марксизма к истории античного общества, докладчик осветил выдающийся вклад, внесенный Ф. Энгельсом в изучение проблем возникновения частной собственности и государства, развития рабовладельческого строя, эволюции христианства. В таких трудах, как «Немецкая идеология» (написанная совместно с К. Марксом), «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг», Ф. Энгельс раскрыл историческое значение первобытнообщинной формации как начального этапа развития человеческого общества. В этих трудах в развернутом виде изложены взгляды Энгельса на становление антагонистических формаций и социальную роль государства как аппарата господства имущих классов. Сила критического анализа у Ф. Энгельса явственно видна из того, что его работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» оказалась единственным из всех исследований, касающихся древней Греции, которое после открытия в 1893 г. аристотелевской «Афинской политии» в пол-

…й мере сохранило свое научное значение, …то время как работы буржуазных ученых …азу оказались устаревшими.

Затем докладчик подверг рассмотрению … новое, что было накоплено наукой об …тичной цивилизации за последние десяти…тия, уделив основное внимание новейшим …нным о путях разложения родового строя …становления классового общества, в част…сти характеристике так называемого пе…иода военной демократии.

А. П. Каждан прочитал доклад …Ф. Энгельс о раннем христианстве», в ко…тором охарактеризовал работы Ф. Энгель… «Бруно Бауэр и раннее христианство», …К истории раннего христианства», «Книга …откровения». В этих исследованиях …Ф. Энгельс обосновал вывод о том, что ран…нехристианское вероучение явилось отраже…нием краха античных мировых порядков и возникло как религия рабов и вольноотпущенников.

Большой интерес представляла также часть доклада, посвященная анализу идейных корней раннего христианства, месту его зарождения и оценке недавно найденных кумранских рукописей.

Сообщение о значении работ Ф. Энгельса для исследования общественной мысли в средневековой России сделал А. И. Клибанов, остановившийся на роли реформационного движения и учений стригольников, псковских антитринитариев, Федора Доброго, Евфимия Висленя, Маркиана, Матвея Башкина, Феодосия Косого.

Объединенная межсекторная сессия прошла на высоком научном уровне. Ее материалы, на наш взгляд, заслуживают опубликования.

И. А. Энгельгардт

Хроникальные заметки

◆ В Государственном историческом архиве Ленинградской области среди материалов С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов обнаружены личные документы Надежды Константиновны Крупской. В деле имеется ее прошение от 17 августа 1889 г. о зачислении на историко-филологическое отделение курсов, заявление ее матери, Елизаветы Васильевны, о том, что со своей стороны она дает ей на это разрешение», и заявление Н. К. Крупской от 30 января 1890 г. о прекращении посещения лекций. Из документов, связанных с пребыванием Крупской на Бестужевских курсах, заслуживают внимания удостоверение № 43, выданное Надежде Константиновне 27 сентября 1889 г., и отношение директора курсов от 1 февраля 1890 г., которым он ставил в известность градоначальника о том, что дочь коллежского асессора Надежда Константиновна Крупская, проживающая на углу Гродненского переулка и Знаменской улицы, дом Дурдина, квартира 73, согласно поданному ею прошению, с 1 сего февраля уволена из числа слушательниц Высших женских курсов». Особого внимания заслуживают имеющиеся на документах указания об адресах, по которым проживала Н. К. Крупская. Так, в момент подачи прошения 17 августа 1889 г. Надежда Константиновна указала свое временное место жительства — «угол Невского и Владимирского, гостиница «Москва», № 76». Позже, 15 августа, был дан другой адрес: «Васильевский остров, угол Среднего проспекта и 5-й линии, дом 29/36, кв. 172». Кроме документов, в деле сохранилась фотография Надежды Константиновны с собственноручной надписью: «30 сентября 1889 года».

◆ Главное архивное управление при Совете Министров СССР получило в порядке обмена от Международного института социальной истории в Амстердаме микрофильм фрагмента рукописи М. А. Бакунина «Кнуто-германская империя и социальная революция» (на французском языке). Это написанный в конце 1870 г. черновик начала рукописи, в котором говорится о революционном движении во Франции и международном положении в Европе того времени.

◆ В Ростовский областной музей краеведения поступили не публиковавшиеся прежде письма народовольцев В. Н. Фигнер и Н. А. Морозова их товарищу по заключению в Шлиссельбургской крепости М. Р. Попову. В. Н. Фигнер в письме Попову сообщала о своей жизни после освобождения из заключения и давала высокую оценку незадолго до того опубликованным воспоминаниям М. Р. Попова о его соратнике И. Н. Мышкине, расстрелянном в Шлиссельбурге. Во втором письме — члена Исполнительного комитета «Народной воли», позднее почетного академика Н. А. Морозова — содержатся интересные сведения о его жизни после продолжительного заключения.

◆ В Брянский областной краеведческий музей поступил интересный экспонат — старый медный подсвечник. В его нижней части скрыта круглая печать, которую можно обнаружить только в том случае, если отвинтить ножку подсвечника от основания. На печати ясно видны слова: «Россий-

ская Социал-Демократическая рабочая партия. Брянский комитет».

◆ Государственный архив Свердловской области существует 25 лет. Это ценнейшая сокровищница материалов о жизни и труде населения данного края начиная с первых лет XVIII в. и до последних дней. За четверть века фонды архива возросли втрое. Сотрудники архива систематизируют документы по истории гражданской войны на Урале, материалы по истории создания тяжелой индустрии. Выпускаются научные сборники. Готовится к печати второй выпуск сборника статей «Из истории заводов и фабрик Урала».

◆ Коллектив лаборатории реставрации и консервации документов АН СССР завершил многолетнюю работу по восстановлению архива А. Д. Меншикова — ближайшего сподвижника Петра I. Документы архива многие годы хранились в помещениях Петропавловской крепости, где сильно пострадали от сырости. Восстановлено около 8 тысяч документов, представляющих большой интерес для изучения петровской эпохи.

◆ В 1842—1843 гг. в центральных губерниях России происходили крупные крестьянские волнения. Они перебросились за Урал и охватили часть территории нынешней Курганской области. В фондах Курганского областного государственного архива хранятся документы об этих событиях, которые народ назвал «заварухой». Недавно выявлен новый интересный материал о крестьянских волнениях в селе Брылине. В 1843 г. среди брылинских крестьян распространился слух, что правительство хочет отдать государственных крестьян под власть «барина» — помещика. Основанием для этих слухов послужила подготовка реформы государственной деревни. Было учреждено особое министерство государственных имуществ, в ведение которого и перешли государственные крестьяне. Крестьяне села Брылина приняли слово «министр» за собственное имя помещика, которому царь будто бы продает их. Брылинцы обратились вначале к сельскому старосте, а затем к духовенству с требованием объявить им царскую грамоту, которую, по их мнению, скрывали гражданское начальство и сельские власти. Не добившись положительных результатов, крестьяне сами стали просматривать дела в волостных правлениях. Началось волнение. «Жутко приходилось сельскому духовенству, а также сельскому и волостному начальству, попавшимся в руки бунтовщиков,— говорится в архивном документе.— ...Пойманные священники, сельское и волостное начальство бунтовщиками раздевались донага и связанные погружались в воду, где полоскались до тех пор, пока не лишались чувств. Это было в апреле месяце». На усмирение крестьян в Брылинскую волость прибыл тобольский губернатор. По его приказанию зачинщики были жестоко наказаны розгами, многие крестьяне были закованы в кандалы и отправлены на каторгу.

◆ До последнего времени считалось, что вследствие очень суровых природных условий севернее р. Чусовой палеолитический человек не мог обитать. Вопрос о первоначальном заселении Севера человеком находился в центре внимания археологической экспедиции Коми филиала АН СССР. Научные сотрудники филиала летом 1960 г. открыли на территории Коми АССР стоянки человека древнекаменного века. Местом раскопок явилась медвежья пещера в логу Иорданского на Верхней Печоре. Пещера расположена в 200 метрах от древнего берега реки. В результате раскопок пещерных отложений было обнаружено большое количество костей ныне вымерших животных, на глубине около двух метров — остатки костров, кремневые орудия, пластины и отщепы. Это самая северная в мире стоянка человека ледникового периода, существовавшая в эпоху верхнего палеолита за 30—20 тысяч лет до нашей эры.

◆ В Государственном историческом музее АН Армянской ССР экспонированы две цветные графические карты. По ним можно составить представление о состоянии заселенности Армении до и после присоединения ее к России. Карты наглядно показывают размещение различных этнических групп на территории республики и численность жителей.

◆ В 1813 г. в главное управление путей сообщения России было представлено описание Байкала и Ангары с предложением построить канал по левому берегу Ангары для обхода Падунского порога. Предполагалось, что канал будет иметь в длину не более полутора верст. Но проведение канала, указывалось в проекте, обойдется очень дорого «по причине каменистого грунта». Строительство было признано преждевременным, так как число судов, проходивших тогда по Ангаре, было незначительным, груз их состоял преимущественно из товаров «легковесных и ценных», «коих перегрузку и сами хозяева признавали необременительною».

◆ Прославленный русский полководец Петр Иванович Багратион родился и провел свое детство в небольшом городке на севере Дагестана — Кизляре. Здесь решено создать краеведческий музей имени П. И. Багратиона. Уже собраны многочисленные экспонаты, ведется разработка экспозиций.

◆ В Государственном архиве древних актов обнаружены документы, относящиеся к первому выходу русских к Тихому океану. Значительную ценность представляют «Распросные речи», писанные в Томской съезжей избе. Это запись рассказов томских казаков — участников похода к океану. «Распросные речи» считаются первыми русскими документами, упоминающими «Омур-реку». Они позволяют восстановить интересные подробности путешествия томичей. В начале 1636 г. томскому казачьему атаману Копылову была передана в воеводской избе «наказная память». В ней говорилось: «Томскому нашему казаку Дмитрию Копылову да подьячему Герасиму Тимофееву, а с ними томские служилые люди пятьдесят человек идти вниз по Лене-реке на Вилюр-реку, вверх по Вилюре, в низовые землицы и в иные реки, которые реки впали

Вилюр-реку». В феврале казаки отправи-ь в дальний путь. Они прошли Енисей-й острог, Ленский волок, Куту, где про-зали рядом с домом, в котором обитал менитый впоследствии Ерофей Хабаров. устье речки Томпо, впадающей в Алдан, ю построено зимовье. Под Алданом ко-ловцы впервые услышали от местных жи-ей о «море Ламу» (Великом океане) и о , что около моря есть якобы серебряная а. На ее поиски Копылов отправил томичей и 11 красноярцев. Во главе от-а был поставлен Иван Юрьев по прозви-Москвитин. В «Распросных речах» есть сказ Москвитина о том, что «казаки кор-ись деревом, травою и кореньем...». вгусте 1639 г. москвитинцы — первые ские люди — по речушке Улье спусти-ь к Тихому океану. Вблизи устья Ульи ю основано первое русское поселение на льнем Востоке. Отсюда 1 октября казаки ли в плавание по Тихому океану к реч-Охоте. Так было положено начало рус-му тихоокеанскому мореходству. Летом 0 г. кочи с москвитинцами видели «гиля-сидячие» — жители островов Удд, Лангр, алин. Побывав также у Шантарских ровов, путешественники подошли к устью мура-реки». Летом 1642 г. путешественни-возвратились в Томский острог. Великий од, положивший начало освоению рус-ми побережья Тихого океана, был закон-

► Восточно-Казахстанская экспедиция инградского отделения Института архе-гии АН СССР обследовала несколько ганов в Чиликинской долине, на грани-с КНР. В кургане высотой 6 м обнару-ы остатки древнего захоронения мужчи-и женщины (VI в. до н. э.). Мужчина , по-видимому, вождем из племени са-ков, родственных по культуре скифам Причерноморья. Находки (фигурки пантер, оленей, кабанов, птиц, рыб, обломки украшений, инкрустированных зеленой стеклянной пастой, мелкие бусинки и бляшки — всего 595 золотых предметов, а также бронзовые наконечники), выполненные с высоким художественным мастерством в скифо-сибирском зверином стиле, имеют большое значение для познания древней истории Казахстана и кочевых племен евразийских степей, живших здесь в первом тысячелетии до нашей эры.

◆ На заседании кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ был заслушан доклад проф. Ф. А. Коган-Бернштейн о малоизвестной французской рукописи, хранящейся в Рукописном отделении Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Рукопись (326 стр.) носит название «La beatitude des Chrestiens ou le Fléo de la Foy par Geoffroy Vallée...». Однако заголовок является лишь маскировкой. В действительности текст рукописи не имеет ничего общего с трактатом самого Жоффруа Валле, послужившим причиной гибели этого мыслителя-атеиста на костре в 1574 году. Изучаемая Ф. А. Коган-Бернштейн рукопись является списком атеистического сочинения, написанного, по-видимому, в первой половине XVIII века. Большой интерес представляют основные положения трактата псевдо-Валле, сводящиеся к отрицанию откровения и противопоставлению ему разума. Многие положения рукописи повторяют основные мысли Монтеня, а критика псевдо-Валле христианства и традиционных верований вообще в целом ряде пунктов совпадает с критикой религии Боденом и Жаном Мелье.

ПИСОК ТЕМ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ, УТВЕРЖДЕННЫХ В 1954—1960 ГОДАХ*

1954 год

История СССР

еликишвили Георгий Александрович. *вневосточные материалы по истории на-ов Закавказья. ЛГУ **. 27. IV. 1954 ***.* ытин Петр Васильевич. *История плани-ровки и застройки Москвы (1147—1762 гг.).* МГУ. 19. II. 1954.

Фадеев Анатолий Всеволодович. *Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в.* Ин-т истории АН СССР. 19. IV. 1954.

Всеобщая история

Желубовская Эсфирь Адольфовна. *Борьба классов и партий во Франции в 1867—1870 гг. (из предыстории Парижской ком-*

Перечень диссертаций, защищенных в — первой половине 1954 г., см. «Во-сы истории» № 12 за 1954 год.

В перечне применены следующие со-щения:

ОН — Академия общественных наук при КПСС.

ПА — Военно-политическая академия ни В. И. Ленина.

ИМК — Институт истории материальной туры АН СССР.

ГУ — Ленинградский государственный верситет имени А. А. Жданова.

ИМО — Московский государственный институт международных отношений.

МГПИ — Московский городской педагогический институт имени В. П. Потемкина.

МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

МИФЛИ — Московский институт истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского.

*** Дата защиты диссертации.

муны 1871 г.). Ин-т истории АН СССР. 7. VI. 1954.

1955 год

История СССР

Али-Заде Абдул Керим Али оглы. *История Азербайджана XIII — XIV вв. (социально-экономические отношения и политическая история).* Ин-т востоковедения АН СССР. 14. VI. 1954.

Антелава Ираклий Георгиевич. *Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX в.* Ин-т истории АН ГрузССР. 18. XI. 1954.

Аракелян Бабкен Николаевич. *Города Армении в IX — XIII вв.* Ин-т истории АН АрмССР. 26. X. 1954.

Горовой Федор Семенович. *Отмена крепостного права на Урале (по материалам Пермской губернии).* Ин-т истории АН СССР. 15. XI. 1954.

Кулиев Овля Кулиевич. *Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в бывшей Закаспийской области.* Ин-т истории АН СССР. 5. II. 1959.

Месхиа Шота Амбакович. *Города и городской строй феодальной Грузии (XVII — XVIII вв.).* Ин-т истории АН СССР. 24. I. 1955.

Тивадзе Георгий Константинович. *Самцхе-Саатабачо (Южная Грузия) под игом турецких захватчиков и роль России в деле его освобождения.* Тбилисский гос. университет. 19. XI. 1952.

Тотоев Михаил Сосланбекович. *Развитие культуры и общественной мысли в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX вв.* Тбилисский гос. университет. 23. XII. 1953.

Всеобщая история

Кнорозов Юрий Валентинович. *Сообщение о делах в «Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник.* Ин-т этнографии АН СССР. 29. III. 1955.

Потехин Иван Изосимович. *Формирование национальной общности южноафриканских банту.* Ин-т востоковедения АН СССР. 16. V. 1955.

Соколов Николай Петрович. *Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы (XI — XIII вв.)* ЛГУ. 14. I. 1954.

1956 год

История СССР

Гарибджанян Геворг Багратович. *Коммунистические организации Армении в боях за победу Советской власти (1917 — 1920 гг).* Ереванский гос. университет. 9. VI. 1955.

Гвритишвили Давид Владимирович. *Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (сатавадо-сеньории).* Ин-т истории АН ГрузССР. 13. I. 1953.

Герасимов Михаил Михайлович. *Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек).* Ин-т этнографии АН СССР. 14. VI. 1956.

Гросул Яким Сергеевич. *Крестьяне Бессарабии (1812 — 1875 гг.).* Ин-т истории АН СССР. 12. XII. 1955.

Жилин Павел Андреевич. *Полководческое искусство Кутузова.* Высшая военная академия имени К. Е. Ворошилова. 30. XII. 1954.

Иоаннисян Ашот Гарегинович. *Очерки истории армянской освободительной мысли.* Ин-т истории АН АрмССР. 17. XI. 1955.

Мещеряков Георгий Поликарпович. *Развитие русской военно-теоретической мысли в XIX в.* Высшая военная академия имени К. Е. Ворошилова. 16. XII. 1954.

Новгородов Афанасий Иннокентьевич. *Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии.* Ин-т истории АН СССР. 14. XI. 1955.

Погосян Сероп Погосович. *Закрепощение крестьянства и крестьянские движения в Армении в XI — XIII вв.* Ереванский гос. университет. 7. VII. 1955.

Пясковский Анатолий Владимирович. *Революция 1905 — 1907 гг. в Туркестане.* Ин-т истории АН СССР. 27. II. 1956.

Харадзе Русудан Лукьяновна. *Грузинская семейная община (по этнографическим материалам).* Ин-т этнографии АН СССР. 22. II. 1955.

Файнберг Эсфирь Яковлевна. *Русско-японские отношения (1792—1875 гг.).* Ин-т востоковедения АН СССР. 21. II. 1955.

Шапкарин Анатолий Васильевич. *Столыпинская аграрная реформа.* Ин-т истории АН СССР. 5. VII. 1954.

Шмидехельм Марта Хансовна. *Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии.* ИИМК. 8. III. 1956.

Всеобщая история

Галкин Илья Саввич. *Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1908—1912 гг.* МГУ. 2. VI. 1956.

Иванов Михаил Сергеевич. *Иранская революция 1905—1911 гг.* Ин-т востоковедения АН СССР. 21. VI. 1954.

Нарочницкий Алексей Леонтьевич. *Агрессия европейских держав и США на Дальнем Востоке в 1882 — 1895 гг.* Ин-т истории АН СССР. 6. V. 1955.

Эггерт Зинаида Карловна. *Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 г.— октябрь 1917 г.).* Ин-т истории АН СССР. 21. III. 1955.

1957 год

История СССР

Акопян Аршавир Мнацаканович. *История Советской Армении в период восстановления народного хозяйства (1921 — 1925 гг.).* Ин-т истории АрмССР. 24. II. 1954.

Башарин Георгий Прокопьевич. *История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.).* Ин-т истории АН СССР. 20. XII. 1956.

Иванов Леонид Михайлович. *Революция 05 — 1907 гг. на Украине.* Ин-т истории И СССР. 23. IV. 1956.

Магомедов Расул Магомедович. *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX вв.* Азербайджанский гос. университет. 1. I. 1957.

Манацаканян Арамас Навасардович. *Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.).* Ин-т истории АН АрмССР. 3. VII. 1954.

Отамановский Валентин Дмитриевич. *Города Правобережной Украины под владычеством шляхетской Польши от середины XVII до конца XVIII в. (проблема возникновения и развития украинского феодального города).* ЛГУ. 29. III. 1956.

Робакидзе Алексей Иванович. *Происхождение пчеловодства и его место в хозяйственном быту грузинского народа.* Ин-т исто АН ГрузССР. 18. XII. 1956.

Соболев Петр Никифорович. *Сплочение бднейшего крестьянства вокруг пролетариата в период подготовки и проведения великой Октябрьской социалистической революции* Ин-т истории АН СССР. VII. 1956.

Трапезников Сергей Павлович. *Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1927—1934 гг.) (на материалах важнейших новых районов РСФСР: Северо-Кавказского, Нижне-Волжского, Средне-Волжского краев).* Ин-т истории АН СССР. V. 1956.

Устюгов Николай Владимирович. *Солеварная промышленность Соли Камской в XVII в. (К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности XVII в.).* Ин-т истории АН СССР. V. 1957.

Федосов Иван Антонович. *Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки).* МГУ. 4. V. 1957.

Цейшвили Николай Ивлианович. *Из истории Грузии XIX столетия. Мегрельское мятежство в 1853 — 1867 гг.* Ин-т истории АН ГрузССР. 29. VI. 1956.

Всеобщая история

Шольдберг Давид Исаакович. *Внешняя политика Японии в период второй мировой войны.* ЛГУ. 8. III. 1956.

Шутнова Евгения Владимировна. *Исследование по социально-политической истории Англии в XIII в. (к вопросу о возникновении английского парламента).* МГУ. 3. III. 56.

Штаерман Елена Михайловна. *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи.* Ин-т истории АН СР. 4. VI. 1956.

1958 год

История СССР

Шекмаханов Ермухан Бекмаханович. *Казахстан в 20 — 40 гг. XIX в.* Ин-т истории СССР. 14. X. 1946.

Григолия Константин Григорьевич. *Очерки по источниковедению истории Грузии «Ахали Картлис Цховреба» (новая история Грузии).* Тбилисский гос. университет. 2. VII. 1956.

Добротворов Николай Михайлович. *Революционная работа большевиков в III Государственной Думе.* Ин-т истории АН СССР. 13. VI. 1957.

Капанадзе Давид Георгиевич. *Грузинская нумизматика.* Ин-т истории АН ГрузССР. 2. VII. 1957.

Лавров Павел Арсентьевич. *Рабочее движение на Украине в годы нового революционного подъема (1910 — 1914 гг.).* Ин-т истории АН СССР. 6. IV. 1957.

Левин Максим Григорьевич. *Этническая антропология и проблемы этногенезиса народов Дальнего Востока.* Ин-т этнографии. 23. V. 1957.

Малышев Василий Прокофьевич. *Борьба рабочих и крестьян за установление Советской власти на Амуре в 1917 г. — 1922 г. (Амурская обл.).* МГПИ. 14. II. 1955.

Семенов Сергей Аристархович. *Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы).* ИИМК. 20. III. 1958.

Сургуладзе Акакий Несторович. *Борьба за победу социалистической революции в Закавказье (1917 — 1918 гг.).* Тбилисский гос. университет. 15. I. 1958.

Турсунбаев Абде Бочанович. *Победа колхозного строя в Казахстане.* Ин-т истории АН СССР. 27. VII. 1957.

Фрайман Антон Львович. *Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Украине.* Ин-т истории АН СССР. 25. IV. 1955.

Юлдашев Мухамеджан Юлдашевич. *Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX в. в свете материалов архива хивинских ханов.* ЛГУ. 13. XI. 1953.

Всеобщая история

Ефимов Геронтий Валентинович. *Международные отношения Китая и внешняя политика Цинского правительства в конце XIX в. (1894—1899 гг.).* ЛГУ. 25. X. 1957.

Трухановский Владимир Григорьевич. *Новейшая история Англии (1918—1951 гг.).* ИМО. 30. VI. 1958.

Турок-Попов Владимир Михайлович. *Очерки истории Австрии 1918—1929 гг.* Ин-т истории АН СССР. 25. IV. 1957.

1959 год

История СССР

Алефиренко Пелагея Кузьминична. *Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50 гг. XVIII в.* Ин-т истории АН СССР. 30.X.1958.

Бурдавелидзе Вера Варденовна. *Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен.* Ин-т истории АН ГрузССР. 16. IX. 1958.

Габашвили Валериан Николаевич. *Феодальный строй Грузии 16—17 вв. (опыт*

сравнительного исследования). Ин-т истории АН ГрузССР. 18.VI.1957.

Дзидзария Георгий Алексеевич. *Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.).* Ин-т истории АН СССР.

Долгих Борис Осипович. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.* Ин-т этнографии АН СССР. 3. VI. 1958.

Думбадзе Мамиа Кишвардович. *Западная Грузия в первой половине XIX в. (присоединение к России и социально-экономическое развитие).* Ин-т истории АН ГрузССР. 28. XII. 1957.

Зимин Александр Александрович. *И. С. Пересветов и его современники.* Ин-т истории АН СССР. 28. V. 1959.

Иноятов Хамид Шарапович. *Октябрьская революция в Узбекистане.* МГПИ. 17. XI. 1958.

Каменская Нина Васильевна. *Участие белорусского народа в разгроме интервентов и белогвардейцев и социалистическое строительство в Белоруссии в годы гражданской войны.* Ин-т истории АН СССР. 29. V. 1958.

Касименко Алексей Карпович. *Русско-украинские взаимоотношения 1648 г. — начала 1651 г.* Отделение общественных наук АН УССР. 25. VI. 1955.

Мальков Андрей Михайлович. *Разгром большевиками кадетской контрреволюции в 1917 г. (февраль — октябрь).* МГПИ. 18. II. 1956.

Непесов Гаиб Непесович. *Победа советского строя в районах хивинских туркмен (1917—1936 гг.).* МГУ. 26.III.1947.

Петров Юрий Павлович. *Коммунистическая партия — руководитель и воспитатель Красной Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны 1918—1920 гг. ВПА.* 22.I.1959.

Покровский Михаил Владимирович. *Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX веков.* Ин-т этнографии АН СССР. 28.I.1958.

Раджабов Зариф Шарипович. *Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX веков.* Ин-т востоковедения АН СССР. 8.XII.1958.

Саладков Иосиф Иванович. *Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.* Ин-т истории АН СССР. 13.XI.1958.

Тереножкин Алексей Иванович. *Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье.* ИИМК. 5.VI.1958.

Токаржевский Евгений Алексеевич. *Очерки истории советского Азербайджана в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.).* Ин-т истории АН СССР. 21.VI. 1958.

Хайтун Давид Ефимович. *Проблема тотемизма в освещении современной науки.* Ин-т этнографии АН СССР. 16.XII.1958.

Хашаев Хаджи Мурат Омарович. *Общественный строй Дагестана в XIX в.* Ин-т этнографии АН СССР. 25 VI.1957.

Хуцишвили Ясон Георгиевич. *Революция 1905—1907 гг. в Грузии.* Тбилисский гос. университет. 24.XII.1958.

Шепелев Иван Степанович. *Освободительная и классовая борьба в русском государстве в 1608—1610 гг.* ЛГУ. 27.III.1958.

Всеобщая история

Барг Михаил Абрамович. *Исследования по истории английского феодализма XI—XIII вв.* Ин-т истории АН СССР. 12.VI.1958.

Данилов Александр Иванович. *Проблема аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX вв.* Ин-т истории АН СССР. **2. X. 1958.**

Капица Михаил Степанович. *Советско-китайские отношения в 1917—1932 гг.* ИМО. 18.XI.1958.

Милоградов Петр Владимирович. *Руководящая роль Народной партии и борьба народов Ирана за национальную независимость и демократию (1941—1949 гг.).* ИМО. 29.IV.1958.

Шейнман Михель Менделевич. *Ватикан и католицизм в конце XIX—XX вв.* Ин-т истории АН СССР. 28.IV.1959.

1960 год

История СССР

Белицер Вера Николаевна. *Очерки по этнографии народов Коми.* Ин-т этнографии АН СССР. 24.III.1959.

Горгиладзе Леонид Еремеевич. *К истории марксизма в Грузии (1893—1903 гг.).* Тбилисский гос. университет. 24. I. 1959.

Гиндин Иосиф Фролович. *Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.).* Ин-т истории АН СССР. 3.III.1960.

Житов Константин Евлампиевич. *Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане.* Ин-т истории АН СССР. 4.XII.1958.

Качарава Юрий Михайлович. *Советская Грузия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)* Тбилисский гос. университет. 1.XII.1958.

Мочалов Василий Дмитриевич. *Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в.* Ин-т истории АН СССР. 19.II.1959.

Никифоров Леонид Алексеевич. *Внешняя политика России в последние годы Северной войны.* Ништадтский мир. Ин-т истории АН СССР. 12.XI.1959.

Пашуто Владимир Терентьевич. *Образование Литовского государства.* Ин-т истории АН СССР. 11.II.1960.

Стеклов Александр Павлович. *Революционное движение в войсках на Кавказе в период 1905—1907 годов.* Ин-т истории АН ГрузССР. 20.I.1959.

Свирская Ревекка (Вера) Романовна

рашевцы и общественное движение 40-х в XIX в. Ин-т истории АН СССР. 1959.

ибаевский Фирс Васильевич. *Организация и укрепление местных советов в РСФСР (первый год диктатуры пролетариата (ноябрь 1917 г.— ноябрь 1918 г.)*. Ин-т истории СССР. 24.IX.1959.

рендиев Мамед Мамедович. *Аграрные ношения в Азербайджане в первой половине XIX в.* Тбилисский гос. университет. 1.1959.

Всеобщая история

баходжаев Абдусамат Хантураевич. *Провал английской антисоветской политики Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-юре и де-юре.* Ин-т востоковедения АН СССР. 8.VII.1959.

бович Мартын Фаркашевич. *Венгерская революция 1918—1919 гг.* Ин-т истории АН СССР. 26.XI.1959.

Рутенбург Виктор Иванович. *Народные движения в городах Италии XIV — начала XV вв.* Ин-т истории АН СССР. 14.V.1959.

Севостьянов Григорий Николаевич. *Политика империалистических держав на Дальнем Востоке (июль 1937 г.— декабрь 1941 г.)*. МГУ. 7.X.1959.

Сюкияйнен Иосиф Иванович. *Революция 1918 года в Финляндии.* Ин-т истории АН СССР. 5.III.1959.

Тарасенко Василий Акимович. *Атомная проблема во внешней политике США (1945—1949 гг.)*. Киевский гос. университет. 11.I.1960.

Ширендыб Базар. *История монгольской народной революции 1921 года.* Ин-т востоковедения АН СССР. 30.V.1960.

Эриванский Мехти Мамед оглы. *Аграрный вопрос в политике и литературе Римской республики в конце II века и в I веке до нашей эры.* Азербайджанский гос. университет. 12.XI.1959.

Обзоры и рецензии

ИЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИИ СОВНАРХОЗОВ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Создание Советов народного хозяйства административно-экономических районов, предпринятое по инициативе ЦК КПСС и его Первого секретаря Н. С. Хрущева, явилось подлинно революционной мерой. Жизненность проведенных партией мероприятий подтверждается трехлетним опытом работы промышленности в новых условиях. За это время совнархозы сыграли важную роль в укреплении силы и могущества Советского государства, в повышении его международного авторитета.

Наиболее объективным и достоверным показателем правильности существующих ныне организационных форм управления промышленностью могут служить темпы ее роста. В результате перестройки управления промышленностью эти темпы резко возросли. В 1958 г. промышленная продукция в целом по стране увеличилась на 10% вместо 7,6% по плану. В 1959 г. все союзные республики и все Советы народного хозяйства перевыполнили годовой производственный план, дав почти на 50 млрд. руб. (в старом масштабе цен) сверхплановой продукции; объем промышленного прироста по стране составил 11% вместо запланированных 7,7%. Заданиями на 1960 г. прирост промышленной продукции был определен в 8,1% [1]. Однако и этот план оказался значительно перевыполненным. На сессии Верховного Совета СССР в декабре 1960 г. заместитель Председателя Совета Министров и председатель Госплана СССР В. Н. Новиков отмечал, что в 1960 г. совнархозы провели большую работу по выявлению и использованию новых резервов для дальнейшего подъема народного хозяйства; в результате объем промышленной продукции возрос почти на 10%. Успехи первых двух лет борьбы за выполнение семилетнего плана позволили запланировать на 1961 г. значительно более высокие темпы промышленного развития, нежели предусматривалось раньше (8,8%). Это позволит получить за первые три года семилетки на 20 млрд. руб. дополнительной продукции (в новом масштабе цен) [2].

Со времени образования совнархозов прошел совсем незначительный срок. Однако буржуазными «экспертами» по советской экономике написано за эти годы уже немало работ, посвященных системе управления промышленностью и строительством в СССР. И этот факт весьма примечателен.

Буржуазные идеологи не могут не учитывать все возрастающего интереса широких масс населения капиталистических стран к тому, что происходит в СССР, их восхищения достижениями советской науки, признания мирных целей советской внешней политики. «Мы подхвачены волной просоветских симпатий такой интенсивности и глубины, которых наша история, вероятно, не знает» [3],— вынужден был признать американский реакционный историк Р. Пайпс.

В этих условиях буржуазные фальсификаторы прилагают много усилий к тому, чтобы извратить сущность перестройки управления промышленностью и строительством в СССР. Вместо анализа объективных экономических факторов большинство из них старается внушить своим читателям, будто данное мероприятие продиктовано стремлением советских руководителей укрепить «диктатуру партии» на местах. В таком

[1] «Коммунист», 1960, № 7, стр. 42.
[2] «Правда», 21 декабря 1960 г. и 26 января 1961 года.
[3] «New Leader», 31 августа 1959 года.

ухе высказывается, например, английский экономист П. Уайлз [4]; с ним солидаризи-уются его соотечественник Д. Скотт [5], профессор географии одного из колледжей ос-Анжелоса П. Лайдолф [6], преподаватель Гарвардского университета Г. Суэрер [7].

Подобные утверждения свидетельствуют лишь о беспомощности наших идейных отивников. Не найдя ничего лучшего, они вынуждены пользоваться старыми «дово-ами», выдуманными контрреволюционерами еще в первые годы Советской власти и ивно опровергнутыми жизнью.

«Подтверждением» своего лживого тезиса П. Уайлз считает то, что в большинстве учаев границы экономических и административных районов в СССР совпадают. «Тот акт, что экономические районы, по крайней мере в РСФСР, дублируют административные единицы деления,— вторит ему П. Лайдолф,— указывает на то, что при окончательном утверждении их границ бо́льшую роль сыграли не экономические, а политические причины» [8]. Г. Суэрер идет еще дальше своих коллег, уверяя, что реорганизация управления промышленностью в СССР была «политически рискованной» [9].

Все эти утверждения находятся в вопиющем противоречии с широко известными иктами советской действительности. Реорганизация органов управления промышленностью и строительством в нашей стране, проведенная в 1957 г., была вызвана потребностями дальнейшего развития социалистической экономики, то есть объективными причинами. Качественные изменения в технике производства, которые происходят в СССР современном этапе, по праву можно назвать промышленной революцией рождающегося коммунистического общества. Невиданный рост производства сопровождается е большим развитием специализации, что при отраслевой структуре управления промышленностью должно было повлечь за собой создание все новых и новых отраслевых министерств. С другой стороны, развитие специализации ведет к необходимости сширения и укрепления кооперации предприятий. А кооперирование — производственное объединение в один комплекс предприятий различных отраслей промышленности — не терпит узкоотраслевого принципа управления промышленностью. Н. С. Хрущев в 1957 г. в докладе на VII сессии Верховного Совета СССР говорил: «В современных условиях, когда с исключительной остротой стоят задачи борьбы за технический прогресс, за резкое повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции, правильное решение задач специализации и кооперирования приобретает огромное значение. Без специализации и кооперирования в промышленности, без комплексной механизации и автоматизации производства мы не можем успешно решать стоящих перед нами задач по развитию народного хозяйства» [10].

Реорганизация системы управления промышленностью и строительством диктовалась также изменившейся географией промышленного производства в СССР. В ходе социалистической реконструкции промышленности, особенно в послевоенное время, коренными темпами развивалась индустрия Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также национальных республик. В наши дни это преимущественное развитие восточных и национальных районов идет еще более быстрыми темпами. Рациональное размещение производительных сил — один из элементов, обеспечивающих качественный скачок в развитии социалистического производства. В нашей обширной по территории стране такие изменения в размещении производства неминуемо приводят и к изменению сторасположения органов управления промышленностью.

В умении глубоко познавать и правильно применять на практике объективные законы экономического развития, в теснейшей связи с массами — сила нашей партии. Закономерно, что мероприятия по совершенствованию советского хозяйственного аппа-

---

[4] P. Wiles. The Economics of Decentralization. «Soviet Survey», January — March 1959, p. 66.

[5] D. Scott. Decentralization and Social Change «Soviet Survey», July — September 1959, pp. 64, 66.

[6] P. Lydolph. The Soviet Reorganization of Industry. «The American Slavic and East European Review», October 1958, p. 299.

[7] H. Swearer. Khrushchev's Revolution in Industrial Management. «World Politics», October 1959, pp. 48—51.

[8] P. Wiles. Указ. соч., стр. 66; P. Lidolph. Указ. соч., стр. 296.

[9] H. Swearer. Указ. соч., стр. 45.

[10] Н. С. Хрущев. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М. 1957, стр. 26.

рата еще больше подняли авторитет партии, способствовали росту руководящей роли КПСС. Таким образом, не в усилении мифической «диктатуры», а в умении Коммунистической партии правильно понимать и решительно отстаивать интересы народа — источник повышения авторитета КПСС.

Фальсификаторы игнорируют тот факт, что создание совнархозов повело к дальнейшему развитию социалистической демократии, усилению роли местных общественных и государственных организаций в управлении социалистической экономикой, повышению творческой активности широких трудящихся масс. Так, известный своими клеветническими писаниями о Советском Союзе американский экономист Н. Ясный назойливо убеждал своих читателей в том, что мероприятия КПСС по совершенствованию управления промышленностью и строительством не имеют якобы большого значения, так как они-де ничего не дают для демократизации советского государственного строя [11]. Реакционные буржуазные историки не хотят видеть того, что в работе научно-технических советов совнархозов, в постоянно действующих производственных совещаниях на предприятиях и стройках участвуют сотни тысяч представителей рабочего класса, инженеры, техники, ученые. Планы развития народного хозяйства широко обсуждаются и уточняются на общих собраниях рабочих заводов, фабрик, строек. О развитии советской демократии и активности рабочего класса свидетельствует и рост числа изобретателей. До 1957 г. в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР ежедневно поступало в среднем 64 предложения, в 1957 г.— 83, в 1958 г.— 108, в январе — мае 1959 г.— 154 [12].

Один из руководителей Ярославского совета народного хозяйства, В. И. Павлов в книге «Будни одного совнархоза» рассказывает о том, как проходят рабочие собрания. Рачительно, как подлинные хозяева, обсуждают рабочие насущные вопросы развития и нужды своего производства. На промышленных предприятиях и стройках почти все рабочие участвовали в усовершенствовании производственного процесса и в борьбе за повышение производительности труда. «Раньше план нам давали сверху, из министерства,— рассказывает рабочий Ярославского шинного завода Буров.— Теперь мы имеем возможность внести в план свои мысли и затем осуществить их на деле, за станком, за тисками. Резервы у нас еще очень велики» [13].

Что касается совпадения границ экономических и административных районов, к которому фальсификаторы видят главное «доказательство» стремления КПСС усилить свою «диктатуру», то заметим следующее. Широко известно, что в основе административного деления СССР лежит принцип экономической однородности и единства территории района. В тех редких случаях, когда такое соответствие по каким-либо причинам отсутствует, совнархозам поручается руководить промышленностью нескольких областей.

В буржуазной литературе получил распространение и другой вымысел: будто организация совнархозов в условиях централизованного хозяйства «беспочвенна», так как совнархозы «несут в себе местничество». П. Уайлз, например, утверждает, что существовавшая до 1957 г. система управления промышленностью была якобы более рациональной, нежели новая система, введенная в 1957 году [14]. Опорочить новое пытается и П. Лайдолф. «Многие недостатки,— пишет он,— из-за которых были распущены министерства, могут развиться в еще более острой форме при новой системе... и в конечном итоге вызвать лишь... развал экономики [15].

Не впервые мы слышим пророчества о крахе советской экономики. Они звучат всякий раз, когда Советское государство делает шаг вперед по пути социалистического строительства. И всякий раз — и в годы индустриализации, и в период коллективизации сельского хозяйства, и на этапе послевоенного строительства — эти проро-

---

[11] Naum Jasny. Chruschtschow und die Sowjetwirtschaft, «Osteuropa», 7. Jg. Heft 10, 1957, S. 714. Усилия Н. Ясного дискредитировать реорганизацию управления промышленностью в нашей стране встретили отпор даже со стороны далекого от симпатий к СССР видного западногерманского экономиста Э. Бёттхера (см. Erich Boettcher. Die sowjetische Wirtschaftspolitik am Scheidewege. Tübingen. 1959).

[12] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 24—29 июня 1959 года». Стенографический отчет. М. 1959. стр. 734.

[13] В. И. Павлов. Будни одного совнархоза. М. 1958, стр. 127, 137.

[14] P. Wiles. Указ. соч., стр. 64.

[15] P. Lydolph. Указ. соч., стр. 299, 300.

ства не сбывались. Однако опыт ничему не научил твердолобых критиков советского строя. И вот вновь слышится из-за рубежа: остановитесь или вы сами себя губите!

Чтобы придать своим «доводам» некоторую убедительность, фальсификаторы ибегают к несложному приему. Они берут какую-либо советскую газету, выискивают дельные факты, характеризующие борьбу Советского государства и Коммунистичеой партии с местничеством. Затем эти частные, единичные примеры преподносятся тателю как характерные, типичные явления. О громадных положительных результак перестройки системы управления промышленностью в СССР, имеющих определяюй, решающий характер (ликвидация отрицательных последствий ведомственности, репление межрайонных экономических связей, дальнейшая специализация и кооперование в промышленности), тщательно умалчивается, хотя для освещения этих вопросов даже не нужно обращаться к архивам, достаточно лишь внимательно и, главе, объективно изучать советскую литературу. Замалчивание — это тоже фальсифиция, фальсификация сознательная, рассчитанная на неосведомленного читателя.

Так в кривом зеркале изображается фальсификаторами сущность великого преразования, осуществленного Коммунистической партией и Советским правительством

Следует вместе с тем отметить, что в СССР приняты самые эффективные меры борьбы с местничеством отдельных работников. Для укрепления межрайонных номических связей почти во всех Советах народного хозяйства созданы специалье отделы. Работники этих отделов приложили немало усилий, чтобы обеспечить евременное и качественное выполнение межрайонных обязательств предприятиями нархозов. Председатель Ростовского совнархоза П. А. Аброскин рассказывает, что дной из бесед с ним заведующий отделом кооперированных и межрайонных связей о совнархоза К. П. Ивлев сказал: «Спросите любого работника нашего отдела, и увидите, что он гораздо лучше знает все, что касается планов наших поставок друэкономическим районам, чем поставок других районов нам. Иногда кажется даже, они сильнее болеют за других, чем за себя»[16].

Данные о росте промышленной продукции, как отмечалось,— лучший показатель о, что нынешняя система управления хозяйством вполне соответствует потребностям изводства На XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил: «Важнейшим фактором, оряющим развитие народного хозяйства, явилась перестройка управления промышностью и строительством. За сравнительно короткий период работы совнархозов вились значительные преимущества новой формы управления промышленностью, ее конкретным стало руководство производством. Повысились темпы роста прошленной продукции, улучшилось использование внутренних резервов производства природных богатств страны, поднялись активность и инициатива рабочих и инженерехнических работников, еще более широкий размах получило социалистическое сонование. Созданы благоприятные условия для дальнейшего развития специализации ооперирования. За это время количество предприятий, не выполняющих план, сокраось более чем в полтора раза»[17].

Такова правда о деятельности совнархозов.

Если в годы первых пятилеток буржуазные идеологи предрекали гибель социала, выдвигая тезис о низком уровне экономического развития СССР, то сейчас они не в силах отрицать экономическую мощь Советского Союза. Но поскольку в каалистическом мире испытывается по-прежнему нужда в «доказательствах» «недоков» социализма, фальсификаторы ищут признаки «слабости» нового строя, как парадоксально звучит это, в высоком уровне развития народного хозяйства СССР. дана даже «теория», будто социализм служит средством развития экономики ко для отсталых стран. И коль скоро Советский Союз перестал быть такой страто надо-де ожидать возрождения в СССР капиталистических отношений Уайлз так и заявляет: «Многие факторы указывают на развитие (СССР.— *Авт.*) в авлении свободного рынка (то есть капитализма.—*Авт.*)»[18]. А. Ноув выражается

---

[16] П. А. Аброскин. Первый год (из записок председателя совнархоза). Ростов-Дону. 1958, стр. 74.

[17] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенорический отчет. Т. 1. М. 1959, стр. 14—15.

[18] P. Wiles. Указ. соч., стр. 67.

несколько осторожнее, ограничиваясь лишь «прогнозами», что советские люди будут якобы вынуждены отказаться от социалистических методов хозяйствования [19]. Социализм «преходящ», капитализм «вечен», социализм приемлем лишь для стран с отсталой экономикой, капитализм для всех стран вообще — таков конечный вывод новой «теории» развития человечества, созданной реакционными учеными. Как видим, отправной точкой всех новых тенденций в развитии буржуазной историографии остается старое желание представить капитализм единственной приемлемой формой устройства общества.

Наряду с вздорными домыслами о «перерождении» социалистического хозяйства в капиталистическое буржуазная «наука» громко, упорно и беззастенчиво трубит об изменении сущности капитализма. Порой идеологи буржуазного общества сами не могут разобраться в том, что же именно они пытаются доказать. Ясен, однако, их расчет — внушить читателю, будто между капитализмом и социализмом нет «существенной разницы» и «непримиримых противоречий» и народам капиталистических стран нет-де смысла бороться за социалистическое будущее. Капитализм уже не тот, что был во времена Маркса, заявляют они, жить при капитализме стало «хорошо», капитализм стал «народным». «Вложение большим количеством людей своих сбережений в акции компаний является типичным для Америки, где каждый гражданин — капиталист» [20],— вещает рупор американского бизнеса «Wall Street Journal». Апологетам капитализма хотелось бы доказать, что все эти «граждане — капиталисты» управляют фабриками и заводами, то есть являются хозяевами страны. Хорошо известно, однако, что степень участия каждого такого «гражданина — капиталиста» в управлении производством определяется количеством акций, принадлежащих ему. По свидетельству американского «Federal Research Bulletin», общая стоимость акций, которыми владеют американские семьи, живущие на заработную плату, составляет 0,3% рыночной цены всех акций в США [21]. Итак, в стране, где каждый «гражданин — капиталист», степень участия трудящихся в управлении производством не достигает даже полупроцента.

Этот и многие другие факты показывают, какова истинная цена разглагольствованиям буржуазных идеологов о «народном» капитализме. На самом деле монополистический капитализм является самой антинародной, самой реакционной социальной системой, несущей трудящимся безработицу, голод, безудержную эксплуатацию и политическое бесправие.

Только социализм уничтожает эксплуатацию человека человеком, создает все условия для зажиточной и культурной жизни, делает трудящихся хозяевами своего государства. Создание совнархозов, как отмечалось, является одной из важных мер, принятых Коммунистической партией для дальнейшего развертывания советской демократии, повышения творческой активности масс, улучшения материального благосостояния народа.

Следует, однако, сказать, что наиболее дальновидные идеологи буржуазии стараются дать объективную оценку мероприятиям Советского государства по совершенствованию управления промышленностью и строительством. Один из таких идеологов Аверелл Гарриман, после поездки в 1959 г. в СССР выпустил книгу «Мир с Россией?». Автор не скрывает своей приверженности к капитализму. Но этот в данном случае реалистически мыслящий наблюдатель вынужден сделать ряд весьма интересных признаний. А. Гарриман пишет, что, отправляясь в Россию, он намеревался проверить правильность утверждений «иностранных наблюдателей» о том, что создание совнархозов вызовет кризис советской экономики, поведет к распаду СССР на «десятки полунезависимых экономических государств». «То, что я обнаружил, совершенно противоречило всем предсказаниям, которые я слышал до этого. Инициатива была развязана, однако государственное руководство сохранено... Все убеждало меня, что реформа Хрущева явилась стимулом для развертывания инициативы, для более производительной работы и более разумного планирования, а это, в свою очередь, может при-

[19] Alec Nove. Communist Economic Strategy. Washington, 1959, p. 31.
[20] «Wall Street Journal», 13 мая 1957 года.
[21] «Federal Research Bulletin», June 1955, Supplement XLI, Table 19.

сти к значительному увеличению выпуска продукции промышленными предприятиями»[22].

Таким образом, утверждения буржуазных фальсификаторов — результат заранее обдуманной и преднамеренной лжи. В каждой строчке писаний реакционных авторов оглядывают тоска по уходящему строю, стремление остановить ход истории, убедить оих читателей в «преимуществах» капиталистического способа производства. Буржуазная наука, выполняя данный ей монополистами социальный заказ, всячески умаляет значение мероприятий, направленных на укрепление социалистической системы зяйства, ибо каждое такое мероприятие приближает торжество коммунизма. Американский экономист О. Хоэфдинг прямо объясняет свое недовольство реорганизацией равления промышленностью и строительством в 1957 г. тем, что эта реорганизация ытается исправить различные недостатки в работе промышленности, ее структуре размещении не путем исправления основ и принципов действия советской экономической системы применительно к промышленности, а путем организационных улучшей внутри этой системы»[23].

«Труды» буржуазных идеологов полны противоречий. Вынужденные признания пехов СССР соседствуют с прогнозами о неминуемом «крахе» советской экономики. утренняя противоречивость, неспособность объективно осветить важнейшие события жизни нашей страны служат одним из ярких проявлений кризиса современной буржуазной исторической науки.

В. З. Дробижев, Ю. И. Игрицкий

[22] A. Harriman. Peace with Russia? New York. 1959, pp. 83, 85.
[23] O. Hoeffding. The Soviet Industrial Reorganization of 1957. «The American nomic Review», May 1959, pp. 65—66.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

IVEANU. *1918. Din istoria luptelor revo- nare din Romînia.* Bucureşti. Editura politică. 1960. 679 p.

ИВЯНУ. *1918 год. Из истории революционной борьбы в Румынии.*

18 год вошел в историю Румынии как ожесточенных классовых боев. Под нием Великой Октябрьской социалиеской революции румынские рабочие и тьяне поднялись на борьбу за свое соьное освобождение. На улицах Бухаи и других городов во время многоых манифестаций, сопровождавшихся вавыми столкновениями с войсками и поей, впервые прозвучал лозунг: «Да вствует диктатура пролетариата!»

18 год был первым из трех наполых классовыми схватками лег 3—1920 гг.), когда в стране возникла люционная ситуация и создались объекр благоприятные условия для свержебуржуазно-помещичьего строя. Но отсутствие в то время в Румынии рабочей ии нового, ленинского типа, подрывная льность оппортунистов в пролетарском движении, маневрирование правящих кругов, сумевших воспрепятствовать созданию прочного союза между рабочими и крестьянством, открытая поддержка румынской реакции Антантой — все это не позволило превратить возможность в действительность и помешало развитию пролетарской революции в Румынии. Однако уроки революционной борьбы 1918—1921 гг. не пропали даром. В ходе этой борьбы возникла Коммунистическая партия Румынии и трудящимися был накоплен громадный революционный опыт.

Историки народно-демократической Румынии не раз обращались в своих исследованиях к классовым боям 1918 года[1]. Однако посвященная этим событиям крупная моно-

[1] Например, М. Роллер. Революционная борьба румынских моряков в конце 1917 — начале 1918 года. «Вопросы истории», 1956, № 11; P. Constantinescu-Jaşi. Influenta Marii Revoluţii Socialiste din Octombrie asupra mişcării revoluţionare din Romînia. Bucureşti. 1957; C. Cusnir-Mihailovici. Despre situaţia revoluţionară din Romînia în perioada 1918—1920. Bucureşti. 1955, и др.

графия, какой является рецензируемая книга, появилась в Румынии впервые.

Работая над книгой, автор изучал материалы в Центральном архиве Института истории партии при ЦК РРП, Центральном архиве министерства вооруженных сил, государственных архивах в Бухаресте, Брэиле, Буззу, в рукописных фондах библиотеки Академии Румынской Народной Республики в Бухаресте и ее филиале в Клуже и других хранилищах. Он использовал также румынскую прессу и обширную специальную литературу. Один этот перечень показывает, насколько кропотливая, упорная работа была проделана исследователем.

Книга сложна по композиции, ибо автору пришлось исследовать экономическое положение и классовую борьбу и в так называемой «старой Румынии» (в границах, существовавших до первой мировой войны) и на территориях Трансильвании и Южной Буковины. Основным частям работы предпослана объемистая глава, характеризующая экономическое, социальное и политическое положение румынских земель до Октябрьской революции. Затем В. Ливяну подробно анализирует воздействие Октября на рабочее и крестьянское движение в Румынии. Именно после Октябрьской революции, под ее непосредственным влиянием в румынском рабочем движении начали распространяться ленинские идеи по вопросам войны, мира и революции. Впервые революционные группы поставили задачу сломать старую государственную машину и создать государство нового, пролетарского типа. Румынские революционеры, восприняв ленинскую идею о превращении войны империалистической в войну гражданскую, призвали солдат повернуть штыки против своих эксплуататоров. Находившийся в Одессе румынский «Социал-демократический комитет действия» приступил к формированию революционных батальонов, рассматривая их как ядро будущей революционной румынской армии. Одновременно была развернута работа в румынских частях на фронте, приведшая не только к массовым отказам рядовых выполнять распоряжения реакционного офицерства, но и к открытым восстаниям (например, на кораблях румынского флота). Автор раскрывает процесс постепенной большевизации левого, революционного крыла румынской социал-демократии и его борьбу против буржуазно-помещичьей реакции, за интересы трудящихся.

Исключительно важны страницы книги, разоблачающие безграничное вероломство правящих кругов Румынии, совершивших нападение на войска Советской России, захвативших Бессарабию в нарушение заключенного с Советским правительством соглашения. Румынские революционеры проявили высокий образец пролетарского интернационализма, заклеймив захватчиков и выступив против них с оружием в руках (бой румынского революционного батальона под Бендерами).

Однако, встав по многим важнейшим вопросам на ленинские позиции, румынские революционеры не смогли изжить сразу до конца старые социал-демократические взгляды и традиции. Порой им были присущи и анархо-синдикалистские воззрения. В. Ливяну подвергает эти взгляды подробному анализу и критике. Следствием таких взглядов явилось примиренческое отношение к оппортунистам и нежелание порвать с ними организационно. Коммунистические группы в тот период считали, что будто бы возможно «перепрыгнуть» через этап буржуазно-демократической революции в Румынии и сразу осуществить революцию социалистическую. В этом состояла их крупнейшая ошибка. Они игнорировали тот факт, что в конкретных условиях Румынии аграрной страны с сильнейшими пережитками феодализма, «для вовлечения крестьянских масс в социалистическую революцию была необходима промежуточная стадия и в первую очередь было необходимо, чтобы пролетариат повел крестьянство в борьбу за победу революции буржуазно-демократической» (стр. 190).

Эта ошибочная позиция была на руку румынской реакции, которая всячески старалась воспрепятствовать установлению прочного союза между рабочим классом и крестьянством. Развернув широкую демагогическую кампанию вокруг обещанной им аграрной реформы, румынские помещики и буржуазия сумели посеять примиренческие иллюзии среди крестьян.

С другой стороны, ошибками коммунистических групп воспользовались в своих подрывных целях оппортунисты центристского толка. Размах революционного движения в стране заставил и их выступить с революционными декларациями, осудить на словах реформизм, классовое сотрудничество, участие социал-демократов в буржуазных правительствах, выдвинуть лозунг «захват политической власти всеми средствами» и социализации средств производства.

406). Неясной, расплывчатой формули-
й об использовании «всех средств»
ахвата власти оппортунисты пытались
ыть свое нежелание высказаться по
ству важнейших вопросов революци-
ной стратегии и тактики. Эта формули-
отражала их враждебное отношение
оруженному восстанию и диктатуре
етариата. Центристы выступили за от-
от программы-минимум социалистиче-
партии, утверждая, что буржуазные
и сами претворяют в жизнь записан-
программе реформы. Такая трактовка
аммных вопросов означала, по сути
возврат к меньшевистской теории ге-
ии буржуазии в буржуазно-демокра-
кой революции. Тем самым центрист-
установка обрекала пролетариат на
вное выжидание событий.

Ливяну тщательно анализирует разви-
революционного движения в стране в
азличных проявлениях (стачечное дви-
е рабочих; попытки крестьян захватить
ичью землю; борьба солдат за демо-
ацию из армии). Интересны приводи-
втором данные о полнейшем провале
шлявшейся румынскими реакционера-
конце 1918 г. новой антисоветской
венции из-за почти поголовной неяв-
билизованных, в основном крестьян, на
вные пункты (стр. 394—396).

конце 1918 г. в Румынии существова-
альная возможность свержения вла-
буржуазии и помещиков. В стране
ло лась революционная ситуация; аппа-
подавления трудящихся был ослаблен
лорализован. 11 ноября из Бухареста
выведены германские оккупационные
йска; в течение двух-трех недель во мно-
йонах отсутствовали силы, способные
сопротивляться революционному движению
365). Однако маневры румынской
ии, подрывная деятельность оппорту-
в, разрозненность коммунистических
и их ошибочные установки по от-
ым вопросам — все это привело к то-
го момент был упущен. Восстания
произошло. И лишь позднее широко
нулась стачечная борьба. В декабре
. рабочие Бухареста демонстрирова-
улицам столицы под лозунгами «Да
ствует русская революция!», «Да
ствует диктатура пролетариата! До-
уржуазию!» (стр. 372).

ниге дается подробная характеристика
оционного движения в Трансильва-
борьбы трансильванских рабочих и
ян за воссоединение всех румынских
земель в рамках единого демократического государства. Читатель с интересом знакомится с данными, показывающими влияние Великой Октябрьской социалистической революции, и в частности провозглашенного Советским государством лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, на рабочее и крестьянское движение в Трансильвании.

Книга В. Ливяну не лишена недостатков. Автор довольно подробно анализирует экономическое положение румынских земель до войны. Но мы не находим столь же детального анализа, относящегося к военным годам. Недостаточно показан рост обнищания рабочих и крестьян, являвшийся одним из факторов, усиливавших революционное движение. Некоторые конкретные цифры приведены автором без критической оценки их и без должных пояснений. Когда, например, говорится, что трансильванским шахтерам хватало заработка для приобретения лишь 10% того, что им было абсолютно необходимо для жизни (стр. 147), то невольно возникает вопрос: как же они все-таки существовали? Тщательная характеристика экономической обстановки в годы войны важна и для показа роста противоречий в среде господствующих классов. Война принесла страшное разорение крестьянству, привела к массовому уничтожению орудий производства и скота. Тем самым был нанесен удар и по преобладавшей в помещичьем хозяйстве отработочной системе, при которой помещичьи земли обрабатывались с помощью крестьянского инвентаря и тяглового скота. Это несколько ослабило позиции помещиков в рамках буржуазно-помещичьего блока и явилось одной из причин кризиса консервативных партий.

Автор не использовал всех имевшихся в его распоряжении материалов об участии румынских революционеров в гражданской войне в Советской России[2]. Вряд ли читатель удовлетворится его ссылкой на то, что подробные сведения об этом можно почерпнуть в архиве (стр. 339). Участие румын в борьбе с контрреволюцией в России явилось блестящим примером высокого пролетарского интернационализма, всегда отличающего коммунистов; этот вопрос,

[2] Так, В. Ливяну обошел многие интересные данные, помещенные в статье А. Н. Глуговского «Из истории румынских коммунистических организаций и интернациональных частей на территории Советской России» («Новая и новейшая история». 1957, № 3).

несомненно, заслуживает более обстоятельного освещения в книге, рассказывающей о румынском революционном движении.

По нашему мнению, не вполне правильна авторская трактовка русско-румынского соглашения от 1 октября 1914 года. В. Ливяну пишет (стр. 90—91), что румынское правительство получило возможность в обмен на благоприятный по отношению к Антанте нейтралитет приобрести входившие в состав Австро-Венгрии румынские земли. Хотя подробный анализ соглашения и обстоятельств, при которых оно было заключено, выходит за рамки рецензии, мы считаем необходимым отметить, что русское правительство не предлагало румынскому соглашения на указанных условиях. В тексте соглашения [3] указывалось, что русское правительство признает право румынского занять эти территории в подходящий для него момент. На упомянутых землях находились австро-венгерские войска, и прогнать их оттуда можно было не путем дипломатических увещеваний, а лишь с помощью штыков и пушек, то есть путем войны. Что же касается благожелательного нейтралитета, то в соглашении прямо говорилось, что Румыния обязалась соблюдать его до оккупации этих территорий (то есть до ее вступления в войну). Румынским правящим кругам предоставлялось лишь право выбора времени. Союзники России Англия и Франция находили эти условия слишком снисходительными; они не присоединились к обязательствам России, и соглашение не приобрело в их глазах силы [4].

Несколько противоречива и оценка В. Ливяну некоторых других действий румынских правящих кругов. Так, автор указывает, что они были готовы пойти на «дополнительный риск», связанный со вступлением в войну, получив конкретные обещания о присоединении к Румынии сербских, венгерских и украинских земель (стр. 91, 92, 97). С другой стороны, приводя без комментариев воинственные заявления Н. Филипеску, Т. Ионеску, К. Милле и других, автор подчеркивает, что для представляемых ими влиятельных кругов «война, даже если бы она не привела ни к национальному объединению, ни к внешним завоеваниям, была все же необходима для приобретени фальшивого патриотического престижа морально-политического авторитета, в к тором они нуждались внутри страны дл консолидации буржуазно-помещичьего р жима» (стр. 101). Несомненно, у румы ской реакции существовали планы воспол зоваться военной обстановкой, загнать подполье рабочее движение и расправиться с революционерами. Но это возможно бы лишь в случае победоносной войны. Дл тельная, связанная с тяжелыми испыт ниями военная страда, а тем более воен ное поражение привели бы не к рост престижа национальной буржуазии, к полной потере такового и обострению п ложения в стране. По нашему мнению, сл довало более критически подойти к крикл вой демагогии людей, требовавших войн во что бы то ни стало, тем более, что п добные требования раздавались обычно моменты военных успехов Антанты. В да ном случае нет оснований ставить под с мнение жалобы иностранных дипломатов т то, что румынские антантофилы сразу пр кращали агитацию за вступление в войн и занимали выжидательную позицию в пор военных неудач Антанты на фронте [5].

Конечно, эти частные замечания не ум ляют больших достоинств монографи В. Ливяну, отличающейся тщательной ра работкой темы и разнообразием использ ванных источников. Своим трудом авт внес немалую лепту в изучение одного интереснейших вопросов славного револ ционного прошлого румынского народа.

В. Н. Виноград

J. DAUTRY, L. SCHELER. *Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris. (Septembre 1870 — mai 1871). Paris Editions sociales. 1960. 268 p.*

Ж. ДОТРИ, Л. ШЕЛЕР. *Центральный Республиканский Комитет двадцати округов Парижа. (Сентябрь 1870 г.— м 1871 г.).*

Среди политических организаций, возни ших в Париже после победы сентябрьско восстания 1870 г., одной из наиболее ва ных (и вместе с тем наименее изученных исторической литературе) является Цен ральный комитет 20 парижских округ Данная организация упоминается в ист никах под разными названиями. Между

[3] Соглашение было оформлено путем обмена идентичными нотами между русским и румынским правительствами. Русскую ноту см. «Международные отношения в эпоху империализма». Серия III. Т. VI. М.-Л. 1935. 4. 1, док. 340.

[4] Там же. Т. VIII, ч. 1, док. 16.

[5] Там же, док. 119, 239; ч. 2, док. 503.

вателями возникли даже расхождения
опросу о том, шла ли речь в соответ-
щих источниках об одном и том же
о различных учреждениях[1]. По-разно-
олкуют историки и роль, сыгранную
ЦК: в одних работах ЦК 20 парижских
округов рассматривается как неофи-
ный орган власти [2] и ему приписы-
я чуть ли не большее значение, чем
ральному комитету национальной
ции[3]. В других же, наоборот, встре-
я утверждение, что ЦК 20 округов
ел через 1870 — 1871 гг. почти незаме-
им и был «генеральным штабом без
т»[4].

почему представляет интерес рецен-
мая книга, принадлежащая перу
тных французских историков Ж. Дотри
Шелера. Авторами впервые опубли-
ы тексты отдельных протоколов и дру-
документов, найденных среди бумаг
о из постоянных секретарей ЦК
ругов, Констана Мартена. Приводятся
е отрывки из непосредственно посвя-
ой деятельности ЦК 20 округов руко-
Шарля-Луи Шасена, активного со-
ика этого ЦК. Подобраны многие
енты, в свое время помещенные в пе-
ических изданиях, но мало использо-
иеся историками и почти забытые.
див подборку серьезным научным аппа-
и компактными комментариями,
ы фактически дали документальный
всей истории ЦК 20 округов.

га состоит из введения, четырех глав,
ючения и именного указателя. Введение
9 — 43), воспроизводящее печатную
ентацию, освещает историю образова-
ЦК 20 округов и его деятельность до
а осады Парижа немцами. Первые две
содержат документы, относящиеся к
льности ЦК 20 округов во время осады
ка: от 19 сентября 1870 г. и до январ-
перемирия (стр. 47—156). Третья
(стр. 159—210) охватывает пе-
выборов в Национальное собрание, а
тая (стр. 213—250) посвящена роли
ЦК 20 округов в дни Парижской комму-
ны, причем последние две главы содержат наибольшее количество архивных документов. Наконец, в именном указателе приведены имена всех лиц, имевших какое-либо отношение к деятельности ЦК. Следует отметить, что в своих примечаниях и комментариях Дотри и Шелер особое внимание уделяют вопросу о партийной принадлежности и политической позиции членов ЦК 20 округов.

Документы, приведенные в рецензируемой книге, представляют для исследователя несомненный интерес. Они дают возможность сделать важные уточнения. Теперь следует считать выясненным вопрос о правильном наименовании ЦК 20 округов. Полное его название было сначала следующим: «Центральный Республиканский Комитет национальной обороны двадцати округов Парижа» (стр. 32). В дальнейшем обычным стало сокращенное название: «Центральный комитет 20 округов». Около 1 января 1871 г. его переименовали в «Делегацию двадцати округов», что, по мнению Дотри и Шелера, было сделано во избежание путаницы в связи с возникновением в Париже многих «центральных комитетов» различных обществ (стр. 145). Возможно, что переименование отражало и некоторые внутренние преобразования в ЦК 20 округов, вызванные созданием его дочерних организаций: «Республиканской лиги Национальной обороны до конца» и «Центрального клуба 20 округов» (стр. 148—149). Во время выборов в Коммуну, 23 марта 1871 г., как бы для того, «чтобы придать бо́льшую торжественность занятой им позиции», ЦК 20 округов возвращается к своему старому названию (стр. 229). Но в источниках по-прежнему сохраняется наименование «Делегация» (стр. 243). Последний документ ЦК 20 округов, опубликованный 20 мая 1871 г., содержит оба титула: «Центральный комитет» и «Делегация» (стр. 250).

Материалы книги проливают дополнительный свет на события 5 и 8 октября 1870 года. Существует мнение, что ЦК 20 округов готовил с самого начала выступление республиканцев на 8 октября, а Флуранс преждевременной вылазкой испортил дело[5]. Но из документов явствует, что только после выступления батальонов Флуранса 5 октября ЦК 20 округов решил призвать национальную гвардию к антиправи-

---

. П. М. Керженцев. История
кской коммуны. 1871. М. 1959,
8—49.
. Koechlin. Die Pariser Commune
871 im Bewußtsein ihrer Anhänger.
1950, S. 9.
. Rihs. La Commune de Paris, sa
ire et ses doctrines (1871). Genève.
p. 21.
Guillemin. Les origines de la
une. L'héroïque défense de Paris.
—1871). 8-e éd. Paris. 1959, p. 28.

[5] См. Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 года. Птгр. 1920, стр. 15—16.

тельственной демонстрации (стр. 93). Кроме того, протокол заседания ЦК 20 округов от 6 января 1871 г. дает точный ответ на вопрос[6] о том, когда широко известная листовка «Красная афиша», призывавшая к борьбе с правительством «национальной измены» и провозглашению Коммуны, появилась на стенах Парижа. Из протокола видно, что она расклеивалась в ночь на 6 января (стр. 151—152). Документы, помещенные в книге, важны и для воссоздания истории Центрального комитета национальной гвардии; они показывают, как уже в первые месяцы блокады Парижа сплачивалась ведущая группа командиров национальных гвардейцев, из которой после заключения перемирия с Пруссией вырос ЦК национальной гвардии (стр. 54, 61, 64, 131).

Принципиальное значение имеют новые данные о деятельности парижских организаций Интернационала. Документы убедительно говорят о том, что эти организации играли гораздо бо́льшую роль в политической жизни столицы, чем это считают обычно. Дотри и Шелер полагают, что именно активностью парижан—членов Интернационала объясняются резкие нападки на него, предпринятые реакционной печатью еще в середине сентября 1870 г. (стр. 20, прим. 4). Как раз по инициативе Интернационала были созданы окружные «комитеты бдительности», а эти местные комитеты образовали временный Центральный комитет. Из семи членов последнего, подписавших единственное дошедшее до нас обращение его к народу — от 9 сентября 1870 г., пять определенно являлись членами Интернационала (стр. 18). На некоторый срок деятельность в «комитетах бдительности» и ЦК 20 округов настолько завладела вниманием активистов Интернационала, что парижские организации Интернационала как бы «засыпают» (стр. 29). Но с 16 октября 1870 г. чувствуется новая их активизация, усиливаются их организационная деятельность и социалистическая пропаганда (стр. 101).

Сначала в работе ЦК 20 округов участвовали и радикалы. По мнению авторов, «радикалы-несоциалисты» окончательно отошли от этого органа в ноябре 1870 г., после появления их собственных организаций, вроде Центрального республиканского союза или Республиканского альянса (стр. 127). Но отдельные «чистые демократы» участвовали в заседаниях ЦК 20 округов вплоть до самых последних дней его существования (стр. 255—256). С ноября 1870 г. в ЦК 20 округов возрастает роль бланкистов (стр. 135). Однако руководящее место в нем все время занимали члены Интернационала. С начала февраля 1871 г. началось тесное сотрудничество ЦК 20 округов, Федерального совета парижских секций Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ, длившееся на протяжении всего февраля и марта (стр. 166). При этом ЦК 20 округов и Интернационал настолько сблизились, что на некоторых заседаниях обсуждали совместно вопросы, затрагивавшие деятельность как того, так и другого органа (см. протоколы от 4 и 6 февраля).

Наибольший интерес, безусловно, представляют материалы, отражающие борьбу взглядов в ЦК 20 округов. Данные этих документов снова убеждают нас в том, что борьба за Коммуну еще в дни блокады Парижа немцами приобретала постепенно характер чисто рабочего движения, что уже тогда предпринимались попытки создать социалистическую партию, ядром которой как раз и считал себя ЦК 20 округов (стр. 127). Но, как правильно подчеркивают Дотри и Шелер, на парижских социалистов давил двойной груз: традиций революции XVIII в. и прудонизма. Поэтому дело не было доведено до конца. «То, что подразумевалось в Париже 1870—1871 гг. под социалистической партией,— пишут авторы,— уже не является просто идейным течением, но и не становится еще настоящей организацией» (стр. 257).

На заседаниях ЦК 20 округов давали себя знать две тенденции по отношению к правительству: «более выжидательная и более нетерпеливая» (стр. 53). В самом начале блокады ЦК 20 округов вступил в борьбу за Коммуну. Сохранилось даже письменное предложение по поводу состава будущей Коммуны, где говорилось: «Из кого должна состоять Коммуна? Из адвокатов? — Нет! Из буржуа? — Нет! Парижская Коммуна должна состоять из рабочих разных профессий, и чтобы эти рабочие были известны как революционеры и социалисты» (стр. 62). По мнению Дотри и Шелера, данное предложение не могло тогда найти поддержки у всех членов ЦК 20 округов. В его документах той поры преобладает еще дух «федерализма» и классового мира (стр. 85). Но позднее, на заседаниях 18 и 19 октября, ЦК 20 округов

[6] См. С. Айнберг-Загрязкова. «Красная афиша». К предыстории Парижской коммуны. «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 88—91.

нимает устав, в котором от всех делега-
«комитетов бдительности» требуется
циальное заявление об их согласии
«социалистическими революционными
нципами, лежащими в основе кон-
уции Центрального комитета» (стр. 107).
ересны заявления ряда членов ЦК
округов о форме нового государ-
а, за которое должны бороться про-
арии. На заседании 4 февраля Гуллэ
вил, что Интернационал может признать
ь одну государственную форму, ту, ко-
ая была в 1793 г. «и при которой цель
ударства определяется пролетариатом»
р. 165). На заседании от 11 февраля,
обсуждении второго тура выборов в
ациональное собрание, Лякор внес пред-
жение отказаться от союза со сторонни-
и «двусмысленной и формальной
ократии» (стр. 186). О созревании идеи
ернациональной пролетарской солидар-
ти свидетельствует заявление Л. Фран-
я, который 10 февраля предложил при
уплении немцев в Париж развесить вме-
с черными знаменами и красные флаги,
которых будут написаны имена немец-
демократов Либкнехта, Якоби и дру-
и лозунг Всемирной республики»
р. 181).
ЦК 20 округов принял также шаги к ор-
изации, как говорится в его резолюциях
20 и 23 февраля, «Социалистической ре-
люционной партии» (стр. 197). С этой
лью в провинцию были посланы специ-
ные комиссары. Сохранились донесения
деятельности комиссаров в Лионе и не-
орых других местах (стр. 205 — 209).
три и Шелер отмечают, что можно гово-
ть даже о серьезных попытках объеди-
ть различные социалистические группы,
о было осуществлено в Париже лишь в
05 г. (стр. 198—199).
Весьма любопытны документы о деятель-
сти ЦК 20 округов после революции 18
рта. Отдельные его члены критиковали
которые ошибки ЦК национальной гвар-
и и Совета Коммуны. Так, Напиа-Пикэ
ступал против немедленных выборов в
ммуну. «Требуются,— говорил он,— не
боры, а революционные меры» (стр. 218).
атлен предупреждал о том, что Француз-
й банк охраняется реакционными ба-
льонами национальной гвардии (стр. 215).
ведь известно, сколь зловещую роль сы-
ал впоследствии этот банк во время борь-
с версальцами. Все это не мешало ЦК
округов участвовать в общей борьбе за
бочее дело. Так, после контрреволюцион-
ной манифестации 22 марта ЦК 20 окру-
гов опубликовал декларацию с полным
одобрением политики ЦК национальной
гвардии (стр. 234—235).

Дотри и Шелер особенно подчеркивают участие в деятельности ЦК 20 округов многих виднейших революционеров, в частности Вайяна и Валлеса, дававших работе ЦК 20 округов высокую оценку. Характеризуя значение этого органа в целом, Дотри и Шелер указывают, что особенно большую роль он сыграл в сентябре и начале октября 1870 года. В дальнейшем влияние ЦК 20 округов падает и после кратковременного взлета в последние месяцы блокады Парижа и во время выборов в Национальное собрание постепенно сходит на нет. Он выполнил стоявшую перед ним историческую задачу, и Коммуна переняла его дело (стр. 246).

В адрес авторов книги хочется сделать и некоторые частные замечания. Дотри и Шелер выражают сожаление по поводу того, что найденные ими материалы не дают ответа на вопрос о роли ЦК 20 округов в событиях 31 октября (стр. 118). Но, характеризуя во введении первую главу своей книги, они пишут, что данная глава должна будет показать «длительную подготовку дня 31 октября» (стр. 42). Это может создать ложное впечатление, будто документы говорят о конкретной подготовке восстания 31 октября, хотя речь может идти только о его назревании.

Далее. Авторы приводят документы, из которых явствует, что ЦК 20 округов сначала призывал Париж ответить утвердительно во время плебисцита, назначенного правительством на 3 ноября, и лишь позднее высказался (как и другие революционные организации) за отрицательный ответ. Они усматривают в этом некоторую двусмысленность позиции ЦК 20 округов (стр. 124). Но ведь первоначально правительство предлагало населению ответить на вопрос: «Должны ли в скором будущем состояться выборы муниципалитета и правительства?» [7]. А вторично вопрос был поставлен уже по-другому: «Подтверждает ли население полномочия правительства?» [8]. Именно изменение формулировки вопроса заставило ЦК 20 округов (оказавшийся оперативнее других и уже успевший опубликовать обращение с призывом сказать «да!») [9] обнаро-

[7] «Rappel», 3 ноября 1870 года.
[8] «Rappel», 4 ноября 1870 года.
[9] «Patrie en danger», 3 ноября 1870 года.

довать новое обращение с призывом сказать «нет!»[10].

В начале своей книги Дотри и Шелер цитируют Ж. Валлеса, который в 1884 г. говорил по поводу ЦК 20 округов: «Его история еще не написана. Именно от него берет свое начало 18-е марта» (стр. 9). Рецензируемая публикация во многом способствует решению проблемы, намеченной Валлесом. Авторы внесли ценный вклад в марксистскую историографию Парижской коммуны 1871 года.

Я. И. Дразнинас

[10] «Patrie en danger», 4 ноября 1870 года.

MARCUS CUNLIFFE. *The Nation Takes Shape, 1789—1837.* Chicago. The University of Chicago Press. 1959. VII + 223 p.

МАРКУС КАНЛИФФ. *Формирование американской нации, 1789—1837.*

В США предпринято издание многотомной серии «Чикагская история американской цивилизации»[1]. По замыслу составителей, эта серия должна в общей форме познакомить читателя с тем, как понимают американскую историю исследователи различных направлений. Издание будет включать более 20 работ, распадающихся на две основные группы: хронологическую и тематическую. Часть книг уже вышла в свет[2].

Рецензируемая книга Маркуса Канлиффа относится к первой группе и хронологически продолжает рассказ о событиях, рассмотренных в книге Эдмунда Моргана «Рождение республики: 1763—1789».

Вышедшие в свет первые тома «Чикагской истории американской цивилизации» получили лестные отзывы со стороны ряда влиятельных буржуазных историков США. Положительные отзывы имеет и книга М. Канлиффа. Редактор серии Д. Бурстин в предисловии отмечает, что этой книгой автор поставил себя в ряд «наблюдательных и четко формулирующих свои мысли иностранцев, которые с начала XIX в. открывали о нас то, что мы, возможно, не были бы в состоянии открыть сами».

Насколько все это соответствует действительности и справедливо в отношении книги М. Канлиффа?

Американские читатели уже привыкли видеть работы, посвященные отдельным периодам, как правило, совпадающим у буржуазных историков США с временем правления отдельных президентов: «Федералистская эра» Г. Вашингтона и Д. Адамса, «Эра доброго согласия», «Век Джексона» и т. д.[4]. М. Канлифф ведет повествование в более широком плане и стремится делать обобщения. Рассматривая события избранного им периода американской истории, М. Канлифф предпринял попытку создать новую, претендующую на оригинальность систему их объяснения.

В чем же заключается эта система, «компас» Канлиффа?

В литературе известно немало попыток объяснить историю США с точки зрения «противопоставления противоположностей». В общем плане это представлено известной теорией «американской исключительности», которая противопоставляет Америку Европе, демократию—аристократии и т. д. В более узком плане эта мысль развивалась Фредериком Тернером, противопоставляв-

[1] «The Chicago History of American Civilization». Daniel J. Boorstin, Editor.

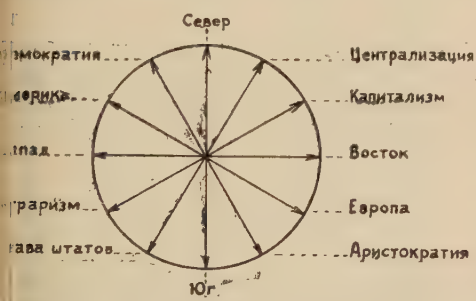
[2] Из работ хронологической группы вышли: Edmund S. Morgan. The Birth of the Republic: 1763—1789; Samuel R. Hays. The Response to Industrialism: 1885—1914; William E. Leuchtenburg. The Perils of Prosperity: 1914—1932; Dexter Perkins. The New Age of Franklin Roosevelt: 1932—1945; Herbert Agar. The Price of Power: America since 1945. Из числа тематических работ вышли: Howard H. Peckham. The War for Independence: A Military History; John Tracy Ellis. American Catholicism; Nathan Glazar. American Judaism; Richard M. Dorson. American Folklore; Robert N. Bremner. American Philanthropy; Maldwyn Allen Jones. American Immigration; Henry Pelling. American Labor.

Работы первой группы призваны дать последовательное, систематическое изложение американской истории вплоть до наших дней. Книги, входящие во вторую группу, по замыслу составителей, должны быть посвящены наиболее важным аспектам истории США в целом. Однако постановка некоторых проблем, составляющих содержание второй группы книг, вряд ли может быть признана правомерной. Такие темы, как «Американская филантропия», «Американский юдаизм» и др., не могут не вызывать сомнения.

[3] М. Канлифф, англичанин по происхождению, много лет занимался изучением американской истории и культуры и неоднократно совершал длительные поездки в США. В числе его работ книга о литературе Соединенных Штатов и биография Г. Вашингтона, вышедшая в 1958 году.

[4] См., например, A. M. Schlesinger. The Age of Jackson. Boston. 1945; G. Dangerfield. The Era of Good Feelings. New York. 1953.

м Запад США Востоку страны и объяс-
шим американскую историю с точки
ния «подвижной западной границы»[5].
ень часто встречается противопоставле-
«республиканцев» и «федералистов»,
Джефферсона и А. Гамильтона, «аграр-
ма» и «капитализма», «суверенитета
атов» и «централизации» и, наконец,
тивопоставление рабовладельческого
а и капиталистического Севера.
М. Канлифф распределяет подобные
отивоположности» на две группы: Аме-
а — Европа; Запад — Восток; демокра-
— аристократия; аграризм — капита-
м; права штатов — централизация; Юг—
вер — и отмечает несовершенство такого
разделения. Действительно, даже беглое
смотрение понятий в каждой группе об-
руживает очевидные противоречия. О ка-
й «противоположности» между группа-
и о каком «соответствии» в пределах
ждой из них можно говорить, если «Юг»
азывается в одной, а «аристократия» в
угой! Отвергая подобное построение,
Канлифф выдвигает вместо него свою
стему, свой «компас» для понимания аме-
канской истории.



М. Канлифф полагает, что предложен-
я диаграмма позволяет избежать чрез-
рных упрощений, связанных с простым
лением на две группы, показывает взаим-
е влияние и сходство соседних факторов
например, «централизация» и «капита-
зм», или «аристократия», «Юг», «права
атов») (стр. 196).

[5] В последние годы стало модным
ъяснять американскую историю в рамках
тлантической общности». Можно со-
аться, в частности, на работу Фрэнка
стлтвейта, посвященную экономическим и
циальным связям США и Англии в пер-
й половине XIX в., которые, по мнению
автора, объединяют эти страны в еди-
е «Атлантическое сообщество». См. Frank
histlethwaite. The Anglo-American
onnection in the Early Nineteenth Century.
hiladelphia. 1959.

Однако, пользуясь этой антинаучной схемой, читатель никакого действительного представления о развитии американской истории не получает. В книге М. Канлиффа нет главного, что дало бы ключ к пониманию формирования американской нации,— исследования развития капиталистических отношений, образования внутреннего рынка, складывания экономического единства и культурной общности внутри США. Такой анализ позволяет дать лишь марксистско-ленинская методология. Характерно поэтому, что в главе, специально посвященной становлению американской нации, М. Канлифф подробно рассматривает внешние формы, атрибуты независимого государства (национальный флаг, герб, гимн, декларация независимости, конституция и т. д.), а не существо процесса. Отдельные частные замечания представляют, конечно, интерес, но они не объясняют главного — самой сути процесса формирования нации.

Порочность методологии М. Канлиффа проявляется во всех основных частях книги. Это касается и выбора хронологических рамок. Если в отношении даты 1789 г. еще можно признать известную правомерность аргументов автора (начало работы американского правительства на основе новой конституции и т. д.), то попытка представить 1837 год как грань между этапами выглядит просто нелепо. Приход к власти Мартина Ван Бурена, по существу, ничего не изменил в американской истории да и не мог изменить. Фактически это признает и сам автор, когда отмечает опасность представлять 1789—1837 гг. как изолированный период американской истории.

В целом книга М. Канлиффа отличается тем же восхвалением «американской демократии», что и многочисленные работы его коллег за океаном. Симпатии автора на стороне тех деятелей, которых принято считать олицетворением реакции. Не случайно М. Канлифф явно симпатизирует федералистам (стр. 172) и на протяжении всей книги восхваляет деятельность А. Гамильтона. Следуя за своим любимым авторитетом А. Токвилем, М. Канлифф доказывает (см. стр. 168—169) существование в Америке чуть ли не «бесклассового общества», отсутствие аристократии (с признанием существования «аристократии денег») и т. д.

Специальная глава в книге посвящена вопросам внешней политики. М. Канлифф делает вывод, что рассматриваемый им пе-

риод следует считать «доэкспансионистским» (стр. 186). Это, однако, плохо согласуется даже с теми в целом скудными полупризнаниями, которые делает сам автор. Он пишет, например, об аннексии Западной Флориды или «полузахвате и полупокупке» Восточной Флориды (стр. 62, 70, 212), признает огромное расширение границ страны и даже посвящает одну из глав «территориальной и сельскохозяйственной экспансии на запад». Характерно и стремление автора сгладить остроту англо-американских противоречий.

Вслед за Б. Перкинсом[6] М. Канлифф пытается доказать, например, что догов Джея будто бы привел к подлинному улу шению в отношениях между США и Ан лией и что десятилетие 1795—1805 гг., ра сматривавшееся обычно как период продо жающихся англо-американских трений, действительности якобы отмечено опред ленным сближением.

Давая общую оценку работе М. Канли фа, приходится констатировать, что с р шением поставленной проблемы автор справился. «Компас», которым он руково ствовался, не может дать научное объясн ние американской истории. Книга М. Ка лиффа является в этом смысле еще одн примером глубокого кризиса буржуазн исторической науки.

Н. Н. Болховитин

[6] B. Perkins. The First Rapprochement: England and the United States 1795—1805. Philadelphia. 1955.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Przegląd historyczny». Warszawa. 1960, № 4.

Статьи: В. Заевски. Вопрос о реформе правительства в июне 1831 г.; С. Микос. Социальный состав и генезис идеологии общин «Люда Польского» в Англии (1835—1846); Д. Файнхауз. Немцы и январское восстание в Литве и Белоруссии. Материалы: А. Ф. Грабский. Неизвестная корреспонденция Адама Нарушевича с королем Станиславом Августом (1793—1794), Ф. Борткевич, З. Станкевич. Люстрации казенных имений XIX в. как источники по истории сельского хозяйства в Королевстве Польском. Дискуссии: И. Тазбир. Действительный облик Ежи Немирича (в связи с книгой Ст. Кота). Е. Ростворовский. Об экономической конституции 1791 г. (в связи с книгой Я. Дима).

«Századok». Budapest. 1960, № 4.

Статьи: Э. Фюгеди. Хозяйство Эстергомского архиепископства в конце XV в. (часть II); Э. Андич. Габсбурги и вопрос о царской помощи против революций; М. Лацко. О составе фабрично-заводских рабочих Венгрии во время промышленного переворота; Л. Маркуш. Влияние ленинизма на социал-демократическое понимание истории в период существования Венгерской Советской Республики. Сообщения: М. М. Шомляи. Материалы к истории сельскохозяйственного производства в 1945—1946 гг. Дискуссии: Д. Кри тоф. Замечания к идеологии и влияни республиканского движения Дьердья Над И. Дольманьош. О некоторых спо ных вопросах республиканского движен Дьердья Надь.

«Nghiên cú-u lich sú'». Hà-nôi, январь 1961, № 22.

1961 г. (редакционная статья). Ча Хьюи Льеу. Деятельность вьетнамск молодежи под руководством партии; Х. Дополнительные сведения о бронзов предметах, найденных в Йен-бае; Л Чонг Кхань, Данг Хьюи Ван. Во стание «Вьетнам Куанг-фук-Хои» на Ю Чон-бо в 1917 г.; Чан Хьюи Лье Отражение вьетнамского революционно движения в литературных произведени вьетнамских авторов; Зыонг Минь. К дать правильную оценку роли Хо Кюи Ли Дао Ты Кхай. Некоторые соображен о статье Чан Куок Выонг и Тю Тхие «Прошло ли вьетнамское общество чер рабовладельческий строй?»; Е. А. Ко минский. Некоторые основные пробл мы западноевропейского феодализма в с ветской историографии (продолжение Нгуен Конг Бинь. Попытка госуда ственного переворота в Сайгоне 11 нояб 1960 г. (статья о фашистском, диктатс ском характере режима, установленно кликой Нго Динь Дьема, о его кризисе противоречиях).

tschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 8.

итер Фрике. Острое оружие в борьбе ешение жизненного вопроса о национальном существовании нашего народа. ыходу в свет сборника речей и статей ьгельма Пика; Рольф Рудольф: Международный конгресс историков в кгольме (1960 г.); Эрнст Хофман. опросу о развитии и роли западногерской историографии; А. С. Ерусалимский. Проникновение германских ополий в Китай на рубеже XIX и вв. Дискуссии: Ханс Моттек, Альд Шрётер, Вальтер Беккер. К освеию вопросов экономики в опубликованв разделах нового учебника германской ории.

«Лиши яньцзю». Пекин. 1960, № 6.

и Шу. О причинах начала и победы айской революции; Ши Сы-цюнь. Борьихэтуаней против империализма; Дай е-цзи. Борьба народов западной части тренней Монголии против империализа в 1900 г.; Тянь Цзе-бинь. Обсуждео вопросов феодальной собственности на лю; Тан Тао-хуа. К вопросу о феодальгосударственной собственности на земв Китае; Шу Ши-чжен. Некоторые овные вопросы трактовки феодальной ельной системы; Ши Шао-бинь. Дискусо периодизации феодального общества ая; Ши Шао-бинь. Дискуссия о революционной крестьянской войне в феодальКитае; Хуан Шэн-чжан. Время, ме и история изготовления бронзового со«дафунгуй».

«Екса квахак». Пхеньян, 1960, № 5.

Под знаменем Трудовой партии Кореи. тьи: Сон У, Мон Рён. Создание Сеокорейского организационного комитета ммунистической партии Кореи и его истоеское значение; Ли Нын Хун. Роль йной сознательности трудящихся в техеском новаторстве; Ли Дон Тхак. Аг сивный характер американской «помо» Южной Корее; Чан Гук Чон. О проении закона «Тэдонпоб»; А. Н. Масн. Взаимосвязь умственного и физичего труда при переходе к коммунизму.

«Kwartalnik Historyczny». Warszawa, 1960, № 4.

Витольд Генсель. Исторические осноразвития польской культуры в ее ранпериод; Александр Гейштор. Идеяе ценности польской культуры X—XI стоий: принятие христианства; Генрик вмянски. Экономические и социальные основы возникновения польского госуства и его развития до начала XII века; иуш Бардах. Польское государство эпоху княжения первых Пястов (достижи и перспективы исследований); Тадеуш р-Сплавински. Начало польского ка; Тадеуш Мантейффель. Государство Мешка и Европа; Герард Ляб. Проблема суверенитета Польши в период раннего феодализма X—XII веков. Дискуссии: Ванда Рожаньска. Сессия Польской Академии наук, посвященная началам польского государства; Кароль Бучек. О возникновении польского государства; Рудольф Ямка. Несколько замечаний по дискуссии.

«Studii. Revistă de istorie». Bucureşti, 1960, № 3.

Создание «Истории Румынии» — главная задача историков нашей страны: акад. К. Дайковичу, акад. А. Оцетя, акад. П. Константинеску. Достижения и основные проблемы; Обсуждение I тома макета «Истории Румынии»; Из истории борьбы партии за освобождение рабочего класса и национальную независимость: Е. Кымпонериу. Борьба рабочих «Решицы» под руководством коммунистов против преступной антисоветской войны; Гр. Кирица. Из истории стачечной борьбы под руководством партии в 1922—1923 гг.; 15 лет со дня победы над гитлеровской Германией: ген.-лейт. С. В. Рогинский (Москва). Основные операции Советской Армии в Великой Отечественной войне; К. Урсаке. Румынская авиация в войне с германским фашизмом.

«Studii. Revistă de istorie». 1960, № 4.

Об историческом значении III съезда Румынской рабочей партии; Статьи: И. М. Опря. Организация и деятельность боевых патриотических отрядов; В. А. Варга. Позиция румынского буржуазно-помещичьего правительства по отношению к англо-франко-советским переговорам 1939 г.; В. Ал. Джорджеску. Основные черты и источники Кодекса Калимаки. Вклад Василе Конта в изучение источников этого кодекса; Е. и Д. Лимона. Бухарестские купцы в конце XVIII века. Их связи с Брашовом и Сибиу. Заметки и сообщения: Ал. Гонца. Кампания Михая Храброго в Молдове; С. Янкович. Бегство жителей с островов Дуная из-за помещичьей эксплуатации (1833—1834); Л. Протопопеску. Новые данные в связи с биографией Будая-Деляну; С. Колумбяну. Торговая и фискальная статистика 1824 г. в Валахии. Из истории отдельных местностей: Ал. Ангел. Аспекты применения Аграрного закона 1864 г. в уезде Долж; А. Цынцэ. Отзвуки восстания Хории, Клошки и Кришана в Банате; Ковач Геза. Некоторые вопросы развития сельского хозяйства в комитате Арад после городской регламентации 1771—1772 гг.; Проблемы трактата «История Румынии»: Дискуссии о восстании 1784 г.

«Studii. Revistă de istorie». 1960, № 5.

40 лет со дня всеобщей стачки 1920 г. К. Мокану. Всеобщая стачка 1920 г. в Румынии; И. Опря. Рабочее движение в румынских портах в период, предшествовавший всеобщей стачке 1920 г.; Статьи: А. Цяну. Кучук-Кайнарджийский договор и Молдова и Валахия (1775—1783). За-

метки и сообщения: Г. Ионеску. Новые данные о семье Анны Ипатеску; С. Янкович. Неопубликованные документы о Тудоре Владимиреску; М. Холбан. Выселение и судебные процессы в Хацег во времена Ангевинов; Мустафа Мехмет. Из истории отношений Молдовы с Оттоманской империей во 2-й половине XV в.; Л. Демени. Введение девятины в Трансильвании. (О некоторых социально-экономических предпосылках восстания в Бобылне). Проблемы трактата «Истории Румынии»: Акад. А. Оцетя. Восстание Тудора Владимиреску.

«Studii. Revistă de istorie». 1960, № 6.

Статьи: Н. Капою. Борьба румынского рабочего класса против вступления Румынии в I мировую войну; К. Шербан. Некоторые аспекты борьбы горожан Валахии и Молдавии против феодального гнета в XVIII и начале XIX века; Нора Мунтяну. Борьба коммунистов Дофтани против физического и морального угнетения (1934—1938); И. Берку. 15 лет со дня Национальной конференции Коммунистической партии Румынии. Заметки и сообщения: И. Патаки. Управление хозяйства Хунедоары в 1517 — 1518 гг.; И. и Б. Панайт. Участие народных масс Бухареста в борьбе против реакционных сил в июне 1848; Проблемы трактата по истории Румынии: дискуссии в связи с главой «Проведение политики реформ и реакции буржуазно-помещичьих правительств после восстания 1907 г. Рабочее движение 1907—1914 гг.».

«Československý časopis historický». Praha. 1960, № 6.

Вл. Пахман. Борьба за единство профсоюзов в 1945—1948 гг.; Б. Лоевенстейн. О характере немецкого либерализма 1830—1831 гг.; К. Гайан. Сотрудничество чехословацкой буржуазии с германской реакцией после 1918 г. Дискуссии: Б. Т. Рубцов. К вопросу о некоторых особенностях развития феодальной ренты в Чехии в XIV в. и начале XV в.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Из истории борьбы болгарских трудящихся против фашизма.

«Известия на Института за история». София. 1960. Кн. 8, стр. 3—72.

Кризис 1929—1933 гг., потрясший мировую систему капитализма, привел в буржуазных странах к обострению противоречия между трудом и капиталом. Усилилась борьба международного пролетариата против фашизма и попыток буржуазных правительств переложить тяготы экономического кризиса на плечи трудящихся. В эту борьбу внесли свой вклад и народные массы Болгарии, где с 1923 г. свирепствовала фашистская диктатура. Трудящиеся добились большой политической победы: на выборах в июне 1931 г. правительственная фашистская партия потерпела поражение. И хотя власть в Болгарии перешла в руки коалиции буржуазных и мелкобуржуазных партий, самый факт поражения правительственной фашистской партии и успеха рабоче-крестьянского блока (он получил на выборах 170 тыс. голосов) красноречиво свидетельствовал о настроении трудящихся масс, об их отношении к фашизму.

Важная проблема революционного движения трудящихся Болгарии в первые годы мирового экономического кризиса изучена крайне недостаточно. В связи с этим большой интерес представляет статья молодого болгарского историка Васила Василева, являющаяся первой попыткой обобщить богатый архивный, статистический и газетный материал, характеризующий события болгарской истории конца 1929 — середины 1931 года.

Экономический кризис был тяжелым испытанием для хозяйства такой отсталой в то время страны, какой являлась аграрная Болгария. Кризис принес новые тяготы трудящимся. Обострилась классовая борьба в стране. Стачечное движение рабочих в 1930 — начале 1931 г. активизировалось. Особенностью забастовочного движения являлось вовлечение в борьбу новых, еще слабо организованных слоев рабочего класса. Это придавало борьбе некоторую стихийность, но в то же время свидетельствовало о размахе движения болгарских пролетариев. В этой связи В. Василев подробно останавливается на наиболее крупных стачечных боях 1930 — начала 1931 года.

В борьбе болгарских трудящихся против фашизма важная роль принадлежала движению безработных. Во многих городах в конце 1929 г. были созданы специальные

теты, руководившие демонстрациями ботных в феврале 1930 г., а в марте низовавшие проведение в Болгарии дународного дня борьбы с безработи-. Автор отмечает, что формировало эти итеты и направляло затем их работу водство БКП, но оно допустило ряд бок левосектантского характера. В. Ва-в обращает внимание преимущественно последнее, и это заслоняет в статье то жительное, что было проделано коми-ми. Автор склонен видеть проявления довольства и боевого настроения безра-ных» скорее в действиях «толп, шумя-перед инспекциями труда», чем в дея-ности самих комитетов, и тем самым равомерно преуменьшает значение дви-ия безработных.

щательное изучение фактического мате-ла позволило автору внести коррективы уществовавшую до сих пор периодиза-стачечного движения. В таких работах, «Материалы по истории БКП» (София.), «История Болгарии» (София. 1954—), стачечная борьба весны и лета г. рассматривалась как ответ на ухуд-ие положения пролетариата в связи с навшимся мировым экономическим кризи-. В. Василев справедливо, на наш взгляд, ечает, что первая половина 1929 г. про-ла еще под знаком экономического ожив-ия, что кризис дал себя почувствовать олгарии только во второй половине го-и что мощное (по болгарским усло-м) забастовочное движение весны и а 1929 г. уходило своими корнями еще в иод временной и частичной стабилиза-капитализма. Осенние же забастовки 9 г. автор объявляет «оборонительны-. Действительно, «оборонительные» за-товки были характерны для стачечной ьбы в годы кризиса. Но в рассматривае-время подавляющее большинство забас-ок носило еще наступательный харак-являясь последней волной большого чного сражения, которое дал болгар-й пролетариат летом 1929 года.

При описании подъема революционного жения трудящихся Болгарии автору ловало бы, по нашему мнению, показать итические выступления болгарского про-ариата 1 Мая 1930 и 1931 гг., попытки вести «День борьбы против фашизма» в овщину фашистского переворота — юня 1930 года. Для полноты картины вития рабочего движения важно было же четко сказать о качественно новой те рабочего движения: о переходе тру-дящихся с началом кризиса к самообороне, к ответной борьбе с полицейскими и фашистами при попытках разогнать рабочие собрания, митинги, произвести аресты и т. п.

Р. П. Гришина

Разоблачение попыток реабилитации фашистских провокаторов.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960. № 5, S. 1021 — 1068.

Общеизвестен факт, что поджог рейхстага 27 февраля 1933 г. был осуществлен гитлеровцами, организовавшими эту чудовищную провокацию, чтобы разгромить демократические силы, прежде всего Коммунистическую партию Германии. Всему миру памятна замечательная победа, которую одержал на Лейпцигском процессе Георгий Димитров, разоблачивший клевету о поджоге рейхстага коммунистами и доказавший, что виновниками преступления были главари гитлеровской партии. Веские свидетельства этого были представлены в 1933 г. на Лондонском контрпроцессе, в ходе которого собравшиеся из многих стран мира юристы, люди самых различных политических убеждений, пришли к единодушному выводу, что поджог рейхстага — дело рук правителей фашистской Германии.

Эта точка зрения до недавнего времени не оспаривалась и буржуазной историографией. Но непрестанное усиление влияния неофашистов в Западной Германии, возрождение нацистской идеологии, воссоздание гитлеровского вермахта неразрывно связаны со стремлением идеологов западногерманского реваншизма пересмотреть в выгодном для него свете всю историю «третьей империи». Исключения не составил и вопрос о причинах и виновниках поджога рейхстага. В конце 1959 — начале 1960 г. западногерманский журнал «Spiegel» опубликовал на эту тему серию статей, написанных Фрицем Тобиасом — высокопоставленным чиновником земли Нижняя Саксония. Опираясь на фашистские источники (лживость которых в свое время была разоблачена Г. Димитровым) и показания бывших гитлеровцев, Тобиас утверждает, будто нет достаточных оснований считать Геринга и его подручных поджигателями рейхстага[1]. По мнению Тобиаса, поджог осуществил один Ван дер Люббе, хотя и не являвшийся членом Коммунистической

[1] См. «Международная жизнь», 1960, № 2, стр. 108—113.

партии Голландии, но тем не менее будто бы «зараженный коммунистическими идеями». Тем самым Тобиас пытается взвалить на коммунистов косвенную ответственность за преступление. Он именует Лондонский контрпроцесс «коммунистической пропагандой», а «Коричневые книги» о поджоге рейхстага и фашистском терроре объявляет недостоверными.

Обоснованную отповедь Тобиасу и его хозяевам дает на страницах журнала «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» Э. Кальбе в статье «Роль поджога рейхстага в консолидации фашистской диктатуры в Германии». Не ставя себе цели проследить весь ход подготовки и осуществления гитлеровцами поджога (это с достаточной полнотой освещено в литературе), автор концентрирует свое внимание прежде всего на характеристике политической обстановки, сложившейся в Германии непосредственно после прихода Гитлера к власти, и показывает, что эта власть еще была тогда весьма непрочной. Э. Кальбе приводит высказывания ряда видных гитлеровцев, сделанные в течение февраля 1933 г. и свидетельствующие о поисках способа ликвидации остатков демократических свобод. В статье разъясняется существо разногласий между гитлеровцами и их союзниками в правительстве — лидерами партии националистов по вопросу о запрещении КПГ. Лидеры партии националистов, будучи ярыми врагами коммунистов, понимали, однако, что лишение КПГ депутатских мандатов, по существу, сведет на нет значение и национальной партии. Крупная антикоммунистическая провокация должна была, по замыслу фашистских главарей, не только дать повод для расправы с политическими противниками, но и помочь избавиться от союзников, установить монополию гитлеровской партии. Логическим следствием поджога рейхстага были, как показывает автор, запрет социал-демократической партии, удаление из правительства деятелей национальной партии, роспуск этой и других политических партий.

Ценный материал приведен в тех разделах статьи, которые касаются подготовки гитлеровцами Лейпцигского процесса. Как свидетельствуют архивные источники, решение о проведении открытого суда по делу о поджоге рейхстага имело вынужденный характер и было принято лишь под нажимом мирового общественного мнения. Весьма любопытны данные об антикоммунистической пропаганде, развернутой гитлеровцами накануне процесса. Сочинителем одной из заказанных Геббельсом фальсификаторских брошюр о «виновности» Г. Димитрова и его товарищей в поджоге был не кто иной, как... верховный прокурор Вебнер, выступавший на процессе обвинителем. Такой позорный факт мог иметь место лишь в судебной практике гитлеровского государства.

Э. Кальбе вскрывает несостоятельность распространенной в реакционной буржуазной историографии версии о том, будто оправдательный приговор, вынесенный Г. Димитрову и двум другим обвиняемым болгарам, говорит о «независимости» суда от гитлеровского правительства. На деле, как видно из статьи, суд состоял из реакционно настроенных лиц, которые сделали все от них зависящее, чтобы затруднить подсудимым защиту и помочь обвинению. Если же процесс закончился провалом его инициаторов, то подлинными причинами этого были мужественное поведение Г. Димитрова, бесстрашная защита им принципов коммунизма, а также нажим со стороны прогрессивной общественности всего мира, требовавшей освобождения невиновных.

Ценность содержательной статьи Э. Кальбе повышается благодаря тому, что в качестве приложения к ней помещен ряд архивных материалов, на которые опирался автор.

Л. И. Гинцбер

Из истории Западной Африки до европейской колонизации.

«*Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität*». Leipzig. 1959—1960. Hf. 3. S. 413—420.

В истории народов Африки еще много «белых пятен», ее научная разработка, по существу, лишь начинается. Особенно много «пробелов» в изучении истории периода до прихода европейских колонизаторов. В этой связи несомненный интерес представляет статья сотрудника отдела африканистики Немецкого восточного института М. Ахуфузи, в которой освещается важная и сложная проблема образования у народов хауса и фульбе в начале XIX в. единого государственного объединения (с центром на территории современной Северной Нигерии), получившего название государства Сокото.

Выясняя исторические предпосылки и условия создания Сокото, автор встретился с рядом сложных проблем. Одной из них является вопрос об этногенезе племен фу-

вообще и расселении их среди племен са. У буржуазных ученых до сих пор единого мнения по этому вопросу. Одни тают, что фульбе принадлежат к евреям цыганам, другие относят их происхождение к арабам, третьи полагают, что фульбе — результат смешения иудейских, арабских и кушистских элементов. Существуют гории азиатского (индийского или индонезийского) происхождения фульбе. Все эти гляды, замечает автор, преследуют одну ль: доказать, что фульбе — «одаренный род» и способен «создавать государственные объединения». Это якобы объясняется их расовым превосходством, белым цветом кожи. Автор решительно отвергает орию «исключительности» фульбе, пропагандируемую буржуазной наукой. Эта теория преследует, как он правильно утверждает, одно: оправдать расистскую, колониальную политику империалистической буржуазии, ибо признание «превосходства» фульбе как расы означает признание превосходства «белой расы», то есть власти колонизаторов.

Источники позволяют говорить о том, что момента, когда фульбе стали играть свою роль в истории, их судьба тесно связана с историей развитых народов Западной Африки, создавших древние государства Мали, Гана, Мали и др., чьи высокие культурные традиции были восприняты фульбе. После разгрома государства Мали в XV в. ангайским государством, а последнего — марокканским султанатом (в конце XV в.) произошло массовое переселение фульбе на территорию государств хауса, где фульбе образовали компактную массу населения. Именно к этому времени (XV—XVI вв.) относятся первые упоминания фульбе в хрониках одного из крупных городов-государств хауса — Кано.

Между народами хауса и фульбе сложились весьма противоречивые отношения. Основным занятием фульбе было скотоводство, хауса — земледелие и ремесло. Естественно, что между ними развивались оживленные торговые отношения. В то же время правители государств хауса облагали фульбе большими налогами за пользование пастбищами. Это обостряло противоречия между ними.

Общественная организация самих фульбе того времени не была однородной. У них выделилась влиятельная и экономически мощественная аристократия. Последняя владела большими стадами, многочисленными рабами, обладала крупными земельными владениями и занимала важные политические позиции в государствах хауса. Но все же господствующее положение в этих государствах занимала аристократия хауса. Аристократия фульбе стремилась изменить положение и захватить политическую власть в свои руки.

Таковы были, по характеристике автора, исторические предпосылки так называемой «революции» фульбе. Характернейшей чертой этой «революции» являлось то, что она была осуществлена в форме джихада — «священных» войн мусульман против «неверных». Фульбе были первым народом в Западной Африке, принявшим ислам. Их вожди во главе с энергичным мусульманским проповедником Османом дан Фодио хотели использовать религию для осуществления своих политических целей. Воспользовавшись политической раздробленностью и остротой социальных противоречий в государствах хауса, фульбе сумели в течение нескольких лет подчинить большинство государств хауса своему господству и создать единое мусульманское государство Сокото. В новом государстве сохранялись эксплуататорские отношения (произошла лишь смена господствующего класса), но все же его образование имело большое прогрессивное значение, ибо оно объединило группу племен в единое государственное объединение, что помогало в его борьбе за независимость, против развертывавшейся в то время французской колонизации в Западной Африке.

Ю. И. Комар

Английский историк о двухпартийной системе в Англии.

«Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik». Berlin. 1960. № 3, S. 229—253.

Английский прогрессивный историк Л. Манби в статье «Английская двухпартийная система и трансформация парламента» стремится разоблачить традиционную в буржуазной исторической науке точку зрения на возникновение современной английской парламентской системы как на мирный, эволюционный процесс, протекавший в полном соответствии с якобы «постепенным», происходившим почти без революционных скачков развитием страны. Автор называет этот взгляд «национальным мифом», отвергая и традиционную концепцию вигов, датирующую возникновение двухпартийной системы концом X в., и новейшую концепцию, развитую Нэмиром и его последователями, которые вообще отрицают наличие партий

в английском парламенте ранее конца XVIII века. Л. Манби высказывает мнение, что в истории Англии политические партии (то есть партии господствующих классов) создавались лишь в исключительные моменты, а именно, когда возникала реальная или даже мнимая угроза социальным устоям и интересам правящих групп.

Анализируя политическую историю Англии, автор делает вывод, что первое парламентское выступление вигов как самостоятельной партии относится к 70—80-м годам XVII века. Однако вскоре после этого партия вигов распалась. Несколько продолжительнее двухпартийная система действовала в начале XVIII в., когда в центре парламентской борьбы оказался вопрос о престолонаследии. Но и на этот раз система двух партий показала себя непрочной: после смерти Анны в 1714 г. в рядах тори произошел раскол и большинство господствующего класса объединилось для совместной борьбы против угрозы якобитской реставрации. После этого на политической арене вместо двух партий снова действовали многочисленные группы и клики, объединенные частными интересами, родственными и иными связями. Партии были воссозданы вновь в 80-х годах XVIII в., когда на сцену выступило радикально-демократическое движение. Положение в Англии осложнилось также в связи с началом войны американских колоний за независимость.

В первые десятилетия XIX в. в Англии развивается радикально-демократическое движение, сыгравшее решающую роль в проведении парламентской реформы 1832 года. В этот период в Англии наблюдаются и первые признаки политической борьбы партий в их современном значении. С окончательной победой промышленной буржуазии, которую Л. Манби датирует серединой 40-х годов XIX в., двухпартийная система в Англии снова рушится. Победившая буржуазия отказывается от своего политического радикализма. В период с 1847 по 1867 г., отмечает автор, наблюдается снова возвращение к прежней борьбе политических групп.

Развиваемая Л. Манби точка зрения на процесс возникновения и развития английского парламентаризма представляет несомненный интерес. В статье разоблачается классовый характер и антинародная направленность важнейших политических институтов в английском буржуазном обществе. Автор утверждает, что двухпартийная система в ее современном виде была создана буржуазией для ограничения демократических преобразований, главным образом вследствие расширения круга избирателей реформой 1867 года. Единственное изменение, внесенное в эту систему в XX в., по мнению автора, заключается в том, что на место прежней либеральной партии пришла лейбористская партия. Однако как в идейном, так и в классовом отношении, отмечает Л. Манби, руководящая верхушка обеих партий, по существу, идентична.

Н. А. Ерофеев

О русско-чешских связях в XIX веке.

«Historický časopis». Bratislava. 1960, № 2—3, str. 297—323.

История связей и взаимоотношений славянских народов представляет несомненный интерес для советских читателей. Чешская буржуазная историография рассматривала эти вопросы, абстрагируясь от конкретной исторической обстановки; она останавливалась в основном на культурных связях. В марксистской историографии этим проблемам уделялось еще мало внимания. Поэтому работа чехословацкого историка Вацлава Жачека «Основные проблемы отношения чешского народа к России после 1848 года» заслуживает особого внимания.

Автор отмечает, что, изучая взаимоотношения двух славянских стран, он при написании статьи руководствовался тем положением, что надо принимать во внимание весь комплекс отношений славянских народов между собой. В. Жачек останавливается на трех основных вопросах, в которых, по его мнению, ярко выявилось отношение чешского общественного мнения к России. Это крестьянская реформа в России 1861 г., польское восстание 1863 г. и поездка чешской делегации на Этнографическую выставку и Славянский съезд в Москву в 1867 году.

На материале чешской прессы того времени автор показывает, что чешская буржуазия всех направлений приветствовала крестьянскую реформу 1861 г., а в публиковавшихся в газете статьях чешских радикальных демократов популяризировалась программа русских революционных демократов.

Польское восстание 1863 г., сочувственно встреченное не только чешскими радикалами, но и либералами, очень осложнило отношение чешского общественного мнения к России. В то же время чешские консерваторы неодобрительно отнеслись к нему. По

просу об оценке польского восстания
ду консерваторами и либералами раз-
лась полемика, анализ которой дает ав-
у материал и для характеристики чеш-
русских отношений. С особым вниманием
В. Жачек останавливается на взглядах
рикальных демократов. Большой интерес,
черкивает автор, представляет тот факт,
радикально-демократическая чешская
ственность именно в русско-польском
люционном сотрудничестве видела за-
успеха польского национально-освободи-
ного движения. Незрелость взглядов
ских радикалов проявлялась в том, что
оих резких выступлениях против цариз-
они не всегда умели отличить «Россию
циальную» от России народной.

бразование в 1867 г. Австро-Венгерской
архии покончило на время с планами фе-
ралистского переустройства монархии,
орые вынашивала чешская буржуазия.
Жачек пишет, что австрийским славя-
надо было найти силу, на которую
жно было бы опереться и от которой
жно было бы ожидать помощи. Большин-
о чешских буржуазных политических
телей видело эту силу в царизме. В. Жа-
отмечает, что участие австрийских сла-
, в том числе и чехов, в Этнографиче-
й выставке и Славянском съезде было
литической демонстрацией, которая, по-
ю своего политического резонанса, ока-
а большое влияние на укрепление меж-
вянских связей». В статье В. Жачека хо-
о показано, как чешская буржуазия ис-
льзовала симпатии чешского народа к
скому народу в своих политических
ях.

Н. Д. Ратнер

Сорок лет Коммунистической партии Австралии.

«*Communist Review*», № 222, June 1960, pp. 237—244; № 225, September 1960, pp. 356—366.

К 40-летнему юбилею Коммунистической
тии Австралии руководители партии вы-
пили в печати со статьями, представ-
ющими значительный интерес для совет-
х читателей.

Генеральный секретарь Коммунистиче-
й партии Австралии Л. Шарки посвятил
ю статью вопросу борьбы за чистоту
ркситско-ленинской теории как основы
линно революционной партии. Статья
едседателя Центрального Комитета Ком-
нистической партии Австралии Р. Диксо-
на представляет общий очерк пути, пройденного австралийскими коммунистами за 40 лет. Р. Диксон уделяет особое внимание таким жизненно важным для рабочего класса и коммунистов Австралии проблемам, как борьба партии за овладение идеями марксизма-ленинизма, за единство рабочего класса. Он касается также задач рабочего движения Австралии на современном этапе. Рассказывая о рождении в 1920 г. Коммунистической партии Австралии, Л. Шарки и Р. Диксон выявляют основные факторы, которые привели к ее образованию: уровень развития рабочего движения, разочарование пролетариата в реформизме, огромное влияние Великой Октябрьской социалистической революции. Неоценимую помощь австралийским коммунистам оказали труды В. И. Ленина.

Л. Шарки и Р. Диксон характеризуют первое десятилетие жизни Коммунистической партии Австралии, как период борьбы против течений, враждебных революционной идеологии марксизма-ленинизма. Авторы показывают упорную борьбу коммунистов против правых уклонистов, которые добивались ликвидации самостоятельной Коммунистической партии. Одновременно партии пришлось вести борьбу против анархо-синдикалистских и сектантских взглядов некоторых членов КПА. «Пережитки этих взглядов в умах членов нашей партии мешали нашей борьбе внутри рабочего движения, а именно борьбе против реформизма большинства руководителей тред-юнионов и лейбористской партии, и преследовали нас в течение многих лет»,— указывает Л. Шарки. Благодаря преодолению правого и «левого» уклонов Коммунистическая партия Австралии в 30-х годах смогла добиться определенных успехов в борьбе за создание единого пролетарского фронта, в организации массового революционного движения.

Накануне второй мировой войны центральное место в деятельности Коммунистической партии Австралии заняли вопросы борьбы против фашизма и войны. Коммунистическая партия призывала к объединению всех антифашистских сил, она добивалась установления дружественных отношений с Советским Союзом. Значительное место в статье Р. Диксона отведено деятельности Коммунистической партии во время и после второй мировой войны.

В июне 1940 г. австралийское правительство запретило Коммунистическую партию. Помещения партии подверглись полицейским налетам, многие коммунисты были за-

ключены в тюрьму, партийные издания конфискованы. Но эти преследования не смогли уничтожить Коммунистическую партию. Несмотря на запрет, распространялись коммунистические бюллетени и газеты, продолжалась работа в тред-юнионах, по-прежнему велась борьба за единство рабочего класса. Учитывая, что в годы войны жизненные интересы народа требовали прежде всего максимума усилий для победы над фашизмом, Коммунистическая партия добивалась увеличения производства для нужд антифашистской войны и вела активную кампанию за открытие второго фронта. Выросший авторитет коммунистов, подъем демократического движения во всем мире вынудили правительство в конце 1942 г. отменить запрещение Коммунистической партии.

Подводя итог деятельности Коммунистической партии Австралии в годы войны, Р. Диксон пишет: «Это были годы быстрого роста партии. Воздействие Советского Союза, ведущего отечественную войну против фашизма, было громадным. Народ Австралии, как и всего капиталистического мира, увидел Советский Союз, социализм в новом свете, в качестве великого оплота народной борьбы против фашизма. Идеи социализма завоевали новых приверженцев среди народа. Тысячи новых членов пришли в партию».

С окончанием войны новые задачи встали перед рабочим классом и Коммунистической партией Австралии. Деятельность КПА в послевоенный период проходила в трудных условиях. Стремясь нанести решительный удар по рабочему и коммунистическому движению, правительство Австралии в 1950 г. разработало законопроект, запрещающий Коммунистическую партию, ставящий под угрозу существование и деятельность лейбористской партии, тред-юнионов и других организаций. В ходе референдума, проведенного по этому законопроекту в сентябре 1951 г., Коммунистическая партия одержала историческую победу. Большинством голосов реакционный проект правительства был отвергнут, и Коммунистическая партия Австралии смогла легально продолжать свою работу.

В борьбе за укрепление связей с массами, за единство действий рабочего класса Коммунистической партии приходилось сталкиваться и с трудностями внутреннего порядка. В 1956 г. в Коммунистической партии Австралии выявилась небольшая группа ревизионистов, клеветавших на Советский Союз, проповедовавших отказ от классовой борьбы и от самостоятельного существования партии. Оппортунисты получили решительный отпор. Принятая в 1958 г. программа «Путь Австралии к социализму» закрепила разгром ревизионистов и тесно сплотила членов партии. На основе этой программы австралийские коммунисты борются сейчас против посягательств на жизненный уровень и демократические свободы народа. Отстаивая дело мира, коммунисты добиваются единства действий со всеми миролюбивыми силами.

И. Е. Городецкая

Статья о Бенедетто Музолино.

«*Studii storici.* Roma. 1959—1960, № 4, p. 716—754.

Статья прогрессивного итальянского историка Дж. Берти посвящена Бенедетто Музолино — одному из видных представителей итальянского национально-освободительного движения XIX в., деятельность которого до сих пор мало изучена.

Бенедетто Музолино принадлежал к семье патриотов-республиканцев. В 1832 г. он основал на юге Италии тайное общество «Сыновья молодой Италии», которое пришло на смену «Обществу карбонариев» и «Обществу филадельфов» и до 1839 г. оставалось наиболее влиятельной революционной организацией на юге страны. Несмотря на сходство в названии, организация Музолино не была связана с мадзинистской «Молодой Италией».

Музолино первый среди демократов Юга выступил с критикой идеологии и политики мадзинизма. Материалист и атеист, воспитанный на принципах просветительной философии и естественного права, Музолино не мог принять религиозные, мистико-романтические идеи Мадзини. После поражения революции 1848—1849 гг. противоречия между Музолино и Мадзини еще более обострились. В неопубликованной работе «Мадзини и итальянские революционеры» (она была начата после поражения революции и завершена в 1858—1859 гг.) Музолино обвинял Мадзини в неумении руководить революционной борьбой, в пренебрежительном отношении к нуждам трудящихся масс. Эта работа отражала настроения левого крыла демократов Юга, стремившихся к созданию общеитальянской демократической партии, свободной от влияния мадзинистской идеологии, и свидетельствовала о глубоком кризисе, охватившем итальянскую

кратию после поражения революции
8—1849 годов.
тель итальянской революции Музолино
ел в объединении страны, установлении
ей республиканского строя и осуществле-
«социальной реформы», которая приве-
бы к имущественному уравнению и лик-
вации нищеты. Общественный идеал Му-
нино представлял собой один из вариан-
мелкобуржуазного уравнительного со-
лизма.
татья Дж. Берти, раскрывающая идео-
ию и деятельность Б. Музолино, показы-
т глубокие демократические традиции
ободительного движения итальянского
рода.

В. С. Бондарчук

роблема влияния Запада на экономику Индии.

urnal of the Indian History». Trivandrum. 1960, vol. XXXVIII, pt. 1, pp. 77—100.

История экономических связей европей-
х стран с Индией остается одной из важ-
ших проблем, привлекающих в настоя-
е время внимание индийских историков.
атья индийского ученого Хира Лал Гуп-
посвященная проблеме периодизации ис-
ии экономических связей Индии со стра-
ми Запада, представляет интерес.
К. Л. Гупта предлагает следующую пе-
одизацию: первый этап — с появления
ртугальцев в Индии в конце XV в. до
ановления монополии английской Ост-
дской компании в середине XVIII века.
рактеризуя этот этап, автор отмечает вы-
ий уровень развития ремесленного и сель-
хозяйственного производства в стране до
хода европейцев. Однако нельзя согла-
ться с авторской характеристикой разви-
товарного хозяйства и экономической
ганизации ремесленного производства в
дии XVI — первой половины XVIII века.
авильно отмечая господство ручного тру-
кастовость и наследственность ремесла,
бый уровень развития разделения труда,
личие работы ремесленника на заказ, ши-
кое распространение семейной организа-
и ремесленного и сельскохозяйственного
изводства, малочисленность наемной ра-
чей силы, наличие натурального продук-
бмена, специализацию городских ре-
сленников на удовлетворении нужд дво-
, феодальной верхушки и т. д., Х. Л. Гуп-
тем не менее не уделил необходимого
имания данным многочисленных источни-
в того времени, свидетельствующим о возникновении и росте целого ряда новых важнейших процессов в экономике Индии XVI—XVIII веков. Это прежде всего развитие товарно-денежных отношений не только в городе, но и в деревне, увеличение товарных связей между городом и деревней, что значительно усилило развитие процессов отделения ремесла от сельского хозяйства и города от деревни. Развитие процесса имущественного неравенства среди ремесленников, проникновение торгового капитала в мелкое ремесленное производство приводили к появлению в некоторых районах в отдельных видах ремесленного производства зачатков капиталистических отношений. В XVII—XVIII вв. появились крупные производства, концентрировавшие большое количество наемной рабочей силы, со значительным разделением труда в процессе производства (кораблестроение, добыча полезных ископаемых и др.). Эти производства обладали некоторыми чертами капиталистической мануфактуры. Все эти важнейшие экономические процессы, получившие развитие в Индии в XVII и первой половине XVIII в., оставлены автором без должного внимания.

Вторым этапом влияния Запада на экономику Индии Х. Л. Гупта считает период с середины XVIII в. до начала XIX века. По мнению автора, этот этап характеризуется тем, что английский капитал переходит к налоговому ограблению своей колонии в интересах развития капитализма в метрополии, нанося этим огромный ущерб развитию индийского ремесленного и сельскохозяйственного производства.

Третий этап, по мнению Х. Л. Гупта, характеризуется ввозом в страну продукции промышленного производства из Англии, использованием Индии как рынка сбыта и источника сырья для английской промышленности, что оказало разрушительное влияние на индийскую экономику.

Наконец, четвертый этап в развитии экономических связей Запада с Индией, начало которого Х. Л. Гупта относит приблизительно к середине XIX в., характеризуется зарождением национального капиталистического производства в Индии. Автор, однако, весьма односторонне трактует этот противоречивый процесс. Он считает, что появление новой экономической организации производства — национального капитализма — было «невозможно без англичан», «без поддержки Англии». Это положение совершенно не учитывает тот важнейший факт, что развитие национального капитализма совер-

шалось, по существу, против воли и интересов английского монополистического капитала и было выражением объективных противоречий между необходимостью самостоятельного капиталистического развития Индии и колониальным господством в стране английского империализма. Для этого этапа характерна эксплуатация страны английским империализмом. Автор не отметил, однако, что в конце XIX и начале XX в. методы эксплуатации страны как колонии английским капиталом претерпевают значительное изменение в связи с перерастанием капитализма в высшую, империалистическую стадию.

Х. Л. Гупта правильно отмечает, что для этого периода характерно идеологическое и организационное оформление индийской национальной буржуазии. Однако автор совершенно не уделяет внимания вопросу экономического и политического развития индийского пролетариата.

В целом рассматриваемая статья доктора Х. Л. Гупта представляется заслуживающей внимания попыткой наметить основные этапы влияния стран Запада на экономическое развитие Индии.

А. И. Чичеров

К вопросу о характере афинской демократии IV в. до нашей эры.

«Historia». Wiesbaden. Bd. 9. 1960, Hf. 1, S. 80—95.

Кризис полисной системы в Греции IV в. до н. э. сопровождался острой социально-политической борьбой. Демос постоянно выражал свое недовольство политикой новой плутократической верхушки, стоявшей в то время у власти. В буржуазной историографии, затрагивающей данную тематику, сложилось единодушное мнение относительно оценки характера афинской демократии IV в. до н. э. Ее называют жестокой и несправедливой.

А. Эймар и Ж. Обуайе[1] характеризуют политическую жизнь Афин IV в. до н. э. как серию судебных процессов. Государственные деятели или выступали обвинителями, или сами обвинялись в чем-либо и в большинстве случаев осуждались на изгнание или на смертную казнь. О «непрестанных судебных процессах над причастными к правительству лицами» в Афинах IV в. до н. э. говорит и советский историк Д. П. Каллистов[2].

Видный французский историк Поль Клоше, автор многих работ по истории классической Греции, в статье «Политические деятели и народное правосудие в Афинах в IV в.» пересмотрел утвердившуюся в исторической литературе точку зрения. Источники дали ему возможность выявить более 40 афинян, причастных к политической деятельности. Клоше пришел к выводу: четвертая часть их не участвовала в судебных процессах ни в качестве обвинителей, ни в качестве обвиняемых. Подавляющее большинство других не выступали зачинщиками политических процессов; они лишь защищали себя в одном, двух и редко в трех таких процессах. Однако 4 или 5 политических деятелей принимали участие во многих процессах. «Жертв» народного правосудия было, по мнению автора, очень немного, и в большинстве случаев это были сторонники Спарты, Фив или Македонии, то есть истинных врагов Афинского государства. Народное правосудие, заключает автор, рассматриваемое некоторыми как жестокое и несправедливое, на самом деле не было таковым в отношении политических деятелей. Лишь незначительное меньшинство из них подверглось преследованию.

Статья П. Клоше насыщена интересными сведениями из источников, хорошо аргументирована, и выводы автора заслуживают внимания, хотя с ними трудно полностью согласиться. Действительно, вряд ли есть основания так резко, как это делалось до сих пор в исторической литературе, противопоставлять «идеальную» афинскую демократию эпохи Перикла «разложившейся» демократии IV в. до н. э. Сущность, классовые принципы этой рабовладельческой демократии в V и IV вв. до н. э. оставались одними и теми же. Но в IV в. до н. э. изменились исторические условия существования афинского демоса. В условиях кризиса полиса обостряется политическая и социальная борьба в Афинах и других городах-государствах IV в. до н. э. В тот период увеличилось, конечно, и количество судебных процессов, количество преследований и жестоких наказаний. Как известно, народное собрание обвинило в измене и осудило на смерть Каллистрата, который много лет подряд руководил афинской политикой. Известные военачальники Тимофей и Ификрат

[1] A. Aymard, J. Auboyer. L'Orient et la Grèce antique. Paris. 1953, p. 311.

[2] Д. П. Каллистов. Древняя Греция. М. 1956, стр. 445.

ке подверглись преследованию. Стратег
лисфен был присужден к смертной каз-
Истинный защитник основ афинской де-
ратии Демосфен участвовал во многих
бных процессах не только как обвини-
, но и как обвиняемый. Он даже под-
ся изгнанию из Афин.
аким образом, попытка П. Клоше дока-
, что в IV в. до н. э. почти не было
следований политических деятелей, что
было не больше, чем в предыдущем ве-
является некоторой натяжкой, некото-
идеализацией афинского демократиче-
о строя того периода. Подобно тому
большинство историков до сих пор
увеличивало теневые стороны афинской
кратии IV в., П. Клоше пытается свести
нет многие политические процессы, про-
одившие в Афинах в IV в. до н. э., и
азать, что в Афинском государстве того
иода по сравнению с V в. до н. э. ниче-
не изменилось.

Н. И. Голубцова

овинциальное управление в Византии IX—XI веков.

Bulletin de Correspondance hellénique». Paris. 1960, vol. 84, pp. 1—111.

стория византийского государственного
парата изучена пока совершенно не-
таточно. Это обусловливается скудостью
ответствующих источников (важнейшими
них по данной теме являются «обрядни-
»; однако они рисуют византийских чи-
ников не в деловой обстановке их кан-
ярий, а во время торжественных прие-
и императорских «выходов»), а приме-
ельно к буржуазной науке — сохраняю-
ся с давних пор представлением о неиз-
ности политической структуры империи
протяжении всей ее истории и преобла-
ием интереса к императорской персоне
скольку большинство зарубежных иссле-
ателей рассматривает византийского им-
атора как единовластного государя, по
ей воле определявшего судьбы страны).
итья молодой французской исследова-
ницы Э. Гликатци-Арвейлэ (ученицы
Лемерля) в какой-то мере заполняет
т пробел, несмотря на то, что она хро-
огически и тематически ограничена.
Автор рассматривает эволюцию византий-
го провинциального управления в IX —
веках. Обильный фактический материал,
влеченный Э. Гликатци-Арвейлэ, собран
крупицам из хроник, «обрядников», жи-
тий святых, актов, писем и других самых разнообразных источников. Составленные автором списки провинциальных судей XI в. и «малых фем» XI—XII вв. будут служить полезным справочником для каждого, кто занимается этим периодом византийской истории.

Э. Гликатци-Арвейлэ не обходит вопрос и о социальных функциях провинциального аппарата Византийской империи. Так, автор подчеркивает, что стратиги (наместники) должны были не только заботиться о безопасности границ империи, но и подавлять «мятежи». В этой связи хотелось бы напомнить слова Иоанна Мавропода, автора XI в. (к сожалению, совершенно не использованного Гликатци-Арвейлэ), который писал, что связь Константинополя с провинцией поддерживали сборщик податей, военный командир и «биченосец» (то есть чиновник ведомства охраны внутренней безопасности).

Работа Э. Гликатци-Арвейлэ не является, однако, только сводкой фактического материала. Автор предлагает определенную концепцию эволюции византийского провинциального управления в указанные столетия. Это стремление изучать византийские учреждения в последовательном развитии заслуживает всяческого одобрения. Эволюция провинциальной администрации, согласно концепции Гликатци-Арвейлэ, сводится к следующему: в IX в. Византийская империя состояла из ряда крупных фем, в которых стратиги соединяли в своих руках военное и гражданское управление. Это были своеобразные «государства» в системе империи. К концу X в. командование провинциальными войсками перешло к дукам (катепанам), возглавлявшим военные отряды нескольких фем, но не обладавшим гражданской властью. Судьи (преторы), прежде подчиненные стратигам, к XI в. стали самостоятельными наместниками областей (которые в тот период обычно именовались эпархиями), но обладали лишь функциями гражданского управления. Наконец, стратиги превратились в военных комендантов отдельных крепостей. Таким образом, от административной системы, основанной на соединении в одних руках военной и гражданской власти на местах, Византия перешла к разделению властей: судья осуществлял гражданские функции, а дука — военные.

Э. Гликатци-Арвейлэ удалось проследить процесс распада старой фемной системы, возникшей в VII в., процесс, о котором ми-

моходом уже говорили исследователи[1], но который лишь в рецензируемой статье предстал в отчетливом виде. Мы не станем в краткой заметке останавливаться на наших частных расхождениях с Э. Гликатци-Арвейлэ: большего внимания заслуживает то, каким образом автор объясняет самый этот процесс.

По мнению Э. Гликатци-Арвейлэ, причину административных изменений следует искать в переменах, возникших в армии: исчезновение старой системы ополчений, фемных отрядов, которые были заменены наемными войсками из византийцев и иноземцев. В результате этого, как полагает автор, фема перестала быть ядром ополчения; войско формировалось независимо от административных единиц; нужда в соединении военной и гражданской власти в одних руках исчезла. Но чем же определялась эта эволюция армии? Д. Ангелов в указанной работе, а также советские византинисты искали причину этой эволюции в развитии феодальных институтов. Французская исследовательница нигде не останавливается на общих проблемах феодализма, поскольку она, по-видимому, принимает концепцию своего учителя — П. Лемерля, отрицающего наличие феодализма в Византии. По словам автора, прежняя фемная армия оказалась непригодной для новых условий. Как при этом не вспомнить, что большинство византинистов объясняет возникновение фемного войска возрастанием военной опасности! Выходит, что одна и та же причина может объяснить и возникновение и распад фемной системы!

Правда, в конце работы Э. Гликатци-Арвейлэ отмечает, что соединение властей в одних руках явилось результатом оборонительной политики, а разъединение их произошло тогда, когда начался период византийской экспансии. Однако это предположение не соответствует фактам: окончательное оформление новой административной системы приходится как раз на тот период, когда Византия не вела активных военных действий, а в Константинополе господствовала клика, враждебно относившаяся к военной знати.

Очевидно, объяснение причин административных реформ следует искать не в военных преобразованиях и тем более не в воле «того или иного императора», а в общественном развитии страны.

А. П. Каждан

«Атомная дипломатия» США и позиция американского историка.

«Foreign Affairs». New York. Vol. 38, № 2, January 1960, pp. 300—317.

Известный американский историк-международник Герберт Фейс опубликовал статью «Секрет, который путешествовал в Потсдам». «Секрет», о котором идет речь,— это известие о завершении в США работ по созданию атомной бомбы. Первый испытательный взрыв бомбы был произведен 16 июля 1945 г.— накануне Потсдамской конференции, когда Трумэн и сопровождавшие его лица уже находились в Берлине. Выполняя полученные инструкции, руководитель работ генерал Гровс отправил в Берлин на имя военного министра США Стимсона подробный отчет об испытаниях. Г. Фейс в статье ставит своей целью ответить на вопрос, отразился ли на итогах Потсдамской конференции тот факт, что США превратились на какой-то срок в монопольного обладателя атомной бомбы.

Как сообщает журнал, статья Фейса представляет собой часть его новой книги, которая должна в ближайшем будущем выйти в свет. Желание журнала содействовать тому, чтобы работа Фейса хотя бы частично как можно скорее дошла до читателя, следует, очевидно, рассматривать как признание этим влиятельным печатным органом американского финансового капитала крайней важности и актуальности выдвинутых автором положений.

Последнее вполне понятно. Перед лицом все более энергичных требований народов мира поставить под запрет атомное и термоядерное оружие идейные защитники американского империализма изыскивают всевозможные средства для того, чтобы оправдать неблаговидные действия Соединенных Штатов Америки, препятствующих прогрессу дела разоружения, чтобы снять с США вину за то, что до сих пор над миром висят тучи военной опасности. Статья Фейса— это еще один конкретный пример того, как используется для этих целей фальсификация истории международных отношений.

Автор утверждает, что, хотя летом 1945 г. США стали первой в мире атомной державой, их подход к международным проблемам будто бы не изменился. Американские пра-

[1] Например, Д. Ангелов в работе о правителях фем, опубликованной в «Byzantinoslavica» (1951, XII, стр. 56—74), но не использованной французской исследовательницей.

ие круги были якобы твердо убеждены необходимости разрешать все междуна- ные споры и противоречия с помощью ько мирных средств. Они, если верить йсу, были полны желания использовать мную бомбу только для претворения в знь принципов Устава ООН. Тема амери- о-советских отношений, естественно, жде всего привлекает внимание Фейса, готовность» США к сотрудничеству с СР не вызывает у автора никаких сом- ий. В подтверждение этого он указывает то, что в Потсдаме американские лидеры ли придерживаться ранее составленных нов совместного с Советским Союзом ве- ия войны против Японии.

Фейсу, конечно, хорошо известны причи- побуждавшие американские правящие ти стремиться к продолжению военного рудничества с СССР: японские милитари- еще не были разгромлены, и США йне нуждались в советской военной по- ци. Поэтому стремление США к сотруд- ству с СССР в военной области никоим азом нельзя рассматривать как прояв- ие желания Трумэна и его коллег вооб- поддерживать дружественные отноше- с Советским Союзом. Но Фейсу хочет- показать «бескорыстие» и «высокий ализм» американской внешней политики, он пишет: «Бесспорно, тот факт, что в чае войны мы могли бы нанести пора- ние Советскому Союзу (?!), не сделал умэна и его советников, военных или жданских, более требовательными».

Вполне достаточно первого же знакомства ими положениями, чтобы обнаружить во- щие противоречия между ними и истори- кой правдой. Однако Фейс пытается дставить их как результат глубокого и тоятельного изучения источников. Там, дело касается деталей второстепенной третьестепенной важности, автор и впрямь аруживает склонность к терпеливому со- ставлению разноречивых в ряде случаев детельств американских и английских стников Потсдамской конференции. Но, ходя к решению своей главной задачи, йс вдруг ограничивает круг исследуемых очников, и самый анализ его теряет те ества, которые были ему присущи, когда ь шла о мелочах.

Чрезвычайно трудно предположить, что ле получения меморандума Гровса внут- американской делегации на конференции Потсдаме не был подвергнут обсуждению амом широком плане вопрос о том, как, какому пути впредь будут развиваться американо-советские отношения. Однако Фейс уклоняется от рассмотрения этой проблемы в полном объеме. Вскользь упомянув о размышлениях Трумэна на указанную тему, Фейс более или менее подробно излагает лишь точку зрения Стимсона. Впрочем, по реакции Стимсона можно судить о том, как вообще была встречена в американских правящих кругах весть об успешном испытании атомной бомбы. Стимсон предполагал использовать те преимущества, которыми пусть даже временно обладали США, для оказания давления на СССР с целью добиться далеко идущих изменений в политическом и социальном строе Советской страны. То, что Стимсон в этом плане был не одинок, подтверждается следующим заявлением такого авторитетного свидетеля, как генерал Гровс: «Мне кажется весьма важным то обстоятельство, что спустя две недели после того, как я возглавил эту работу (по созданию атомной бомбы.— *Л. Е.*), у меня не осталось никаких иллюзий относительно того, что противником является Россия и что работа проводится на этой основе» [1].

Фейс не осуждает планов вмешательства во внутренние дела СССР, которые вынашивали Стимсон и другие политические деятели США. Напротив, он стремится найти им оправдание. Автор старается представить дело так, будто предполагаемое вмешательство во внутренние дела Советского Союза было подсказано Стимсону желанием создать эффективный международный контроль над использованием атомной энергии, а в конечном счете «заботой» о благе мировой цивилизации. Опытный историк, да к тому же еще бывший работник госдепартамента, Фейс наивничает, принимая за чистую монету обычные маскировочные выражения, которые употребил Стимсон.

Скрыв ряд важных документов, Фейс зато полностью приводит объемистый меморандум Гровса об испытании атомной бомбы. Яркое описание хода испытания, подробная характеристика эффективности нового вида оружия — все это небезынтересно само по себе. Но это нисколько не разъясняет сути поставленной в статье проблемы. Автор и не стремится обнаружить пружины, двигавшие внешнюю политику США. Цель его иная. Подчеркивая силу атомного оружия, воздействуя на воображение читателя, Фейс стремится укрепить в его сознании мысль

[1] См. M. Amrine. The Great Decision. The Secret History of the Atomic Bomb. New York. 1959, p. 234.

о том, что, хотя США и «могли бы нанести поражение Советскому Союзу», они не пошли в Потсдаме на разрыв с СССР. Увлекшись попытками представить во весь рост «благородство» и «бескорыстие» США, Фейс совершенно выпустил из виду некоторые заявления Трумэна, который в своих мемуарах разъяснил причины этого «бескорыстия». Во время Потсдамской конференции правящие круги США не были уверены даже в том, что обладание атомной бомбой серьезно облегчит им доведение до конца войны с Японией [2]. Отсюда и их позиция не ссориться раньше времени с Советским Союзом, несмотря даже на наличие у США атомного оружия.

Л. Н. Еремин

«Методические советы» по фальсификации истории.

«The Journal of Politics». Gainesville (Florida). Vol. 22, № 2, May 1960, pp. 300—313.

Г. Скиллинг — преподаватель университета в Торонто, сотрудник Русского института Колумбийского университета — длительное время работал референтом и комментатором по восточноевропейским странам в аппарате английского и канадского радиовещания. Его статья «Советская и коммунистическая политика: сравнительный анализ» представляет вариант доклада на ежегодном собрании Американской ассоциации политических наук и содержит ряд «методических советов» буржуазным социологам, занятым изучением и преподаванием истории Советского Союза и других социалистических стран.

Автор констатирует, что в настоящее время внимание этих социологов сосредоточено на отыскании и показе различий отдельных сторон жизни в СССР и капиталистических странах, в СССР и дореволюционной России. Скиллинг же предлагает уделять больше внимания «сходству» этих стран.

Изучение государств с различными общественно-политическими и социально-экономическими системами путем сравнения при условии научной добросовестности и объективности помогает лучше понять особенности исторического развития человечества. Однако Скиллинг имеет в виду не научный анализ, охватывающий все стороны общественной жизни, а лишь сопоставление отдельных, произвольно взятых политических институтов социалистических и капиталистических стран.

Следуя схеме американского реакционного социолога Макридиса, Скиллинг предлагает «сравнивать» такие категории, которые, как он утверждает, характеризуют советскую систему государственного управления. К ним автор относит органы власти, политические учреждения, идеологию. Автор против сопоставления классовой структуры, форм собственности, методов ведения хозяйства, принципов распределения доходов, положения классов и т. п., то есть социально-экономических основ современного государства. «Метод», рекомендуемый Скиллингом, естественно, не позволяет научно объяснить особенности социально-экономического и политического развития как социалистических, так и капиталистических государств, и имеет целью затушевать принципиальное различие двух общественных систем.

Фальсификаторская сущность «метода» Скиллинга отчетливо проявляется, когда автор начинает свои абстрактные рассуждения о роли насилия в государстве. Скиллинг совершенно отметает вопрос о классовой основе насилия. Он проделывает хитроумный (для неискушенного читателя) трюк, существо которого сводится к тому, что вначале он отождествляет советские государственные учреждения с государственным аппаратом царской России, а затем советский государственный строй противопоставляет современному буржуазному государству, которое автор наделяет всяческими «добродетельными» чертами. Научная добросовестность требует сначала определить, какое место занимают элементы принуждения в советской государственной системе, по отношению к кому, как и с какой целью они применяются, какова историческая тенденция в этом вопросе. Усилия же Скиллинга направлены на другое. Он стремится исказить природу советского строя, приписать ему пороки капиталистического государства, опровергнуть тот факт, что Советское государство — это государство нового, высшего типа.

Сопоставляя различные страны социалистического лагеря, Скиллинг предлагает трактовать их национальное своеобразие и особенности (в которых, как известно, воплощается социалистическое единство развития этих стран) как проявление «различных политических тенденций в советском блоке». Такая методика служит цели фальсифицировать историю и политическую жизнь стран социалистического лагеря, не

[2] H. S. Truman. Memoirs. Vol. 1. New York. 1955, p. 415.

шаясь прямыми передержками, рассчи-
ными на неискушенных людей. Итак, не
ъективная истина, не объективная сущ-
ть единого процесса строительства со-
ализма занимает автора, а поиски разли-
, которые можно было бы фальсифици-
ать и изобразить как «раскол» и «рас-
ждения» в социалистическом лагере.
В чем же смысл появления рассмотрен-
х выше «методических советов»? Они в
ределенной степени отражают банкрот-
о той группы буржуазных социологов,
орые специализировались на фальсифи-
ции советской действительности и исто-
советского общества.

Р. Е. Кантор

арское правительство и рабочий вопрос.

te Journal of Economic History», New
k. Vol. XX, № 1, March 1960, pp. 67—92.

Американский историк Гастон Римлингер
статье, посвященной рабочей политике ца-
ма в конце XIX в., рассматривает эту
итику с точки зрения стержневого для
временной буржуазной литературы вопро-
а была ли неизбежной Октябрьская рево-
ция? Так же как и многие другие авто-
опубликованных в США исторических
от, Римлингер пытается внушить чита-
лю мысль о «ненужности» революций для
шения основных общественных проблем.
Автор исходит из излюбленного апологе-
ми капитализма ложного утверждения
возможности «классового мира» между
очими и предпринимателями. Обычно та-
го рода положения американских реак-
нных историков сопровождаются утверж-
ениями о случайности пролетарской рево-
ции в России. В отличие от таких исто-
ов Римлингер не считает Октябрьскую
олюцию случайной.
Римлингер согласен, что положение рабо-
в описываемую им эпоху «было ужасаю-
м». Автор вынужден также признать бес-
щность и ограниченность царского за-
одательства по рабочему вопросу. «За-
1886 г.,— пишет он,— был одним из
плодных компромиссов...».
Но стипендиат фонда Форда (работа Рим-
гера субсидировалась этой организаци-
щедро финансирующей историческую ли-
атуру антисоветского направления) не
жет признать марксистско-ленинское по-
жение о закономерности смены одного об-
ственного строя другим и неизбежности
ели капитализма. Римлингер выискивает
оказательства» того, что якобы только
особые русские условия, коренным образом отличавшиеся от существовавших в других капиталистических странах, «вымостили дорогу к революции». Отрицая неизбежность классовой борьбы, автор пытается объяснить безуспешность попыток царского правительства «решить» рабочий вопрос лишь особенностями исторического развития России.

Пытаясь противопоставить ход исторического развития России и Западной Европы, Римлингер старательно подчеркивает традиции крепостничества в России. Он серьезно утверждает, что существовал якобы особый «русский путь» решения рабочего вопроса, который состоял в усилении тайной полиции и репрессий, и противопоставляет ему «западное» решение — фабричное законодательство по английскому образцу. Считая «западные» фабричные порядки идеальным образцом решения рабочего вопроса, Римлингер изображает дело так, будто на Западе не существует эксплуатации рабочих предпринимателями и жестокой классовой борьбы.

Русское правительство, по мнению автора, не могло идти по «западному» пути, так как этому мешали остатки крепостничества. Он пишет: «Позволить рабочим принуждать своих хозяев (речь идет всего лишь об участии рабочих в выработке условий найма.— *М. П.*) было не по-русски; позволить вчерашним крепостным, этим неграмотным крестьянам, направлять руку, которая секла их, было невероятно, несовместимо с русскими социально-классовыми отношениями и политической организацией и не согласовывалось с патерналистическим характером промышленных отношений». Этим заявлением Римлингер пытается обосновать свое утверждение о том, что только большая степень сохранения пережитков крепостничества, а не общий закон классовой борьбы привела к тому, что царское правительство оказалось не в состоянии решить рабочий вопрос.

Более того, Римлингер пытается даже внушить читателю мысль, что царское правительство якобы хотело «защитить рабочих от предпринимателей». Автор стремится создать впечатление, что если царь и предприниматели оставляли фабричных рабочих без всяких прав, то это было только потому, что «ими было трудно управлять, так как они сохранили специфически-крестьянские бунтовщические черты, крестьянское упрямство». Главную причину обысков, казарменного содержания рабочих и всей си-

стемы бесправия и произвола, господствовавшей на фабриках, Римлингер видит в страхе предпринимателей... перед ворами.

Предвзятость исходных установок автора приводит к тому, что, считая Октябрьскую революцию неизбежной, он не может тем не менее обойтись в своей аргументации без помощи случайных обстоятельств. Несмотря на общеизвестную реакционность царского правительства, Римлингер считает причиной поражения самодержавия «его непоследовательность и нерешительность». Автор предлагает свой рецепт «решения» рабочего вопроса, который состоит... в передаче всей власти вечному врагу трудящихся — буржуазии. «Буржуазия,— не смущаясь, заявляет Римлингер,— добиваясь экономической свободы, косвенным образом добивается ее и для рабочих». Автор исходит из предположения, что капиталистическое правительство якобы может защитить рабочих против предпринимателей, и он сожалеет о слабости «либеральной партии» в России и нежелании царя сговориться с ней. По мнению Римлингера, царскому правительству для решения рабочего вопроса достаточно было только узаконить стачки, свести их к таким формам, которые «не угрожают общему порядку». В этой связи автор говорит о Витте как о «спасителе» царизма.

Работа Римлингера представляет собой причудливую смесь некоторых достоверных фактов и совершенно нелепых, неаргументированных выводов. Противоречия этой статьи — результат неосуществимости задачи, которую поставил перед собой автор, пытающийся доказать ненужность для капиталистических стран коренных революционных преобразований.

М. Г. Панкратова

Историография Мексики после войны за независимость.

«The Hispanic American Historical Review», Durham. August 1960, vol. XL, № 3, pp. 383—424.

Профессор Массачусетского университета Роберт Поташ опубликовал большой обзор литературы по истории Мексики с момента установления независимости (1821 г.) до наших дней. Автор стремится охарактеризовать основные направления этой литературы, причем особое внимание уделяет работам, изданным после 1920 года. Поташ указывает, что если в прошлом исследователи изучали главным образом историю страны до испанского завоевания, колониальный период и войну за независимость, то за последние десятилетия возрос интерес к истории независимой Мексики. Бо́льшую часть научных работ по этой тематике составляют труды мексиканских авторов, за ними следуют историки США и европейские исследователи.

Говоря о вышедших за последние сорок с лишним лет в странах Европы работах по истории Мексики после установления независимости, Поташ отмечает, что они касаются преимущественно вопросов международных отношений. Немецких, французских и английских авторов до сих пор привлекала «мексиканская экспедиция» Наполеона III (1861—1867 гг.), в то время как испанские историки исследовали испано-мексиканские отношения первой половины XIX века.

В центре внимания североамериканских историков — отношения между Мексикой и США. Отмечая, что в США имеется ряд исследований о мексиканской революции 1910—1917 гг., Поташ указывает, что, несмотря на это, до недавнего времени среди них было мало таких работ, которые можно было бы назвать историческими в полном смысле слова. Автор признает, что историки США изучают преимущественно политическую историю Мексики, игнорируя ее экономические и социальные аспекты.

Бо́льшая часть статьи Поташа посвящена мексиканской историографии, в развитии которой он выделяет три основных этапа: 1) с 1821 по 1920 г., 2) 1920—1940 гг., 3) 1940—1960 годы.

Поташ отмечает, что на первом этапе в мексиканской историографии наметились два основных направления — консервативное и либеральное, которые наиболее отчетливо выявились в конце 60-х годов XIX века. До этого единственной крупной работой по истории страны являлась пятитомная «История Мексики» Аламана; большая часть ее была, однако, посвящена войне за независимость. В 70-х годах начали выходить многотомные труды консервативных историков — Аррангойса, Кастильо Негрете, Самакойса, представлявшие простое изложение политических и военных событий в их хронологической последовательности, без всякой периодизации.

Первая попытка анализа исторических событий была предпринята в 80-х годах либеральными исследователями Альтамирано, Рива Паласио, Хусто Сьеррой. Эти историки рассматривали мексиканских либералов середины XIX в. как патриотов и продолжателей традиций войны за независимость

0—1821 гг., а их борьбу против англо-анко-испанских интервентов как «вторую ну за независимость». Эта точка зрения, зывает Поташ, сохранилась в мексикан-й историографии и поныне, хотя она пе-дически подвергалась и подвергается на-кам консерваторов.

20—30-х годах в Мексике произошли оторые сдвиги в преподавании истории одготовке кадров историков, начали из-аться первые исторические журналы, иодически стали созываться конгрессы юриков. Характеризуя развитие мекси-ской историографии в этот период, По-ш отмечает влияние таких факторов, как олюция 1910—1917 гг., обострение кон-икта между церковью и государством, ведение аграрной реформы, усиление тиворечий между Мексикой и США. льшинство изданных в эти годы работ ю посвящено революции 1910—1917 гг. и иоду диктатуры Порфирио Диаса. Ис-тики Бульнес, Рабаса, Гарсия Гранадос тупали в роли апологетов реакционного кима Диаса, в то время как Молина Эн-ес и некоторые другие доказывали его пособность разрешить важнейшие нацио-ьные проблемы. В этот период было бликовано большое число мемуаров, ос-давших историю падения диктатуры Диа-и события революции 1910—1917 годов.

Поташ указывает, что в напряженной об-новке 20—30-х годов еще больше обо-илась характерная для предшествовав-о периода борьба консервативного и ли-ального направлений в мексиканской ориографии. Консерваторов представля-Куэвас, Васконселос и другие историки, орые отождествляли интересы мексикан-го народа с интересами католической ркви. Они объявляли все трагические эпи-ды в истории Мексики прошлых лет ре-ьтатом деятельности либералов. Возра-я против этого, такие либеральные исто-и, как Торо и ряд других, доказывали, характерное для XIX в. отсутствие в ане политической стабильности объясня-ь главным образом антинациональными ствиями духовенства.

Наряду с этими «традиционными» тече-ми в мексиканской историографии появ-тся новое, прогрессивное направление, дставителями которого были Теха Сабре авес Ороско. Эти исследователи рассмат-али историю Мексики под углом зрения ссовой борьбы и изменения способов про-одства. Они впервые уделили серьезное внимание изучению социально-экономических проблем.

Поташ отмечает также распространение в мексиканской историографии 20—30-х годов идей индеанизма, основанных на тезисе о решающем вкладе индейцев в историческое развитие Мексики.

Характеризуя мексиканскую историографию 40—50-х годов, автор указывает на значительное повышение профессионального уровня научных исследований за последние два десятилетия. Говоря о расширении круга изучаемых вопросов, Поташ отмечает, что хотя бóльшая часть опубликованных в эти годы работ была посвящена, как и ранее, мексиканской революции 1910—1917 гг., в то же время был издан ряд трудов, освещающих события 1821—1855 гг., характер и значение конституции 1857 г., период 1867—1911 гг., историю отношений между Мексикой и США и т. д. Появилось много исследований по истории идей (особенно о развитии мексиканского либерализма), культуры, экономической, социальной, дипломатической истории, а также истории отдельных районов страны. Было опубликовано большое количество важных исторических документов.

Все эти успехи исторической науки в Мексике автор обзора справедливо связывает с деятельностью созданных в 40—50-х годах научных учреждений — «El Colegio de Mexico» (объединяющего ученых, писателей, деятелей искусства), Института истории при Национальном университете, Национального института исторических исследований мексиканской революции, а также местных центров и обществ по изучению истории в Гуадалахаре, Чиуауа, Монтеррее, Пуэбле, Морелии и других городах. Поташ отмечает ценный вклад, внесенный эмигрировавшими в Мексику историками из числа испанских республиканцев. Большую роль в развитии мексиканской историографии за последнее десятилетие сыграл, по мнению автора, исторический журнал «Historia mexicana», издаваемый с начала 50-х годов.

Совершенно несостоятельны, однако, попытки Поташа объяснить отмечаемые им достижения в развитии мексиканской исторической науки после 1940 г. также и мнимым ослаблением классовых противоречий в стране, стабилизацией политической обстановки и установлением якобы дружественных отношений между Мексикой и США. Известно, что в послевоенный период экспансия американского империализма в Мексике значительно усилилась, углубились со-

циальные противоречия различных классов мексиканского общества, обострилась борьба между силами демократии и реакции. Кстати, автор обзора сам себя опровергает, признавая «общий сдвиг вправо в политической и экономической жизни Мексики 1940-х годов, проявившийся, между прочим, в замедлении проведения аграрной реформы и смягчении антиклерикальных мероприятий». На наш взгляд, активизация исторических исследований в Мексике после второй мировой войны является своеобразным отражением обострения борьбы прогрессивных и реакционных сил, роста национально-освободительного движения в ходе борьбы против империалистической экспансии.

Говоря о развитии в послевоенной мексиканской историографии марксистского направления, Поташ называет в качестве его представителей Чавеса Ороско и покойного Мансисидора.

М. С. Альперович

Политика Англии в Центральной Америке (1823—1850 гг.).

«The Hispanic American Historical Review». Durham. August 1960, vol. XL, № 3, pp. 361—382.

Статья английского историка Роберта Нейлора посвящена анализу политики Великобритании в государствах Центральной Америки [1] в период от свержения испанского колониального гнета до подписания англо-американского договора Клейтона — Бульвера в 1850 году.

Цель статьи Р. Нейлора — затушевать политику колониальной экспансии и эксплуатации, проводившейся в тот период английской буржуазией в странах Центральной Америки, внушить народам Латинской Америки мысль о якобы «благотворном» влиянии капиталистических колониальных держав на их развитие.

Стремясь представить в ложном свете формы и методы, с помощью которых английский капитализм пытался подчинить своему господству народы Центральной Америки, Р. Нейлор заявляет, что Великобритания якобы всегда проводила политику невмешательства в их внутренние дела. Автор утверждает, что «английские интересы в Центральной Америке, как и вообще в Латинской Америке, в основном ограничивались торговлей». Тот факт, что после поражения Испании Англия заняла ведущее место в торговле Никарагуа, Сальвадора и других небольших государств, по мнению Нейлора, был чрезвычайно выгодным для этих стран.

Автор всячески подчеркивает преобладание Англии в торговле в этом районе Латинской Америки, замалчивая то обстоятельство, что торговля оказывалась выгодной лишь для английских капиталистов, являясь средством для безвозмездного присвоения ими части прибавочного продукта, созданного трудящимися Центральной Америки.

Несмотря на тенденциозное построение статьи, автор не в состоянии обойти ряд фактов прямой агрессии, совершенных Англией в отношении центральноамериканских республик: захват англичанами части территории Никарагуа—Москитового Берега, части территории Гондураса и т. д. Однако эти факты приводятся в полном отрыве от вопроса об англо-американских противоречиях в этом районе, от борьбы, которую вели между собой английские и североамериканские колонизаторы за установление своего контроля над центральноамериканскими республиками. Логическим завершением этой борьбы явилось заключение в 1850 г. договора Клейтона — Бульвера, означавшего, что главными эксплуататорами народов этой части Латинской Америки становились капиталисты Соединенных Штатов.

Статья Нейлора — очередная попытка ввести в заблуждение общественное мнение относительно подлинного характера и мотивов политики колониальных держав в странах Латинской Америки.

Б. И. Коваль

[1] Имеются в виду Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика, объединявшиеся с 1823 по 1838 г. в Федерацию Центральной Америки, а затем существовавшие в качестве самостоятельных республик.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М. 1960. стр. Рец.: Groniowski K.— egląd hist.». Warszawa. 1960, № 4, 66—773.

енкина Э. Б. Ленин — председатель наркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921— гг. М. 1960. 255 стр. Рец.: n G.— «Zeitschrift für Geschichtswisschaft». Berlin. 1960, Hf. 7, S. 17—26.

ийасаддин Али. Дневник похода ура в Индию. Пер. с перс. М. 1958. стр. Рец.: C. S. — «Studii. Revistă de ie». Bucureşti. 1960, № 2, p. 301.

Документы внешней политики СССР». 1 июля 1920—18 марта 1921 г. М. 723 стр. Рец.: Zabiełło S.— «Sprami międzynarodowe». Warszawa. 1960, 0, S. 110—112.

остян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало в.). М. 1958. 195 стр. Рец.: . — «Studii. Revistă de istorie». Bucu- 1960, № 2, p. 300—301.

Жить в мире и дружбе!» Пребывание седателя Совета Министров СССР Хрущева в США 15—27 сентября г. М. 1959. 446 стр. Рец.: .— «Československý časopis hist.». Pra- 960, N 3, s. 437.

з истории империализма в России». 1959. 458 стр. Рец.: Kumpf S.— schrift für Geschichtswissenschaft». n. 1960, Hf. 7, S. 1735.

сследования и материалы по вопросам обытных религиозных верований». М. 265 стр. Рец.: Bš.— Československá grafie». Praha. 1960, № 1, s. 104—105.

стория города-героя Севастополя». Ч. 2. —1957. Киев. 1958. 339 стр. Рец.: . — «Studii. Revistă de istorie». Bucu- 1960, № 2, p. 292.

аждан А. П., Литаврин Г. Г. ки истории Византии и южных славян. 958. 326 стр. Рец.: Gh. C. — «Studii. tă de istorie». Bucureşti. 1960. № 2, 02—303.

олобова К. М., Озерецкая Е. Л. жили древние греки. Л. 1959. 166 стр. P. O. — «Československý časopis hist.». a. 1960, № 3, s. 409.

рестьянское движение в России в —1900 гг.». Сб. док. М. 1959. 750 стр. Kumpf S. — «Zeitschrift für Geitswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 7, 36.

упская Н. К. О Ленине. Сб. ст. 960. 382 стр. Рец.: Jähn G. — «Zeitft für Geschichtswissenschaft». Berlin. Hf. 7, S. 1725.

Ленин В. И. О внешней политике Советского государства. М. 1960. 592 стр. Рец.: Kruczkowski A. — «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1960, № 7—8, s. 124—127.

«Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сб. 3. М. 1959. 495 стр. Рец.: J. K. — «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 3, s. 407—408.

Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М. 1958. 503 стр. Рец.: Triantis S. G. Canadian-American relations. The Russian view. «Canadian journal of economics and polit. science». Toronto. 1960, № 2, p. 334—344.

«Мцхета. Итоги археологических исследований». Т. 1. Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси. 1958. VIII, 282 стр. Рец.: Bordenache G.—«Studii şi cercetări de istorie veche». Bucureşti. 1960, № 1, p. 202—208.

Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М. 1960. 287 стр. Рец.: Kumpf S. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 7, S. 1736—1737.

Пигулевская Н. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л. 1956. 364 стр. Рец.: Skalmowski W.— «Folia orientalia». Kraków. 1959, № 2, s. 365—366.

Рамм Б. Я. Папство и Русь в X — XV веках. М.-Л. 1959. 282 стр. Рец.: Widera B.—«Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1960, № 10, S. 922—925.

Рубцов Б. Т. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV в.). М. 1958. 196 стр. Рец.: A. C.—«Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 2, p. 300.

Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь. 1927. 280 стр. Рец.: Backus O. Die Bedeutung des Soloveckij-Klosters im 15.—17. Jahrhundert im Lichte der russischen Geschichtsschreibung. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». München. 1960, Hf. I, S. 62—69.

Сверчевская А. К., Черман Т. П. Библиография Турции (1917—1958). М. 1959. 190 стр. Рец.: P. Š.—«Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 2, p. 308—309.

«Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.». М. 1957. 695 стр. Рец.: Jemnitz J.—«Századok». Budapest. 1960, № 4, 695—697. old.

«40 лет пролетарской революции в Литве». Сб. ст. Вильнюс. 1959. 204 стр. Рец.: K.— «Z pola walki». Warszawa. 1960, № 3, s. 180.

Сущенко В. В. Англо-американские противоречия в Канаде после второй мировой войны. М. 1956. 184 стр. Рец.: Triantis S. G. Canadian—American relations. The Russian view. «Canadian journal of economic and polit. science». Toronto. 1960, № 2, p. 334—344.

---

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение декабря 1960 года.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В развитии исторической науки определяющую роль играют теоретико-методологические принципы, которыми она руководствуется. Коренной переворот, совершенный марксизмом в исторической науке, был прежде всего переворотом в области ее методологических основ. Успехи советской исторической науки обусловлены в первую очередь тем, что вся работа советских историков строится на гранитном фундаменте марксистско-ленинского учения, подлинно научной методологии познания всех сторон и явлений общественной жизни. Именно поэтому советские историки неустанно заботятся о том, чтобы овладеть марксистско-ленинской методологией, научиться творчески применять ее в практике исторического исследования и постоянно обогащать.

На новом этапе развития советской исторической науки, наступившем после XX и XXI съездов КПСС, особенно возросла роль теоретической вооруженности каждого исследователя. Решение таких задач, вытекающих из постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», как преодоление элементов догматизма, смелый и творческий подход к жизни, к опыту масс, разработка актуальных теоретических и практических вопросов, предполагает непрерывное повышение методологического уровня исторических исследований. Вот почему на страницах исторических журналов, в работе научных конференций и совещаний, при обсуждении научных вопросов на кафедрах вузов, в секторах и группах научно-исследовательских институтов методологические проблемы исторической науки по праву занимают все более и более важное место. Однако положительные результаты в области повышения теоретического уровня печатной продукции, усиление внимания к методологическим проблемам исторического исследования не могут, на наш взгляд, служить основанием для какой-либо самоуспокоенности. Все еще нередки случаи, когда публикуемые и подготовляемые к печати работы страдают эмпирически-описательным подходом к историческим событиям и явлениям, лишены серьезных теоретических обобщений; не преодолена тенденция к рассмотрению того или иного комплекса явлений вне связи со всем ходом исторического процесса. Те же недостатки присущи отдельным историографическим работам, в которых в ущерб изучению кардинальных проблем истории исторической науки центральное место порой занимает поверхностный анализ взглядов тех или иных историков.

На XI Международном конгрессе исторических наук еще раз с полной очевидностью проявилось превосходство марксистско-ленинской исторической науки над современной буржуазной историографией, находящейся под влиянием различных идеалистических концепций. Вместе с тем в деятельности конгресса нашли яркое отражение происходящие в обстановке глубокого кризиса буржуазной историографии интенсивные искания многих ученых капиталистических стран в области теоретических проблем исторической науки. Эти поиски, хотя и не выходящие за рамки идеалистического понимания исторического процесса, связаны с постановкой ряда весьма существенных вопросов, относящихся как к истолкованию важных сторон общественного развития, так и к принципам исторического познания. Постановка и интерпретация методологических вопросов широко используются реакционными историками и философами для выступлений против марксизма-ленинизма. Итоги конгресса еще раз показали, насколько важна критика теоретических основ современной буржуазной историографии.

Несмотря на поворот институтов АН СССР и союзных республик, а также кафедр высших учебных заведений к изучению проблемных тем, актуальные методологические вопросы исторической науки еще не привлекают к себе должного внимания исследо-

ателей. Это в первую очередь относится к темам, которые лежат в смежных областях философской, исторической, экономической и правовой наук. Именно разработка подобных тем самым благотворным образом сказалась бы, по нашему мнению, на ускорении развития всех общественных наук, в том числе и истории.

Отнюдь не претендуя в небольшом письме на постановку всего комплекса возникающих в этой связи вопросов, остановимся лишь на некоторых из них. Едва ли кто-либо из советских историков и философов будет возражать против признания того, что назрела необходимость дальнейшей самой серьезной творческой разработки гносеологических проблем исторического исследования, разработки, которая основывается на диалектическом и историческом материализме, достижениях марксистско-ленинской философской и исторической мысли. К числу этих вопросов относятся: своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке, природа исторических понятий, специфика их образования, философские, экономические и правовые категории в историческом исследовании, диалектика общего, единичного и особенного в историческом познании, процесс обобщения фактического материала в работе историка, методологические основы различных путей исторического исследования (например, статистического метода, метода смыслового анализа терминологии исторических памятников), теоретические принципы отбора, анализа и оценки исторических источников различного типа. Перечень тем, относящихся к сфере конкретного применения марксистско-ленинской теории познания в исторических исследованиях, можно было бы продолжить. Первостепенными по своей важности, ждущими исследователей являются, например, такие темы, как ленинский принцип партийности в советской исторической науке, марксистско-ленинский историзм.

Не подлежит, как нам представляется, сомнению, что плодотворное изучение указанных выше и аналогичных проблем может осуществляться лишь специалистами различных общественных наук. Более того, можно с уверенностью сказать, что успех будет достигнут только в том случае, если, например, изучение гносеологических вопросов исторического исследования будет осуществляться как философами, обладающими специальными историческими знаниями, соответствующими современному уровню исторической науки, так и основательно подготовленными в области философии историки. Лишь в этом случае дело не сведется к повторению общих мест или к дилетантским экскурсам в область смежной науки. Достигнуть этого, несмотря на все трудности, можно. Нужно начать с того, чтобы специалисты различных общественных наук пошли навстречу друг другу, прежде всего в определении проблем своей работы и в ее организации. Чтобы шире развернуть изучение теоретико-методологических проблем исторической науки силами самих историков, объединить и координировать их усилия в этом направлении, было бы целесообразно продумать и решить вопрос об организационных формах данной работы. Такой формой могла бы стать, например, научная группа методологических проблем исторической науки при Институте истории АН СССР или такой же Научный совет при Бюро Отделения исторических наук АН СССР. Это предложение отнюдь не умаляет значения исследований, которые ведутся философами в области исторического материализма. Оно диктуется стремлением сблизить работу историков и философов, создать такую организационную ячейку, которая стала бы центром притяжения для всех ученых, занимающихся теоретико-методологическими вопросами исторической науки.

Работа этой группы (совета), как нам кажется, должна быть подчинена интересам практики исторических исследований и осуществляться прежде всего путем методологического анализа и обобщения результатов конкретных исследований, уже созданных советскими историками. Деятельность предполагаемой группы (совета) должна опираться на широкий актив научных работников академических учреждений и вузов всей страны. Вряд ли стоит говорить о том, что эта деятельность окажется с самого начала дискредитированной, если она в какой-либо степени будет носить на себе отпечаток отвлеченных философско-исторических спекуляций. Группа (совет) должна вести активную наступательную борьбу против современной буржуазной историографии.

А. И. Данилов

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

V. B. KHYAZHINSKY and V. G. TRUKHANOVSKY. The Problem of War and Peace in Contemporary History

The article is devoted to one of the most urgent and vital problems of our time—the problem of war and peace. On the basis of a comprehensive analysis of the laws governing the process of social development the article shows the chief trends in the solution of the problem of war and peace in the present era and reveals the historic mission devolving upon the working class of liberating mankind from the calamities of war. The authors resolutely expose and rebuff the attempts of reactionary scientists to present war as a kind of eternal category and to sow distrust in the possibility of averting war.

The article convincingly shows that with the rise and development of the world's first socialist state, subsequently augmented by the emergence of the world socialist system, there has been a steady change in the relation of forces of war and peace in the international arena, resulting in a gradual restriction of the sphere of operation and manifestation of the laws of imperialism—that breeding ground of war. The authors emphasize that at the present stage the chief factor that determines the basic content, the main trend and the most important specific features of historical development of society is no longer imperialism but the world socialist system and the forces fighting against imperialism. Imperialism is powerless to check the onward march of history.

Drawing on extensive factual material, the authors bring out the sum and substance of the policy of peaceful coexistence conducted by the socialist states and show its outstanding role in mobilizing and rallying the peace-loving forces all over the world. The article trenchantly criticizes the views advocated by reactionary bourgeois historians in their effort to justify and substantiate the imperialist cold war policy.

The ushering in of a new and higher stage in the development of the world socialist system and the beginning of a new stage in the development of the general crisis of capitalism, the article stresses, hold out the prospect of new qualitative changes in the relation of peace and war forces. As a result of the steady and uninterrupted growth of the might of the socialist camp and its enhanced influence on the alignment of world forces, the authors point out, mankind has now reached an historical stage when it is in a position to cope with some of the problems that could not be solved by the preceding generations. The authors illustrate the historical significance of the conclusion drawn by the Twentieth CPSU Congress that in our days war can no longer be regarded as a fatal inevitability, that it is fully possible to avert it. That conclusion was reaffirmed by the Meetings of Representatives of the Communist and Workers' Parties held in 1957 and 1960. The article analyzes in great detail the concrete program of measures to ensure durable and lasting peace that was put forward by the Head of the Soviet government, N. S. Khrushchov, at the Fifteenth Session of the United Nations General Assembly, showing its historical necessity and full conformity to the requirements of social development.

Particular attention in the article is devoted to the confirmation of the fact that ever wider and increasingly active participation of the popular masses in every part of the world in the struggle for peace is a natural historical process. In this connection the authors emphasize the role of the international working-class movement headed by Communist and Workers' Parties. They bring out the historical significance of the documents adopted by the Moscow Meeting of Representatives of the Communist and Workers' Parties in November 1960 for the solution of the problem of war and peace in the interests of the whole of mankind.

I. B. BERKHIN. Certain Historiographical Aspects of the New Economic Policy in the U.S.S.R.

The article under review is devoted to the historiography of one of the problems relating to the period of transition from capitalism to socialism—the introduction of the New Economic Policy (NEP) and analyzing its essence.

V. I. Lenin's works give a profound scientific analysis and substantiation of the fundamental theoretical aspects of this problem: the reasons for the country's transition to NEP, the essence of the New Economic Policy as a plan and one of the methods of socialist construction, the international significance of NEP, etc.

The article graphically shows that the New Economic Policy charted by V. I. Lenin the Communist Party ensured a durable economic alliance between town and country, isaged the enlistment of millions of working people in the work of socialist construc-n, presupposed a proper combination of public and personal interests, the revolutionary husiasm of the masses and personal material interest of immediate producers in secur-a steady growth of labour productivity.

In 1920's, the Communist Party and Communist historians exposed and defeated the i-Leninist conceptions of NEP: **the bourgeois conception of NEP as restoration of italism in Soviet Russia** (expounded by Rafalovich, Kondratyev, Chayanov, Makarov l others), which regarded NEP as the first step in the country's transition to the capi-st path of economic development and demanded complete restoration of capitalism in U.S.S.R.; **the Trotskyite-Bukharinite concept of NEP as continuation of the policy of r Communism** (Larin, Kritsman, et al.). The exponents of this basically counter-revolu-nary concept actually refused to recognize NEP as a plan, as a method of socialist con-iction. The article reveals how these anti-Leninist conceptions of NEP were exposed l defeated.

In 1950's (especially after the decisions of the Twentieth CPSU Congress), against background of a new general upsurge of Soviet historical science, the elaboration of problems of NEP reached a new stage. Guided by the Leninist conception of NEP, viet historians concentrate their attention on concrete historical research into the pro-m of the preparation and carrying out of the New Economic Policy, trace the process the reorganization of the economic and political apparatus along the lines of NEP, dy the alignment of the class forces and the progress of the class struggle in the period NEP, devote serious attention to the question of strengthening the alliance between working class and the toiling peasantry, etc.

As distinct from the period between 1920's and 1940's, when the social-economic litera-e on the subject was dominated by popular-scientific and publicistic works popularizing Leninist conception of NEP and exposing the anti-Leninist interpretations of NEP, 1950's witnessed the publication of a series of research works devoted to NEP.

I. B. Berkhin's article contains an objective appraisal of this literature, defines the stions that have already been solved and, at the same time, singles out certain pro-ms still awaiting solution. The following problems are placed by the author into this egory: the correlation between NEP and the preceding stages of Soviet economic policy, development of the New Economic Policy in the period of its practical implementation l consummation, the policy of the Communist Party and the Soviet state in connection h the introduction of NEP, etc.

V. FOKIN. **From the History of the Moscow Inventors' and Production Innovators' Struggle for Technical Progress**

Drawing on extensive factual material, the author shows the important contribution de by the inventors and rationalizers of Moscow to the nation-wide effort now being de to increase output by effecting technical re-equipment of Soviet industrial enterprises l employing most up-to-date production technology.

The Soviet people's creative labour is one of the most important factors making for hnical progress. At every stage of socialist construction in our country the Communist ty unreservedly supported and encouraged the widespread movement for new technical ievements, inventions and rationalization of production.

The author points out that the decisions adopted by the Plenary Meeting of the CPSU ntral Committee in July 1955 and by the Twentieth Party Congress as well as the asures carried out in the field of reorganizing the system of management in industry l construction, were of especial significance in stimulating the activity of inventors and duction innovators. The movement for the introduction of new technical achievements industry was gradually gaining in strength and scope. In 1959 one out of every seven rkers employed at industrial enterprises belonging to the Moscow Economic Council s a rationalizer of production. The article highlights the outstanding role played by the scow Committee of the CPSU and the Moscow Economic Council in guiding the in-tors' and rationalizers' activity, the important assistance rendered by the city trade on councils and the U.S.S.R. Association of Inventors and Rationalizers and the ve participation of workers, engineers, technicians, women and youth in the vement.

A new important stage in the struggle for technical progress was ushered in by the isions of the Twenty-First CPSU Congress. The extensive building of communist society nanded a still faster rate of the technical re-equipment and modernization of produc-n; it required more creative activity and initiative on the part of the working ple.

The article graphically shows how the vast creative upsurge in the field of technical ovations, stimulated by the impressive program of communist construction, found its id manifestation in a series of patriotic movements started by inventors and rationali-s of production. For example, the inventors and rationalizers of the Caoutchouc plant

made a suggestion to establish a rationalization proposals fund named after the seven-year plan. The rationalizers of production at the Moscow Cable Plant initiated a movement for drawing up personal plans of participation in communist construction. The initiative displayed by the front-rankers of production rapidly spread all over the country. The rationalizers and inventors brought into being a mass socialist emulation drive for contributing not less than 100,000 million rubles to the seven-year-plan rationalization proposals fund, including 8,000 million rubles (in old rubles) to be contributed by Moscow. This obligation is being successfully fulfilled. In 1959 the rationalization proposals and inventions introduced in the Soviet Union's industrial establishments effected a saving amounting to some 12,000 million rubles.

The new tasks facing the country required a thorough reorganization of industrial rationalization activities. The initiative of the masses has given rise to collective rationalization brigades which are particularly widespread at the Moscow factories and mills. The Vladimir Ilyich plant has initiated a movement for comprehensive improvement of production, in which the collectives of whole shops and departments actively participate. This popular initiative yields immense economic effect, thereby accelerating the Soviet people's triumphant advance to a brighter future.

As a result of this mighty upsurge of creative activity and initiative of Soviet inventors and rationalizers and the truly nation-wide movement for technical progress, the author writes in conclusion, the working people of Moscow have achieved outstanding successes in the technical improvement of production, raising labour productivity and increasing industrial output. The article cites facts and figures illustrative of these successes.

L. V. DANILOVA. Russian Medieval History in Contemporary American Historiography

The article makes a critical analysis of the methodology and ideological-political essence of present-day American historiography devoted to the study of Russia's medieval history.

The works by American authors devoted to the history of feudalism in Russia graphically illustrate the idealist, subjectivist approach to the interpretation of the process of historical development, which is so characteristic of the crisis of contemporary bourgeois historiography. An objective study of the laws governing the process of social development is substituted in these works by all kinds of eclectic theories which put forward geographical, political, ethnological, psychological and diverse other "factors" as the chief motive force of historical process. Moreover, there is no system whatever on which the selection of these factors is based—they are chosen arbitrarily. The American historians make practically no effort to reflect in their works the attempts of contemporary bourgeois historiographers and sociologists to bring out the common laws operative in the history of various countries and peoples, even though such attempts are based on idealist philosophy. In the use of factual material, concrete observations and conclusions the American authors working in the field of Russia's medieval history draw primarily on historical studies of pre-revolutionary Russia. In this respect the American historians have undoubtedly been influenced by the Russian émigré school. The view (borrowed from Solovyov and Klyuchevsky) regarding Russia's geographical peculiarities as the basic factor in interpreting her history; putting Russia in opposition to the "West"—a method advanced by the Slavophiles and carried to the extreme by Milyukov; exaggerating the influence exerted by the nomad tribes of Asia on the ethnogeny and history of the Russian people; the theory of the enslavement of the estates; the viewpoint (advanced by historians belonging to the state-juridical school) regarding the state as the maker of history—all these "theories" and "ideas" are invariably put forward in one or another form by all American authors whose works are dedicated to the history of feudal Russia.

The fact that a number of historians deliberately try to avoid theoretical problems and refuse to elaborate the methods of synthesizing the process of historical development can be regarded as another vivid manifestation of the crisis of bourgeois historical thought in the U.S.A.

In the theory of feudalism contemporary American historiography has even made a step back compared with classical bourgeois historiography of the Middle Ages. Regarding feudalism as a system of vassalage and political dismemberment, Fustelle de Coulanges, F. Guizot, K. Lamprecht and Pavlov-Silvansky recognized its connection with a definite structure of land ownership and definite forms of proprietor and peasant economy. Characteristic of the American works published in the past two decades is the clearly manifested tendency to rob the interpretation of feudalism of its social-economic content. Taking "civilization" as the basic sociological concept, American bourgeois historians reduce feudalism to a political system arising in conditions of the decentralization of state power under any economic basis. What is more, the role of the popular masses is wholly ignored and the feudal relations are regarded exclusively as relations within the ruling class. The majority of contemporary American historians deny the existence of feudal relations in Russia.

The article convincingly shows that the elaboration of various problems of Russia's dieval history by reactionary American historians (and they constitute an overwhelming jority)) is subordinated to the aims of ideological propaganda. Glossing over the most portant problems of Russia's historical development in the period of feudalism (the gree of development reached by the productive forces, the forms and methods of exiting the producers of material values, different aspects of the class struggle, etc.), erican authors concentrate their attention on various problems of political and cultural tory, using the latter to prove the patently false thesis that the course of historical velopment in Russia followed its own distinctive pattern differing from that of any er country, seek pseudo-scientific historical roots of the dictatorship of the proletariat the absolute autocracy of the Russian tsars, give a distorted picture of our country's eign policy by characterizing it as traditionally aggressive, expansionist, etc.

The American reactionary authors deliberately ignore the important research carried in this field by Soviet historians and Marxist historians in other countries. However, ir thankless job is rendered increasingly difficult by the steadily mounting interest in U.S.S.R. manifested all over the world and by the growing popularity of Marxist hisiography. It is highly indicative that in recent years there has been a steady increase the number of articles and books published in the U.S.A. with the sole aim of discredit- Soviet historiography. But the efforts of the reactionary historians, who have placed ence in the service of imperialism, fail to produce the desired result even among bourois scientists. Scientific publications written from the positions of bourgeois objectivism l paying due regard to the achievements of Soviet historical science are coming to play efinite part in contemporary American historiography of feudal Russia. While remaining hful to bourgeois methodology, such American bourgeois historians as M. Rajeff O. Bas, H. Dewey and others have come out against the distortion of historical reality, inst rude attempts at garbling historical facts. However, owing to their small number attention given to specific questions of comparatively minor importance, the works the above-named historians cannot as yet determine the general trend of American hisiography devoted to Russia's medieval history. For the time being, the reactionary id continues to prevail in American bourgeois historiography.

The article analyzes the chief factors responsible for this sad state of affairs charac- stic of contemporary American research in the history of Russia. The author makes a nt of stressing that the causes should be sought, first and foremost, in the general poli- l situation now prevailing in the U.S.A. The monopolies and government institutions ch finance scientific-research centres and control the publishing business are exerting ry effort to flood the country's book market with publications, the political essence of ch accords with the class interests of imperialist bourgeoisie and meets the requirents of America's ruling circles.

G. P. MOROZOV. The Paris Workers' Trade Union Organizations and the Commune of 1871

The purpose of this article is to establish the role, place and significance of the Paris le union organizations in the activity of the workers' government which was in power in March to May 1871. The author shows the level of trade union organization of the is proletariat on the eve of the revolution of March 18, 1871, the attitude of workers' ons to the revolution, the forms of their participation in the many-sided activities of Commune and the importance of their contribution to the heroic defence of the prorian government against the counter-revolutionary forces.

The author points out that the Commune advanced the French proletariat's trade on movement to a new and higher level. The revolution of March 18, 1871, ushered unparalleled democratic freedoms in France and enabled the Paris proletariat to display initiative to the full. In the second half of March there were 34 syndicalist chambers, industrial associations and more than 10 other trade union organizations in Paris. From very first days of the revolution the labour unions sided with the revolutionary governnt. They maintained close contacts with the Paris sections of the First International. labour unions' cooperation with the sections of the First International tended to heighthe unions' activity and contributed to their growth and organizational consolidation. le-scale participation of the trade union organizations in the activity of the Commune rked the beginning of the process of liberating the French proletariat from the pernis influence of Proudhonist ideology which hampered the development of the workings trade union movement in France.

G. P. Morozov writes that the government of the Commune promoted the developnt of the Paris workers' trade union movement in every possible way. The close contact ablished by the government of the Commune with the working masses enabled it to st the workers' immediate assistance in the practical implementation of important ernment decrees by submitting them to workers for broad discussion prior to their orcement. The trade unions enlisted the working people's participation in the organizaal and economic activity carried on by the workers' state. Particularly widespread the movement of the labour unions for the enforcement of a decree passed by the

Commune on April 16, under which all enterprises whose former owners had fled abroad were to be taken over by workers' associations.

The labour unions also made a distinctive contribution to the Communards' heroic struggle against the combined forces of the Versailles counter-revolution and the German interventionists. This contribution found its vivid manifestation in the heroic labour feats accomplished by the members of the labour unions in the process of manufacturing armaments and ammunition, in sponsoring the collection of relief funds for the families of the fallen Communards, in the erection of barricades and direct participation in the armed struggle against the enemies of the Commune.

Paris press reports dating back to the period of the Commune and Soviet documentary publications devoted to the Commune served as the basic source for this important research.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Княжинский Всеволод Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Специалист в области международных отношений новейшего времени. Автор книги «Провал планов «объединения Европы». Очерк истории империалистических попыток антисоветского «объединения Европы» между первой и второй мировыми войнами», ряда статей и разделов в коллективных научных трудах по вопросам международных отношений.

Трухановский Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы истории», специалист в области новейшей истории, истории международных отношений и внешней политики СССР. Автор монографий «Новейшая история Англии», «Внешняя политика Англии после второй мировой войны» и ряда других работ.

Берхин Илья Борисович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист по истории советского общества. Занимается по преимуществу проблемами истории Советского государства и истории социалистического строительства. По этим вопросам им опубликован ряд работ, в том числе монография «Военная реформа в СССР 1924—1925 гг.». Одна из работ И. Б. Берхина посвящена ленинскому кооперативному плану. Он является также автором нескольких статей по общим вопросам истории советского общества (периодизация советской эпохи, международное значение советского опыта и др.).

Фокин Леонид Васильевич — аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС. Специализируется по истории советского общества. В 1960 г. опубликовал научную статью о росте активности и инициативы трудящихся в связи с реорганизацией управления промышленностью и строительством.

Данилова Людмила Валерьяновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист в области русского феодализма (до XVIII в.), автор монографии «Феодальное землевладение и хозяйство в Новгородской земле в XIV—XV вв.» и ряда исследовательских статей по феодальной России.

Морозов Герман Петрович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и профстроительства Ленинградской высшей школы профдвижения ВЦСПС. Работает в области истории рабочего и профсоюзного движения Франции нового времени, автор ряда статей по истории русско-французских отношений 80-х годов XIX века.

ОПЕЧАТКА

В № 12 за 1960 г. стр. 19 первая строка снизу вместо В. Нимца следует читать И. Гейсса.

内 容

論 文

代历史中战争与和平的問題……弗・波・克尼亚任斯基，弗・格・特卢塔諾夫斯基
写苏联新經济政策史的几个問題……伊・波・别尔恆
自莫斯科发明家和合理化建議者爭取技术进步的历史……列・华・福金
代美国編史学中的中世紀俄罗斯……柳・瓦・达尼洛娃
黎工人的同业組織和1871年的公社……格・彼・莫洛佐夫（列宁格勒）

历史科学在苏联

出准备获得1961年列宁奖金的历史科学著作

在苏联科学院历史科学部和学术委員会里

古拉・米海伊洛維奇・德卢日宁院士（庆祝75岁誕辰）……維・科・雅宗斯基
联科学院历史科学部各机构1960年的科学活动的基本总結……尤・弗・布罗姆列
念恩格斯誕生140周年的科学会議……米・伊・米海洛夫
于东欧农业史的第三届国际科学会議……格・安・法弗斯托夫

概論和書評

書消息
联各历史杂志上的文章

学术生活新聞

念恩格斯誕生140周年的科学会議……維・尼・波斯彼洛娃，伊・亚・恩格加特
54—1960年的博士論文題目一览

历史科学在国外
概論和書評
外国杂志巡礼
書信和短評

CONTENTS

rticles: **V. B. Knyazhinsky** and **V. G. Trukhanovsky.** The Problem of War and Peace nd Contemporary History; **I. B. Berkhin.** Certain Historiographical Aspects of the New conomic Policy in the U.S.S.R.; **L. V. Fokin.** From the History of the Moscow Inventors' d Production Innovators' Struggle for Technical Progress; **L.V. Danilova.** Russian edieval History in Contemporary American Historiography; **G. P. Morozov** (Leningrad). e Paris Workers' Trade Union Organizations and the Commune of 1871. Historical cience in the U.S.S.R.: Outstanding Research Works in Historical Sciences Nominated for the 1961 Lenin Prizes. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy Sciences and Research Councils: V. K. Yatsunsky.** Academician Nikolai Mikhailovich uzhinin (75th Birthday); **Y. V. Bromley.** The Basic Results of Scientific and Research ork Carried Out by the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences in 60; **M. I. Mikhailov.** Scientific Session Devoted to the 140th Anniversary of the Birth of ederick Engels; **G. A. Favstov.** The Third Inter-Republican Symposium on the Agrarian story of Eastern Europe. **Surveys and Reviews.** New Books. Articles in Soviet Historil Journals. **Chronicle of Scientific Life: V. N. Pospelova** and **I. A. Engelgardt.** Scienic Sessions Commemorating the 140th Birthday of Frederick Engels; A. List of Docrate Theses Approved in 1954-60. Historical Science Abroad: **Surveys and views. Scanning Foreign Journals. Letters and Notes.**

SOMMAIRE

Articles: V. B. Kniajinsky, V. G. Troukhanovsky. Problème de la guerre et de la pa dans l'histoire contemporaine; **I. B. Berkhin.** Quelques questions de l'historiographie d la politique économique nouvelle en U.R.S.S.; **L. V. Fokin.** De l'histoire de la lutte d inventeurs et des rationalisateurs de Moscou pour le progrès technique; **L. V. Danilov** Comment l'historiographie contemporaine des U.S.A. interprète l'histoire du moyen âg russe; **G. P. Morozov** (Léningrad). Syndicats des ouvriers de Paris et la Commune de 187 Science historique en U.R.S.S. Ouvrages d'histoire présentés au prix Lén 1961. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences d l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: V. K. Jatsounsky.** Académicien Nikolaï Mikhaïl vitch Droujinin (au 75-e anniversaire); **J. V. Bromley.** Bilans principaux de l'activi scientifique des institutions du Département des sciences historiques auprès de l'Académ des Sciences de l'U.R.S.S. en 1960; **M. I. Mikhaïlov.** Session scientifique consacrée 140-e anniversaire de F. Engels; **G. A. Favstov.** Le III-e symposium interrépublicain sujet de l'histoire agraire de l'Europe d'Orient. **Revues et comptes-rendus.** Livres no veaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scie tifique: V. N. Pospélova, I. A. Enguelgardt.** Sessions scientifiques consacrées au 140-e ann versaire de F. Engels. Liste des thèses de doctorat ès-sciences, soutenues en 1954-196 Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus.** Lu dans l revues étrangères. Lettres et notes.

INHALT

Beiträge: W. B. Knjazhinski, W. G. Truchanowski. Das Problem von Krieg und Fried in der zeitgenössischen Geschichte; **I. B. Berchin.** Einige Fragen der Geschichtsschr bung über die Neue Ökonomische Politik der UdSSR; **L. W. Fokin.** Aus der Geschich des Kampfes der Moskauer Erfinder und Rationalisatoren für technischen Fortschri **L. W. Danilowa.** Das russische Mittelalter im Lichte der gegenwärtigen USA-Historiog phie; **G. P. Morosow** (Leningrad). Die Gewerkschaftsorganisationen der Pariser Arbei und die Kommune von 1871. Die Geschichtswissenschaft in der UdSS Die für den Leninpreis 1961 vorgeschlagenen geschichtlichen Abhandlungen. **In der Abt lung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR u in den wissenschaftlichen Räten: W. K. Jazunski.** Akademiker Nikolai Michailowits Drushinin (zum 75. Geburtstag) ; **J. W. Bromläy.** Die Hauptergebnisse der wissenschaf chen Tätigkeit der Institutionen der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der A demie der Wissenschaften der UdSSR im Jahre 1960; **M. I. Michailow.** Wissenschaftli Tagung zum F. Engels' 140. Geburtstag; **G. A. Fawstow.** Das III. interrepublikanis Symposium über die Agrargeschichte Osteuropas. **Übersichten und Besprechungen.** N Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chron W. N. Pospelowa, I. A. Engelgardt.** Wissenschaftliche Tagungen zum F. Engels' 140. burtstag. Verzeichnis der Themen der 1954—1960 bestätigten Doktordissertationen. D Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechung Querschnitt durch ausländische Zeitschriften.** Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИК (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТ В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТКОВСКИ А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕН В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 01251. Подписано к печати 21/III 1961 г. Тираж 21 000 э

Изд. № 619. Заказ № 267. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды»,

Цена 70 коп.

НОВЫЕ КНИГИ

ГИЛИН Д. А. **Комунисти. Спомени. Септември 1923 — септември 1944.** София. Държ. воен. изд-во. 1960. 391 с.

SZERÉMI B. **A szabadság vértanúi.** Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1960. 332. old.

ADY E. **A nacionalizmus alkonya.** Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1960. XL + 302. old.

LANDLER J. **Válogatott beszédek és írások.** Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1960. 579. old.

DOMINKO J. **Jan Hempel, teoretyk i działacz spółdzielczości robotniczej.** Warszawa. Zakł. wyd-w spółdzielczych. 1960. 125 s.

Historia gospodarcza Polski. Pod red. N. Gąsiorowskiej. Warszawa. Polskie t-wo historyczne. 1960. 431 s.

O sile zbrojnej narodowej. Oprac. Marian Ausiewicz. Wstę pem opatrzył Eligiusz Kozlowski. Warszawa. M-wo obrony narodowej. 1960. 144 s.

JURIŚ W. **Kulisy wielkiej prowokacji.** Warszawa. Książka i wiedza. 1960. 174 s.

JANCA K. **Położenie robotników w Przemyśle górniczohutniczym na Śląsku w latach 1889—1914.** Wrocław. Zakł. narodowy im. Ossolińskich. 1960. 294 s.

ANGHEL J. **Omul şi maşina în capitalism şi în socialism.** Bucureşti. Societatea pentru raspîndirea ştiinţei şi culturii. 1960. 98 p.

VIRTOSU E. **Titulatura domnilor şi asocierea la domnie în Tara Romînească şi Moldova pînă în secolul al XVI-lea.** Bucureşti. ARPR. 1960. 314 p.

TOMOLA-DZIKOWSKA J. **Pamiętnik historyczno-polityczny Piotra Switkowskiego 1782—1792.** Kraków. UJ. 1960. 274 s.

KAUTSKY P. **Činská Lidová Republika.** Praha. Státní Nakladatelství Politické Literatury. 1960. 107 s.

Brno v minulosti a dnes. T. 2. Brno. 1960. 580 str.

RYS J. a ZDENĚK J. **Pět let varšavské smlouvy.** Praha. SNPL. 1960. 80 s.

ŠEDIVÝ J. a KOŘALKOVA K. **Zah ranični politica ČSR v letech 1945—196** Praha.SNPL, 1960. 163 s.

SVOBODA L. **Z Buzuluku do Prah** Praha. Mladá fronta. 1960. 305 s.

Regesten der Urkunden des Sächs schen Landeshauptarchivs Dresden. Bd. 948—1300. Berlin. Rütten und Loenin 1960. 579 S.

BERTHOLD W. **«...Grosshungern u Gehorchen». Zur Entstehung und poli schen Funktion der Geschichtsideolog des westdeutschen Imperialismus.** Berli Rütten und Loening. 1960. 263 S.

Kamerun unter deutscher Kolonialher schaft. Berlin. Rütten und Loening. 19 288 S.

Dokumente zur Außenpolitik der R gierung der Deutschen Demokratisch Republik. Bd. VII. Berlin. Rütten u Loening. 1960. 644 S.

Geschichte der Sowjetunion. 1917 1957. Berlin. Rütten und Loening. 19 791 S.

MICHELET J. **Les femmes de la rév lution.** Paris. Ed. Hachette. 1960. 288

LEFEBRVE J.-H. **Verdun — la pl grande bataille de l'histoire.** Paris. 19 507 p.

POULAIN J.-C. **L'église et la cla ouvrière.** Paris. 1960. 192 p.

ROY J. **La guerre d'Algérie.** Paris. Julliard. 1960. 215 p.

MAMIAC L., WURMSER A. **L'U.R.S à coeur ouvert.** Paris. Ed. Franç Réunis. 1960. 322 p.

BOURRET F. M. **Ghana. The Road Independence, 1919—1957.** Stanford U versity Press. 1960. XIII + 246 p.

SMYTHE H. H. and M. M. **The N Nigerian Elite.** Stanford Univers Press. 1960. XII + 196 p.

THOMPSON V., ADLOFF R. **Emerging States of French Equator Africa.** Stanford University Press. 19 XII + 596 p.